

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 25 • 2020 • № 1

Vol. 25 • 2020 • No. 1

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279.

E-mail: edit@filclass.ru

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **N. P. Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU); deputy editors-in-chief: in the history of ancient Russian literature and the 18th-19th centuries literature: Professor **S. I. Ermoenko** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory and history of the 20th-early 21st centuries literature: Professor **N. V. Barkovskaya** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory and history of foreign literature: Professor **E. G. Dotsenko** (Russia, Ekaterinburg, USPU); Professor **N. V. Pestova** – Director-General of the scholarly educational Center “Sirius” (Russia, Ekaterinburg); In the methods of teaching literature at higher and secondary school: Associate Professor **L. D. Gutrina** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in linguistics: Professor **E. V. Dziuba** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the methods of teaching languages at higher and secondary school: Associate Professor **S. A. Eremina** (Russia, Ekaterinburg, USPU). Executive Editor: Associate Professor **O. A. Skripova** (E-mail: olga-skripova@mail.ru)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Dostoevsky Omsk State University); Dr. **Michael Weiskopf** (Israel, The Hebrew University of Jerusalem); Prof. **I. B. Vorozhtsova** (Russia, Udmurt State University); **Jan Gallo**, PhD (Slovakia, Constantine the Philosopher University in Nitra); Prof. **Evgeny Dobrenko** (Great Britain, the University of Sheffield); Prof. **Ben W. Dhooge** (Belgium, Ghent University); Prof. **A. A. Dyrdin** (Russia, Ulyanovsk state technical university); Prof. **B. F. Egorov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of the RAS); Dr. hab. **Nataliya Kardanova** (Italy, The University of Genoa); CSc, **Jindrich Kesner** (The Czech Republic, University of Hradec Králové); Prof. **O. A. Kling** (Russia, Lomonosov Moscow State University); Associate Prof. **I. V. Kukulin** (Russia, National Research University Higher School of Economics); Prof. **M. L. Kusova** (Russia, Ural State Pedagogical University); Prof. **Mark Lipovetsky** (USA, New-York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ural Federal University, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the RAS); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **Galina Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius University); Prof. **D. S. Moskovskaya** (Russia, Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **M. Yu. Mukhin** (Russia, Ural Federal University); Prof. **Galina Nefagina** (Poland, Pomeranian Academy in Słupsk); Prof. **Anna Pavlova** (Germany, Johannes Gutenberg University Mainz); Prof. **Galina Petkova** (Bulgaria, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **A. M. Plotnikova** (Russia, Ural Federal University); Prof. **E. A. Podshivalova** (Russia, Udmurt State University); Prof. **Ivo Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Doctor of Philology, Senior Researcher **E. N. Proskurina** (Russia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ural Federal University); Dr. hab. **Szabó Tünde** (Hungary, The University of Pécs); Prof. **T. A. Snigireva** (Russia, Ural Federal University, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the RAS); Prof. **L. S. Soboleva** (Russia, Ural Federal University); Prof. **N. P. Terent'eva** (Russia, South Ural State Humanitarian Pedagogical University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Russian State University for the Humanities); Prof. **M. A. Chernyak** (Russia, Herzen State Pedagogical University of Russia); Prof. **Piotr Fast** (Poland, The University of Silesia in Katowice); Prof. **Anastasia de La Fortelle** (Switzerland, The University of Lausanne); Prof. **Jens Herlth** (Switzerland, The University of Fribourg); Prof. **Robert Hodel** (Germany, University of Hamburg); Prof. **Yu. V. Shcherbinina** (Russia, Moscow State Pedagogical University)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. **Н. П. Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); ответственные редакторы: по истории древнерусской литературы, литературы XVIII и XIX вв.: проф. **С. И. Ермоленко** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории и истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Н. В. Барковская** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории и истории зарубежной литературы: проф. **Е. Г. Доценко** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ), проф. **Н. В. Пестова** – Генеральный директор Научно-образовательного объединения «Сириус» (Екатеринбург, Россия); по методике литературы в вузе и школе: доц. **Л. Д. Гутрина** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по лингвистике: проф. **Е. В. Дзюба** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по методике преподавания языка в вузе и школе: доц. **С. А. Еремина** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по переводческой работе: доц. **С. М. Поляков** – переводчик Редакционного отдела УрГПУ (Россия, Екатеринбург). Ответственный секретарь: доц. **О. А. Скрипова** (E-mail: olga-skripova@mail.ru)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Вайскопф** (Израиль, Еврейский университет в Иерусалиме); проф. **И. Б. Ворожцова** (Россия, Удмуртский государственный университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Университет им. Константина Философа в Нитре); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Университет Шеффилда); проф. **Б. Доог** (Бельгия, Университет Гента); проф. **А. А. Дырдин** (Россия, Ульяновский государственный технический университет); проф. **Б. Ф. Егоров** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории); д-р филол. наук **Н. Карданова** (Италия, Генуэзский университет); канд. филол. наук **И. Кеснер** (Чехия, Университет Градец Кралове); проф. **О. А. Клинг** (Россия, Московский государственный университет); доц. **И. В. Кукулин** (Россия, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); проф. **М. Л. Кусова** (Россия, Уральский государственный педагогический университет); проф. **М. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Институт мировой литературы РАН); проф. **Г. Михайлова** (Литва, Вильнюсский университет); проф. **Д. С. Московская** (Россия, Институт мировой литературы РАН); проф. **М. Ю. Мужин** (Россия, Уральский федеральный университет); проф. **Г. Нефагина** (Польша, Слупск, Поморская Академия); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга); проф. **Г. Петкова** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Орхидского); проф. **А. М. Плотникова** (Россия, Уральский федеральный университет); проф. **Е. А. Подшивалова** (Россия, Удмуртский государственный университет); проф. **И. Посишил** (Чехия, Брно, Университет им. Масарика); д-р филол. наук, ст. науч. сотр. **Е. Н. Проксурина** (Россия, Институт филологии СО РАН); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Уральский федеральный университет); д-р филол. наук **Т. Сабо** (Венгрия, Печский университет); проф. **Т. А. Снигирева** (Россия, Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН); проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Уральский федеральный университет); проф. **Н. П. Терентьева** (Россия, Челябинский государственный педагогический университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Российский государственный гуманитарный университет); проф. **М. А. Черняк** (Россия, Российский государственный педагогический университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Силезский университет); проф. **А. де ля Фортель** (Швейцария, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбургский университет); проф. **Ю. В. Щербинина** (Россия, Московский педагогический государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 7 Бабенко Л. Г. Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в новом идеографическом словаре
- 18 Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАССИКИ

- 30 Ляпина Л. Е., Хомякова А. А. Поэтика версификационного строя сказок Р. А. Кудашевой
- 41 Зверева Т. В. А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А. С. Пушкина

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 51 Ермачкова О. Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках
- 62 Кондратьева О. Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа
- 73 Гридина Т. А. Речеванровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.

- 86 Абашев В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (Книги «Тайна» и «Сад»)
- 95 Завьялова Е. Е. «Влюбленный бес» А. В. Королева: опыт реконструкции
- 106 Маркова Т. Н. Онейрический текст в малой прозе И. С. Тургенева и В. О. Пелевина
- 115 Пархаева А. А. «Сказки жизни» как жанровый феномен 1920-х годов

ЛИТЕРАТУРА И ВИЗУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

- 123 Косанович Б. «Тихий Дон» М. Шолохова в жанре графического романа (русско-сербский комикс «Казаки»)

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 133 Егорова Л. В. Мери-Кей Уилмерс. Воплощая желаемое

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 7 Babenko L. G. Antonymy in the Context of Synonymy: the Principles of Lexicographic Description in the New Ideographic Dictionary
- 18 Plekhanova I. I. Provocation in V. Shukshin's Artistic Consciousness: Motives and Limits of Testing Meanings

MODERN APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CLASSICS

- 30 Liapina L. E., Khomyakova A. A. Poetics of the Versification System of R. A. Kudasheva's Fairy-Tales
- 41 Zvereva T. V. A. N. Radishchev and N. M. Karamzin in the Ideological Context of "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin

MODERN TRENDS IN LINGUISTICS

- 51 Iermachkova O. Anglicisms Ending in *-ing* in Russian and Slovak Languages
- 62 Kondratyeva O. N. A Typology of Social Network Users of in the Metaphorical Mirror of the Russian Mass-Media
- 73 Gridina T. A. Speech Genre Potential of Language Play in Children's Fiction

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20th – EARLY 21st CENTURIES

- 86 Abashev V. V. The Will of Space and the Flow of Verse. On Akhmadulina's Poetics of the 1980s (Based on Her Books "The Mystery" and "The Garden")
- 95 Zavyalova E. E. "The Devil in Love" By A. V. Korolev: Experience of Reconstruction
- 106 Markova T. N. Oneiric Text in I. S. Turgenev's and V. O. Pelevin's Short Prose
- 115 Parkhaeva A. A. The "Fairy Tales of Life" as a Genre Phenomenon of the 1920s

LITERATURE AND THE VISUAL NARRATIVE

- 123 Kosanovich B. R. Graphic Novel Adaptation of "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov (the Russian-Serbian Comic Strip "The Cossacks")

ISSUES OF FOREIGN LITERATURE RECEPTION

- 133 Egorova L. V. Mary-Kay Wilmers. Achieving the Desired

144 Сидорова О. Г. Литературная репутация писателя при переводе его произведений: Джейн Остин в России

144 Sidorova O. G. Literary Reputation of a Writer of Translated Books: Jane Austen in Russia Case Study

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

THEORY AND METHODS OF TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES AT HIGHER SCHOOL

- 153 Ерофеева Е. В., Скопова Л. В. Методика разработки профессионально-ориентированного учебника по французскому языку
- 164 Коновалова Н. И. Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования
- 173 Баграмова А. В., Васильева А. В. Интерактивный урок как макроединица обучения русскому языку как иностранному на краткосрочных курсах

- 153 Erofeeva E. V., Skopova L. V. Methodology of Developing a Professionally-Oriented Course Book for French as a Second Foreign Language
- 164 Konovalova N. I. Modern Didactic Text in Russian: Mechanisms of Perception and Principles of Construction
- 173 Bagramova N. V., Vasilieva A. V. Interactive Lesson as a Macro-Unit of Teaching Russian as a Foreign Language in Short-Term Courses

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

GETTING READY FOR A LESSON

- 184 Ананьев С. М. Музыкальная интерпретация как смысловой акцент при анализе в 11 классе стихотворения К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...»
- 195 Кучина Т. Г. Современная проза на уроках литературы и в самостоятельном чтении старшеклассников

- 184 Ananyev S. M. Musical Interpretation as Semantic Emphasis in the Analysis of the Poem "I am a Wild Wind, I Blow Eternally..." by K. D. Balmont in the 11th Grade
- 195 Kuchina T. G. Modern Prose at Literature Lessons and in Independent Reading of Senior Secondary School Students

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

- 203 Минюрова С. А., Бабич Г. Н., Бакстер Дж. Обзор системы служб поддержки студентов в США
- 209 Малыгина Н. М. Судьбы будущей истории русской литературы XX века в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». (Рецензия на «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 5. В 2-х книгах. Книга 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. 1160 с.»)
- 214 Цветова Н. С. «Василий Шукшин – актуальный классик?» (Итоги Круглого стола в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума. – СПбГУ, 15 ноября, 2019 года)

- 203 Minyurova S. A., Babich G. N., Baxter J. Review of Student Support Services in USA
- 209 Malygina N. M. Plots of the Future History of 20th Century Russian Literature in "The Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin"
- 214 Tsvetova N. S. "Is Vasily Shukshin a Modern Classic?" (Review of the Round Table Discussion at St. Petersburg International Cultural Forum)

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

АНТОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ СИНОНИМИИ: ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В НОВОМ ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

УДК 81'374. DOI 10.26170/ФК20-01-01. ББК Ш105.4. ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 10.02.19

Бабенко Л. Г.
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9250-3232>

Liudmila G. Babenko
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9250-3232>

ANTONYMY IN THE CONTEXT OF SYNONYMY: THE PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION IN THE NEW IDEOGRAPHIC DICTIONARY

Abstract. The article focuses on a relevant issue of the cognitive discourse study of mental integration of the identity and opposition relations in synonym-antonym complexes (hereinafter referred to as SACs). SACs are lexical sets that have not been considered in lexicology previously. The results of the research are presented in the *Great Explanatory Ideographic Dictionary of SACs*, a new format in lexicography whose usage also makes the research in question relevant. The title of the article reflects the approaches applied in studying antonymy. The subject matter of the article is joint analysis of antonymy and synonymy considered from different angles, i. e. denotative and ideographic, cognitive discourse, derivational and semantic, and structural and semantic. The purpose of the research is to work out a system of principles of lexicographic description of antonymy and their realization in the new ideographic dictionary. The source of the research material is the electronic database of the Laboratory of Computer Lexicography. For the purpose of the research, the author relies on a number of linguistic methods. As a result of the research, the author singles out some principles for studying and lexicographizing SACs, i. e. 1) the study of antonymy in the context of synonymy and in its interaction with it; 2) the interpretation of SACs as a completely new lexical set characterized by a specific structural and semantic organization; 3) singling out types of SACs; 4) the detection of regular derivational and grammatical variations of the basic antonymic oppositions in the structure of SACs; 5) the study of the mechanism underlying the realization of mental integration of the identity and opposition relations as the key factor in the formation of SACs; 6) singling out the main models for the realization of mental integration in the structure of SACs belonging to different denotative spheres; 7) the analysis of the place of SACs in the denotative and ideographic space of the Russian language; 8) detecting the nucleus and periphery of the linguistic synonymic and antonymic worldview in the Russian language and semantic distances in the structure of its semantic space. The results of the research may be used both for theoretical studies, i. e. in fundamental research in cognitive semantics, the theory of lexical sets, theoretic lexicography, and applied practically as lexicographic material in teaching practice both in schools and universities.

Keywords: ideographic dictionaries of a thesaurus type; mental integration; synonymic-antonymic complexes; antonymy; synonymy, lexicography.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена когнитивно-дискурсивным изучением проблемы ментальной интеграции отношений тождества и противоположности, репрезентируемых в содер-

жании синонимико-антонимических комплексов – особых лексических множеств, ранее не рассматривавшихся в лексикологии. Актуальным также является оформление результатов исследования в формате принципиально нового для лексикографии Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов. Основные подходы к изучению антонимии зафиксированы в заглавии статьи, представляющем собой его тему. Предмет исследования – совместное рассмотрение антонимии и синонимии в денотативно-идеографическом, когнитивно-дискурсивном, деривационно-семантическом и структурно-семантическом освещении. Цель – разработка системы принципов лексикографического описания антонимии и их реализация в новом идеографическом словаре. Источник материала – электронная база данных лаборатории компьютерной лексикографии. При решении конкретных задач использован комплекс лингвистических методов. Результатами исследования являются выявленные принципы изучения и лексикографирования синонимико-антонимических комплексов [далее – САК], к которым относятся: 1) изучение антонимии в контексте синонимии, во взаимодействии с ней; 2) интерпретация САК как принципиально нового лексического множества, обладающего специфической структурно-семантической организацией; 3) выявление типов САК; 4) обнаружение моделей регулярного деривационно-грамматического варьирования базовых антонимических оппозиций в структуре САК; 5) исследование механизма ментальной интеграции отношений тождества и противоположности как основополагающего фактора формирования САК; 6) выявление основных моделей реализации ментальной интеграции в структуре САК, относящихся к различным денотативным сферам; 7) анализ размещения САК в денотативно-идеографическом пространстве русского языка; 8) выявление ядра и периферии языковой синонимико-антонимической картины мира в русском языке, семантических расстояний в структуре его семантического пространства. Результаты исследования могут быть применены как в теоретической области – в фундаментальных исследованиях по когнитивной семантике, теории лексических множеств, теоретической лексикографии, так и в практическом использовании в качестве словарных лексикографических материалов в педагогической деятельности в вузе и школе.

Ключевые слова: идеографические словари-тезаурусы; ментальная интеграция; синонимико-антонимические комплексы; антонимия; синонимия; лексикография.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 19-012-00458), а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Acknowledgments: the research is sponsored by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (project 19-012-00458) and the Competitiveness Enhancement Programme of Ural Federal University for 2013–2020 (agreement 02.A03.21.0006).

Для цитирования: Бабенко, Л. Г. Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в новом идеографическом словаре / Л. Г. Бабенко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 7–17. – DOI: 10.26170/FK20-01-01.

For citation: Babenko, L. G. (2020). Antonymy in the Context of Synonymy: the Principles of Lexicographic Description in the New Ideographic Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 7–17. DOI: 10.26170/FK20-01-01.

Введение. В настоящее время в российской лингвистике наблюдается лексикографический бум: издаются и переиздаются традиционные словари разного типа, разрабатываются концепции словарей, которые воплощаются в принципиально новых лексикографических произведениях. В ряду последних заметное место занимает новое направление – идеографическая лексикография, в русле которой создаются словари, отличительная особенность которых заключается в том, что лексика в них располагается по смысловым и тематическим группам, по смыслу,

а не по алфавиту, как это принято в традиционных толковых словарях. Большую роль в развитии этого направления сыграли труды ученых-лексикографов Уральской семантической школы (далее – УСШ), посвященные лексикографическому описанию лексики разных категориально-грамматических и семантических классов русского языка, результаты которого воплощены в более чем 20 идеографических словарях: русских глаголов, существительных, прилагательных, синонимов, русских глагольных предложений, ключевых концептов русского языка. В этом ряду пока

нет словаря антонимов, но над его созданием лексикографы УСШ работают сейчас. К настоящему времени разработана его общая концепция, глобальная структура словаря и макроструктура словарной статьи, на основе которых написаны около 200 словарных статей. Все это нашло отражение в проспекте Большого идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов, готовящегося к изданию [2019].

Актуальность исследования. Следует отметить, что в русской лексикографии, в отличие от словарей синонимов, не так много словарей антонимов, которые изданы преимущественно в последней трети XX в. и которые принципиально не отличаются друг от друга содержательно и формально (по числу рассматриваемых антонимических пар слов, которые «кочуют по разным словарям» [Введенская, Колесников 1977; Львов 1984; Михайлова 2015], отличия обнаруживаются преимущественно в объеме словников, наиболее полным словарем до настоящего времени остается словарь М. Л. Львова, доработанное издание которого вышло в последние годы [Львов 2018]). Это объясняет пересечение, частичное совпадение их словников, что убедительно показал М. Ю. Мухин, опираясь на статистику сопоставительного изучения восьми словарей антонимов [Мухин 2016: 159–167]. Все имеющиеся словари при этом основаны на алфавитном принципе подачи антонимических пар в структуре словаря; пока нет идеографического словаря антонимов, основанного на системном принципе рассмотрения групп антонимов, близких по семантике.

Актуальность исследования обусловлена также постановкой проблемы ментальной интеграции синонимов и антонимов, ее когнитивно-дискурсивным рассмотрением в рамках словесных оппозиций тождества и противоположности, репрезентируемых в структуре особого лексического множества – синонимико-антонимического комплекса, которое ранее не было предметом рассмотрения в лингвистике. Также она связана с отображением результатов исследования в лексикографических параметрах – в структуре создаваемого учеными-лексикографами УСШ Большого толкового идеографического сло-

варя синонимико-антонимических комплексов.

Предмет, цель и методология исследования. Непосредственный предмет данной статьи – новые принципы рассмотрения антонимии в денотативно-идеографическом, когнитивно-дискурсивном, деривационно-семантическом и структурно-семантическом освещении. Цель исследования – раскрыть сущность и основополагающие принципы нового подхода к изучению антонимии в контексте синонимии, реализуемые в проекте нового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов, в котором синонимы и антонимы рассматриваются как целостная структура, а отношения тождества и противоположности, связывающие их, выступают в единстве как компоненты, дополняющие друг друга. При решении конкретных задач исследования использован комплекс лингвистических методов: когнитивно-дискурсивный, денотативно-идеографический, семантико-деривационный, а также компонентный анализ лексического значения слов данного множества.

Материал исследования. Подобное исследование становится возможным осуществить усилиями ученых УСШ именно в данный момент, когда, во-первых, сформирована электронная база всех созданных идеографических словарей, во-вторых, создан синопсис – свод идеографических классификаций слов различной семантико-грамматической природы, осуществленных в этих словарях [Бабенко 2015: 22–42]. В результате источником материала исследования стала прежде всего электронная база данных лаборатории компьютерной лексикографии, основанная на совмещении баз данных всех созданных ранее идеографических словарей, дополненная данными из имеющихся в русской лексикографии словарей антонимов.

Составители-лексикографы создаваемого нового идеографического словаря опираются также на собственный опыт описания антонимии и синонимии, полученный ими ранее в процессе создания других ранее изданных идеографических словарей. В этом отношении у коллектива УСШ имеется серьезный задел. Лексикографическое представление синонимии и антонимии сначала было ре-

ализовано ими в первых двух идеографических словарях: Большом толковом словаре глаголов [2007] и Большом толковом словаре существительных [2005]. В этих словарях в словарных статьях заглавных слов в традиционной форме была выделена специальная зона синонимии и антонимии, например: **ЖИР'ЕТЬ**, *несов. (сов. ожир'еть и разжир'еть). Становиться (стать) очень толстым, тучным, жирным, приобретая лишний вес; син. грузнеть, толстеть, тучнеть; ант. худеть*. В подобных дефинициях отображалась семантическая соотносительность синонимов и антонимов с общим для них заглавным словом, и тем самым – их соотношенность между собой. В этом случае сейчас с учетом новых знаний в лингвистике и когнитивно-дискурсивного подхода мы можем рассматривать отмеченную в словарной статье совокупность соотносительных синонимов и антонимов с заглавным словом как синонимико-антонимический микрокомплекс на уровне частной синонимико-антонимической оппозиции. В данном случае этот комплекс состоит из семи слов, связанных отношениями противоположности: первые шесть слов в левой части, и одно слово – в правой части (*жиреть, ожир'еть, разжир'еть, грузнеть, толстеть, тучнеть* ↔ *худеть*). В то же время шесть слов в левой части, одно из которых заглавное, представляют собой оппозицию тождества с отношениями эквивалентности. Подобное объединение их в единую целостную совокупность происходит на основе механизма ментальной интеграции [о ментальной интеграции см.: Болдырев 2014; Ирисханова 2002; Кубрякова 2004; Новодранова 2002], вследствие которого она приобретает статус особой лексической микрогруппы, которую мы предлагаем обозначать как *синонимико-антонимический микрокомплекс*, формируемый на основе синтеза одной базовой антонимической оппозиции и синонимических блоков слов, включаемых в ее структуру в качестве компонентов.

Дальнейшее развитие лексикографической интерпретации антонимии в контексте синонимии было продолжено учеными-лексикографами УСШ в Большом толковом идеографическом словаре синонимов русской речи [2008], в котором была осуществлена более полная и разноаспектная характери-

стика синонимико-антонимических связей. В нем в словарных статьях синонимических рядов (далее – СР) была выделена специальная зона антонимии. При этом соотносительность антонимов отмечалась как с основным синонимическим рядом слов, характеризующимся в словаре полно и многоаспектно, так и со всеми близкородственными синонимическими рядами слов, приводимыми списками в конце словарной статьи. Например, в словарной статье ГРУСТЬ в качестве основного приводится следующий синонимический ряд: **ГРУСТЬ**, ПЕЧАЛЬ, УНЫНИЕ, *трад.-поэт.* ГРУСТЬ-ТОСКА, *трад.-поэт.* КРУЧИНА, а в качестве близкородственных – три СР с доминантами ГРУСТНЫЙ, ГРУСТИТЬ, ГРУСТНО. В словарной зоне, отмеченной специальным знаком □, указываются антонимы к словам-синонимам из всех близкородственных СР этой группы, с которыми они соотносятся и с которыми они связаны отношениями противоположности. Оформляется это следующим образом:

- веселье, радость (к *Грусть, Печаль*);
- оживление (к *Уныние*);
- веселый, радостный (к *Грустный, Печальный*);
- веселиться, радоваться (к *Грустить, Печалиться*);
- весело, радостно (к *Грустно, Печально*).

Общая совокупность приведенных здесь лексем представляет собой уже *синонимико-антонимический макрокомплекс*, включающий девять синонимов из денотативно-идеографической группы (далее – ДИГ) ГРУСТЬ и девять синонимов из противоположной по семантике ДИГ ВЕСЕЛЬЕ, формирующих пять антонимических оппозиций и содержащих 18 лексем. Они объединяются на основе суперклассификатора 'состояние', категориально-лексической семы (далее – КЛС) 'чувство' и дифференциальной семы (далее – ДС) 'душевное', которые обеспечивают категориально-семантическое тождество лексем в составе анализируемого макрокомплекса **ГРУСТЬ** ↔ **ВЕСЕЛЬЕ** и на основе которых они включаются в общую денотативно-идеографическую сферу эмоций. В то же время наличие в их семантической структуре ДС 'подавленность', 'горечь', 'скорбь' для грусти, с одной стороны, и 'удовольствие', 'оживленность', 'безза-

ботность', 'смех' и др. для веселья, с другой стороны, выражает противоположность эмоций, разводит их по разным полюсам. В результате наблюдается ментальная интеграция данных синонимов и антонимов на основе слияния общих сем в их семантике и ментальная разинтеграция с учетом дифференциальных сем, а также полярное расхождение их на основе семы 'оценочность'. В отличие от синонимико-антонимической микрогруппы, эту совокупность синонимов и антонимов можно определить как синонимико-антонимический макрокомплекс, так как он формируется уже на основе синтеза нескольких, в данном случае пяти частных антонимических оппозиций и включает, соответственно, пять синонимических микрокомплексов слов, входящих в ее структуру в качестве компонентов с противоположной семантикой. Следует отметить при этом, что парадигма частных антонимических оппозиций – микрокомплексов формируется в каждом отдельном синонимико-антонимическом макрокомплексе, охватывающем одну ДИГ, на основе регулярных семантико-деривационных преобразований базовой антонимической оппозиции, свойственной САК определенных ДИГ. Так, в рассматриваемом синонимико-антонимическом макрокомплексе это будет варьирование по модели: эмоциональное состояние (*радость, веселье ↔ грусть, печаль*); исполненный / выражающий / вызывающий эмоциональное состояние (*радостный, веселый ↔ грустный, печальный*); процесс (*радоваться, веселиться ↔ печалиться*); сопутствующее эмоциональное состояние (*радостно, весело ↔ грустно, печально*). Все вышеизложенные рассуждения свидетельствуют о том, что в толковых идеографических словарях, созданных ранее коллективом УСШ, отображены, но пока не исследованы взаимодействие и соотносительность синонимии и антонимии в составе разных денотативно-идеографических групп. Фактически в настоящее время имеется большой эмпирический материал, представляющий собой скрытую информацию о роли и месте синонимико-антонимических связей в языковой картине мира русского языка. Выявление и систематизация групп семантически связанных синонимов и антонимов из имеющих лексикографических баз данных уже

сейчас позволяют осуществить их многоаспектную интерпретацию, а затем и репрезентацию их в лексикографических параметрах в новом идеографическом словаре. Имеющийся эмпирический материал, а также предварительный анализ синонимико-антонимических групп лексических единиц, представленный выше, показали возможность и необходимость проведения подобного исследования.

Обсуждение и результаты. Мысль о создании подобного словаря была высказана нами давно, но к ее реализации мы обратились только сейчас, во втором десятилетии XXI в., что соответствует общей логике и динамике разработки серии идеографических словарей в УСШ последовательно, с учетом категориально-грамматической, семантико-синтаксической и когнитивно-дискурсивной природы лексических классов. Опираясь на предварительные результаты исследования и разрабатывая концепцию нового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов на большом фактическом материале, мы параллельно решали целый ряд теоретических и практических вопросов, в том числе размышляли над системой принципов и подходов, необходимых для разработки нового для лексикографии комплексного идеографического словаря синонимов и антонимов.

Результатами исследования являются выявленные принципы и подходы к изучению и лексикографированию синонимико-антонимических комплексов в структуре нового словаря, которые обуславливают его новизну и раскрывают новый взгляд на антонимию, к которым относятся следующие принципиальные положения:

- Изучение антонимии в контексте синонимии.
- Интерпретация САК как нового лексического множества.
- Выявление типов САК.
- Обнаружение моделей регулярного деривационно-грамматического варьирования базовых антонимических оппозиций в структуре САК различной денотативной принадлежности, основанных на механизмах композиционности и интегративности.

- Исследование механизма ментальной интеграции отношений тождества и противоположности как основополагающего фактора формирования САК.
- Выявление основных моделей реализации ментальной интеграции в структуре САК, относящихся к различным денотативным сферам.
- Анализ размещения САК в денотативно-идеографическом пространстве русского языка.
- Выявление ядра и периферии языковой синонимико-антонимической картины мира в русском языке, семантических расстояний в структуре его семантического пространства.

Все перечисленные положения рассчитаны на ближайшую (первые четыре) и дальнейшую (последние четыре) перспективу, так как первые связаны с разработкой стратегии последовательного исследования САК разных денотативных групп в составе лексико-денотативного пространства языка, а последующие положения – с интерпретацией проведенного исследования на материале всех денотативно-идеографических групп, что позволит делать выводы относительно синонимико-антонимической картины мира, его структурной организации в концепции поля, с выделением ядра и периферии, семантических расстояний между различными САК в лексико-семантическом пространстве. Вследствие этого в статье дальше мы сосредоточимся на рассмотрении первых четырех положений.

1. Изучение антонимии в контексте синонимии

Формулировка данного подхода отображает рассмотрение совокупности семантически связанных антонимов и синонимов в концепции поля, в котором ядром является антонимическая оппозиция, а приядерную зону заполняют синонимы, конкретизирующие ее опорные компоненты в левой и правой частях оппозиции. При этом обычно сами опорные компоненты являются синонимами-доминантами СР слов, включенных в оппозиции, а рядовые синонимы СР представляют собой лексическое окружение оппозиции – двукомпонентный синонимический

контекст, построенный на интеграции отношений противоположности на основе имеющих в семантической структуре лексем общих семантических компонентов. Например, в САК **ДРУЖБА** ↔ **ВРАЖДА** имеется частная антонимическая оппозиция **ДРУЖЕЛЮБИЕ** ↔ **НЕДРУЖЕЛЮБИЕ**, которая представляет собой следующий синонимико-антонимический микрокомплекс:

Дружелюбие, дружелюбность ↔ недружелюбие, недружелюбность, враждебность, устар. зложелательность.

В этом микрокомплексе ядро составляют опорные компоненты антонимической оппозиции, являющиеся в то же время доминантами двух синонимических рядов. Так, *дружелюбие* – антоним слова *недружелюбие* и одновременно синоним слова *дружелюбность*, а *недружелюбие* – антоним слова *дружелюбие* и синоним-доминанта для слов *недружелюбность, враждебность, устар. зложелательность*. Это является наглядным примером реального взаимодействия антонимии и синонимии, главной роли антонимов в формировании САК, фактором организации структуры САК в виде поля и проявлением ментальной интеграции отношений тождества и противоположности, в которой антонимическая оппозиция является ядром, а конкретизирующие ее синонимы – окружающим контекстом, приядерной зоной. Стилистически маркированные члены оппозиций (здесь это устаревшее слово *зложелательность*) можно рассматривать как дальнейшую периферию.

2. Интерпретация САК как нового лексического множества, обладающего специфической структурно-семантической организацией

Обычно лексические множества разного типа – семантические поля, классы, группы и др. – состоят из однородных единиц. Тем более из однородных единиц формируются лексические множества, организованные по принципу поля. Что касается САК, здесь все обстоит иначе: его единицами являются слова, связанные отношениями тождества и противоположности одновременно, при этом доминирующую роль в формировании лексического поля САК играют антонимы, обуславливая двуядерность его структуры, а синонимы

выполняют в большей степени функции конкретизации и расширения синонимико-антонимического поля в его приядерной и периферийной зонах. В результате объемы САК различных денотативно-идеографических групп отличаются друг от друга, оказываются специфичными, что обуславливается особенностями отображаемых фрагментов действительности и требует специального рассмотрения.

3. Разновидности САК по объему, статусу и значимости

Как мы отмечали выше, САК – уникальные лексические объединения, которые ранее не были предметом специального описания и изучения. Они обладают комплексной интегративной семантикой, имеют специфическую структурную организацию по типу биполярного поля, формируемого базовой антонимической оппозицией, в котором имеются антонимические оппозиции разного статуса и ранга, организованные иерархически. Это отображается в структуре словарных статей нового толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов, создаваемого коллективом УСШ, в логике рассмотрения и размещения в ней САК разного ранга. Формально и содержательно с учетом их внутреннего статуса в словарной статье выделяются три зоны: статью открывает базовая антонимическая оппозиция, формирующая синонимически-антонимический макрокомплекс одной денотативно-идеографической группы, например: **ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА**. Она заполняет первую словарную зону словарной статьи и, кроме номинации ДИГ, выполняет структурообразующую функцию в составе всего САК. С точки зрения ее статуса и значимости она является важнейшей в плане структурообразования всего САК, что следует из описания ее типовой семантики, в которой указываются основные антонимические оппозиции САК и их репрезентации, формирующие, соответственно, основные подгруппы в составе САК. В рассматриваемой ДИГ это будет восемь синонимико-антонимических подгрупп: 1) Дружба ↔ Вражда; 2) Дружелюбие ↔ Враждебность; 3) Мир ↔ Вражда; 4) Мир ↔ Ссора; 5) Общительность ↔ Необщительность; 6) Открытость ↔ Замкнутость;

7) Близость ↔ Отдаленность; 8) Разговорчивость ↔ Молчаливость.

Каждая синонимико-антонимическая подгруппа в составе ДИГ состоит из микрокомплексов, представляющих собой совокупность отдельных антонимических оппозиций, варьирующих типовую семантику подгруппы САК лексико-грамматическими средствами. Так, в ДИГ **ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА** всего в совокупности насчитывается вместе с основными 40 регулярных микрокомплексов, то есть частных вариантов антонимических оппозиций, включающих 235 лексем. В количественном отношении основные подгруппы САК различаются. С учетом набора частных микрокомплексов они располагаются следующим образом: Дружба ↔ Вражда (8); Дружелюбие ↔ Враждебность (7); Мир ↔ Ссора (7); Близость ↔ Отдаленность (6); Общительность ↔ Необщительность (4); Мир ↔ Вражда (3); Разговорчивость ↔ Молчаливость (3); Открытость ↔ Замкнутость (2). Как видим, по объему синонимико-антонимические подгруппы САК значительно отличаются: в их составе наблюдается количественный разброс микрокомплексов в интервале от двух до восьми единиц. Самые значительные в этом отношении подгруппы Дружба ↔ Вражда, Дружелюбие ↔ Враждебность, Мир ↔ Ссора и Близость ↔ Отдаленность. Они составляют ядро и приядерную зону анализируемого САК и включают в свой состав 28 микрокомплексов (73%). Остальные 12 микрокомплексов (27%) – *Общительность ↔ Необщительность; Мир ↔ Вражда; Разговорчивость ↔ Молчаливость; Открытость ↔ Замкнутость* – находятся на периферии этого САК, обозначая преимущественно качества и отношения человека, пересекающиеся по смыслу с базовой оппозицией. Таким образом, можно заключить, что в структуре синонимико-антонимического макрокомплекса, свойственного определенной ДИГ, вся совокупность САК в его структуре выстраивается иерархически с учетом их объема и значимости: на первом высшем уровне располагается базовая антонимическая оппозиция, репрезентирующая весь макрокомплекс одной ДИГ, на втором нижележащем уровне – основные антонимические оппозиции, репрезентирующие подгруппы САК. На третьем нижележащем уровне – отдельные частные оппозиции

в составе подгрупп, репрезентирующие синонимико-антонимические микрокомплексы.

4. Модели регулярного деривационно-грамматического варьирования антонимических оппозиций в структуре САК

Отмеченная выше особенность структуры САК, свойственной определенной ДИГ, обнаруживаемая на трех уровнях, обуславливает не только наличие трех типов синонимико-антонимических объединений (макрокомплекс, подгруппа макрокомплекса, микрокомплекс) и их иерархичность, но и сказывается на проявлении регулярного деривационно-грамматического варьирования, которое проявляется на уровне внешней соотношенности подгрупп в составе целостной ДИГ (межпарадигматическая соотношенность) и на уровне внутреннего варьирования в составе подгруппы. В первом случае имеет место варьирование типовой семантики базовой антонимической оппозиции (в наших примерах это ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА) с целью категоризации, следствием которой является выделение восьми подгрупп в составе целостной ДИГ, репрезентируемых вариантами синонимико-антонимических оппозиций, являющихся заглавными для подгрупп и семантически связанными с базовой оппозицией всей группы.

Во втором случае наблюдается регулярное лексико-грамматическое варьирование типовой семантики подгрупп, то есть имеет место внутривариационное варьирование. Оно проявляется в существовании сходства и различий в моделях регулярного лексико-грамматического варьирования их типовой семантики. Так, в первой подгруппе ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА имеется восемь вариантов частных антонимических оппозиций, отличающихся лексико-грамматически и вследствие этого по-разному интерпретирующих типовую семантику. В ее составе имеется три антонимических оппозиции, выраженные существительными, две – прилагательными, одна – глаголом, две – наречиями. Типовая семантика заглавной для этого макрокомплекса оппозиции ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА интерпретирует противоположные чувства как эмоциональные отношения:

‘Дружеские взаимоотношения, основанные на привязанности, взаимной симпатии и согласии, расположении и единодушии недружеские’ ↔ ‘Неприятные взаимоотношения, обусловленные и проникнутые ненавистью друг к другу, отсутствием симпатии, уважения и согласия, нерасположением и отсутствием единодушия’. Вторая оппозиция ДРУЖЕЛЮБИЕ ↔ НЕДРУЖЕЛЮБИЕ интерпретирует их как эмоциональные качества человека: ‘Доброжелательность, симпатия, дружеское участие, расположение к кому-л., чему-л.’ ↔ ‘Недоброжелательность, сильная неприязнь, недружеское отношение к кому-л., чему-л., в том числе ненависть’ (*Дружелюбие, дружественность ↔ Недружелюбие, недружественность, враждебность, устар. зложелательность*). Третья оппозиция ДРУГ ↔ ВРАГ обозначает человека как носителя и средоточия этих чувств и качеств: ‘Тот, кто тесно связан с кем-л. дружбой, находится в дружеских отношениях, основанных на взаимной симпатии, уважении к кому-л., чему-л., проявляет их внешне, кто постоянно общается с кем-л., выражая дружеские чувства’ ↔ ‘Тот, кто не связан с кем-л. дружбой, находится в недружеских отношениях, в состоянии вражды, борьбы с кем-л. или с чем-л., стремясь причинить вред кому-л’ (*Друг ↔ Враг, недруг, противник, устар. недоброт*).

В этой подгруппе есть еще два микрокомплекса, выраженные прилагательными: 1) *Дружеский, дружественный, дружелюбный ↔ недружеский, недружественный, недружелюбный, вражеский, враждебный*; 2) *Дружеский, дружный ↔ недружеский, недружный, враждебный, агрессивный*. В них чувства дружбы или вражды передаются как эмоциональные состояния, характеризующие человека, наполняющие его, свойственные ему, проявляющиеся внешне – в речи, мимике, жестах. При этом в первом микрокомплексе в большей степени интерпретируется чувство дружбы/вражды как характеризующее свойство человека, исполненного дружеского или недружеского отношения, наполненного им и выражающего его, а также как поступков и действий, основанных на этих чувствах. Во втором случае актуализируется наличие, существование этих чувств (дружбы и вражды), расположенности к ним.

Глагольная антонимическая оппозиция **Дружить** ↔ **Враждовать** репрезентирует эти чувства как активные эмоциональные отношения, связывающие кого-л. и проявляемые в поступках, действиях.

Два микрокомплекса выражены наречиями: 1) **Дружественно**, *дружески* ↔ **Враждебно**, *вражески*; 2) **Дружно**, *дружественно* ↔ **Недружно**, *недружественно*. Они передают чувства дружбы или вражды как сопутствующие чему-л., сопровождающие что-л. Первый микрокомплекс при этом интерпретирует их как внутреннее состояние, проявляемое внешне: 'Испытывая дружеское отношение, участие, с чувством дружелюбия, симпатии, расположения и доброжелательности и выражая его (о речи, жестах, поведении)' ↔ 'Испытывая крайнюю неприязнь, недоброжелательное отношение (о человеке), и выражая его (о речи, жестах, поведении)'. Второй микрокомплекс интерпретирует их как эмоциональное отношение: душевное единодушие или его отсутствие, взаимное согласие или несогласие.

Таким образом, разнообразие лексико-грамматического оформления антонимических оппозиций, обладающих общей типовой семантикой, позволяет многоаспектно интерпретировать их общий тождественный смысл как эмоциональное состояние, отношение, внешнее проявление, как действие и процесс, как лицо, которое его испытывает, которое обладает определенными эмоциональными качествами и которое может характеризоваться с учетом этих качеств. Указанные варианты интерпретации рассматриваемых чувств во многом приобретают дополнительные смыслы благодаря деривационным механизмам, способствующим развитию композиционной семантики, обогащая представление об эмоциях и их переживанию и протеканию.

Синонимико-антонимические микрокомплексы других подгрупп общего САК ДРУЖБА – ВРАЖДА также развивают подобные дополнительные смыслы в результате многоаспектной лексико-грамматической интерпретации, которая отличается регулярностью моделирования в рамках одной денотатив-

но-идеографической группы. В то же время следует отметить различия в наполнении потенциально возможных деривационно-производных форм. Так, в этой группе можно отметить, что в плане категориально-грамматического оформления доминируют существительные, которые встречаются во всех подгруппах, но больше всего в подгруппах ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА и МИР ↔ ВРАЖДА, затем по частности следуют прилагательные, которые употребляются во всех группах, кроме МИР ↔ ВРАЖДА.

Глаголы встречаются в четырех группах, больше всего – в группах ДРУЖЕЛЮБИЕ ↔ НЕДРУЖЕЛЮБИЕ БЛИЗОСТЬ ↔ ОТЧУЖДЕННОСТЬ. Наречия встречаются редко. Если сравнивать группы по количеству вариантов категориально-грамматического оформления, то в этом отношении самые богатые группы ДРУЖБА ↔ ВРАЖДА и МИР ↔ ССОРА.

Выводы. Итак, в проведенном исследовании раскрыты новые принципы и подходы к рассмотрению антонимии в контексте синонимии, применение которых возможно сейчас или в ближайшей и дальнейшей перспективе. Аргументировано создание принципиально нового большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов. Рассмотрена структурно-семантическая специфика этого уникального лексического множества, формируемого на парадоксальном совмещении отношений тождества и противоположности, показано иерархическое структурное расщепление его, влекущее к выделению САК разного типа в его структуре. Выявлена роль лексико-деривационных трансформаций и модификаций в развитии композиционной и интегративной семантики в САК одной группы.

Результаты исследования могут быть применены как в теоретической области (в фундаментальных исследованиях по когнитивной семантике, теории лексических множеств, теоретической лексикографии), так и в практическом использовании в качестве словарных лексикографических материалов в педагогической деятельности в вузе и школе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, Л. Г. Синопис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) / Л. Г. Бабенко // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. – С. 22–42.
- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки Рос. Федерации; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; Рос. Асс. лингвистов-когнитологов. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
- Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – 2-е изд. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2007. – 576 с. – (Фундаментальные словари).
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2007. – 864 с. – (Фундаментальные словари).
- Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2008. – 784 с.
- Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: проспект / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. (В печати.)
- Введенская, Л. А. Антонимо-синонимический словарь и его значение для обучения русскому языку иностранцев / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников // Актуальные проблемы учебной лексикографии / сост. В. А. Редькин. – Москва: Рус. яз., 1977. – С. 166–172.
- Ирисханова, О. К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) / О. К. Ирисханова // С любовью к языку: сб. науч. тр. / посв. Е. С. Кубряковой. – Москва; Воронеж: ИЯ РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 339–345.
- Козырев, В. А. Русская лексикография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – Москва: Дрофа, 2004. – 285 с.
- Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения; роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва: Языки славян. культуры, 2004. – 504 с.
- Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антонимических пар / М. Р. Львов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Рус. яз., 1984. – 384 с.
- Михайлова, О. А. Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка / О. А. Михайлова. – Москва: Виктория плюс, 2015. – 608 с.
- Мухин, М. Ю. Русская антонимия в отечественной лексикографии: стат. обзор / М. Ю. Мухин // Новая Россия: Традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. юбилею засл. деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 159–167.
- Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. – 3-е изд. – Москва: Рус. яз., 1985. – С. 5–30.
- Новодранова, В. Ф. Композиционная семантика (на материале медицинской терминологии) / Н. Ф. Новодранова // С любовью к языку: сб. науч. тр. / посв. Е. С. Кубряковой. – Москва; Воронеж: ИЯ РАН; Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 315–319.
- Федосов, Ю. В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка / Ю. В. Федосов. – Волгоград: Перемена, 2001. – 107 с.
- Шильнова, Н. И. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / Н. И. Шильнова. – Москва: Славян. дом книги, 2017. – 896 с.
- Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 265–304.

REFERENCES

- Babenko, L. G. (2015). Sinopsis (svod) ideograficheskoi klassifikatsii russkoi leksiki (obshchaya global'naya struktura slovarya) [An Outline of the Ideographic Classification of Russian Vocabulary (General Structure of the Dictionary)]. In Babenko, L. G. (Ed.). *Universal'nyi ideograficheskii slovar'russkogo yazyka: prospekt*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 22–42.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2007). *Bol'shoi tolkovyi slovar'russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy. Angliiskie ekvivalenty* [Great Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents]. Moscow, AST-Press Kniga. 576 p.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2007). *Bol'shoi tolkovyi slovar'russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-Press Kniga. 864 p.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2008). *Bol'shoi tolkovyi slovar'sinimov russkoi rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy* [Great Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Speech: Ideographic Description, Antonyms, Phraseological Units]. Moscow, AST-Press Kniga. 784 p.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2019). *Bol'shoi tolkovyi ideograficheskii slovar'sinimiko-antonimicheskikh kompleksov: prospekt* [Great Explanatory Ideographic Dictionary of Synonym-Antonym Complexes]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. In print.

Boldyrev, N. N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: kurs lektsii* [Cognitive Semantics. An Introduction to Cognitive Linguistics: a Course of Lectures]. Tambov, Izdatel'skiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 236 p.

Fedosov, Yu. V. (2001). *Printsiipy postroeniya ideograficheskogo antonimo-sinonimicheskogo slovarya russkogo yazyka* [Principles of Constructing an Ideographic Antonyms and Synonyms Dictionary of the Russian Language]. Volgograd, Peremenna. 107 p.

Irskhanova, O. K. (2002). Kontseptual'naya integratsiya v sobytiinykh imenakh sushchestvitel'nykh (k probleme yazykovoi kompozitsionnosti) [Conceptual Integration in Event Nouns]. In *S lyubov'yu k yazyku*. Moscow, Voronezh, IYa RAN, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 339–345.

Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2004). *Russkaya leksikografiya* [Russian Lexicography]. Moscow, Drofa. 285 p.

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya; rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: on the Way of Getting Knowledge about Language: Parts of Speech from the Cognitive Point of View; the Role of Language in Cognizing the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 504 p.

L'vov, M. R. (1984). *Slovar'antonomov russkogo yazyka: bolee 2 000 antonimicheskikh par* [Dictionary of Antonyms of the Russian Language: Over 2000 Antonym Pairs]. 2nd Edition. Moscow, Russkiy yazyk. 384 p.

Mikhailova, O. A. (2015). *Slovar'sinonimov russkogo yazyka. Slovar'antonomov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Dictionary of Antonyms of the Russian Language]. Moscow, Viktoriya plus. 608 p.

Mukhin, M. Yu. (2016). Russkaya antonimiya v otechestvennoi leksikografii: stat. obzor [Russian Antonymy in National Lexicography: A Statistical Review]. In *Novaya Novaya Rossiya: Traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokl. i soobshchenii Mezhdunar. nauch. konf., posv. yubileyu zasl. deyatelya nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. L. G. Babenko, 28–30 sent. 2016 g.* Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 159–167.

Novikov, L. A. (1985). Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie [Russian Antonymy and its Lexicographic Description]. In L'vov, M. R. *Slovar'antonomov russkogo yazyka*. Moscow, Russkiy yazyk, pp. 5–30.

Novodranova, V. F. (2002). Kompozitsionnaya semantika (na materiale meditsinskoj terminologii) [Compositional Semantics (with Reference to Medical Terminology)]. In *S lyubov'yu k yazyku*. Moscow, Voronezh, IYa RAN, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 315–319.

Shcherba, L. V. (1974). Opyt obshchei teorii leksikografii [Towards a General Theory of Lexicography]. In *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad, Nauka, pp. 265–304.

Shil'nova, N. I. (2017). *Bol'shoi slovar'sinonimov i antonomov russkogo yazyka* [Great Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Russian Language]. Moscow, Slavyanskii dom knigi. 896 p.

Vvedenskaya, L. A., Kolesnikov, N. P. (1977). Antonimo-sinonimicheskii slovar'i ego znachenie dlya obucheniya russkomu yazyku inostrantsev [Dictionary of Antonyms and Synonyms and its Significance for Teaching the Russian Language to Non-Russian Students]. In *Aktual'nye problemy uchebnoi leksikografii*. Moscow, Russkiy yazyk, pp. 166–172.

Данные об авторе

Бабенко Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: lgbabenko@yandex.ru.

Author's information

Babenko Liudmila Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

ПРОВОКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В. ШУКШИНА: МОТИВЫ И ПРЕДЕЛЫ ИСПЫТАНИЯ СМЫСЛОВ

УДК 821.161.1-3(Шукшин В. М.). DOI 10.26170/FK20-01-02. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01

Плеханова И. И.

Irina I. Plekhanova

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-3260>

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-3260>

PROVOCATION IN V. SHUKSHIN'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS: MOTIVES AND LIMITS OF TESTING MEANINGS

Abstract. This article analyzes Shukshin's radical moral and artistic position as a writer and cinema director. The aim of the study is to describe the paradox of the provocative uniqueness of the artist, fighting for his right to speak in the name of the people. The challenge is addressed to the official ideology, esthetical norms, nationalists' beliefs, and even to the people themselves as a sacramental invective question: "What is happening to us?" The definition of the challenge as a provocation is justified by correlating metaphoric discoveries and principles of communication and suggestion in Shukshin's works with the theory of provocation and the history of the establishment of radical concepts and forms in art. The methods of analysis combine phenomenology (the content of artistic ideas) with the search for comparative and typological associations (Dostoevsky's investigators). Analysis of the provocative part of Shukshin's art unveils the characteristics of his way of thinking, psychology, conditions for self-determination, and principles of interaction with the public.

The motives of the challenge are manifold – the protest against the norm and the dogma, the forced position of an "underground person" ("uncovered fighter"), and the loyalty to the truth. The most radical provocation is comparing Stepan Razin to Christ, and the historical role of the Cossacks' chieftain to the Savior's mission: "I came to give you freedom." The writer was well aware of the chieftain's cruelty, who caused the bloody uprising, but who showed such an example of tenacity, that by the power of his will he was able to turn the masses into the people and became the embodiment of the protest against despotism and servile psychology.

In contrast to the idea-driven and esthetical provocation of his contemporaries, Shukshin in his solutions looks for the truth, appeals to the natural mind, strives for suggestion via compassion, and demands action. High provocations are separated from the actions of idea-driven manipulators ("Srezal" (Cutting Them Down to Size), "Vybirayu derevnyu na zhitelstvo" (A Village to Call Home), "Vechno nedovolnyiy Yakovlev" (Constantly Dissatisfied Yakovlev)). Charming weirdos are not God's fools, their consciousness is deeply reflexive. Challenge is in the thought ("Zabuksoval" (Stuck in the Mud), "Veruyu!" (I believe!)), in the absurd search for the calling ("I Beg Your Pardon, Madam!", "Gena Proydisvet"), and in ridiculing the pseudo intellectual art ("Pjedestal" (The Pedestal), "Do tretyikh petukhov" (Before the Third Rooster)). The answer came in the form of acrid deconstructions of conceptualists (V. Sorokin and D. A. Prigov). Shukshin's provocations are genuinely heuristical, because his thinking is intellectually pure, free, and passionate.

Keywords: intellectual creative activity; the truth; Russian writers; literary creative activity; artistic consciousness.

Аннотация. Рассматривается радикальная нравственная и художественная позиция В. Шукшина, писателя, кинорежиссёра. Цель – раскрыть парадокс вызывающей самобытности художника, отстаивающего право говорить от лица народа. Вызов обращён к официальной идеологии, нормам эстетики, вере «почвенников» и даже к самому народу, как сакраментальный вопрос-инветива: «Что с нами происходит?» Определение вызова как провокации обосновано соотношением образных открытий, принципов коммуникации и суггестии у В. Шукшина с теорией провокации и историей утверждения радикальных концепций и форм в искусстве. Методология анализа сочетает феноменологию (содержание творческих идей) с поиском сравнительно-типологических параллелей (испытатели Достоевского). Анализ провокационной составляющей творчества Шукшина раскрывает особенности мышления, психологии, условия самоопределения, принципы взаимодействия с публикой.

Мотивы вызова многосложны – это протест против нормы и догмы, вынужденное положение «подпольного человека» («нерасшифрованного бойца»), верность правде. Самая радикальная провокация – уподобление Степана Разина Христу, исторической роли казачьего атамана – миссии Спасителя: «Я пришёл дать вам волю». Писатель вполне сознавал жестокость вожда, который буквально спровоцировал

кровавое восстание, но дал такой образец стойкости духа, что силой своей воли обратил массу в народ и стал олицетворением сопротивления деспотии и рабской психологии.

В отличие от идейных и эстетических провокаций современников решения Шукшина ищут истину, апеллируют к природному разуму, добиваются суггестии через сопереживание, требуют поступка. Высокие провокации отделяются от действий идейных манипуляторов («Срезал», «Выбираю деревню на житье», «Вечно недовольный Яковлев»). Обаятельные чудики – не юродивые, их сознание глубоко рефлексивно. Вызовом служат мысль («Забуксовал», «Верую!»), абсурдный поиск призвания («Миль пардон, мадам!», «Гена Пройдисвет»), осмеяние псевдоинтеллектуального искусства («Пьедестал», «До третьих петухов»). Ответом стали язвительные деконструкции концептуалистов (В. Сорокин, Д. А. Пригов). Провокации Шукшина подлинно эвристичны, поскольку его мышление интеллектуально честно, свободно и страстно.

Ключевые слова: интеллектуальное творчество; истина; русские писатели; литературное творчество; художественное сознание.

Для цитирования: Плеханова, И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов / И. И. Плеханова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 18–29. – DOI: 10.26170/FK20-01-02.

For citation: Plekhanova, I. I. (2020). Provocation in V. Shukshin's Artistic Consciousness: Motives and Limits of Testing Meanings. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 18–29. DOI: 10.26170/FK20-01-02.

Постановка проблемы: классик или провокатор?

Внимание к провокационной составляющей творчества В. Шукшина – не от стремления доказать «современность» его приёмов. Цель в том, чтобы раскрыть парадокс – вызывающую самобытность художника, отстаивающего право говорить от лица народа. Причём вызов обращён сразу ко всему и всем – официальной идеологии, нормам эстетики, вере «почвенников» и даже к самому народу, как сакраментальный вопрос-инвектива: «Что с нами происходит?» («Кляуза», 1974) [Шукшин 2009, 7: 51]. Радикальность позиции Шукшина микшируют отдалённость во времени, статус классика, высокие идеалы, традиционные ценности, опора на народный опыт, поэтика жизнеподобия и просто «зачитанность», да и можно ли признать творческую мысль, вопрошающую других как себя, «провокацией»? Для этого нужно рассмотреть содержание концепта и соотнести теорию художественной провокации с практикой – в истории, современности, в творчестве Шукшина.

Факты свидетельствуют о значимости этого понятия для героев и для самого автора. Знаменателен диалог чудика и разумного старшего брата в киноповести «Брат мой...» (1974): «– Тебе надо громоотводом работать, – советовал Сеня. – А тебе – комиком, – невозможно отвечал Микола. – Ты хоть знаешь,

сколько комикки получают? – снисходительно спросил Сеня. – По зубам, в основном. За провокации» [Шукшин 2009, 7: 125]. Очевидно, таково определение тех ситуаций и конфликтов, которые генерируют наивно-трепетные «светлые души». Оценка дана персонажем здравомыслящим, и судьба неумных чудиков её подтверждает – в контексте любых отношений: соседских, семейных, психологических, социальных, творческих.

В реальной истории, несмотря на трагический масштаб личности, кто как не провокатор любимый герой Стенька Разин – казак, своевольно поднявший крестьян на кровавое восстание? Более того, даже название романа «Я пришёл дать вам волю» (1969) звучит вызывающе, отождествляя действия вождя с миссией Спасителя. Ассоциация опирается на свидетельства евангелистов, в которых Христос говорит о непримиримости Истины: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» [Мтф. 10:34–35]. Иисус указывает на высший жизненный смысл переворота в сознании и поведении, к которому призывает: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришёл для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» [Ин. 10:10].

Роман открывается анафемой «вору и изменнику», в ней перечислены все преступления против государства, церкви и заповеди «Не убий»: «...и крестопреступник, и душегубец Стенька Разин забыл святую соборную церковь и православную христианскую веру, великому государю изменил, и многие пакости и кровопролития и убийства во граде Астрахане и в иных низовых градах учинил...» [Шукшин 2009, 2: 7]. Все грехи и преступления показаны в книге правдиво и беспощадно, но миссия Степана Разина остаётся священной – как «разделение мечом» в борьбе за подлинную жизнь, здесь, сейчас и в будущем, в соответствии с абсолютным идеалом воли. Дерзкий вызов имеет высшее оправдание, мысль требует самоотверженного поступка – такова сущность шукшинских провокаций: они не только радикальны, но рефлексивны. Это не только призыв следовать идеалу, но анализ способа его осуществления – до признания невозможной правоты действия.

Понятие провокации (лат. *prōvocātio* – вызов) имеет отрицательный ореол – как побуждение к действиям с негативными последствиями. Нейтрально понятие «инспирация» – внушение. Изначально провокацией было «обращение к народу с жалобой на решение суда» [Словарь... http]. Шукшин именно так понимал суть приёма – как призыв к переоценке очевидного, побуждение к перевороту в сознании, к действенным решениям. Анализ провокационной составляющей творчества художника должен раскрыть строй его мысли, психологию, условия самоопределения в мире, принципы общения с публикой и цели суггестивного воздействия. Методология анализа сочетает феноменологическое исследование творческих идей Шукшина с их сравнительно-типологическим описанием.

Теория и практика художественной провокации и традиционная система ценностей

Очевидно, что искать типологический ряд для описания шукшинских провокаций нужно не в контексте актуального искусства XX века, а в истории радикального обновления форм и отношений автора и публики. Суть отличий – в цели вызова, способа коммуникации и степени её агрессивности.

Модель любой провокации – конфликт, максимум интенции – «заместить картину мира объекта провокации своей» [Шеметова 2014: 14], особенности картины зависят от культурной парадигмы. Актуальному искусству XX–XXI вв. достаточно вторжения в заведомо чуждое и даже враждебное сознание реципиента, его цель – «расщепить субъекта, встающего под знамя какого-либо Другого» [Напреенко 2015]. Ценность – в радикальности формы, а не в содержательности акции, ибо «предполагаемая истина оказывается в провокации невмещаемой или недоступной для Другого – как, впрочем, и для самого провокатора» [Напреенко 2015]. Такая позиция несовместима с шукшинским требованием *активного диалога* автора с народом: «Да будь ты трижды современный и даже забегай с „вопросами“ вперёд – всё равно ты должен быть интересен и понятен. Вывернись наизнанку, завяжись узлом, но не кричи в пустом зале» («От прозы к фильму», 1971) [Шукшин 2009, 8: 115].

Второй вариант – сугубо артистическая провокация – тоже не соответствует императиву высокой ответственности художника. Модернизм породил «идеального провокатора» [Шеметова 2014: 15], «в его природе донисийская жажда жизни», побуждающая к открытию «новых смыслов, через сомнение, уход от доксы в сторону парадокса. <...> Идеальный провокатор – это художник, игрок, танцор, канатоходец, балансирующий над бездной смыслов <...> своеобразный катализатор для культуры и тех процессов, которые происходят в обществе» [Шеметова 2014: 15]. Его антипод – «провокатор идейный (моральный)», он статичен, опирается на общепринятое, «всегда собой удовлетворен» [Шеметова 2014: 16] и потому агрессивен: «Энергия скандала идейному провокатору жизненно необходима, чтобы наращивать и утверждать значимость собственного „Я“. В отличие от идейного, идеальный провокатор утверждает значимость собственного „Я“ за счет выхода за рамки этого „Я“» [Шеметова 2014: 17].

Антитеза «идеального» и «морального провокатора» применима при разделении персонажей на чудиков («Гена Пройдисвет», 1973) и демагогов («Срезал», 1970), но примечательно, что в рассказах они не вступают в прямое

столкновение, жертвами «крепких» оказываются не артистические, а простодушные герои. Шукшин не ценил артистизм ни сам по себе, ни как смыслопорождающую силу, если он не освящён поиском ясной истины. В сказке «До третьих петухов» (1975) Иван-дурак идёт не за идеалом, а за «справкой», поэтому легко поддается на провокации артистичных чертей, и только жизненный интерес побуждает его грубально, но с «дионисийской энергией» взорвать энтропию интеллектуальной скуки во главе с Мудрецом. Так автор провокационно окарикатурил образ культурной элиты 70-х и оспорил место своего героя в истории литературы, прозорливо представив её постмодернистской «библиотекой» с бессильно-агрессивными персонажами.

Третья трактовка провокации – признание её имманентным культуре средством обновления идей, форм и способов коммуникации с обществом, от проделок трикстера, карнавальных кошунств до юродства и философской проповеди [Дмитриев, Сычев 2017]. Новое воспринимается поначалу как провокация, ныне она «не только основной, но и единственный обязательный элемент современного искусства» [Сычев 2017]. Акционизм постмодерна отличается непредсказуемостью всех отношений, ибо ответственность за коммуникацию переносится на реципиента: «фокус современного искусства смещается с художника, экспериментирующего с формой и содержанием, на зрителя, реагирующего на художественный объект. При этом художественность объекта ассоциируется с интенсивностью реакции, а не с содержательностью или совершенством формы» [Сычев 2017]. Средства всё радикальнее, но публика видится не субъектом воли, а объектом воздействия: «Провокация сегодня применяется практически во всех социокультурных сферах, высекая эмоции из уставшего человечества» и помогая «сохраниться человечности и прагматичности, которые и превращают нас в людей» (курсив автора. – И. П.) [Напреенко 2017]. Теоретики оправдывают насилие форм общегуманистическим пафосом, который живёт как отвлечённая идея.

Складывается противоречивая ситуация: на зрителя переносится ответственность за реакцию, но она не предполагает свободы

действий. Причина в том, что провоцирующий редуцирует сознание реципиента, ибо эмоции, в отличие от чувств, сильны, но не глубоки и контролируются интеллектом. Если же «уставшее человечество» протестует и само поступает неконвенционально, на него возлагается ответственность за судьбу искусства: «Поскольку детерминантом и заказчиком этико-эстетического в пространстве художественных выставок теперь является зритель, общественная цензура стала настоящей проблемой для современного искусства и ставит под вопрос универсальную ценность культурного наследия и право искусства на осмысленные любых тем» [Гомес 2018: 124].

Шукшин высказался об идеальном и превратном восприятии искусства в рассказе «Критики» (1964), где критерием оценки фильмов остаётся глубина понимания человека, и это даёт право на резкость. Рассказ провокативен как протест против благостной эстетики «сельского кино»: «ближе к примитиву! Вроде приснопамятного Бровкина с гармошкой» («Насущное, как хлеб», 1969) [Шукшин 2009, 8: 102]. «Примитиву» противопоставлен наив старика и мальчика, в соответствии с найденным приёмом: «вырисовывается как будто и теория: „СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ“. Главное (главную мысль, радость, боль, сострадание) – не акцентировать, давать вровень с неглавным. Но – умело давать. Работать под наив» («Рабочие записи») [Шукшин 2009, 8: 285].

Главная мысль рассказа в том, что ложь на экране побуждает к предательству в жизни. Идеальные зрители – дед и внук – требуют правды, просвещённое среднее поколение согласно с имитацией искусства, именно их снисходительное лицемерие провоцирует скандал – и яловый сапог 43–45 размера вдребезги разносит телевизор, а старика отправляют в вытрезвитель. Отличие чувств от «эмоций» очевидно, дед мыслит критически, действует безоглядно, симпатия – на стороне пострадавшего.

Авторская воля выстраивает рассказ, как у Достоевского, когда разыгрывается «серия провоцирующих действий, призванных заставить героя раскрыться со всех сторон» [Дмитриев, Сычев 2017: 171]. Авторы монографии «Провокация: социофилософские очер-

ки» опираются на идеи М. Бахтина, у которого «провоцирование» из «литературоведческого термина» «постепенно начало превращаться в философскую категорию, применяемую для обозначения широкого класса действий, связанных с поиском и раскрытием смысла, побуждением собеседника к диалогу, испытания идеи на прочность» [Дмитриев, Сычев 2017: 165]. Очевидно, что в творчестве Шукшина сходятся провокативность художественных идей, страстно им переживаемых, и поэтика провоцирования – выстраивание отношений героев через их конфликты с другими персонажами, но по замыслу автора.

Поэтика конфликта остаётся неисчерпаемой темой шукшиноведения. Лингвистами подробно проанализированы речевые средства агрессии, вызывающие споры, ссоры, скандалы и драки [Хисамова 2009]. Взрывное изображение отношений литературоведы интерпретируют как особенность психологии героев, но не автора. Так, источником всех проблем оказывается высокий строй души чудиков: «они не способны оставаться в жестких рамках повседневной жизни, и данные особенности провоцируют их социально-психологический конфликт с окружающими» [Эсмаили 2014]. Анализ социолингвиста классифицирует такие столкновения как «эпатажные», первопричиной конфликтов всех типов остаются «социально-психологические свойства персонажа» [Голев 2003].

Если провокативность – только способ изображения отношений, то воля художника направлена внутрь текста, что противоречит принципам творчества-существования Шукшина. По С. М. Козловой, это доведённая до предела традиция, когда автор стремится преодолеть границы литературы и жизни [Козлова 1992]. Это касается и поэтики «Внезапных рассказов», и убеждённости в том, что правдивое искусство должно влиять на саму жизнь. Печальный итог «повести для театра» «До третьих петухов» требует выхода за пределы текста: «– Нам бы не сидеть, Илья! – вдруг чего-то вскипел Иван. – Не рассиживаться бы нам!..» [Шукшин 2009, 7: 231] – и Атаман бросает шапку наземь, она лежит по окончании действия на сцене на виду у зрителя.

Шукшинское творчество невозможно без миссии – мобилизации высоких и ясных

чувств, побуждения к ответственному мышлению и поступку. Оно требует непредсказуемых решений от автора и непосредственного отклика от читателя/зрителя – но с выходом в жизнь, обновления знания и образа мысли. Именно радикальность, действенность позиции позволяет оценить миссию как высокую провокацию, а не инспирацию. Инспирация только внушает, провокация требует решения, которое оплачено судьбой. Степан Разин разжёт кровавый бунт – и принял смерть на плахе. «Очкарик», кандидат наук из рассказа «Привет Сивому!» (1974) буквально нарываясь на «гориллу», на пошлую «толерантность», чтобы победить безволие в себе и поглощающую жизнь энтропию.

Мотивы творческого вызова: императив свободы и его выражение

Правдоискатель, поборник социальной и духовной ответственности искусства был настоящим художником-провокатором – но в рамках традиционной системы ценностей. Через конфликт В. Шукшин искал диалога с читателем/зрителем, так же обращались к другим персонажам его любимые герои. Творческие решения не противоречили высоким идеям публицистики («Насущное, как хлеб», 1968, «Нравственность есть Правда», 1969, «Исследование души человеческой», 1974 и др.), но они могли задевать даже единомышленников, ибо яркая провокация, даже побуждая к человечности, рискует – она может вызвать отторжение-непонимание.

Так, В. Распутин возмутил апофеоз рассказа о поиске смысла жизни («Верую!», 1971): «Максим Яриков, который пробовал объяснить жене, что такое душа, идет <...> к приехавшему на излечение в деревню попу – и вместе с попом, напившись спирту, устраивают они бесовскую пляску вокруг стола, выкрикивая: „Верую! Верую! Верую в авиацию, в химизацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! – ибо это объективно!“» [Распутин 1989]. По Распутину, «эту веру в душу не поместить» [Распутин 1989]. Религиозный русский художник не принял жизненную идею русского испытателя смыслов – веру в силу научного знания и в абсолютную, а не предуказанную свободу творчества, в том чис-

ле в изображении попа-агностика воплощением витальной силы.

Сам Шукшин видел проблему противоречиво. В рабочих тетрадях говорится о драме неопределённости: «Взвыл человек от тоски и безверья. Пошёл к бывшему (?) попу, а тот сам не верит. Вместе упились и орали, как быки недорезанные: „Ве-рую“» [Шукшин 2009, 5: 407]. В беседе с корреспондентом итальянской коммунистической газеты «Унита» писатель говорил уже не о кризисе «безверья», а о крушении стройной картины мира и подчёркивал условность сюжета: «В строгом смысле слова это всё же выдуманная вещь. <...> Но мне нравятся крайние ситуации. <...> Мне нравится вот эта сшибка совсем полярных каких-то вещей. В рассказе „Верую“ мне показалось заманчивым столкнуть некие представления о жизни, совсем разные. И извлечь отсюда – что? Вот это: мы получаем много информации ныне. Для того чтобы кормить наш разум, мы получаем очень много пищи, но не успеваем её переварить или плохо её перевариваем, отсюда сумбур у нас полнейший. <...> Оттого в простом сельском мужике тоска зародилась» («Я родом из деревни...», 1974) [Шукшин 2009, 8: 173]. Художник постоянно стремился объяснить – и в прозе, и в кино, и в беседах, что странно для «провокатора» и необходимо ответственному гуманисту.

Объективно яркий образ больного, но несмирного попа, агностика и гедониста, убеждает силой духа: он открыт неопределённости и следует единственно безусловной идее – воле к жизни и мужеству радоваться ей. Пляшущий, непьянеющий поп нарочито артистичен – он провокативен и обаятелен: дорогая мысль доверена персонажу по-лесковски живописному, но чуждому любому канону – и православию, и атеизму. Это шукшинский принцип – не вписываться ни в один «дискурс», что само по себе создаёт эвристическую ситуацию: неопределённый и статус персонажа, и качество его идей, неоднозначна и симпатия автора к ревушим, «как быки недорезанные».

Изначальная причина склонности к художественной провокации – природное неприятие нормы, протест против догмы, жажда будить мысль и чувство. Такова самооценка Шукшина: «Да, я б хотел и смеяться, и нена-

видеть, и так и делаю. Но ведь и сужу-то я – дом высоким, поднебесным – так называемый простой, средний, нормальный положительный человек меня не устраивает. Тошно. Скучно» («Рабочие записи») [Шукшин 2009, 8: 283]. Тяготение к «крайним ситуациям» происходит от прямого родства писателя с типами, описанными Достоевским, – испытателями идей, бунтарями и правдолюбями-максималистами. Своим неверием Шукшин близок старшему из страстных братьев Карамзовых – мыслителю Ивану. Он не был столь радикален – вследствие атеизма, покушался не на теодицею, но на абсолютный моральный авторитет Христа – усомнился в Его любви. Речь идёт об эпизоде в Новом Завете, когда Иисус отвернулся от матери во время проповеди: «– Вот Мои мать и братья. Кто исполняет то, что велит Мой Небесный Отец, тот Мне и брат, и сестра, и мать» [Мтф. 12:49–50].

Шукшин судил Бога человеческой этикой: «Ведь Христос был очень жестокий человек. Когда я впервые прочитал, что он своей матери сказал: а что у нас общего, – то, в сущности, он же оттолкнул её. Но странным, чудовищным образом это становится ужасно жизненным. Это страшная сила, <...> авторы об этом учителе, пророке вдруг позволили себе так сказать и привнести такие черты в этот образ» («Надо иметь мужество», 1971) [Шукшин 2009, 8: 151]. Шукшин не метался между верой и неверием, как Иван, его цельность происходила от безоглядной любви к самому дороговому.

Второй мотив вызовов и конфликтов – болезненная травма души, сознание маргинальности статуса, отверженности при полной убеждённости в своей правоте. Автор передал её своим героям. Очевидно, что «чудики» – инкарнация авторского «я», усиленная причастностью персонажей к разряду «простодушных». Подтверждение – два из трёх эпизодов рассказа «Чудик» (1967), случившихся с самим Шукшиным: балагурство по поводу потерянной 50-рублёвки (как оказалось, собственной) и приземление на картофельное поле («Только это не будет экономическая статья...», 1967). Герой невольно раздражает окружающих активностью щедрой души, но апогей отторжения наступает в тот момент, когда Князев действует уже как художник – и его выпроваживают в деревню. Положение из-

гоя – причина резкости, с какой другие чудики будут испытывать антагонистов и защищать свою правоту.

Сам Шукшин признавался в обидях: «В институт я пришёл глубоко сельским человеком, далёким от искусства. <...> И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу. И, как ни странно, каким-то искривлённым и неожиданным образом я подогревал в людях уверенность, что – правильно, это вы должны заниматься искусством, а не я. <...> Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного» («Последние разговоры», 1974) [Шукшин 2009, 8: 191]. Признание не отменило проблему: «Нас похваливают за стихийный талант, не догадываясь или скрывая, что в нашем лице русский народ обретает своих выразителей, обличителей тупого „культурного“ оболванивания» («Рабочие записи», 1968) [Шукшин 2009, 8: 290].

Мощный талант оказывается в положении «подпольного человека», и мука тайной силы формирует образ художника. В рассказе «Экзамен» (1962) профессор угадывает его в облике студента, побывавшего в плену: «опять ему почему-то подумалось, что автор „Слова“ был юноша с голубыми глазами. Злой и твёрдый» [Шукшин 2009, 1: 53]. «Злой» – не «злбный», но резкий, с болью в душе, снедаемой трагизмом носителя скрытого знания, нереализованного дара, как Бронька Пупков («Миль пардон, мадам!», 1967).

Шукшинское двойничество – от «подпольности», это превращения энергии неуёмной души, когда воля к самореализации меняет цель – с «+» на «-». «Злость» настоящего «подпольного человека» проявится в агрессии провокатора-демагога – таким Шукшин видел Глеба Капустина («Срезал», 1970): «Это же месть, в чистом виде, ничуть не прикрашенная, а если прикрашенная, то для одурачивания своих товарищей. А в общем – это злая месть за то, что он на пиршестве, так сказать, обойдён чарой полной. Отсюда такая зависть и злость» («Я родом из деревни...», 1974) [Шукшин 2009, 8: 172–173]. Отличие душевной неуёмности творца от победы через унижение другого ещё и в том, что злые провокации всегда достигают успеха, принося инициаторам полное удовлетворение («Свяк Сергей

Сергеевич», 1969, «Билетик на второй сеанс», 1971, «Вечно недовольный Яковлев», 1974).

Третий мотив провокации – императив правды, беспощадной прежде всего к самому художнику. Отступление от него рождало такие угрызения совести после выхода фильмов, что Шукшин публично признавал *измену творческой свободе* – уникальный факт для советского, да и для любого времени («Нравственность есть Правда», 1969, «Воздействие правдой», 1974, «Герои Василия Шукшина», 1974). В прозе верные правде герои действовали вопреки фальши, и поначалу они легко преодолевали авторские «комплексы» и ложь идеологизированной культуры, навязывали свои условия игры – прежде всего, социальную достоверность искусства («Артист Фёдор Грай», 1962, «Ваня, ты как здесь?!», 1966). Идея самобытности правды анализировалась – в связи с выбором средств её представления, в том числе провокационных. Выяснилось, что артистично-беспощадная, самолюбивая сатира может побудить к агрессии, от которой пострадают и насмешник, и осмеиваемый, как это случилось в «Танцующем Шиве» (1972). Более того, страстный правдолюбец легко становится жертвой циничного манипулятора («Други игрищ и забав», 1974). Провокация осознаётся обоюдоострым орудием действия, и это побуждает к особой ответственности.

Модели вызова: от поступка к мысли, от чувства к действию

Шукшин восстал против официальной эстетики «деревенского» кино. Он показал настоящий наив – трагическую глубину чистой души. Его Стёпка бежит из тюрьмы за два месяца до освобождения, чтобы только вдохнуть родной воздух («Ваш сын и брат», 1965). В этом нет прямой провокации, но вызов стереотипу умильного примитива очевиден. Наив – суровое, но действенное средство против лжи. Если демагог взялся буквально «руководить народом» («Ораторский приём», 1971), то призыв очистить коллектив от нарушителя дисциплины – «столкнуть ненужный элемент в воду» – тут же получает отклик в виде «трёх пудовых оплеух» [Шукшин 2009, 5: 218, 219]. Оба сюжета – трагедийный и комический – о стихийной преданности воле: первый изумляет безоглядностью идеального порыва, вто-

рой радуется естественной реакцией мужиков на властолюбие. В обоих случаях автор испытывает читателя на сочувствие – сопереживание трагическому абсурду и удовлетворение от физической расправы с тупостью.

Содержательно диапазон очевидных провокаций зависит от героя – злобного или талантливого. В первом случае цель – разрушение ради самоутверждения, через дискредитацию, во втором – преодоление границ возможного, открытие парадокса. Если манипулятор добивается возвышения, то талант испытывает себя и других и не боится за свою репутацию. Самолюбивое зло апеллирует к идеологии: Глеб Капустин укоряет интеллигенцию за отрыв от народа («Срезал», 1970), пенсионер побуждает переименовать «поповский» переулок в свою честь («Мужик Дерябин», 1974). Талантливый герой, даже пережив поражение, не признаёт духовное крушение. Моня Квасов («Упорный», 1973) так и не изобрёл вечный двигатель, но ему важно, какотреагирует на провал его антагонист: «– Приготовились! – сказал он, остановившись перед дверью сарая. Посмотрел на инженера и пнул дверь... <...>» крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не крутится. – Ну-у, – сказал инженер. – Я думал, ты хоть фокус какой-нибудь тут придумал. Не смешно, парень. – Ну, извини, – сказал Моня, довольный. – Пойдём – у меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмахе?» [Шукшин 2009, 6: 135]. Тест на человечность пройден, душевный контакт умных и сильных состоялся. Злая провокация ведёт обычно к скандалу, к драке с непредсказуемым итогом («Непротивленец Макар Жеребцов», 1969, «Други игрищ и забав», 1974).

Важно, что провокатор-манипулятор у Шукшина изощрён в демагогии, но, как правило, бездарен, самонадеян и часто получает по заслугам. Единственный яркий персонаж – Тимофей Худяков, он артистично ломает комедию покаяния перед тестем-«угодником» («Билетик на второй сеанс», 1971). Сам запрос на «билетик», т. е. переигровку жизни, а не возврат «билета» в знак протеста – показатель авторской убеждённости, что зло может быть остроумно в выдумке, но бездарно по существу своему. Эта позиция не осталась незамеченной и получила «достойный» ответ.

Именно высокий наив становится объектом «простодушной» деконструкции со стороны интеллектуально изощрённого московского концептуализма. В. Сорокин пишет рассказ «Санькина любовь» о буквальной некрофилии [Сорокин 2000] – в противовес «Стёпкиной любви» (1961), в которой глубокое чувство победило наглую самоуверенность. Д. А. Пригов ёрнически буквализировал смысл песенного образа: «Так во всяком безобразье / Что-то есть хорошее / Вот герой народный – Разин / Со княжною брошенной / В Волгу бросил ее Разин / Дочь живую Персии / Так посмотришь: безобразье / А красиво – песенно...» [Пригов 2002: 49].

Шукшин отчётливо видел противоречие между яркостью и жестокостью разинского жеста, но воспринимал песню как парадокс художественного оправдания насилия – признание народом самоотверженности атамана. Так он рассуждал, готовясь снимать фильм о своём главном герое: «А как же Разин? Если этот день свободы на Руси занимался в кровавое утро, то как же отнять у него жестокость? Мы ссылаемся на песню, а ведь в песне поётся, какой он сногшибательный, как он бросил женщину за борт, утопил. <...> народ же не может не ощущать, что он бросил за борт женщину неповинную» («Надо иметь мужество...», 1971) [Шукшин 2009, 8: 151]. Шукшин мыслил исторически – и признавал за самоотверженным бунтарём право на «кровь по совести»: «Что сделало Разина народным героем? Редкая, изумительная, почти невероятная способность к полному самоотречению. Таких героев в истории человечества немного. Способный к самоотречению, он идёт на смерть без страха и – живёт в благодарной памяти людской, в песне, в легенде» («От прозы к фильму», 1971) [Шукшин 2009, 8: 113].

Решение разинского парадокса показывает, что провокация сомнением у Шукшина побуждала к беспощадной трезвости мысли – она апеллировала к высоким чувствам, к мужеству знать и любить вопреки нелицеприятному знанию. Герой рассказа «Забуксовал» (1973) страдает от открытия, что на Руси-тройке едет Чичиков, что, безусловно, снижает смысл движения. Самый бесшабашный, неприкаянный и малопрятный испытатель человеческой подлинности действует как «иску-

ситель» [Шукшин 2009, 6: 111] («Гена Пройдисвет», 1973). Он не верит в смирение сильного и пришёл «разоблачить» неопита в фальшивых словах и чувствах: «Душу пошёл насиловать... уважения захотел... Врать начал! Если я паясничая на дорогах <...> то я знаю, что за мной – Русь: я не пропаду, я ещё буду человеком» [Шукшин 2009, 6: 116]. Рефлексия шукшинских чудиков поражает ясностью мысли, запредельно одно – непримиримость к малейшей фальши, ко лжи, даже «во спасение души». Она требует действенного разоблачения – через провокацию на живые реакции, на самораскрытие не в слове, так в драке...

**Идейно-художественные вызовы:
физиология правды, апология вождя,
жертва наивом**

Аналитическая резкость художественной позиции Шукшина, преданность суровой правде обусловили провокативность его эстетики для поэтики реализма 60–70-х и лирико-дидактической «деревенской прозы». Она действует как сильный раздражитель, когда правда переживаний подана с полной достоверностью. Шукшин вывел на экран безобразное, показал его как выражение духовного взлёта, вдохновения – так раскрываются страдания несостоявшегося великого трагического актёра в рассказе «Миль пардон, мадам!» (1968). Это не игра, а природное вживание в образ. Действо перекрывает все эстетические нормы, захватывает зрителей вопреки абсурду самой истории, в единстве места, времени и действия.

Поначалу Бронька «красив и нервен», но отчаяние от проваленной «миссии», несостоявшееся возмездие буквально корёжит его: «Бронька весь напрягся, голос его рвётся, то срывается на свистящий шёпот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, рвёт себя на полуслове, глотает слюну... – Сердце вот тут... горлом лезет. Где Гитлер? <...> – Бронька кричит, держит руку, как если бы он стрелял. Всем становится не по себе. <...> Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. Поднимает голову – лицо в слезах. И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит: – Я промахнулся» [Шукшин 2009,

3: 172–173]. Эмоциональные перепады монолога не выстроены, а выстраданы героем. Суггестия безусловна, но сопереживание страданию двойственно – автору важно не покорить зрителя, которому становится «не по себе», а побудить к эмпатии – к сочувствию-раздумью о причине безумной игры перед случайной публикой и над той ценой, какую платит человек за нереализованность дара.

Перенесение этой сцены на экран в фильме «Странные люди» (1969) Шукшин признал неудачным. Он почти согласился с упреками, «что Евгений Лебедев в „Роковом выстреле“ изображает не момент артистического вдохновения, а клиническую картину навязчивой идеи», ибо визуализация мучительного страдания меняет фокус восприятия: «грязный, обросший, залитый слезами, задыхающийся Лебедев – Пупков, изгиляющийся над самим собой, вносит совершенно иные акценты в образ знакомого читателям героя» («От прозы к фильму», 1971) [Шукшин 2009, 8: 112]. Очевидно, что режиссёр менее уверен в себе, чем писатель, хотя на 20 лет опередил приход натурализма в русское кино. Важно, что Шукшин вернулся к «неудаче», когда готовился к съёмкам фильма о кровавом восстании и думал об ответственности художника, о разнице восприятия словесного и зримого образа: «...если мне предстоит экранизировать написанное, то я не должен забывать, что на экране мой персонаж обретёт плоть. И болезненные гримасы, размазанные слёзы, перекошенный рот будут воздействовать на зрителя со всей силой реальности» [Шукшин 2009, 8: 113]. Одной из причин, тормозивших картину о Разине, были упреки в живописании насилия. Шукшин апеллировал к авторитету Евангелий, не скрывавших «жестокость» Христа: «...четыре автора на это пошли. Вот в чём страшная сила искусства, которая работает много веков, если не как бог, то как литературный образ» («Надо иметь мужество», 1971) [Шукшин 2009, 8: 151]. Признание Разина спасителем-искупителем может показаться если не демагогическим, то достаточно странным для худсовета киностудии им. Горького.

Вторая «провокация», связанная с образом вождя, – это неожиданное для постсталинской эпохи признание: авторитарная воля есть условие «собрания» народа. И название

«Я пришёл дать вам волю» приобретает ещё один смысл: вождь («славный вож» [Шукшин 2009, 4: 165]) *своей суровой волей* превращает аморфную людскую массу в народ, открывает силы, побуждает к достойному существованию. После встречи с Шолоховым в 1974 году Шукшин записывает: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжёлый труд – собрать её заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить» [Шукшин 2009, 8: 293]. Раздумья о роли волевого и жестокого лидера в сплочении людей отражены в рассказе «Наказ» (1972). Идёт спор между молодым председателем-демократом и его дядей, который наставляет: «к голове... твёрдость нужна, характер» [Шукшин 2009, 6: 71]. В пример приводится не Стенька и не Сталин, а мальчишка, победивший в детском сражении, но он подан как природный «вождь» с безусловным авторитетом и человеческим обаянием: «душа была стойкая» [Шукшин 2009, 6: 75]. Интересно, что в рабочих записях Шукшин смотрел на фигуру организатора драки с тревогой: «Парнишка жестокий и талантливый. Куда потом двинет в жизни? Кто будет?» [Шукшин 2009, 6: 318]. В рассказе «парнишка» не жесток, но весел и непреклонен, чем и заражает других.

В свете этой идеи – воспитания ответственности народа за свою судьбу – «мыслитель-государственник» Н. Н. Князев («Штрихи к портрету», 1973) предстаёт уже не только догматиком, но мучеником примитивного понимания долга, заложником тоталитарного опыта, в конечном счёте – жертвой сочетания искренности и бездарности. Создатель «чудиков» продолжал исследование наива – уже в социально-деятельном выражении. О манипуляции простодушием, об имитации искренности написан рассказ «Выбираю деревню на жительство» (1973), в котором прожжённый плут не только провоцирует мужиков на местный патриотизм, но сам охотно входит в роль мученика городской жизни. Регулярные упражнения в благородной любви к деревне не меняют образ мысли и жизни, «чувства добрые» неглубоки, но оказываются сродни эйфоретикам и формируют зависимость: «Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь –

это стало потребностью. <...> Он теперь не мог без этого» [Шукшин 2009, 6: 165].

Беспощадная аналитическая зоркость исключала строгую «партийность» Шукшина в противостоянии духовных сил 70-х годов. В фильме «Печки-лавочки» (1972) герой-простак насмешливо «протестировал» интеллигенцию, в сказке «До третьих петухов» (1975) осмеяны мифы русской литературы: Бедная Лиза весьма честолюбива, Обломов, как и все «лишние», – «лодырь беспросветный» [Шукшин 2009, 7: 193]. Свой миф тоже подан иронично – Атаман всё норовит помахать саблей. Зато устами Ивана-дурака признана ответственность самого народа за предательство, безволие – и в прошлом и в настоящем: «Такой и пришёл – кругом виноватый» [Шукшин 2009, 7: 231].

Таким же «провокационным» было отношение к «неофициальному», подпольному искусству, претендующему на жестокую правду и трагическую исключительность. Шукшин видел в этом позу, отчуждение от жизни, в конечном счёте – недоодарённость и, хуже того, неспособность любить. Вместе они порождают агрессию и соответствующие произведения – вызовы «оптимизму», по сути – претензии на гениальность. В рассказе «Пьедестал» (1973) честолюбивая жена побуждает тщеславного простака создать мрачное полотно под названием «Самоубийца», которое подняло бы его над всеми, вывело в лидеры андерграунда. Когда приглашённый профессионал строго судит картину: «тут ни примитивизма, ни реализма» [Шукшин 2009, 6: 157] – оскорблённый «пьедестал» едва ли не спускает его с лестницы. Жёсткое изображение мучеников нонконформизма в разгар их идеологических преследований морально рискованно, но мотивировано защитой ценностей и интересов самой жизни. Анемия культурной, интеллектуальной среды 70-х, подаваемая как нонконформизм и свобода, раздражала писателя: он видел не жертв застоя, но поколение, заражённое энтропией, недоодарённое, а потому активно-безвольное. Тексты, описывающие современное, «раскованное сообщество», мыслились как контрпровокация – писатель не стеснялся едкой и грубой сатиры, сознавая уязвимость героя-протагониста («Други игрищ и забав», «Привет Сивому!», «До третьих петухов»).

Жертва наивом, который утратил и чистоту, и разумность, и обаяние, сохраняя «искренность» и волю к действию, была обусловлена всё той же преданностью жизни, которая требовала мысли. Мысли сложной, глубокой, беспощадной к самому дорогому и – ответственной. Шукшину достало мужества не укрываться в удобной нише высокого простодушия, компенсируя (или прикрывая?) избытком любви нелицеприятное понимание сути человека и его поступков. Он признал Егора Прокудина предателем: «Но так случилось, что он ушёл от корней, ушёл от истоков, ушёл от матери. И уйдя – предал. Предал! Вольно или невольно, но случилось предательство, за которое он должен был поплатиться» («Я родом из деревни...», 1974) [Шукшин 2009, 8: 167]. Более того, суровая правда прозвучала и про самого дорогого героя: «По сути дела, произошло предательство под Симбирском. <...> сам Разин распорядился: казакам сесть в челны, оставить мужиков» («Стенька для меня – вся жизнь», 1967) [Шукшин 2009, 8: 139]. В жертву правде принесён не только наив, но и народный миф: «Может быть, нам будет дороже такая фигура, как бы несколько скомпрометированная. Может быть, дороже станет такой человек. Я в этом уверен, но мне хотелось убедить других» [Шукшин 2009, 8: 139]. Давать как идеал скомпрометированного героя – инспирация мудрости или имморальная провокация? Для Шукшина отноше-

ние к Степану Разину говорило о способности любить народ, верить в его душевно-духовную, нравственную силу и в преданность справедливости.

Итоги

Напомним о радикальности творческой позиции Шукшина, можно сделать ряд выводов. Провокация правдой, идеалом – испытанный способ духовной мобилизации, начиная с шутов или юродивых, но сравнение чудиков с ними неточно. При всей непредсказуемости шукшинских героев, мотивы их поступков не иррациональны, а глубоко рефлексивны. Они, как и автор, следуют воле естественного разума, где парадокс – выражение свободы мысли. Мышление Шукшина – образец интеллектуальной честности сознания, живущего страстями. Его провокации эвристические, поскольку захватывают глубиной видения проблем и побуждают к пониманию через сопереживание. Истина требует знать правду до конца, резкость формы испытывает чуждость души и мужество духа. Прямота сложной игры – парадокс провокатора-гуманиста. Современные провокаторы от искусства живут в замкнутом круге – успех обеспечивается кураторами и медийной поддержкой. Шукшин выбрал и выстрадал одиночество, но его проза, пьесы, фильмы прямо обращены к народу, мобилизуя духовно-нравственную волю.

ЛИТЕРАТУРА

- Голев, Н. Д. Тексты рассказов В. М. Шукшина как воплощение энергии конфликта: опыт типологии антропотекстов и языковых личностей / Н. Д. Голев. – Текст: электронный // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teksty-rasskazov-v-m-shukshina-kak-voploschenie-energii-konflikta-opyt-tipologii-antropotekstov-i-yazykovyh-lichnostey> (дата обращения: 02.12.2019).
- Гомес, К.-Дж. Протестная реакция зрителей на морально-провокационное искусство / К.-Дж. Гомес // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 3 (179). – С. 124–134.
- Дмитриев, А. В. Провокация: социофилософские очерки: монография / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – Москва: ЦСПиМ, 2017. – 336 с.
- Козлова, С. М. Поэтика рассказов В. М. Шукшина / С. М. Козлова. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1992. – 180 с.
- Напреенко, Г. Истина, недоступная для Другого: об искусстве как провокации / Г. Напреенко. – Текст: электронный // Theory & Practice. Границы искусства. – 2015. – 16 июня. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10664-pr provocacion> (дата обращения: 30.11.2019).
- Напреенко, Г. Провокация как средство сохранения человечности / Г. Напреенко. – 31 июля 2017. – URL: <https://newtonew.com/culture/pr ovokaciya-kak-sredstvo-sohraneniya-chelovechnosti> (дата обращения: 30.11.2019). – Текст: электронный.
- Пригов, Д. А. Книга книг: избранные / Д. А. Пригов. – Москва: Зебра Е; ЭКСМО, 2002. – 639 с.
- Распутин, В. Г. Твой сын, Россия, горячий брат наш... О Василии Шукшине / В. Г. Распутин. – 1989. – URL: https://dom-knig.com/read_191550-116 (дата обращения: 05.11.2019). – Текст: электронный.

Словарь иностранных слов русского языка. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29620/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%9A%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 10.11.2019). – Текст: электронный.

Сорокин, В. Первый субботник / В. Сорокин. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 308 с.

Сычев, А. А. Провокация в истории искусства / А. А. Сычев. – Текст: электронный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 4. – С. 15–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provokatsiya-v-istorii-iskusstva> (дата обращения: 30.11.2019).

Хисамова, Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Хисамова Г. Г. – Уфа, 2009. – 48 с.

Шеметова, Т. Н. Искусство провокации и идеальный провокатор / Т. Н. Шеметова. – Текст: электронный // Обсерватория культуры. – 2014. – № 1. – С. 11–17. – URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (дата обращения: 02.12.2019).

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 8 т. / В. М. Шукшин. – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2009. Далее цитируется это издание, первая цифра указывает на том, вторая – на страницу.

Эсмаили, С. Художественный конфликт в малой прозе В. М. Шукшина: (структура, типология): специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Эсмаили С. – Москва, 2014. – 21 с.

REFERENCES

Dmitriyev, A. V., Sychev, A. A. (2017). *Provokatsiya: sotsiolo-filosofskie ocherki* [Provocation: Social and Philosophical Sketches]. Moscow, CSPiM. 336 p.

Esmaili, S. (2014). *Khudozhestvennyi konflikt v maloi proze V. M. Shukshina: (struktura, tipologiya)* [Literary Conflict in V. M. Shukshin's Short Stories (Structure, Characterization)]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 21 p.

Golev, N. D. (2003). *Teksty rasskazov V. M. Shukshina kak voploshchenie energii konflikta: opyt tipologii antropotekstov i yazykovykh lichnostei* [The Texts of V. M. Shukshin's Stories as the Embodiment of the Energy of a Conflict: an Experiment of the Typology of Anthroptexts and Linguistic Personages] In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teksty-rasskazov-v-m-shukshina-kak-voploshchenie-energii-konflikta-opyt-tipologii-antropotekstov-i-yazykovykh-lichnostey> (mode of access: 02.12.2019).

Gomes, K.-G. (2018). *Protestnaya reaktsiya zritelei na moral'no-provokatsionnoe iskusstvo* [Remonstrative Reaction of the Audience to the Morally Provocative Art] // In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. Vol. 13, No. 3 (179), pp. 124–134.

Khisamova, G. G. (2009). *Dialog kak komponent khudozhestvennogo teksta (na materiale khudozhestvennoi prozy V. M. Shukshina)* [Dialog as a Component of the Literary Text (on the Material of V. M. Shukshin's Fictional Prose)]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa. 48 p.

Kozlova, S. M. (1992). *Poetika rasskazov V. M. Shukshina* [The Poetics of V. M. Shukshin's Tales]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 180 p.

Napreenko, G. (2015). *Istina, nedostupnaya dlya Drugogo: ob iskusstve kak provokatsii* [The Truth Inaccessible to Other: on Art as a Provocation]. In *Theory & Practice. Granitsy iskusstva*. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10664-provocation> (mode of access: 30.11.2019).

Napreenko, G. P. (2017). *Provokatsiya kak sredstvo sokhraneniya chelovechnosti* [Provocation as a Means to Save the Humanity]. URL: <https://newtonew.com/culture/provokatsiya-kak-sredstvo-sohraneniya-chelovechnosti> (mode of access: 30.11.2019).

Prigov, D. A. (2002). *Kniga knig: izbrannyye* [The Book of Books: The Chosen Ones]. Moscow, Zebra, EKSMO. 639 p.

Rasputin, V. G. (1989). *Tvoi syn, Rossiya, goryachii brat nash... O Vasiliy Shukshine* [Your Son, Russia, Our Ardent Brother... About Vasilii Shukshin]. URL: https://dom-knig.com/read_191550-116 (mode of access: 5.11.2019).

Shemetova, T. N. (2014). *Iskusstvo provokatsii i ideal'nyi provokator* [The Art of Provocation and the Ideal Agent Provocateur]. In *Observatoriya kul'tury*. No. 1, pp. 11–17. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (mode of access: 02.12.2019).

Shukshin, V. M. (2009). *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Edition, in 8 vols]. Barnaul, Izdatel'skii dom «Barnaul».

Slovar'inostrannykh slov russkogo yazyka [The Dictionary of the Foreign Words in the Russian Language]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29620/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%9A%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (mode of access: 10.11.2019).

Sorokin, V. (2000). *Pervyi subbotnik* [The First Litter Pick]. Moscow. 308 p.

Sychev, A. A. (2017). *Provokatsiya v istorii iskusstva* [Provocation in the History of Art]. In *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya*. Pravo. No. 4, pp. 15–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provokatsiya-v-istorii-iskusstva> (mode of access: 30.11.2019).

Данные об авторе

Плеханова Ирина Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Иркутск, Россия).

E-mail: oembox@yandex.ru.

Author's information

Plekhanova Irina Innokent'evna – Doctor of Philology, Professor, Independent Researcher (Irkutsk, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАССИКИ

ПОЭТИКА ВЕРСИФИКАЦИОННОГО СТРОЯ СКАЗОК Р. А. КУДАШЕВОЙ

УДК 821.161.1-343.4(Кудашева Р. А.). DOI 10.26170/ФК20-01-03. ББК Ш383(2Рос=Рус)6-8,44.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

Ляпина Л. Е.

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2547-2499>

Larisa E. Liapina

Herzen State Pedagogical
University of Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2547-2499>

Хомякова А. А.

школа № 212 (Санкт-Петербург)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-1046>

Anastasia A. Khomyakova

School No. 212 (Saint Petersburg)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-1046>

POETICS OF THE VERSIFICATION SYSTEM OF R. A. KUDASHEVA'S FAIRY-TALES

Abstract. The article deals with the verse specificity of R. A. Kudasheva's poetic works, considered on the material of her 12 fairy-tales for children of the early 20th century. The analysis aims to clarify the preference and artistic functionality of the metrical-rhythmic, phonic and strophic forms used by the author in order to give an idea about the content-aesthetic position of Kudasheva and about the place of her unexplored heritage in the history of literature.

Conducted on the basis of the comparative-historical approach, this research focuses on the concepts, methods and results of the modern studies of verse, especially those of M. L. Gasparov and his school.

The conclusions obtained present a number of functionally significant features of Kudasheva's poetics: 1) increased attention to the rhythmization of poetic texts in traditional forms, most suitable for children's perception (in the use of classical syllabo-tonic meters with a pronounced variety of their metrical-rhythmic modifications; in addressing only rhymed verse, including sufficient and mostly accurate rhymes, – against which single consonances and blank lines perform the role of interruptions, carrying a plot-organizing composition function; in the preference for stanzas); 2) the choice of the verse meter of the poem with a certain system of endings typical of the late 19th century Russian poetry tradition of semantization of metrical and rhythmic forms – and their creative implementation in the plots of fairy-tales; 3) agreement and integration of Russian and Western European poetic traditions in the process of genre formation. The abovementioned trends are purposive in nature and express Kudasheva's authored position: to support and develop her most important idea of harmony formulated not only in the plots of her fairy-tales but also through a system of verse forms.

The results of the study conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of the formation and development of children's literature.

Key words: children's literature; poetics of fairy tales; fairy tales; versification; literary traditions; children's women-writers; poetic creative activity.

А н н о т а ц и я . Предметом изучения в статье является стиховая специфика поэтического творчества Р. А. Кудашевой, рассмотренная на материале ее 12 сказок для детей начала XX века. Цель анализа состоит в выявлении предпочтительности и художественной функциональности использованных автором метрико-ритмических, фонических и строфических форм, чтобы дать представление о содержательно-эстетической позиции Кудашевой и месте ее неизученного наследия в истории литературы.

Проведенное на основе сравнительно-исторического подхода исследование опирается на концепции, методики и результаты современного стиховедения, прежде всего М. Л. Гаспарова и его школы.

Полученные выводы составляют ряд функционально значимых особенностей стиховой поэтики Кудашевой: 1) повышенное внимание к ритмизации поэтических текстов в традиционных, наиболее доступных детскому восприятию формах (в использовании классических силлабо-тонических размеров при выраженном многообразии их метрико-ритмических модификаций; в обращении только к рифмованному стиху, с включением достаточных и преимущественно точных рифм, – на фоне чего единичные консонансы и холостые строки выполняют роль перебоев, несущих сюжетно-композиционную функцию; в предпочтении строфических форм нестрофическим или промежуточным); 2) выбор стихотворного размера произведения с определенной системой окончаний в опоре на утвердившиеся к концу XIX века в русской поэзии традиции семантизации метрико-ритмических форм – и творческой их реализации в сюжетах сказок; 3) сопряжение и интеграция отечественных и западноевропейских поэтических традиций в процессе жанрообразования. Выделенные тенденции носят целенаправленный характер, выражающий авторскую позицию Кудашевой: поддержать и развить важнейшую для нее идею гармонии, проявляющуюся в сюжетах ее сказок, также через систему стиховых форм.

Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением становления и развития детской литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : детская литература; поэтика сказок; сказки; стиховедение; литературные традиции; детские писательницы; поэтическое творчество.

Для цитирования: Ляпина, Л. Е. Поэтика версификационного строя сказок Р. А. Кудашевой / Л. Е. Ляпина, А. А. Хомякова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 30–40. – DOI: 10.26170/FK20-01-03.

For citation: Liapina, L. E., Khomyakova, A. A. (2020). Poetics of the Versification System of R. A. Kudasheva's Fairy-Tales. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 30–40. DOI: 10.26170/FK20-01-03.

Творчество Раисы Адамовны Кудашевой (1878–1964), составившее богатый (более 200 произведений) вклад в развитие поэзии и прозы для детского чтения и активно востребованное читателями начала XX века, остается вплоть до настоящего времени практически не исследованным и не оцененным. По целому ряду обстоятельств личного и общественного характера Кудашева публиковала свои произведения исключительно под псевдонимами. При наличии единственной содержательной биографической статьи о ней Вл. Глоцера [Глоцер 1994] в литературном сознании последнего столетия представление о творческой личности Кудашевой едва намечено. Принадлежащие ее перу сказки, стихотворения, песенки (в том числе – «В лесу родилась елочка...», «Беда Петушка», «Бабушка-Забавушка и собачка Бум» и др.) воспринимались и продолжают восприниматься читателями чаще всего как народные. Так, из-

вестный литературовед Б. Ф. Егоров, вспоминая детство, когда мать «мурлыкала именно народные песни», цитирует на память текст кудашевской сказки «Беда Петушка» и приходит к выводу, что ее «значит, сочинили какие-то местные балашовские (или саратовские) поэты» [Егоров 2004: 65–67]. Наизусть цитирует в воспоминаниях (включенных в библиографию Глоцера [Глоцер 1994: 198]) любимую в детстве книжку «Бабушка Забавушка и собачка Бум» и артист М. И. Жаров – добавляя, что «лишь впоследствии я узнал, что стихотворение принадлежит детской писательнице Раисе Кудашевой» [Жаров 1967: 23].

Это делает актуальным целенаправленное исследование литературного наследия Кудашевой, что помогло бы определить ее место и роль в истории литературы. Ведь именно творчество, предназначенное для детского чтения, «призвано дать ребенку основы законов и норм „большой литературы“, приобщая

его к национальной культурной традиции» [Ковалева 2006: 3].

Предметом нашего внимания является версификационная специфика поэтического творчества Кудашевой, рассмотренная на материале ее сказок.

Современными историками детской литературы выявлены и описаны главные закономерности развития стиховой поэтики авторских сказок в XIX–XX вв. [Ковалева 2006], особенности стихотворной сказки конца XIX – начала XX вв. [Изотова 2006]. Эти результаты учитывались нами при дальнейшем изучении жанра применительно к наследию Кудашевой, в историко-литературном контексте. Поскольку читательское знакомство с произведением происходит для ребенка со слуха, первое впечатление от него во многом определяется звучанием текста, его ритмико-композиционным строем. И позже, при повторном чтении, переживание и интерпретация сказки сохраняют связь с этим впечатлением. К. И. Чуковский писал: «Мне кажется, что всякие сказки – поэмы и вообще крупные фабульные произведения в стихах могут дойти до маленьких детей лишь в виде цепи лирических песен – каждая со своим ритмом, со своей эмоциональной окраской» [Чуковский 1983: 280].

Способность ритмов быть хранителями и переносчиками смыслов, как показано стиховедами XX века, активно проявляется и в исторической жизни художественных текстов, делая их носителями литературной памяти в масштабах большого времени [Гаспаров 2012]. А это должно помочь, в частности, определить характер индивидуального творчества в его отношении к эпохе. Ведь, как выяснено специалистами, хотя в литературных сказках присутствуют «узнаваемые элементы сказочной поэтики», «при этом влияние авторского начала в литературной сказке доминирует» [Зворыгина 2012: 12]. Тем самым, анализ системы стиховых форм в творчестве автора, пока практически не вписанного в историко-литературный контекст, представляется важным и интересным.

Предварительное знакомство с наследием Кудашевой позволяет видеть в ней поэта глубоко и разносторонне начитанного, впитавшего опыт отечественной и западноев-

ропейской литератур, заинтересованного в сохранении этого опыта для детского читателя. Известно, что Кудашева была хорошим и опытным педагогом. Возросшее к началу XX века внимание к детской литературе, активизация поисков в этой сфере (в том числе – в создании стихотворных сказок разных типов [Изотова 2006]) оказались ей близки. При этом, как в творческих переложениях иноязычных сказок (Э. Бесков, Г. Гофмана, Б. Буша), так и в оригинальных произведениях Кудашевой улавливаются последовательно и удачно использованные традиции развития отечественной и западной литературы второй половины XIX – начала XX века в целом, готовившие литературу XX века. Этот факт требует научно-аналитического обоснования; реализация его на уровне стиховой организации и составляет цель настоящей статьи.

Изучение версификационного строя художественных текстов Кудашевой в его конструктивном аспекте проведено на основе сравнительно-исторического подхода, в соответствии с современными стиховедческими методиками и в опоре на результаты успешно развивающейся исторической поэтики, в том числе сравнительной метрики. При этом интерес к творческой индивидуальности Кудашевой заставил нас сосредоточить внимание на функциональном качестве использованных автором конкретных стиховых форм.

Исследование проводилось на материале репрезентативной выборки – двенадцати оригинальных авторских сказок Кудашевой, которую этот жанр особенно привлекал: «Апрелечка», «Бабушка-Забавушка и собачка Бум», «Беда Петушка», «Деды пещерные», «Как шалили Павлик с Неточкой», «Лесовички» (стихотворная часть текста), «Санки-самокатки», «Снегурка», «Снеговик», «Степка-растрепка», «Федька и Гришка – шалуны мальчишки», «Что с Маничкой было».

Суммарный объем материала составил 1209 строк.

Мы не стремились учесть все параметры стиховой организации текстов, выделяя лишь наиболее значимые показатели метрико-ритмического и фонического уровней. Составлять полный метрико-строфический справочник по творчеству Кудашевой пока преждевременно, поскольку сбор текстового матери-

ала, библиографические и текстологические работы еще продолжают. Но получить и осмыслить наиболее существенные данные на основе проделанного анализа возможно.

Результаты статистической обработки метрического репертуара сказок Кудашевой сведены в следующей таблице 1.

Очевидно, что главная особенность метрико-ритмического репертуара Кудашевой состоит в представительности форм классической парадигмы XIX века, т. е. силлабо-тонического стихосложения. Автор использует все основные силлабо-тонические метры: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий и анапест. Что же касается неклассических размеров, то Кудашеву они не привлекают: она избегает их как в сказках, так и в известных на сегодняшний день произведениях других жанров. Не использует поэтесса также вольные размеры и переходные метрические формы (например, трехсложники с переменной анакрузой), явно предпочитая в качестве определяющего для рецепции своих текстов эффект «сбывшегося ожидания» – устойчивой сквозной ритмизации звучания.

Однако Кудашева не стремится к унификации какого-либо одного конкретного ри-

сунка такого звучания, о чем свидетельствует на редкость богатый (особенно при учете единой жанровой природы произведений) спектр использованных в ее сказках классических размеров: их 13. Об этом речь пойдет ниже.

Восемь из обследованных текстов монометричны, остальные четыре – полиметричны; из числа последних одна сказка включает единственную инометрическую вставку, остальные композиционно организованы как сюжетно-тематические циклы со сменой размера от одной части к другой. Это подтверждает приверженность Кудашевой к устойчивому ритмико-интонационному строю текста, а в случае полиметрии – его достаточно автономных частей.

Преобладающим метром выступает хорей, составляющий по числу строк более 60% от учтенного объема материала; при этом почти 80% из них принадлежит четырехстопникам (Х4). Не вызывает сомнений, что эти предпочтения в первую очередь объясняются жанровой спецификой текстов: как известно, четырехстопный хорей, изначально восходивший к песенной традиции народного стиха, в XIX («ямбическом») веке начинает исполь-

Таблица 1
Метры и размеры

Стихотворные размеры	Произведения и звенья полиметрических композиций	Стихи (количество)	Стихи (%)
Х4	19	584	48,3
Х5	1	16	1,3
Х6ц	1	8	0,7
ХРз	4	128	10,6
Всего Х	25	736	60,9
Яз	2	64	5,3
Я4	1	26	2,2
Я6ц	1	20	1,7
Я7ц	1	60	4,9
ЯРз	1	95	7,9
Всего Я	6	265	22,0
Дз	1	96	7,9
Всего Д	1	96	7,9
АмРз	1	24	1,9
Всего Ам	1	24	1,9
Ан ³	1	64	5,3
АнРз	1	24	2,0
Всего Ан	2	88	7,3
ВСЕГО	54	1209	100

зоваться в больших эпических формах, а после появления в 1830-е годы сказок А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и П. П. Ершова – в стихотворных сказках [Гаспаров 2000: 120–121]. Дополнительной опорой в его использовании на этом пути, как показывает М. Л. Гаспаров, выступила традиция западноевропейского (прежде всего немецкого) балладного стиха. Эти традиции четырехстопного хореев сохраняют свою актуальность и во второй половине XIX века, когда тема народной жизни занимает в русской литературе ведущее место [Гаспаров 2000: 175–176].

Еще одна причина высокой частотности хореев, вытесняющих ямбы в исследуемом материале Кудашевой, состоит в предназначении ее текстов для детей: к рубежу XIX–XX вв. предпочтение хореических размеров вообще, а четырехстопного хореев особенно, становится свойственным большинству детских поэтов рубежа XIX–XX веков [Ковалева 2006: 20].

Однако отмеченными соответствиями историческому фону вопрос о характере метрико-ритмической организации творчества Кудашевой не исчерпывается. Явно неслучайное многообразие представленных в ее текстах стихотворных размеров и их модификаций заставило нас обратиться к анализу их выбора в конкретных случаях, сопоставляя сюжетно-тематическую специфику отдельных сказок со сложившимися к концу XIX века традициями семантизации этих модификаций. Здесь мы опирались в первую очередь на концепцию Гаспарова и проведенные им конкретные разработки, посвященные семантическим ореолам стихотворных размеров [Гаспаров 2012].

Так, сказка Кудашевой «Санки-самокатки» написана четырехстопным хореем с чередованием женских и мужских окончаний (Х4ж,м). Обобщая и структурируя наблюдения ряда исследователей, Гаспаров обращает внимание на то, что помимо ассоциаций с народным стихом этот размер на протяжении XIX века обретает устойчивый спектр дополнительных семантических окрасок, восходящих к стиху А. С. Пушкина [Гаспаров 2012: 272–273]. Так, уже в начале XX века В. Чудовский обратил внимание на стихотворение Пушкина «Золото и булат», которое «натал-

кивает его на новое отношение к хорее: применение его к вещным сюжетам, к конкретизации, материализации <...> В 1828 г. Пушкин утвердился в этой новой манере: „Дар напрасный“ и „Город пышный“ <...> Новая вежа – „Ворон к ворону летит“, где поэт обрел новую выразительность, характерность – передачу хореем жути, тревоги» [Чудовский 1917: 64]. Другой аспект семантизации той же хореической модификации Х4ж, м описан полувеком позже Ю. М. Лотманом в его наблюдениях над пушкинскими четырехстопными хореев второй половины 1820-х годов, которые поэт использовал при изображении ирреальных ситуаций (снов, грез, фантазий) [Лотман 1972: 167–168]. Анализируя эти наблюдения, Гаспаров отмечает также связь пушкинских четырехстопных хореев с чередованием женских и мужских окончаний с мотивами зимы и дороги, а начиная с 1830-х годов – приобретение этим размером черт «простонародного» и сказочного звучания благодаря сказкам: «О царе Салтане», «О мертвой царевне и о семи богатырях», «О золотом петушке» [Гаспаров 2012: 278–280]. Наконец, с середины XIX века, направление развития четырехстопного хореев все сильнее определяется вторжением народно-бытовой тематики [Гаспаров 2012: 304].

Эти коннотации наглядно проявляются в сюжете сказки Кудашевой о волшебных санках, купленных компанией детей на базаре вскладчину – чтобы прокатиться, по их легкомысленному пожеланию, «в лес, где бабушка-Яга». Мир этой сказки насыщен типовыми для русской сказки образами (кроме самой Бабы Яги, это избушка на курьих ножках, охраняющие ее серый волк и черный кот и т. п.). Однако характерно, что у Кудашевой они сопряжены с реалистически достоверными подробностями бытовой обстановки и поведения героев: от колоритной сцены торговли на базаре в начале – до кульминационной сцены освобождения детей из плена Яги самым младшим, Ильей. Его подвиг представлен в разговорной, бытовой стилистике:

А Илья из снега – скок!
 Да дубинкой волка в бок.

 Поднялся Илья на ножки:
 «Чтобы я боялся кошки?»

Что я, мышка, что ли? Брысь!
Вот в другой раз попадись!» [Р. К. 1900-е: 7]

Определяя специфику жанра волшебной сказки, М. Н. Липовецкий отмечал: «В самой жанровой структуре волшебной сказки <...>, прежде всего в ее субъектной организации, открытой по отношению к реальности, заложены способы, каналы и типы контактов с действительностью. Именно поэтому новое жизненное содержание не разрушает основную конструкцию сказочного художественного мира, а вступает в диалогические отношения с ней» [Липовецкий 1992: 40]. Кудашева-сказочница выступает мастером творческого использования этих «каналов и типов контакта» не только в предметно-образной, но и в стилистической, речевой – и ритмической, версификационной сферах, опираясь на сложившиеся традиции и одновременно развивая их.

Четырехстопным хореем написана Кудашевой также сказка «Снеговик», но с чередованием уже не женских с мужскими, а дактилических с мужскими клаузул (Х4дмдм). Это придает отличное от первой из рассмотренных сказок звучание тексту, принадлежащему другой исторической модификации того же размера. Необычное сочетание свойственных фольклорному стиху дактилических окончаний с мужскими было, как показано Гаспаровым, изначально апробировано Жуковским на лирическом материале [Гаспаров 2012: 22–23], но переориентировано полувеком позже Н. А. Некрасовым на сферу крестьянского быта («Коробейники», «Влас», «Песня Еремушке» и др. [Гаспаров 2012: 27–31]). Позже к этому была добавлена и развита (в частности, В. Курочкиным) юмористическая тональность [Гаспаров 2012: 30–34].

Сказка Кудашевой «Снеговик», повествующая о судьбе слепленного ребятишками «болвана», решившего ночью убежать в лес, но не нашедшего туда дорогу – и посаженного поутру под надзор «собаки чуткой», – наследует обе эти традиции (народно-бытовую и юмористическую) не только в области стиха, но и сюжета, и стилистики сказки в целом.

Еще одним примером отчетливой ориентации Кудашевой на семантические традиции стихотворных размеров XIX века может

служить ее сказка «Беда Петушка», написанная трехстопным ямбом с чередованием женских и мужских окончаний (Язжмжм). Эта модификация размера, ассоциировавшаяся некогда с песенным жанром и позже использовавшаяся в куплетах, во второй половине XIX века трансформировалась в шуточную поэзию (Гаспаров выделяет здесь роль «Истории государства Российского» А. К. Толстого, не без влияния балладной традиции). Одновременно исследователем отмечается процесс проникновения этого размера также в детскую поэзию [Гаспаров 2012: 121–122].

Кудашева создает характерный для этого историко-литературного контекста сюжет о Петушке, решившем покататься на коньках по едва замерзшей реке и в результате чуть не утонувшем. Его спасают «сестрица Курочка» и собравшиеся на ее день рождения гости: «Ворона, да Синица, Снегирь, да Воробей». Драматическая история завершается сценой именинного ужина, за которым наблюдает из своей постели «бедняга Петушок», получивший от «доктора Гуся» пятнадцать пошшков хины [Р. К. 1915: 10–11].

Таким образом, сюжетно-тематические особенности сказок Кудашевой по целому ряду определяющих параметров соответствуют сложившимся к концу XIX века семантическим ореолам использованных при их написании конкретных разновидностей стихотворных размеров, закрепляя и развивая традицию. Мы учитывали те модификации размеров, которые сформировали наиболее закрепившиеся ореолы, оставившие заметный след в литературном сознании и введенные в научный обиход. Внимание же к ним со стороны Кудашевой свидетельствует о ее чуткости к стиховой ритмике и стремлению ввести традицию этих версификационно-содержательных комплексов в детское чтение, тем самым обогащая и углубляя его.

Не менее важным для звукового облика поэтических текстов является их фонический строй, включающий рифму. У Кудашевой он обращает на себя внимание выдержанным единообразием: обязательностью рифмования и господством точных рифм. Приблизительные (с несовпадением заударных гласных) встречаются на их фоне редко, а экспериментальных форм Кудашева не допускает (как

и в метрике, о чем говорилось выше). В этом проявляется, очевидно, влияние традиции рифмования, какой она сложилась во второй половине XIX века. Как устанавливает на основе фронтального анализа истории русской рифмы Д. С. Самойлов, «при всем различии Фета, Случевского и Надсона в их рифмах есть некоторые общие черты. Очень мало составных, мало отступлений от точности (...) Рифма в конце XIX века до пресноты точна» [Самойлов 1973: 10–11]. В текстах Кудашевой, ориентированных на детское восприятие, установка на обязательную и отчетливо воспринимающуюся на слух рифмовку задается как норма, неизменная составляющая звуковой целостности произведения.

С учетом этой установки, однако, обратим внимание на три случая отклонений от этой нормы в сказках Кудашевой – отклонений, которые нельзя счесть небрежностью автора. Напротив: все они создают эффект перебоя, т. е. сознательного нарушения ритмического звучания, выполняющего авторское задание: оно «может возникнуть лишь в том случае, когда изменяется формообразующий, структурный элемент» [Холшевников 1969: 211]. Перебоями на уровне фонетики у Кудашевой отмечены наиболее важные, переломные моменты в развитии событийных сюжетов: дважды ими маркирована завязка, в третий раз – развязка.

Так, в сказке «Апрелечка» перебой локализован в одной из начальных строф-восьмистиший с напутствием Царя-Мороза сыну, Утреннему морозу, которого отец посылает в бой: вернуть зиму. В этой строфе отсутствует шестая строка, в результате чего предыдущая, пятая, остается холостой:

– Вставай, мой Вихрь, седой слуга,
Лети в далекий путь;
Бушуй и вой, взметай снега,
Начни реветь и дуть!..
Сынок мой, Утренний Мороз,
Лети!.. там враг наш – резвый Май;
Сомни его, сломай!.. [Р. К. 1909: 5]

Именно этот момент, курсивное звучание которого дополнительно усилено межстиховым переносом (с 5-й строки на 6-ю), дает толчок развитию сюжета о замерзающей Апрелечке.

В сказке «Снеговик» перебой рифмовки локализован тоже в завязке: когда оживающий с наступлением ночи Снеговик начинает действовать самостоятельно. В описании его первых движений традиционное рифменное созвучие нечетных строк (строго выдержанное на протяжении всего текста) заменяется консонансом:

Он швырнул метелку сорную,
Оглядел широкий двор,
Нахлобучил шляпу серую
И полез через забор. [Р. К. 1909: 8]

С этого момента дальнейшее развитие сюжета о похождениях Снеговика обретает напряженно динамичный, событийный характер.

Аналогичен перебой в ряду достаточных и точных концовых рифм в сказке «Снегурка», появляющийся в развязке – финальной строфе, описывающей реакцию отца – Мороза – на позднее возвращение домой ослушницы-Снегурки:

Ей Мороз сказал сердито:
«Дочка! где была ты?»
И поставил на часочек
Дочку в уголочек. [Р. К. 1909: 5]

В этом случае динамичная событийная цепочка на месте перебоя затормаживается, сюжет останавливается – как бы с расчетом на переключение детского воспринимающего сознания на раздумье о наказанной Снегурке.

Может возникнуть вопрос: насколько эти рифменные перебои реально значимы? И какую роль они играют в решении поставленной нами сверхзадачи – установить место сказочного творчества Кудашевой в историко-литературном процессе?

Здесь важен учет контекста: издавна практиковавшийся прием версификационного фонического перебоя менял свои формы и структуру соответственно историческим трансформациям рифмы. В данном случае сам характер допущенных перебоев свидетельствует как о несомненной их художественной функциональности, так и об уровне авторского мастерства, обеспечивающем точность в выборе словесного материала. Производящий эффект обманутого ожидания и обретающий тем самым сюжетобразующую функ-

цию, прием этот в тексте Кудашевой, с одной стороны, на фоне господства точных рифм заметен; с другой – не деформирует художественно-поэтическую стилистику сказки в целом. Это удастся, во-первых, благодаря отбору слов для «проблемных» пар: с неполным совпадением послеударных окончаний при компенсирующем созвучии предупредительной согласной «с» в паре «серую» – «старую» («Снеговик»); с добавлением к повторяющемуся в послеударной позиции «т» переключки логически важных опорных гласных «а» и «е» в случае «сказал сердито» и «где была ты» («Снегурка»). Во-вторых, неслучаен и фонетический контекст произведений: именно в этих трех сказках случаи приблизительного рифмования встречаются чаще.

В. М. Жирмунский, анализируя аналогичную сюжетную роль неточного рифмования в финале стихотворения Блока «В неуверенном, зыбком полете...» как нарушения цепочки «предуказанных созвучий на предуказанном месте», тут же оговаривает, что «все это относится только к неточной рифме в процессе деканонизации установленных более строгих соответствий» [Жирмунский 1975: 285–286]. Последующее разъяснение исследователя сводится к акцентированию точности блоковского расчета на читателя-современника в выборе рифменных пар, которые в другом историческом контексте воспринимались бы иначе.

Кудашева не стремилась к поразительному вниманию читателя новациям в звучании своих сказок; как уже говорилось, холостой или неточно зарифмованный стих в ее тексте – исключение. Но она сознательно использует такие исключения в качестве разового приема.

Отмеченные нами общие особенности метрико-ритмического и фонического строя текстов Кудашевой свойственны и другим стиховым уровням ее сказок; так, она предпочитает строфически четко организованный стих. Из 12 проанализированных сказок лишь одна («Федька и Гришка – шалуны мальчишки») астрофична. В остальных преобладают тождественные разделенные строфы, которые составляют 57,1% от общего объема этих 11 сказок. Репертуар строф небогат: только четверостишия и восьмистишия. От общего объема произведений с тождественными раз-

деленными строфами четверостишия составляют 79,1%, восьмистишия (встречающиеся только дважды) – 20,9%.

Что же касается наиболее характерных для сказочного творчества Кудашевой конкретных типов рифменной организации строф, то единственный отчетливо привлекающий ее вариант состоит в использовании размеров с упорядоченным чередованием четырехстопных и трехстопных строк. В пределах нашей выборки это шесть произведений (и оформленных звеньев полиметрических композиций), составляющих 21,9% от всего объема материала. Среди размеров – хорей, ямб и анапест. Такой тип строфической организации стихотворных текстов обычно квалифицируют как «балладную строфу в широком смысле слова» [Холшевников 2002: 142]. Для сказочного творчества Кудашевой этот прием поддерживает важную для нее ориентацию на поэтику баллады, черты которой прослеживаются на разных уровнях художественной организации произведений, нагляднее всего – в поэтике сюжетов.

В своем каноническом виде – упорядоченного чередования четырехстопных и трехстопных строк анапеста – балладная строфа представлена у Кудашевой лишь единожды: в стиховой (обрамляющей) части сказки «Лесовички», с описанием встречи автора с «лесным человечком», рассказывающим ему о жизни лесных человечков. Центральная – прозаическая – часть сказки посвящена событиям жизни семейства лесовичков, их быту и приключениям на протяжении годового цикла. Поэтический рамочный контекст, звучащий в ритме баллады Жуковского «Замок Смальгольм»:

Заблудился в лесу я – и тропкой глухой
Тихо шел... где-то пенилась речка;
Вышел я на полянку – и вдруг под сосной
Увидал трех вершков человечка! [Р. К. 1900-е: 1], –

задает романтический колорит изображению жизни сказочных лесовичков. Таким видит и подает его автор-рассказчик, вспоминая о своей давней, неожиданной встрече с удивительным «человечком лесным». Далее, однако, стилистика и колорит меняются: неторопливое описание жизни семейства лесовичков дается в прозе, от третьего лица,

как бы «изнутри» этой жизни, в ее обыденных деталях. Внимание читателя здесь привлекает уже не экзотичность неожиданной встречи с маленькими человечками, но сходства и различия их образа жизни с человеческой. В завершающем сказку стихотворном фрагменте повествование вновь переходит к автору-рассказчику, мечтающему еще об одной встрече с лесовичками в будущем. И эта мечта воплощена вновь средствами балладной строфики, возвращающей читателя в романтический контекст вступления. Так создается контраст двух взглядов на удивительную жизнь лесных человечков, сформированный оппозицией стиха и прозы – и организующий емкий сказочный сюжет, в котором поэтика отечественной литературной сказки органично сопрягается с балладной, европейской.

Повторим: несомненно знание Кудашевой русской и западной словесности, позволявшее опираться на поэтические традиции XIX века. Мы могли видеть это как в умении улавливать и использовать семантические ореолы стихотворных размеров, так и на рифменно-строфическом уровне организации текстов. Способность воспринимать и интегрировать различные векторы развития поэзии представляется особенно важной в последние годы XIX века, ощущавшиеся как время кристаллизации поэтических традиций в предощущении завершения классического периода их развития. По образному выражению Е. В. Ермиловой, здесь происходило обострение «чувства традиции», когда «отношение к поэзии предшественников из внутреннего дела поэта становится проблемой литературной ситуации, выходит на поверхность» [Ермилова 1982: 216].

Дальше, в отечественной версификации XX века, расширение круга художественных средств, как показано Гаспаровым, велось в двух направлениях. В русле первого «заново брались на учет стихотворные формы русской классики: до сих пор они стихийно ощущались как живые, привычные и естественные (или, наоборот, отмершие и неестественные), теперь по отношению к ним явилось чувство исторической дистанции, каждая форма стала осознаваться как знак такой-то определенной эпохи, не раз навсегда „живой“ или „мертвый“, а всегда допускающий сознатель-

ное использование». В русле второго – «наоборот, эксперименты делались в области нового и неиспытанного – только для того, чтобы выявить скрытые возможности языка и стилиа <...> И то, и другое побуждало к сосредоточенной разработке стиха» [Гаспаров 2000: 214–216].

Кудашева, несомненно, проявила себя как автор, чье творчество последовательно соответствовало первому направлению. Как можно понять, ей импонировал общий характер версификационной поэтики 1840–1890-х годов, на который она и ориентировалась. Гаспаров называет эту эпоху полосой стабилизации отечественной поэзии как в области метрико-ритмической, так и рифмообразующей; упрощается строфика. После предшествовавшего этому времени периода активных экспериментов, стремительного расширения круга поэтических форм поэтами-романтиками, наступает время критики неоправданно сложных форм и стремления к простоте, естественности [Гаспаров 2000: 168–207]. И Кудашева, изначально тяготевшая к идее гармонии в сюжетах своих сказок, поддерживает и развивает эту идею также на уровне стиховых форм. Среди них – повышенное внимание к устойчивой ритмизации поэтических текстов в традиционных для рубежа XIX–XX века и доступных детскому восприятию формах: в использовании только классических силлабо-тонических размеров, при выраженном многообразии их метрико-ритмических модификаций; в обращении исключительно к рифмованному стиху, оснащенному достаточными и преимущественно точными рифмами, на фоне чего единичные консонансы и холостые строки играют роль перебоев, реализующих сюжетно-композиционную функцию; в предпочтении строфических форм нестрофическим.

При этом подражательность и консерватизм поэтике стихотворных сказок Кудашевой чужды. Освоенные ею жанровые и версификационные традиции использованы творчески, адаптированы к детскому восприятию и получают импульс к развитию в поэтике созданных ею произведений. Как мы стремились показать, все рассмотренные нами особенности стихового строя ее сказок художественно функциональны, содержательны.

Это важно для понимания как сути творческой индивидуальности Кудашевой, так и той конкретной роли, которую ее наследие сыграло в дальнейшем развитии детской поэзии XX века, – что должно стать предметом специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров, М. Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти / М. Л. Гаспаров. – Москва: Фортуна-ЭЛ, 2012. – 416 с.
- Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. – Москва: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
- Глюцер, В. Кудашева Раиса Адамовна / В. Глюцер // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1994. – Т. 3. – С. 198–199.
- Егоров, Б. Ф. Воспоминания / Б. Ф. Егоров. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004. – 472 с.
- Ермилова, Е. В. Диалог с традицией / Е. В. Ермилова // Контекст-1981. Литературно-теоретические исследования / сост. А. С. Мясников. – Москва: Наука, 1982. – С. 216–230.
- Жаров, М. И. Жизнь, театр, кино. Воспоминания / М. И. Жаров. – Москва, 1967.
- Жирмунский, В. М. Рифма, ее история и теория / В. М. Жирмунский // Теория стиха. – Ленинград: Советский писатель, 1975. – С. 235–430.
- Зворыгина, О. И. Русская литературная сказка: речевые параметры жанра: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Зворыгина О. И. – Екатеринбург, 2012. – 35 с.
- Изотова, Г. Н. Русская литературная стихотворная сказка конца XIX – начала XX веков: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис.... канд. филол. наук / Изотова Г. Н. – Орел, 2006. – 17 с.
- Ковалева, Т. В. Эволюция русской поэзии для детей: стиховедческий аспект: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ковалева Т. В. – Москва, 2006. – 30 с.
- Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Ленинград: Просвещение, 1972. – 272 с.
- Р. К. [Кудашева Р. А.] Апрелька: Весенняя сказочка. – Москва: И. Кнебель, 1909.
- Р. К. [Кудашева Р. А.] Приход Зимы. Беда Петушка. – Москва: И. Кнебель, 1915.
- Р. К. [Кудашева Р. А.] Лесовички. – Москва: И. Кнебель, [1900-е гг.]
- Р. К. [Кудашева Р. А.] Санки-самокатки. – Москва: И. Кнебель, [1900-е гг.]
- Р. К. [Кудашева Р. А.] Снегурка. Снеговик. – Москва: И. Кнебель, [1909]
- Самойлов, Д. С. Книга о русской рифме / Д. С. Самойлов. – Москва: Художественная литература, 1973. – 280 с.
- Холшевников, В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение: учебное пособие для студентов филологических факультетов / В. Е. Холшевников. – Москва: Академия, 2002. – 208 с.
- Холшевников, В. Е. Перебой ритма как средство выразительности / В. Е. Холшевников // Стиховедение и поэзия. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991. – С. 209–224.
- Чудовский, В. Несколько утверждений о русском стихе / В. Чудовский // Аполлон. – 1917. – № 4–5. – С. 58–69.
- Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Минск: Народная Асвета, 1983. – 319 с.

REFERENCES

- Chudovskii, V. (1917). Neskol'ko utverzhenii o russkom stikhe [A Few Assertion about Russian Verse]. In *Apollon*. No. 4–5, pp. 58–69.
- Chukovskii, K. I. (1983). *Ot dvukh do pyati* [Two to Five]. Minsk, Narodnaya Asveta. 319 p.
- Egorov, B. F. (2004). *Vospominaniya* [Memoirs]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 472 p.
- Ermilova, E. V. (1982). Dialog s traditsiei [Dialogue with Tradition]. In Myasnikov, A. S. (Ed.). *Kontekst-1981. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya*. Moscow, Nauka, pp. 216–230.
- Gasparov, M. L. (2000). *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [Essay of History of Russian Verse: Metrics. Rhythmics. Rhyme. Stanza]. Moscow, Fortuna Limited. 352 p.
- Gasparov, M. L. (2012). *Metri i smysl. Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamyati* [Meter and Symbol: about One of Mechanisms of Cultural Memorial]. Moscow, Fortuna-EL. 416 p.
- Glotsler, V. (1994). Kudasheva Raisa Adamovna [Kudasheva Raisa Adamovna]. In *Russkie pisateli 1800–1917: biografi-cheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 3, pp. 198–199.
- Izotova, G. N. (2006). *Russkaya literaturnaya stikhotvornaya skazka kontsa XIX – nachala XX vekov* [Russian Literary Verse Tale of the end XIX – beginning XX Centuries]. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Orel. 17 p.
- Kholshchepnikov, V. E. (1991). Pereboi ritma kak sredstvo vyrazitel'nosti [Interruptions in Rhythm as a Figure of Speech] In *Stikhovedenie i poeziya*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 209–224.
- Kholshchepnikov, V. E. (2002). *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov* [Base of Prosody. Russian Prosody: Tutorial for Students of Philological Departments]. Moscow, Akademiya. 208 p.
- Kovaleva, T. V. (2006). *Evolutsiya russkoi poezii dlya detei: stikhovedcheskii aspekt* [Evolution of Russian Poetry for Children: Prosody Aspect]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 30 p.

Ляпина Л. Е., Хомякова А. А. Поэтика версификационного строя сказок Р. А. Кудашевой

- Lotman, Yu. M. (1972). *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of Poetry Text. Structure of a Verse]. Leningrad, Prosveshchenie. 272 p.
- R. K. [Kudasheva R. A.]. (1900-s). *Lesovichki* [Forestmen]. Moscow, I. Knebel'.
- R. K. [Kudasheva R. A.]. (1900-s). *Sanki-samokatki* [Sled Sliding Itself]. Moscow, I. Knebel'.
- R. K. [Kudasheva R. A.]. (1909). *Aprelechka: Vesennaya skazochka* [Aprelechka: a Spring Tale]. Moscow, I. Knebel'.
- R. K. [Kudasheva R. A.]. (1909). *Snegurka. Snegovik* [Snow Maiden. Snowman]. Moscow, I. Knebel'.
- R. K. [Kudasheva R. A.]. (1915). *Prikhod Zimy. Beda Petushka* [Coming of Winter. Trouble of Cockere]. Moscow, I. Knebel'.
- Samoilov, D. S. (1973). *Kniga o russkoi rifme* [A Book about Russian Rhythm]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 280 p.
- Zharov, M. I. (1967). *Zhizn', teatr, kino. Vospominaniya* [Life, Theatre, Cinema. Memoirs]. Moscow.
- Zhirmunskii, V. M. (1975). Rifma, ee istoriya i teoriya [Rhyme, It's History and Theory]. In *Teoriya stikha*. Leningrad, Sovetskii pisatel', pp. 235–430.
- Zvorygina, O. I. (2012). *Russkaya literaturnaya skazka: rechevye parametry zhanra* [Russian Literary Tale: Genre Speech Parameter]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 35 p.

Данные об авторах

Ляпина Лариса Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: larissa.lyapina@mail.ru.

Хомякова Анастасия Андреевна – бакалавр педагогических наук, педагог-организатор, школа № 212 (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 192283, Россия, Санкт-Петербург, ул. Ярослава Гашека, 9, к. 2.

E-mail: nastya.khom@gmail.com.

Author's information

Liapina Larisa Evgenievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Khomyakova Anastasia Andreevna – Bachelor of Pedagogy, Organizing Teacher, School No. 212 (Saint Petersburg, Russia).

**А. Н. РАДИЩЕВ И Н. М. КАРАМЗИН
В ИДЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А. С. ПУШКИНА**

УДК 821.161.1-31. DOI 10.26170/FK20-01-04. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4. ГРНТИ 17.07.29.
Код ВАК 10.01.08

Зверева Т. В.

Удмуртский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

**A. N. RADISHCEV AND N. M. KARAMZIN
IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF “THE CAPTAIN’S DAUGHTER”
BY A. S. PUSHKIN**

Abstract. The novel “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin is analyzed in the context of ideological and creative dialogue with A. N. Radishchev and N. M. Karamzin. The last chapter of the novel (‘Judgment’), in which the yearlong dispute with Pushkin’s forerunners is summarized, has become an object of scholarly investigation in this study. A hypothesis is posed that Pushkin’s novel goes back to the ‘teaching for king Merykara’ genre. “The Captain’s Daughter” has associations with the texts directly addressed to the authorities – the novel “A Journey from St Petersburg to Moscow” by Radishchev and “A Note on Ancient and Modern Russia in its Political and Civic Respects” and “The Manifesto” by Karamzin. A trip from ‘Sophia’ to ‘Chernaya gryaz’ is depicted in “A Journey from St Petersburg to Moscow”, and Sophia station becomes the last point of Masha Mironova’s odyssey in “The Captain’s Daughter”. Thus Pushkin unfolds a spatial as well as a semantic vector in his work. Foreseeing the doom of Radishchev’s poetry, the poet follows the example of Karamsin and outlines a program of state governance. Pushkin addresses Nicolas I through the image of Catherin II, reminding the former about the most important principles of monarchy, hereby reviving “The Manifesto” by Karamsin. The ideological positions of Radishchev and Karamsin are compared rather than opposed to each other in the novel, because Pushkin considers it important to mark and bring together the two poles of Russian history and culture. On the basis of numerous examples, the author of the study shows that the finale of “The Captain’s Daughter” contains historical allusions, which refer the readers to the tragic episodes in the history of the Russian state – the arrest and trial of Radishchev and the execution of Decembrists on July 13, 1826. These two historic events are closely bound up with the autobiographical plot which is inseparable from Radishchev and Karamsin’s fates.

Keywords: author’s position; literary genres; literary plots; intertextuality; historical novels; Russian writers; literary creative activity; historical allusions.

Аннотация. Впервые «Капитанская дочка» А. С. Пушкина рассмотрена в контексте идейного и творческого диалога с А. Н. Радищевым и Н. М. Карамзиным. Объектом научного внимания стала последняя глава пушкинского романа («Суд»), в которой подведены итоги многолетнего спора с великими предшественниками. В исследовании выдвинута гипотеза о том, что жанр пушкинского романа восходит к жанру «поучения царям». В «Капитанской дочке» обнаруживается связь с текстами, непосредственно адресованными к власти, – книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», а также «Запиской о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» и «Манифестом» Н. М. Карамзина. Если в «Путешествии из Петербурга в Москву» изображен путь от «Софии» к «Черной грязи», то в «Капитанской дочке» станция София станет последним пунктом скитаний Маши Мироновой, т. е. Пушкин развернет не только пространственный, но и смысловой вектор своего произведения. Осознавая обреченность радищевской позиции, поэт идет вслед за Карамзиным и создает образец программы государственного правления. Через образ Екатерины II Пушкин обращается к Николаю I, напоминая последнему о важнейших принципах царствования и воскрешая тем самым «Манифест» Н. М. Карамзина. В романе идейные позиции Карамзина и Радищева не столько противопоставлены, сколько сопоставлены друг с другом, поскольку для Пушкина важно обозначить и примирить между собой два противоположных полюса русской истории и культуры. На многочисленных примерах автор исследования показывает, что в финале «Капитанской дочки» присутствуют исторические аллюзии, отсылающие читателя к трагическим эпизодам истории государства Российского, – аресту и суду над Радищевым и казни декабристов 13 июля 1826 г. Эти два исторических события тесно переплетены с автобиографическим сюжетом, неотделимым от судеб Радищева и Карамзина.

Ключевые слова: авторская позиция; литературные жанры; литературные сюжеты; интертекстуальность; исторические романы; русские писатели; литературное творчество; исторические аллюзии.

Для цитирования: Зверева, Т. В. А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / Т. В. Зверева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 41–50. – DOI: 10.26170/FK20-01-04.

For citation: Zvereva, T. V. (2020). A. N. Radishcev and N. M. Karamzin in the Ideological Context of “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 41–50. DOI: 10.26170/FK20-01-04.

«Бывают странные сближения»
А. С. Пушкин

Говоря словами О. Э. Мандельштама, «воспаленные веки» А. Н. Радищева не давали А. С. Пушкину спать. Еще будучи лицеистом в 1815 г. Пушкин вслед за Радищевым берется за стихотворную разработку «Бовы» (влияние радищевской поэмы впоследствии угадывается в «Руслане и Людмиле»). 1817 год отмечен одой «Вольность», принесшей Пушкину известность в поэтических кругах. По-видимому, в эти годы и происходит первое знакомство Пушкина с «Путешествием из Петербурга в Москву». Свидетельство этому – письмо Н. И. Тургенева, датированное 1818 г.: «„Мы на первой станции образованности“ – сказал я недавно молодому Пушкину. – „Да, – отвечал он, – мы в Черной Грязи!“» [Декабрист Н. И. Тургенев 1936: 241]. Отсылками к текстам опального писателя отмечены многие произведения, однако пристальный интерес к радищевской мысли возникнет в 1830-е гг., когда Пушкин вплотную приближается к истории государства Российского. Концепция «Истории пугачевского восстания» во многом определена взглядами Радищева [Оксман 1959]. В 1833 году Пушкин приобретает редкий экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», в этом же году начинается работа над «Путешествием из Москвы в Петербург». В силу целого ряда обстоятельств зеркальный по отношению к Радищеву пушкинский текст так и остался в рукописи. Уже предчувствуя собственный конец, в 1836 году Пушкин трижды обращается к имени Радищева: в пронизательном и до сих пор одном из лучших публицистических текстов «Александр Радищев», в черновом варианте «Памятни-

ка» и, наконец, как мы полагаем, – в романе «Капитанская дочка»¹.

О литературных переключках Пушкина и Радищева писалось много, особенно в советскую эпоху. Вследствие смены идеологии на рубеже XX – начала XXI вв. интерес к Радищеву ослаб, а вместе с ним оказалось на периферии и изучение пушкинско-радищевских связей. В отечественной филологии отсутствуют работы, в которых бы специально рассматривалась связь «Капитанской дочки» с «Путешествием из Петербурга в Москву», хотя к сегодняшнему моменту имеется ряд значимых для нас суждений, которые будут привлечены в ходе дальнейших размышлений. В настоящем исследовании глава «Суд» впервые проанализирована как текст, в котором Пушкин подводит итог многолетнему спору с Радищевым (в этой же главе происходит окончательное примирение с позицией Н. М. Карамзина, о чем будет сказано ниже).

И Радищев, и Пушкин обращаются к одному и тому же периоду русской истории. Радищев писал свой роман по следам пугачевского восстания, разумеется, не называя имени бунтовщика, поскольку хорошо помнил указ Екатерины II о предании имени Пугачева «вечному забвению и глубокому молчанию». Уже на первой станции (глава «София») путешественник произнесет слова, предвосхитившие суждения Пушкина о природе русского бунта: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренный кро-

¹ Необходимо также иметь в виду, что и судьба Радищева напоминала Пушкину его собственную. Об этом в свое время пронизательно писали В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсон: «Император Павел, возвратив Радищева из ссылки, взял с него обещание „не писать ничего противного духу правительства“. Радищев сдержал свое слово. Это о себе в 1826 году; требование Николая II повторено почти дословно» [Вацуру, Гиллельсон 1986: 107].

вию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской» [Радищев 1938: 230]. Роман был обращен к изображению страны, только что пережившей ужас пугачевского восстания. Екатерине-законодательнице Радищев показывал бездействие принятых законов и предупреждал императрицу, что подобная ситуация может привести к распаду России. В какой-то степени, все творчество Пушкина после 1825 года – это осмысление исторической катастрофы и осознание опасности нового бунта. В данном аспекте «Капитанская дочка» не что иное, как ответ на высочайший манифест 19 декабря 1825 года, в котором в категорической форме говорилось о случайности декабрьских событий и принципиальной невозможности революционного восстания.

По убедительной концепции В. Кантора, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев напрямую обращался к Екатерине II: «Вся книга есть по сути дела докладная записка Екатерине, апелляция к ее вкусу, ругание масонов, французской революции, иногда и явное подмигивание императрице» [Кантор 2006: 85]. Думается, что в названии первой – несуществующей – станции Радищев зашифровал девическое имя императрицы – София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. Для писателя-философа также был важен и смысл слова «София» («мудрость»). Начиная свой роман с обращения к Екатерине-Софии, автор возлагал надежды на проницательность императрицы.

Вектор путешествия в радищевской книге означен как путь от первой станции (София) к последней (Черная грязь). Этот отрицательный вектор демонстрирует движение вниз, что согласуется с эпитафией к роману, взятым из «Телемахида» Третьяковского (согласно мифу, Телемак попадает в ад). Эти смыслы блестяще развернуты в современных исследованиях [Вильк 2002; Кантор 2006], однако в них не учтен один важный аспект. Речь идет о том, что «Похождения Телемака, сына Улисса» Фенелона (перевод В. Третьяковского 1766 г.) стали главным текстом русского XVIII века (высоким статусом эта книга была наделена и в Европе: Монтескье, например, называл данный роман «божественной книгой нашего столетия»). В своем романе

Фенелон вел разговор о принципах управления государством и учреждал программу формирования идеального монарха [Сазонова 2000: 31]. Кульминационным в данном произведении является сюжет прозрения: Медор обращается в Минерву, и ослепленный Телемак видит «лице женское прекрасно, молодого цвета, бело как лилеи, и красно как черлень». Легко заметить, что этот эпизод лег в основание радищевского романа (путешественнику снится сон: Прямошора снимает с его глаз бельмы, в результате чего его зрение очищается). Радищев рассчитывал на прозрение Екатерины II, литературный образ которой в русской культуре XVIII в. устойчиво ассоциировался с Минервой¹. Разительное отличие радищевской книги от фенелоновского «Телемака» заключено в отсутствии позитивно-созидательного начала, поскольку русский писатель всецело сосредоточен на описании негативных сторон России.

Эта задача будет решена в «Капитанской дочке». Тотальное отрицание российской империи сменится у Пушкина созданием положительной программы. В рукописи «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин дает подробное описание своей встречи с радищевским произведением: «Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике; но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. „Постой, – сказал мне **, – есть у меня для тебя книжка“. С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михаила Хераскова книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. „Прошу беречь ее, – сказал он таинственным голосом. – Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность“. Я раскрыл ее и прочел заглавие: „Путешествие из Петербурга в Мо-

¹Об этом: Рязанцева И. В. Екатерина II в зеркале античной мифологии [Рязанцева 1997].

скву». С. П. Б. 1790 г.» [Пушкин 1959–1962, т. 6: 380]. Подаренная Пушкину «скучная книга» обнаруживает двойное дно: за именами Сумарокова и Хераскова стоит имя Радищева. Эпиграфы «Капитанской дочки» неоднократно отсылают читателя к Сумарокову и к Хераскову. Не является ли это литературной игрой? И не скрывается ли за именами государственных поэтов намек на имя опального писателя?

В «Капитанской дочке» нет прямых отсылок к имени Радищева, но именно в последней главе будет упомянута значимая для «Путешествия из Петербурга в Москву» станция София. 1 января 1780 года императрица написала указ «Об учреждении Санкт-петербургской губернии из семи уездов»: «...при Селе Царском, по правую сторону новой дороги Новгородской, а по левую к Порхову идущей, устроить город под названием София» [Полн. собр. законов 1830]. Действие романа разворачивается в 1773–1775 гг., и Пушкин, проведший свое детство и юность в Царском Селе, прекрасно осведомлен в том, что во времена пугачевского бунта этого места на карте Российской империи не существовало. Еще П. Я. Вяземский указывал на хронологические смещения в «Капитанской дочке»: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» [Пушкин 1984: 236] (кстати, и путешественник Радищева безразличен к конкретизации времени: «Зимой ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимой и летом» [Радищев 1938: 232]). Противоречия, когда-то ставшие конструктивным принципом «Евгения Онегина», присутствуют и в последнем пушкинском романе¹. Подобная нарративная стратегия порождает условно-сказочное пространство, по отношению к которому привычные логические схемы суждения обнаруживают свою неправомерность. Кроме того, система «противоречий» как бы подготавливает читателя к кульминационному, на наш взгляд, анахронизму – прибытию Маши Мироновой на несуществующую станцию. Комментируя «Капитанскую доч-

ку», А. С. Гиллельсон и М. И. Мушин указали на то, что описание станции прямо восходит к роману А. Н. Радищева: «София – уездный городок Санкт-Петербургской губернии, основанный в 1785 году и названный по тогда же заложенному там собору» [Гиллельсон, Мушин 1977: 161].

Для чего Пушкину потребовалось смещение временных пластов? Думается, что называние станции необходимо Пушкину для того, чтобы возобновить спор с Радищевым. Как и в случае с незавершенным «Путешествием из Москвы в Петербург» в «Капитанской дочке» задан обратный по отношению к радищевскому роману вектор движения – все в «Капитанской дочке» устремлено к Софии/Мудрости. Самого же описания станции в тексте нет (у Радищева изображение этого места также отсутствует). Что же осталось за пределами пушкинского текста? Как и другие произведения, «Капитанская дочка» рассчитана на посвященного читателя, хорошо знакомого с окрестностями Петербурга. Уездный город славился, прежде всего, Софийским собором, ставшим главной архитектурной примечательностью. Этот собор возводили в 1782–1788 гг. как храм-памятник в честь наших побед в русско-турецких войнах. Иными словами, Пушкин не просто разворачивает вспять пространственный вектор, но придает ему вертикальное направление – это еще и движение вверх, к Софии/Вознесению (парадоксальным образом финал «Капитанской дочки» пересекается с финалом «Мертвых душ», где горизонтальное пространство благодаря образу птицы-тройки трансформируется в вертикальное).

Если радищевский роман адресован Екатерине II, то «Капитанская дочка» может быть прочитана как непосредственное обращение к Николаю I². Когда-то после прочтения «Бориса Годунова» император посоветовал поэту написать историю в духе Вальтера Скотта: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть

¹ О системном характере пушкинских анахронизмов и неточностей в «Капитанской дочке» наиболее убедительно писал А. Осповат [Осповат 1999].

² Интересно, что ранее подобная мысль была высказана Н. Н. Петруниной, видевшей в параллельной пушкинскому роману «Истории Пугачева» адресованную властям «записку» по крестьянскому вопросу [Петрунина 1969: 231].

или роман на подобие Вальтера Скотта» [Цит. по: Зингер 1934: 515]. В конце жизни Пушкин «идет навстречу» желанию Николая и пишет произведение, в котором воспроизводится сюжетная схема английского романиста (любовь героев на фоне исторических событий). Но «скоттовская» традиция с ее ориентацией на романтизацию истории была внешней, по существу же «Капитанская дочка» являла собой идеальную презентацию власти. Признавая вслед за Радищевым стихийный характер русской истории и осознавая возможную гибель империи, Пушкин прочерчивал идеальный вектор, направленный в будущее.

Жанр «поучения царям» – один из самых притягательных для Пушкина («истину царям с улыбкой говорить» любили все русские писатели). Этот жанр трагически не удался Радищеву: реальность в очередной раз обнаружила свое расхождение с литературой. Екатерина, напуганная восстанием Пугачева, жестоко обошлась как с восставшими, так и с автором романа, который показался ей «бунтовщиком, хуже Пугачева». Впервые Пушкин напрямую обращается к царю в «Воображаемом разговоре с Александром I». Результатом знаменитой аудиенции у Николая I (8 сентября 1826 г.) стали, с одной стороны, непринятые друзьями «Стансы», с другой – записка «О народном просвещении», неблагосклонно встреченная властями. В своем последнем романе поэт вновь обращается к царю, но следует не столько за Радищевым, сколько за Карамзиным. Если в начале своего пути Пушкин укорял историка и не соглашался с его политическими взглядами, то после смерти Карамзина отношение к нему радикально меняется¹.

Представляется, что образцом подобного жанра для Пушкина могла стать «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н. М. Карамзина («Записка» не была опубликована, но ее списки ходили по рукам; в 1835 году она была обнаружена Пушкиным²). «Без улыбки» поуча

чая Александра I, Карамзин критиковал его либеральную программу и предлагал собственное видение общественно-политической ситуации. Уже в конце своей жизни Карамзин составил манифест нового царствования для Николая I, но из манифеста будут убраны важнейшие положения, – те, что должны были, по мнению историка, определять принципы нового правления. Среди вычеркнутого – «правосудие и милосердие человеколюбия». Именно с этими словами Маша Миронова и предстанет перед императрицей: «Я приехала просить милости, а не правосудия» [Пушкин 1984: 80]. Эта фраза, с одной стороны, возвращает читателя к манифесту Карамзина; с другой, – иронично напоминает об именном указе Екатерины II, которая «по милосердию и для всеобщей радости» заменила Радищеву смертную казнь на ссылку. В последнем романе Пушкин сводит два противоположных полюса русской истории – Радищева и Карамзина³. На этот важнейший аспект еще не обращали внимание литературоведы, а именно он определяет идейную структуру романа.

Обратимся к образу Екатерины II в романе «Капитанская дочка». У Пушкина не было оснований идеализировать императрицу (в сохранившихся «сожженных» записках говорится и о политике Екатерины, способствовавшей «закрепощению вольной Малороссии и польских провинций», и о противоречивости императрицы, «любящей просвещение», но заключившей Новикова в темницу, сославшей Радищева в Сибирь...)» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 194]]. Тем не менее, в «Капитанской дочке» Пушкин полностью уходит от обличительного пафоса и рисует образ идеального властителя. Екатерина II связана с двумя локусами: с одной стороны, со станцией София (именно здесь Маша Миронова узнает о «тайнствах придворной жизни»); с другой – с Царским Селом, где происходит кульминационный разговор, решающий судьбу Гринева.

¹ О карамзинско-пушкинских связях наиболее точно и полно писал Н. Я. Эйдельман [Эйдельман 1987: 177–260].

² П. Аннеков писал: «Пушкин был чуть ли не первым у нас, заговорившим публично о „Древней и новой России“ Карамзина» [Аннеков и его друзья 1892: 78].

³ Обратим внимание, что в статье «Александр Радищев» имеется эпитафия из Карамзина: Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu («не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения»). Здесь важна не столько скрытая отсылка к казни декабристов, сколько соединение имен Радищева и Карамзина в пределах одного текста.

Императрица появляется в романе «около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева» [Пушкин 1984: 80]. «Пушкин в „Капитанской дочке“ подсветил свой образ Екатерины II двумя лучами: один отсылал читателя к торжественному портрету Левицкого, другой – к связанному с просветительской концепцией власти (государь-человек) портрету Боровиковского. Литературный образ, созданный Пушкиным, осциллирует между двумя живописными портретными концепциями Екатерины: персонализацией мощи государственного разума и воплощением гуманной человечности монарха эпохи Просвещения» [Лотман 2002: 371]. В последней главе, таким образом, одновременно «оживают» две картины: императрица сходит с портрета В. Боровиковского («Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке»), но осуществляет функцию богини Правосудия, что отвечает живописной концепции Д. Левицкого («Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия»). Развязка романа всецело соответствует приему, характерному для классицизма, – *deus ex machine*. Пушкинская императрица и есть София, следующая высшему – христианскому – закону. Иными словами, в финале императрице возвращается ее подлинное имя. «Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий...», – писал когда-то Пушкин в предисловии к «Борису Годунову». В «Капитанской дочке» этот карамзинский принцип воплощен наиболее полно.

На страницах своего последнего романа Пушкин воскрешает екатерининский «Наказ Комиссии о составлении проекта Нового уложения»: «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно». Следование нравственному закону – мысль, последовательно проводимая Пушкиным в произведениях 1830-х гг. В «Капитанской дочке» наиболее известна следующая сентенция, обычно приписываемая автору: «Молодой человек, если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [Пушкин 1984: 38]. Л. С. Сидяков указал на то, что дан-

ный фрагмент не что иное, как автоцитата из написанного вослед Радищеву «Путешествия из Москвы в Петербург» [Сидяков 1973: 188]: «Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений, политических, страшных для человечества...» [Пушкин 1959–1962.; т. 6: 396]¹. Добавим, что еще один поэтический манифест Пушкина – «Пир Петра Великого» (1835) – был опубликован в «Современнике» к десятилетию казни декабристов и отправки на каторгу ссыльных.

В романе милость государыни стала залогом спасения Гринёва, но за этим внешним, «идиллическим», сюжетом проступают контуры радищевской истории (Екатерина II читает «Путешествие из Петербурга в Москву» в Царском Селе и «милует» автора романа Илимским острогом). Кроме того, в заключительной главе имеются скрытые отсылки к современным событиям – суду над декабристами. Казнь над главными виновниками восстания состоялась 13 июля 1826 г. – эта дата трагически повторила 13 июля 1790 г., когда решением императрицы был издан указ «о предании Радищева уголовному суду». Таким образом, можно говорить о том, что заключительный эпизод одновременно связан и с судом над Радищевым, и с судом над участниками декабрьского восстания.

В последней главе речь идет, прежде всего, о современных Пушкину событиях. В преддверии суда над декабристами Пушкин, как и многие, ждал от молодого императора милости, доказательства этому – письма к Дельвигу, в которых постоянно звучат слова «великодушие» и «милость царская».

¹Заметим, что в «Путешествии в Арзрум», написанном параллельно с «Капитанской дочкой» и подготовленным к печати в 1835 г., к десятилетию выступления декабристов, Пушкин настойчиво повторяет мысль о следовании нравственному закону. Сообщая читателю о ненависти черкесов по отношению к русским, автор указывает только один возможный путь примирения: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. <...> Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» [Пушкин 1959–1962, т. 5: 420].

Даже после казни поэт продолжает надеяться на облегчение участи оставшихся: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 236]. Напомним, что эпохальные ожидания не в последнюю очередь были связаны с заступничеством Карамзина, но историк не доживет до дня казни. Несмотря на то, что Николай обещал проявить милосердие¹, долгожданного прощения не произошло. Г. А. Невелев первым отметил, что в главе «Суд» Пушкин воспользовался историческими документами о процессе над декабристами. Описание допроса Гринева не соответствует исторической действительности, зато «все детали приведенного текста точно воспроизводят реалии заключения декабристов в Петропавловской крепости, именно так привозили в нее привлеченных по делу 14 декабря 1825 г.» [Невелев 1985: 156]. Даже порядковый – четырнадцатый – номер последней главы косвенно свидетельствует о дате восстания.

Знаменательно, что Николай I в день казни находился в Царском селе. В сохранившихся фрагментах пушкинских записок есть следующее свидетельство: «Он (Николай – курсив мой) стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 320]. Точность этого исторического факта под сомнением, но важно, что Пушкин вносит его в свой «Дневник». Поразительно, как эта картина близка по описанию эпизоду встречи Маши Мироновой и императрицы: здесь и упоминание Кагульского/румянцевского памятника, и пруда/озера, и присутствие собаки. Развернутое описание «раннего», «прекрасного утра» указывает на раннее утро 13 июля, которое тоже, по свидетельствам современников, «выдалось теплым и ясным» [Невелев 1985: 87]. Имя главной героини может быть связано с именем Марии Волконской, последовавшей за мужем в Сибирь. Из-

вестно, что Пушкин нелегально присутствовал на ее проводах, и это событие произвело на него неизгладимое впечатление. Перечисленные факты еще раз подтверждают наше предположение, что в финале «Капитанской дочки» зашифрована современная Пушкину ситуация².

Вместе с тем нельзя полагать, что последняя глава «Капитанской дочки» являет собой пушкинский суд над Николаем I, позиция автора намного сложнее и противоречивее. Предъявляя императору вину, Пушкин одновременно и прощает его, как простил когда-то Александра I («Простим ему неправое гоненье, / Он взял Париж, он основал лицей»). Именно Николай I вызволил поэта из тягостной Михайловской ссылки. Напомним, что в ночь на 4 сентября 1826 г. в Михайловское приехал жандармский офицер и внезапно увез Пушкина, не дав времени на сборы («Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было» [Пушкин 1974: 426]). В финале «Капитанской дочки» этот автобиографический сюжет повторен почти буквально. Совпадает не только время действия («свежее дыхание осени»), но и сам способ, которым государыня призывает к себе Машу, чтобы сообщить о помиловании: «Камер-юнкер объявил, что государыне угодно было, чтобы Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут». По невероятному стечению обстоятельств, но именно 4 сентября 1790 г. вышел именным указ Екатерины о признании вины Радищева. В тот день, когда Радищеву предъявят вину, Пушкина простят и даруют ему свободу.

«Капитанская дочка» станет той последней «запиской», которая найдет отклик в душе царя. Николай I проявит человечность: когда ему сообщат о случившейся дуэли, он напишет письмо Пушкину, в котором даст слово заботиться о семье, остающейся без кормильца. Последние слова императора, сказанные поэту («О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки» [Вересаев 1984: 576]), почти дословно повторяют/цитируют обещание, данное Екатериной Маше Мироновой: «...не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить

¹ «Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много...». Цит. по: Г. А. Невелев [Невелев 1985: 31].

² См. также последние работы об исторических аллюзиях в «Капитанской дочке»: [Богданова 2019; Зверева 2019].

ваше состояние» [Пушкин 1984: 83]. Пушкин мог бы сказать словами покидающего жизнь Карамзина: «Если сам уж не буду пользоваться плодами такой царской, беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом...» [Кармазин 1862: 130].

Таким образом, жанр «Капитанской дочки» (как и тексты Радищева и Карамзина) относится к жанру «поучений» императору. Жанровая модель романа усложняется: семейная хроника Гринева оборачивается государственной запиской. София – идеальная станция, к которой должна быть устремлена российская империя (этот город задумывался Екатериной как очередной образцовый город). Примечательно, что главные герои пушкинского романа так и не доедут до столицы: в начале в Петербурге волею отца не окажется Гринев, в финале Марья Ивановна, «не любопытствовав взглянуть на Петербург, обратно уехала в деревню» [Пушкин 1984: 83]. В жизни самого поэта к тому времени оставалась последняя «станция» – «Черная речка», название которой напоминает о заключительной главе радищевского романа.

Когда-то П. Я. Чаадаева очаровала «совершенная простота» «Капитанской дочки», но «голая проза» Пушкина в очередной раз обнаружила свою неисчерпаемую глубину. Подобно «магическому кристаллу», текст наращивает смысл во времени, и чем далее, тем актуальнее оказываются размышления поэта, осознающего все противоречия русской истории и объединяющего в своем романе таких противоположных мыслителей, как А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин.

«Мое пламенное желание, друг мой, видеть вас, посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание», – писал Чаадаев Пушкину после 1825 г. [Чаадаев 1914: 105]. В день окончания «Капитанской дочки» (19 октября 1836 г.) Пушкин адресуется к Чаадаеву, блестяще доказывая свою причастность к «тайнам времени» и ставя точку еще в одном споре, проходящем через все творчество. Но тема пушкинско-чаадаевских связей в идейной структуре «Капитанской дочки» требует отдельного разговора...

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В. и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг. – Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1892. – 666 с.
- Богданова, О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 365–370.
- Вацууро, В. Э. Сквозь «умственные плотины» / В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсон. – Москва: Книга, 1986. – 381 с.
- Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: Систематический свод личных свидетельств современников / В. В. Вересаев. – Москва: Московский рабочий, 1984. – 703 с.
- Вильк, Е. Е. «Чудище стозебно» и Тифон («Путешествие...» А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) / Е. Е. Вильк // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 55 (3). – С. 151–173.
- Гиллельсон, М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина. – Ленинград: Просвещение, 1977. – 192 с.
- Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к С. И. Тургеневу. – Москва: Изд-во АН СССР, 1936. – 588 с.
- Зверева, Т. В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Е. Михайловой / Т. В. Зверева // Уральский филологический вестник: Русская классика. Динамика художественных систем. – 2019. – № 4. – С. 123–134.
- Зингер, Т. Николай I – редактор Пушкина / Т. Зингер // Литературное наследство. – Москва: Журнально-газетное объединение, 1934. – Т. 16–18. – С. 513–536.
- Кантор, В. Откуда и куда ехал путешественник? / В. Кантор // Вопросы литературы. – 2006. – № 4. – С. 83–138.
- Кармазин, Н. М. Неизданные сочинения и переписка / Н. М. Кармазин. – Санкт-Петербург, 1862. – Ч. 1. – 250 с.
- Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Академический проспект, 2002. – С. 349–375.
- Невелев, Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов) / Г. А. Невелев. – Москва: Мысль, 1985. – 205 с.
- Оксман, Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев. Исследования и материалы / Ю. Г. Оксман. – Саратов, 1959. – С. 5–133.

- Осповат, А. Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки / А. Л. Осповат // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования. – Москва: ОГИ, 2001. – С. 357–365.
- Петрунина, Н. Н. Вокруг «Истории Пугачева» / Н. Н. Петрунина // Пушкин: Исследования и материалы. – Москва: Изд-во АН СССР; Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1969. – Т. 6. – С. 229–251.
- Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 20. – № 14958.
- Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – Москва: Худож. лит., 1974. – Т. 1. – 542 с.
- Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1984. – 317 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959–1962.
- Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. / А. Н. Радищев. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1954. – Т. 1. – 503 с.
- Рязанцев, И. В. Екатерина II в зеркале античной мифологии / И. В. Рязанцев // Русская культура времени Екатерины II. – Москва: Институт российской истории РАН, 1997. – С. 129–138.
- Сазонова, Л. И. Переводной роман в круге масонского чтения / Л. И. Сазонова // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 30–52.
- Сидяков, Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина / Л. С. Сидяков. – Рига, 1973. – 218 с.
- Чаадаев, П. Я. Сочинения и письма / П. Я. Чаадаев. – Москва: Путь, 1914. – Т. 2. – 342 с.
- Эйдельман, Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837 / Н. Я. Эйдельман. – Москва: Художественная литература, 1987. – 463 с.

REFERENCES

- Annenkov P. V. *I ego druz'ya: Literaturnye vospominaniya i perepiska 1835–1885 gg.* [Annenkov P. V and its Friends: Literary Memoirs and Correspondence 1835–1885]. (1892). Saint Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. 666 p.
- Bogdanova, O. V. (2019). *Allyuziynyi podtekst v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [Allusive Implied Sense in A. S. Pushkin's Novel *Captain's Daughter*]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 12. Issue 3, pp. 365–370.
- Chaadaev, P. Ya. (1914). *Sochineniya i pis'ma* [Compositions and Letters]. Moscow, Put'. Vol. 2. 342 p.
- Dekabrist N. I. Turgenev: Pis'ma k S. I. Turgenevu* [Decembrist N. I. Turgenev: Letters to S. I. Turgenev]. (1936). Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 588 p.
- Eidel'man, N. Ya. (1987). *Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837* [Pushkin: from the Biography and Creativity. 1826–1837]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 463 p.
- Gillel'son, M. I., Mushina, I. B. (1977). *Povest'A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [A. S. Pushkin's Story *Captain's Daughter*]. Leningrad, Prosveshchenie. 192 p.
- Kantor, V. (2006). *Otkuda i kuda ekhal puteshestvennik?* [Whence and Where the Traveller Went?]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 83–138.
- Karamzin, N. M. (1862). *Neizdannye sochineniya i perepiska* [Not Published Compositions and Correspondence]. Saint Petersburg. Part. 1. 250 p.
- Lotman, Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on Culture and Art Semiotics]. Saint Petersburg, Akademicheskii prospekt, pp. 349–375.
- Nevelev, G. A. (1985). *«Istina sil'nee tsarya...»: (A. S. Pushkin v rabote nad istoriei dekabristov)* [“The True is Stronger than the Tsar ...”: (A. S. Pushkin in Work on History of Decembrists)]. Moscow, Mysl'. 205 p.
- Oksman, Yu. G. (1959). *Ot «Kapitanskoi dochki» k «Zapiskam okhotnika»*. Pushkin – Ryleev – Kol'tsov – Belinskii – Turgenev. *Issledovaniya i materialy* [From *The Captain's Daughter* to *Notes of the Hunter*. Pushkin – Ryleev – Koltsov – Belinsky – Turgenev. Researches and Materials]. Saratov, pp. 5–133.
- Ospovat, A. L. (2001). *Iz kommentariya k «Kapitanskoi dochke»: lubochnye kartinki* [From the Comment to *The Captain's Daughter*: Basten Pictures]. In *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya*. Moscow, OGI, pp. 357–365.
- Petrulina, N. N. (1969). *Vokrug «Istorii Pugacheva»* [Around *Stories of Pugachev*]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. Vol. 6, pp. 229–251.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Full Meeting of Laws of the Russian Empire]. (1830). Saint Petersburg. Vol. 20, No. 14958.
- Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [Pushkin in Memoirs of Contemporaries, in 2 vols.]. (1974). Moscow, Khudozhestvennaya literature. Vol. 1. 542 p.
- Pushkin, A. S. (1959–1962). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works, in 10 vols.]. Moscow, GIXL.
- Pushkin, A. S. (1984). *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka. 317 p.
- Radishchev, A. N. (1938). *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete Works, in 3 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Vol. 1. 503 p.
- Ryazantsev, I. V. (1997). *Ekaterina II v zerkale antichnoi mifologii* [Ekaterina II in a Mirror of Antique Mythology]. In *Russkaya kul'tura vremeni Ekateriny II*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 129–138.
- Sazonova, L. I. (2000). *Perevodnoi roman v krughe masonskogo chteniya* [The Translation Novel in a Circle of Masonic Reading]. In *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* Moscow, Editorial URSS, pp. 30–52.
- Sidyakov, L. S. (1973). *Khudozhestvennaya proza A. S. Pushkina* [A. S. Pushkin's Art Prose]. Riga. 218 p.
- Vatsuro, V. E., Gillel'son, M. I. (1986). *Skvoz' «umstvennye plotiny»* [Through “Intellectual Dams”]. Moscow, Kniga. 381 p.

Veresaev, V. V. (1984). *Pushkin v zhizni: Sistematicheskii svod lichnykh svidetel'stv sovremennikov* [Pushkin in Life: the Regular Arch of Personal Certificates of Contemporaries]. Moscow, Moskovskii rabochii. 703 p.

Vil'k, E. E. (2002). «Chudishche stozevno» i Tifon («Puteshestvie...» A. N. Radishcheva v kontekste misticheskoi literatury XVIII v.) [“The Monster has Hundred Mouths” and Tifon («Travel...» by A. N. Radishchev in a Context of the Mystical Literature of XVIII century)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 55 (3), pp. 151–173.

Zinger, T. (1934). Nikolai I – redaktor Pushkina [Nikolay I – Pushkin's Editor]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. Vol. 16–18, pp. 513–536.

Zvereva, T. V. (2019). Ploshchad'i balagan: razmyshleniya nad «Kapitanskoi dochkoi» E. Mikhailovoi [The Area and Buffoonery: Reflexions over *The Captain's Daughter* E. Mihailova]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik: Russkaya klassika. Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 123–134.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Author's information

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Literature and the Literature Theory, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

АНГЛИЦИЗМЫ НА -ИНГ В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

УДК 811.161.1:373.613:811.162.4:373.613. DOI 10.26170/FK20-01-05. ББК Ш141.12-32+Ш141.52-32.
ГРНТИ 16.21.45. Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

Ермачкова О.

Университет им. свв. Кирилла и Мефодия
в Трнаве, Словацкая Республика
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

Olga Iermachkova

University of Ss. Cyril and Methodius
in Trnava Slovak Republic
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

ANGLICISMS ENDING IN -ING IN RUSSIAN AND SLOVAK LANGUAGES

Abstract. This article focuses on the functioning of Anglicisms ending in *-ing* in the Russian and Slovak languages, pseudo-Anglicisms, and the reasons for the active borrowing of such words at present, as well as the controversy between linguists, historians, and politicians about the role and place of borrowing in a historical context. This study aims to trace the dynamics of Anglicisms in the contemporary Russian and Slovak languages via the descriptive and comparative methods. The quantitative estimation method is also used in this work. The study examines the main points of view on the issues of borrowing in Russian and Slovak linguistics: positive, negative and neutral. The focus is on the formal marker *-ing* and its word-building potential, which still causes controversy among linguists. One of the aims of the study is to identify the most frequent lexical groups of words with the suffix *-ing*. As a result of the study, the author makes a conclusion that the Russian and the Slovak languages codify words with this formal marker in different ways. Some words, recorded in the Slovak dictionaries, are found in Russian on the periphery of the lexicon. The author believes that the invasion of Anglicisms ending in *-ing* is just a passing trend. Most of these words are easily replaced by the native language analogues. On the other hand, some anglicisms describe this or that notion/process more accurately, significantly saving space. Certain research interest is aroused by pseudo-Anglicisms illustrating authored poetic works with marked expressive evaluation. It can be assumed that the number of Anglicisms with the suffix *-ing* might increase every year, since they reflect the intensification of socio-economic processes in society.

Key words: word borrowing; Anglicisms; pseudo-Anglicisms; purisms; Russian language; Slovak language.

Аннотация. Данная статья посвящена функционированию англицизмов на *-инг* в русском и словацком языках, псевдоинговым случаям, причинам активного заимствования слов с этим суффиксом в наше время, а также полемике лингвистов, историков, политиков о роли и месте заимствований в историческом разрезе. Цель исследования – проследить динамику англицизмов в современном русском и словацком языках методом описания и сопоставления. Наряду с вышеуказанными методами в работе также применяется метод количественного подсчета. В ходе исследования рассматриваются основные точки зрения на проблематику заимствования в русском и словацком языкознании: положительные, отрицательные и нейтральные. В центре внимания находится формант *-инг*, его словообразовательный потенци-

ал, который до сих пор вызывает споры среди лингвистов. Одной из подцелей работы является выявление наиболее частотных лексических групп слов с суффиксом *-инг*. В результате исследования получены выводы о том, что русский и словацкий языки по-разному кодифицируют слова с данным формантом. Некоторые слова, фиксируемые словацкими словарями, находятся в русском языке на периферии. На наш взгляд, нашествие англицизмов на *-инг* – это дань моде. Большинство таких слов легко заменяется языковыми аналогами родного языка. С другой стороны, некоторые англицизмы точнее описывают то или иное понятие/процесс, значительно экономя место. Интерес представляют псевдоингговые случаи, которые иллюстрируют авторские поэтические произведения с яркой экспрессивной оценкой. Можно предположить, что количество англицизмов с суффиксом *-инг* будет увеличиваться с каждым годом, так как они – отражение активизации социально-экономических процессов в обществе.

Ключевые слова: заимствование слов; англицизмы; псевдоанглицизмы; пуризм; русский язык; словацкий язык.

Благодарности: исследование выполнено в рамках научного проекта KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu «ruského sveta» v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Acknowledgments: research is accomplished within scientific project KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Для цитирования: Ермачкова, О. Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках / О. Ермачкова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 51–61. – DOI: 10.26170/FK20-01-05.

For citation: Iermachkova, O. (2020). Anglicisms Ending in *-ing* in Russian and Slovak Languages. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 51–61. DOI: 10.26170/FK20-01-05.

Введение. Неотъемлемой частью жизни общества являются социальные контакты, как внутренние, так и внешние. В результате общения, обмена информацией происходит заимствование идей, понятий, предметов, которое неизменно влечет за собой создание или заимствование их лексических обозначений. Одним из основных путей появления новых слов в языке, наряду со словообразованием, является заимствование. В. В. Колесов пишет, что «одно поколение может принять в свой лексикон около двух тысяч новых заимствований» [Колесов 1998: 180]. Заимствование иностранных слов – «один из неизбежных результатов исторического развития языка» [Костомаров 1999: 110].

Процессы, происходящие в современном мире, ведут к глобализации в разных сферах – от экономики и политики вплоть до лингвистики. Следовательно, на примере заимствований можно проследить тенденции развития того или иного языка, а также проанализировать положительные и отрицательные стороны такого влияния.

Англицизмы активно становились объектом исследований в работах многих лингвистов, социологов, переводчиков [Крысин

1968, 1996, 1997, 2000, 2002; Брейтер 1997; Дьяков 2012, 2015; Маринова 2014; Влахов, Флорин 1980; Dolník 1991, 1999; Horecký 1991, 1999; Kačala 1991; Masár 1994; Považaj 1995] и др.

Отношение к заимствованию. В данной работе под заимствованием мы имеем в виду, в первую очередь, англицизм. Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова «англицизм – слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов 1983: 26]. Словацкий «Общий энциклопедический словарь» определяет англицизм как «*jazykový jav ovplyvnený angličtinou alebo prevzatý z angličtiny*» [Paulička a kol. 2002: 150]. В масштабах данной статьи мы будем считать англицизмом лишь слово, пришедшее из английского языка, а формы, образованные по образцу, – псевдоанглицизмами.

Активное изучение заимствования в языкознании началось на рубеже XIX–XX веков. В русской лингвистической традиции наиболее системно вопросы заимствования первым осветил Л. П. Крысин, а в словацкой – Ю. Долник и Я. Хорецки.

Вопрос заимствования является одним из «вечных дилемм» любого языка. Как извест-

но, в рассмотрении данного вопроса встречаются совершенно противоположные точки зрения: принятие заимствования, признание их необходимости и, напротив, отрицание этого процесса, трактуемого как угроза самобытности русского языка, «ohrozenie suverenity slovenčiny, ako jej ponížovanie» [Masár 1994: 142].

Наряду с многочисленными плюсами процесса заимствования (пополнение словарного запаса, название новых понятий и явлений, экономизация и т. д.) существует противоположный взгляд на данную проблематику. Многие ученые полагают, что заимствования «засоряют», ограничивают, упрощают язык. Как следствие, это приводит к утрате самобытности, культурных аспектов и т. п. Л. П. Крысин считает, что в русской лингвистике остро стоит «проблема засилья англицизмами», Я. Качала говорит о «explózii anglicizmov» [Качала 1993: 325–326].

Далее рассмотрим данную проблему в исторической ретроспективе и попробуем найти истоки пуризма в русской и словацкой лингвистике.

Во все времена язык интенсивно пополнялся заимствованиями, так как люди практически никогда не жили в полной изоляции. В ходе многочисленных исторических событий языки влияли друг на друга, смешивались, ассимилировались. Лексический запас – это самая непостоянная составляющая языка, которая расширяется и видоизменяется.

По мнению многих ученых, расцветом заимствования в русском языке стал XVIII век – время, когда заимствования выступали в качестве стилистического украшения и знакомой русской ориентации. Вместе с тем, именно в этот период, появляются первые пуристические замечания в адрес иноязычной лексики. В «Предисловии к переводу Иустиновой истории» А. Кантемир (1738–1744) пишет, что старался переводить «не употребляя чужестранных речей, которые по крайней возможности искал миновать» [Веселитский 1974: 39–42, цит. по Живов 1996]. По мнению В. Н. Татищева (1737), употребление заимствованной лексики характерно для низших слоев общества [Татищев 1990: 224, цит. по Живов 1996]. Его современник А. П. Сумароков также писал в своих критических статьях о «порче»

языка иностранными словами и предлагал употреблять вместо них отечественные «аналоги», при этом признавая необходимость греческих заимствований. Такую позицию можно считать умеренным пуризмом.

В отличие от А. П. Сумарокова, А. С. Шишков высказывал крайние пуристические взгляды и предлагал «очистить» русский язык от «неславянских» слов, создавая новые (напр.: *галоши* – мокроступы).

Предложениям А. С. Шишкова противостояли представители карамзинской школы во главе с А. С. Пушкиным, которые считали заимствования уместными и ассоциировали их с прогрессом.

Пуристическим идеям способствовали те или иные политические события. С началом Первой мировой войны было принято отказаться от немецких слов (напр.: *Петербург* – *Петроград*).

В советский период сформировался идеологический пуризм как следствие враждебного отношения к Западу. В годы сталинского режима, а также в годы «холодной войны» не только был приостановлен сам процесс заимствования, но и в обязательном порядке вводились замены некоторых иноязычных слов [Маринова 2014: 63].

Снятие идеологических ограничений в постсоветское время, компьютеризация, интернетизация, развивающийся туризм и торговля усилили поток иностранной лексики, на что общественность отреагировала крайне негативно, называя заимствования *вторжением, нашествием*. Е. П. Чельшев заявлял: «Одно дело – экономически оправданные, естественные заимствования <...> и совсем другое – агрессивная, тотальная „американизация“» [АиФ от 05.10.2002].

Язык – саморегулирующийся организм, ведь как справедливо заметил В. Г. Белинский: «Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление» [Белинский 1955: 61].

В словацком языке у истоков пуризма стояли словацкий ученый Матей Бел и Людовит Штур – общественный деятель, писатель, который выступал за чистоту родного языка, используя исключительно словацкую лексику.

В конце XX века в словацкой лингвистической среде сформировалось достаточно

отрицательное отношение к англицизмам. Старшее поколение словацких лингвистов (Dolník, Horecký, Považaj) видит в засилье англицизмов угрозу суверенитету словацкого языка, причину проблемы языковой культуры. Ю. Долник считает, что надо «prebera' len funkčné, potrebné prvky»¹ [Dolník 2002: 2] и что «mnohí Slováci siahajú aj po nefunkčných anglických výrazoch čiže takých, ktoré sa dajú po'ahky nahradiť domácimi výrazmi»² [Dolník 2002: 8]. Такого же мнения придерживается М. Поважай: «...prebera' je vhodné iba také prostriedky, ktoré naozaj nevyhnutne potrebujeme...»³ [Považaj 1995: 196–197].

Иную точку зрения отстаивает молодое поколение словацких лингвистов, поддерживающих необходимость иностранных слов. Я. Цихова говорит о том, что «niektoré (najmä odborné) pojmy nachádzajú svoj slovenský ekvivalent len t'ažko a ich používanie nie je celkom bezproblémové»⁴ [Cihová 2010], П. Есенска, исследовав словарный состав словацкого языка, приходит к выводу о том, что «anglicizmov je v súčasnej slovenčine veľmi málo»⁵ [Jesenská 2004].

Из всего вышеприведенного следует, что мнения лингвистов как в русской, так и словацкой лингвистике схожи. Решение проблемы избыточного употребления заимствований филологи советуют «искать не столько в запретительных мерах, сколько в целенаправленном языковом воспитании общества» [Нещименко 2003: 29].

На наш взгляд, об угрозе языку со стороны заимствований следует говорить лишь в тех случаях, когда иностранные слова используются некорректно, а также в случаях с речевым невежеством или неуместным употреблением иноязычных слов ради балагурства.

Причины заимствования. Распространение заимствований – явление закономерное

и объяснимое. Заимствования появляются прежде всего «в слабо разработанных семантических зонах, отдельные объекты и характеристики которых еще не вербализованы в том или ином языке, и могут служить своего рода маркерами лакун» [Богданова 2008: 11]. Появление новой терминологии стало толчком к заимствованию слов в связи с распространением информационных технологий. Следующими, весьма весомыми, причинами являются социально-психологические причины – мода и престиж. Экспрессивность новизны – «одна из стойких причин заимствования англицизмов как более престижных, значительных, выразительных» [Розен 1991: 152].

К причинам популярности англицизмов в русском языке можно отнести бесспорное мировое лидерство англоязычных стран во многих отраслях нашей жизни. Нередко желание разграничить оттенки значения или содержательно близкие слова приводит к появлению новых слов (напр.: англ. *эйчар* и рус. *кадровик*).

Согласно Л. П. Крысину, наиболее актуальными причинами заимствований являются следующие: необходимость наименования новой реалии, предмета, понятия (*публицити, бренд*); необходимость обозначения явлений, которые и ранее присутствовали в жизни общества, но не имели соответствующей номинации (*мафия, ракет*); экономия речи (*рейтинг* – положение фирмы, передачи и т. п.); необходимость акцентуации частичного изменения социальной роли реалии в изменяющемся социуме (*офис* – контора, служебное помещение).

Все рассмотренные выше причины заимствования можно разделить на *лингвистические* и *экстралингвистические*.

Формант *-инг* в современном русском и словацком языках. В наше время многие сферы жизнедеятельности наполнены значительной по объему группой существительных на *-инг*, заимствованных из английского языка. Особенно интенсивно это представлено в СМИ (напр.: *Системы спутникового мониторинга* [КП 31.8.16], *Боулинг для экскаватора* [КП 17.8.18], *Митинг против засилья мигрантов* [КП 1.9.18], *Пассажиры будут получать компенсации за овербукинг* [РГ 24.08.18], *Adrenalinový*

¹ Заимствовать надо лишь необходимые элементы (Авт. перевод).

² Многие словаки прибегают и к нефункциональным английским словам, которые легко заменяются выражениями своего собственного языка (Авт. перевод).

³ Заимствовать стоит лишь те средства, которые нам обязательно/определенно нужны (Авт. перевод).

⁴ Некоторые понятия (особенно научные) сложно заменяются словацким эквивалентом и их использование не является вполне беспроблемным (Авт. перевод).

⁵ Англицизмов в современном словацком языке очень мало (Авт. перевод).

zážitok ako bungee jumping [SME 4.8.18], *Gigantická naivita aj skvelý koučing?* [SME 3.7.18], а также в сфере рекламы косметических средств: *лифтинг-крем, стайлинг-мусс, стайлинг-гель, имиджмейкинг* и т. п.

Формант *-инг* не является новым для славянских языков. Слова с этим аффиксом входили в эти языки и раньше, но никогда до этого не приобретали такого масштабного характера. В конце прошлого века сформировалась мода на этот суффикс, которая продолжается по сей день. Первым периодом заимствования слов на *-инг* ученые (Л. П. Крысин, В. М. Аристов и др.) считают XVI век – время сближения России с Англией. В этот период были заимствованы названия денежных единиц (напр.: *стерлинг, шиллинг, фартинг*). Вторым этапом заимствования слов на *-инг* стала Петровская эпоха. Третий период (конец XVIII – начало и середина XIX в.) связан с повышением международного престижа Англии. В XX – начале XXI века благодаря СМИ и Интернету пополнился пласт технической, промышленной лексики.

В языке-источнике слова на *-инг* являются производными от глагольных основ (*to dance – dancing*) и их количество в словарях превышает 1500 единиц. Английские слова на *-инг* – это отглагольные существительные, действительные причастия или герундий.

Суффикс *-инг* как показатель иноязычности был отмечен еще академиком В. В. Виноградовым в 1972 году: «...гораздо менее многочисленна и разнообразна серия суффиксов твердого мужского склонения, обозначающих предметы. Некоторые из этих суффиксов однородны с суффиксами лиц <...> они выделяются в заимствованных словах: *-ат, -ант, -ент, -мент, -инг...*» [Виноградов 1972]. Отмечая среди этих суффиксов и суффикс *-инг*, лингвист пишет, что существительные на *-инг* входят в русский язык «с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блуминг, крекинг, демпинг, митинг, дансинг* и т. д.» [Виноградов 1972].

Словацкий лингвист Ю. Долник в статье «*Anglické slová na -ing*» (1991) пишет, что слова на *-инг* не являются новым явлением в языке, что такие слова, как *tréning, skauting, boting, dancing* заимствованы в межвоенный период

и что появление таких слов в общественной и экономической ситуации естественно нарастает [Dolník 1991: 324].

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой (2005) этот структурный элемент трактуется как нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом.

Относительно словообразовательных возможностей данного суффикса в русском языке бытует несколько расхожих точек зрения. Так, С. Ю. Аддиванкин и О. П. Сологуб считают, что на русской почве *-инг* еще не сформировался как полноценный суффикс, «так как слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры; в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образовано данное слово, что является необходимым условием становления структурного элемента как самостоятельной морфемы» [Сологуб 2002: 130–134].

В работах последних лет находим иную точку зрения. Так, А. И. Дьяков утверждает, что «английский суффикс *-ing* в начале XXI века благодаря СМИ и Интернету активизировал свою словообразовательную активность», потенциально превратившись в «русскую» морфему. Этот суффикс, актуализирующий наблюдаемую процессность, по сравнению с языком-источником, расширяет свое словообразовательное поле: в качестве производящих выступают и собственные имена (*Сталинг*), и конкретные существительные (*сарделинги*), и словосочетания (*метробабка-дуринг*) [Дьяков 2015: 241].

Такие случаи, как *сарделинг, Сталинг* мы считаем целесообразным относить в разряд псевдоинговых слов и рассматривать на уровне окказионального словообразования, так как они создаются с целью обеспечить большую экспрессию в конкретно взятом контексте и не остаются в языке.

Бесспорным является факт активизации у слов с аффиксом *-инг* некоторых словообразовательных характеристик. О. П. Сологуб считает возможным выделять в слове *тренинг* суффикс *-инг*, так как слово воспринимается как производное от глагола *тренировать(ся)*

и включается в ряд однокоренных слов *тренер, тренироваться, тренировка, тренаж*.

В конце XX века В. Г. Костомаров отмечал, что англицизмы на *-инг*, как правило, пополняют группу *singularia tantum*. В наше время все чаще фиксируются примеры множественного числа (*кастинги, митинги* и т. д.), формы прилагательных (*боулинговый, демпинговый, рейтингový кемпинговый*) и т. д. Глагольный суффикс *-ова(ть)* также нередко участвует в деривации от англицизмов на *-инг*: *дайвинговать, шейпинговать* и т. д.

С точки зрения освоенности лишь некоторая часть слов на *-инг* полностью ассимилировалась в исследуемых языках графически, грамматически, словообразовательно, семантически (напр.: *маркетинг, мерчендайзинг, консалтинг...*). Большая же половина инговых слов находится в пограничном состоянии. Такие слова адаптировались к нормам языка, но все еще некодифицированы (*хэджантинг, дауншифтинг, моббинг, караванинг, ребрэндинг, овербукинг, шугейзинг, тимбилдинг, нетворкинг, троллинг, блоггинг, копирайтинг, мейлинг, клининг, койсінг* и др.).

Если в русском языке слова на *-инг*, как правило, ассимилируясь, образуют единую форму, то в словацком возможна некоторая вариантность (*leasing/lízing – prenájom; míting/meeting – stretnutie, schôdzka; peeling/píling – odstraňovanie kúskov odumretej pokožky; styling/stájling – slohová úprava, prepracovanie textu; skipping/skipping*).

Еще на одну особенность слов на *-инг* указывает Ю. Долник. Он считает, что некоторые английские слова образуются от двух слов. Вследствие универбации подавляется субстантивный член и остается только член с суффиксом *-инг*, который обозначает целое понятие. Например, *dancing room – dancing, fitting pieces – fitting/фитинг, parking lot – parking/паркинг, providing safe deposit boxes – safing/сейфинг*. Особый случай представляет слово *смокинг* – костюм (англ. *smoking jacket*), *smoking* – курение. Форма такого слова «настоящая», а значение стало «поддельным».

Относительно кодифицированности стоит заметить, что слова с суффиксом *-инг* зафиксированы в различных словарях. В «Большом словаре иностранных слов. 35 000 слов» под редакцией А. Н. Булыко (2007) находится

138 слов на *-инг*. Правда, некоторые из них не являются английскими по происхождению (нем. *рислинг*, сканд. *викинг*, дат. *фолькетинг*, нор. *стортинг*, шв. *лагтинг*, нидер. *элинг*, нор. *лемминг*), образованы на основе фамилий *боинг* – самолет (англ. *William Edward Boeing*), *квислинг* – предатель (нор. *Vidkun Quisling*).

В «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой (2014) из 100 000 единиц лишь 98 слов на *-инг*.

В словацком «Словаре иностранных слов» М. Ивановой-Шалинговой – З. Маниковой (1983), включающем 60 000 единиц, около 80 слов на *-инг*. В словаре Г. Бруккера – Я. Опатиковой (2006) из 30 000 около 120 слов.

Многие слова, внесенные в словари, являются малоиспользуемыми (напр.: *баггинг*), выходят из употребления в связи с техническим прогрессом (напр.: *пейджинг*) или исчезают полностью (напр.: исчезло *boxing*, а осталось *box/бокс*). Стремительно появляются новые слова, особенно в сфере спорта, экономики, культуры, которые еще не внесены в словари (напр.: *ривербакинг* – разновидность сплавов по рекам). Фиксатором таких слов зачастую выступают СМИ и Интернет.

С точки зрения семантики англицизмы на *-инг*, закрепленные в словарях, можно разделить на лексико-тематические группы:

1. Спорт, активный отдых, игры (27): *айсинг, боулинг, допинг, ринг, реслинг, бодибилдинг, кикбоксинг, шейпинг, трекинг, армреслинг, спарринг, футинг, керлинг, кроссинг, тренинг, картинг, дайвинг, серфинг, виндсерфинг, рафтинг, кемпинг, брейн-ринг, дриблинг, прессинг, спиннинг, джоггинг, пауэрлифтинг*. Примечателен тот факт, что словацкие словари фиксируют уже такие новые виды спорта как *akvaplaning, biking, bungee jumping, jachting, paragliding, skating, skijoring, freediving, skipping/skipping, trekking*. В русском языке новые направления в спорте отмечают СМИ, напр.: *Банджи-джампинг* – популярный мировой аттракцион... [АиФ 4.7.18]. Новые виды спорта (напр.: *драйтуринг, зорбинг, кайтбаггинг, роллерскейтинг, рэппелинг, скайсерфинг* и др.) возникают с такой скоростью, что словари, возможно, не успевают вносить такой пласт новой лексики. Эта группа является самой многочисленной, так как для наименования спортивных игр необходимы языковые средства, обозначающие процессуальность.

Аффикс *-инг* способен выполнить данную задачу.

2. Наука, техника, промышленность (18): *блуминг, кросинг, тюбинг, крекинг, слябинг, бельтинг, брайнинг, дампинг, инжиниринг, фитинг, фединг, заппинг, тюнинг, мусинг, салинг, шепинг, антифидинг, сайдинг*. Подгруппой выступает Интернет и связь (6) (*банкинг, интернет-пейджинг, интернет-серфинг, роуминг, пейджинг, баггинг*).

Отметим, что словацкие словари включают многие инговые слова с префиксом *теле-*, напр.: *telemarketing, telerecording, teleshopping*.

3. Экономика, финансы, торговля (18): *демпинг, клиринг, маркетинг, консалтинг, лизинг, мерчандайзинг, трейдинг, банкинг, холдинг, факторинг, аутсорсинг, дилинг, реинжиниринг, франчайзинг, фиксинг, листинг, рентинг, канцелинг*. Подгруппами являются: Персонал (2) (*рекрутинг, хедхантинг*); Реклама (3) (*андеррайтинг, копирайтинг, мониторинг*).

4. Общественные явления (4): *киднеттинг, хайджекинг, дауншифтинг, шокинг*. Подгруппа Политика (5) (*митинг, рейтинг, антирейтинг, брифинг, имиджмейкинг*). В словаре Г. Бруккера и Я. Опатиковой зафиксировано слово *racketeering – vudieračstvo, vymáhanie platenej ochrany*. В русском языке это слово не является инговым (ср.: рэкет). В словацком являются кодифицированными такие «сверхмодные» слова нашего времени, как *baby-sitting, coming-out, brainstorming, brainwashing, branding*.

5. Медицина, биология (3): *скрининг, петтинг, хоминг*. Подгруппа Разведение и уход за животными (5) (*тримминг, аутбридинг, ауткроссинг, кроссбридинг, инбридинг*).

6. Бытовая лексика (7): *паркинг, дансинг, селинг, анбоксинг, шопинг, смокинг, пудинг*. В отличие от русского языка, словацкие словари кодифицируют подгруппу Питание (напр.: *catering – objekty na zásobenie lietadiel jedlami; dresing/dressing – zálievka, prísada do šalátov, omáčka; toasting – opekanie; carving – krájanie, rezanie*).

7. Красота, здоровье (5): *бодипирсинг, лифтинг, пирсинг, кастинг, аутотренинг*. В словацком языке внесены в словарь такие слова, как *styling, modeling, facelifting, fling, peeling/piling*. Данная группа включает большое количество инговых слов, которые знакомы носителям языка, особенно женщинам, но ввиду своей

специфики не включены в словари и в скором времени не будут, например, косметические процедуры: *брашинг, шейвинг, шугаринг, ваксинг, фейсинг, фэйсбилдинг* и др.

8. Искусство (4): *хендлинг, хеппенинг, бодипейтинг, свинг*.

Довольно часто в случаях со словами на *-инг* наблюдается расширение семантической структуры слова. Оно происходит обычно в направлении обобщения смысла заимствованного слова, отнесения его к более широкому кругу объектов действительности [Брейтер 1997: 80]. Отметим, что расширение исконного значения англицизма в русском языке – это частое явление в сленговом лексиконе, о чем свидетельствуют следующие примеры: *допинг* – доплата к стипендии на питание [Никитина 2003: 147]; *митинг* – встреча, свидание [Никитина 2003: 345]; *пейджинг* – вечеринка со спиртным [Никитина 2003: 433]; *факинг* – презр. что-л. отвратительное, скверное [Никитина 2003: 620]; *хакинг* – чаще мн. хакинги – высокие массивные ботинки со шнуровкой [Никитина 2003: 646].

Псевдоинговые случаи. В русском языке XXI века стало появляться много *псевдоинговых* слов. Авторы сатирических и юмористических текстов видят в данном суффиксе мощное экспрессивное средство.

Виктор Григорьев в докладе «О светлом будущем „инговых форм“ в поэтическом языке» говорит, что «едва ли не парадоксально, что сложные стили поэзии равнодушны к экспериментам с „инговыми формами“ – здесь в лидеры, в отличие от ситуации начала XX века, выходит беллетристика, которая уверенно вводит в речь персонажей опыты типа *виннинг, позоринг, писинг* (Елистратов), *водопадинг* (Ануфриков), *meeting – eating – чай питинг* (Толстой)» [Григорьев 2005].

В конце доклада В. Григорьев приводит целый ряд своих «проб на инговые формы»: *ам-Путинг, АнтиЖириг, аршининг, базаринг, балаболинг, балдеинг, басманинг, беспутинг, блининг, брединг, буминг, воринг, всхлипинг, гадинг, глуминг, головозадинг, дреминг, дрёминг, дремлиг, думинг, засекретинг, засекречинг, излишинг, изыскинг, имитинг, иронинг, Ленинг, логопоэинг, любинг, любоначалинг, многоглаголинг, намеринг, обеспечинг, оболванинг, оболживинг, обрыдлиг, обвегоринг, отпадинг, подсыпинг, поливинг, приколиг,*

пудринг, путчинг, раздербанинг, раздолба (й) инг, распутинг, скептинг, смех-и-горетворинг, спросонинг, Сталинг, столпотворинг, стрессинг, тащинг, умапалатинг, чистописинг, шоуинг, штопинг, ЭлДэПэЭринг, элитинг [Григорьев 2005].

Интересен и тот факт, что инговые формы все чаще образуются от имен собственных, подтверждение чему находим у В. О. Пелевина в романе «Бэтмен Аполло»:

– Балаклавинг? – Путинг, ответил один из омоновцев. Офицер с сомнением смерил меня глазами.

Инговое словотворчество наблюдаем в поэтических произведениях. Так, стихотворение «Стихи на „инг“» Сергея Бирюкова полностью построено на псевдоинговых словах в шутовой, иронической форме. Таким своеобразным способом автор определяет место данного суффикса в наше время, намекая на его чрезмерное засилье в современном языке.

Стихи на «Инг»

*я слово полюбил маркетинг
оно зеркалинг нашеверминг
в нем чувствинг умнинг
всей эпохинг
где нужен пилинг
как зуд ивнинг
где пьется пивинг
льется вининг
где холдинг или бодибилдинг
необходиминг
словно свининг
а может дажинг
словно спаринг
продолжимг
(форминг «имг» реалинг)
в чем раздражилинг –
раздолбаинг
приколинг
бомбинг
церетелинг
конечно можнинг
и чайпитинг
и денинг-ночинг
перепутинг
но что за этимг?
полный скептинг?
вопросинг полнинг
диалектинг –*

кто виноватинг...

*все предыдущее отбросимг
оставим лишь одно –
любовинг
ливнинг*

Выводы. В современном мире нет ни одной сферы жизнедеятельности, которую бы не затронуло «наводнение» англицизмов. Англицизмы с суффиксом *-инг* – отражение активизации социально-экономических процессов в обществе. Эти спортивные, экономические, научные, компьютерные, бытовые термины стали неотделимы от национальных языков. Их «импорт» продолжается и увеличивается с каждым годом. Можно предположить, что слова на *-инг* будут пополнять языки все больше и больше, учитывая «языковой вкус эпохи» и господство английского языка в мире.

Источником инговых слов в данном исследовании стали русские и словацкие словари иностранных слов, вышедшие в разное время, художественные и медийные тексты. В общей сложности было проанализировано более 500 единиц.

Принимая во внимание субъективность процесса включения слов в словари, нельзя начертить четкую и реальную картину слов с инговыми элементами. Словари фиксируют лишь определенный процент слов, и не всегда самых частотных.

Многочисленные псевдоинговые случаи в русском языке (в словацком не были выявлены) свидетельствуют об огромном интересе к этому суффиксу как к мощному экспрессивному средству.

Большинство слов на *-инг* легко заменить единицами родного языка (*лифтинг* – подтяжка, *кастинг* – отбор, *yachting* – *jachtárstvo*, *seiling* – *plachtenie* и т. д.), однако языковая мода диктует свои правила.

На наш взгляд, нашествие англицизмов с *-инг* – это дань моде. Такие слова воспринимаются как более престижные, привлекают внимание своим «иностранным» звучанием. Они обеспечивают экономию речи, большую конкретику, так как чаще всего обозначают действие. Инговые слова – определенный тренд, ставший неотъемлемой частью Интернета, рекламы и СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристова, В. М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований / В. М. Аристова // Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. – Калининград, 1997. – С. 12–19.
- Аристова, В. М. Морфологическая структура английских слов в русском языке / В. М. Аристова // Англо-русские языковые контакты. – Ленинград: ЛГУ, 1978. – С. 44–47.
- Белинский, В. Г. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – Москва, 1955. – Т. IX. – С. 60–62.
- Бирюков, С. Е. POESIS ПОЭЗИС POESIS. Книга стихотворений / С. Е. Бирюков. – URL: http://russgulliver.narod.ru/Birukov_1.pdf. – Текст: электронный.
- Богданова, Л. И. Иноязычное слово в контексте русской культуры: когнитивный аспект / Л. И. Богданова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – С. 11–17.
- Брейтер, М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов / М. А. Брейтер. – Владивосток: Диалог-МГУ, 1997. – 155 с.
- Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 000 слов / А. Н. Булыко. – Мартин, 2007. – 704 с.
- Григорьев, В. П. Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке / В. П. Григорьев. – URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html>. – Текст: электронный.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Москва: Олма-Пресс, 2001. – Т. 1.
- Дьяков, А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование / А. И. Дьяков. – Омск, 2015. – 445 с.
- Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка, 100 000 слов и выражений / Т. В. Егорова. – Москва: Аделант, 2014. – 800 с.
- Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: АСТ; Астрель, 2005.
- Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
- Ильенко, С. Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии / С. Г. Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии / под ред. С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург, 1996.
- Колесов, В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург, 1998. – 218 с.
- Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Изд. 3-е, исп. и доп. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.
- Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – Москва: Наука, 1968. – 208 с.
- Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – Москва, 1996.
- Крысин, Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – 2000. – № 5. – С. 63–91.
- Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
- Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва: Эксмо, 2006.
- Маринова, Е. В. «Вечный вопрос» о заимствованиях / Е. В. Маринова // Культура речи. – 2014. – № 2. – С. 59–65.
- Нещименко, Г. П. Заимствования и их роль в этнической коммуникации: проблемы, споры / Г. П. Нещименко // Jazykovedný časopis. – Bratislava, 2003. – № 1–2. – С. 13–30.
- Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым / Т. Г. Никитина. – Москва: Астрель; АСТ, 2003. – 736 с.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва, 1983. – 816 с.
- Пелевин, В. О. Бэтман Аполло / В. О. Пелевин. – Москва: Эксмо, 2013. – 512 с.
- Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – Москва, 1991. – 189 с.
- Сологуб, О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О. П. Сологуб // Наука. Университет: материалы Третьей научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 130–134.
- Brukker, G. Velký slovník cudzích slov / G. Brukker, J. Opatíková. – Bratislava : Vydavateľstvo Robinson, 2006.
- Cihová, J. Termíny v environmentalistike (Anglicizmy v environmentálnych textoch EÚ) / J. Cihová // Kultúra slova. – 2010. – Roč. 44, č. 2. – S. 65–78.
- Dolník, J. Preberanie výrazov a kultivovanie spisovného jazyka / J. Dolník // Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti. – Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1999.
- Dolník, J. Ohrozujú anglicizmy slovenčinu? / J. Dolník // Studia Academica Slovaca. – Bratislava, 2002.
- Dolník, J. Spisovná slovenčina a jej používatelia / J. Dolník. – Bratislava : Stimul, 2000.
- Horecký, J. Anglické slová na *-ing* v slovenčine / J. Horecký // Kultúra slova. – 1991.
- Horecký, J. Internacionalizácia a europeizácia slovenčiny / J. Horecký // Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti. – Bratislava : Vydavateľstvo SAV, 1999.
- Ivanová-Šaligová, M. Slovník cudzích slov / M. Ivanová-Šaligová, Z. Maníková. – Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1983.

- Jesenská, P. Slovenčina pod „paľbou“ anglicizmov? / P. Jesenská // Zborník mladých filológov UMB. Materiály z 3. konferencie mladých filológov UMB. – Banská Bystrica : Pedagogická fakulta UMB, 2004. – S. 8-15.
- Kačala, J. Vymedzenie pojmu jazyková suverenita / J. Kačala // Kultúra slova. – 1991. – № 25. – S. 3-9.
- Masár, I. Aj slovenčina potrebuje zákonnú ochranu / I. Masár // Kultúra slova. – 1994. – № 28. – S. 138-144.
- Považaj, M. Zo súčasnej problematiky jazykovej kultúry / M. Považaj // Kultúra slova. – 1995. – № 29. – S. 192-197.
- Považaj, M. Súčasný stav jazykovej kultúry / M. Považaj // Kultúra slova. – 1994. – № 28, č. 5. – S. 257-262. – URL: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/1994/5/ks1994-5.html>. – Текст : электронный.
- Paulička I a kol. Všeobecný encyklopedický slovník A – F. – Praha : Ottovo nakladatelství, 2002. – 1039 s.

Печатные издания в электронном виде

Аргументы и Факты. – URL: <http://www.aif.ru>.

Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru>.

SME. – URL: <https://www.sme.sk>.

REFERENCES

- Aristova, V. M. (1978). Morfologicheskaya struktura angliiskikh slov v russkom yazyke [Morphological Structure of English Words in Russian]. In *Anglo-russkie yazykovye kontakty*. Leningrad, LGU, pp. 44–47.
- Aristova, V. M. (1997). K istorii anglo-russkikh literaturnykh svyazei i zaимstvovanií [To the History of English and Russian Literary Relations and Borrowings]. In *Semanticheskie edínitsy v kategorii russkogo yazyka v diakhronii*. Kaliningrad, pp. 12–19.
- Belinskii, V. G. (1955). Karmannyi slovar'inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka, izdavaemyi N. Kirillovym [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language, Published by N. Kirillov]. In *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow. Vol. IX, pp. 60–62.
- Biryukov, S. E. POESIS POEZIS POESIS. Kniga stikhotvorenii [POESIS POETRY POESIS. Book of Poems]. URL: http://russgulliver.narod.ru/Birukov_1.pdf.
- Bogdanova, L. I. (2008). Inoyazychnoe slovo v kontekste russkoi kul'tury: kognitivnyi aspekt [A Foreign Language Word in the Context of Russian Culture: a Cognitive Aspect]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 4, pp. 11–17.
- Breiter, M. A. (1997). *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy: posobie dlya inostrannykh studentov-rusistov* [Anglicisms in Russian: History and Prospects: a Guide for Foreign Russian Students]. Vladivostok, Dialog-MGU. – 155 p.
- Brukker, G., Opatíková, J. (2006). *Velký slovník cizích slov*. Bratislava, Vydavateľstvo Robinson.
- Bulyko, A. N. (2007). *Bol'shoi slovar'inostrannykh slov. 35 000 slov* [A Large Dictionary of Foreign Words. 35,000 Words]. Martin. 704 p.
- Cihová, J. (2010). Termíny v environmentalistike (Anglicizmy v environmentálnych textoch EÚ). In *Kultúra slova*. Roč. 44, č. 2, s. 65–78.
- Dal', V. I. (2001). *Tolkovyi slovar'zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Moscow, Olma-Press. Vol. 1.
- Dolník, J. (1999). Preberanie výrazov a kultivovanie spisovného jazyka. In *Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Dolník, J. (2000). *Spisovná slovenčina a jej používatelia*. Bratislava, Stimul.
- Dolník, J. (2002). Ohrozujú anglicizmy slovenčinu? In *Studia Academica Slovaca*. Bratislava.
- D'yakov, A. I. (2015). *Statika i dinamika anglitsizmov v sisteme russkogo yazyka: mnogoaspektnoe lingvisticheskoe modelirovanie* [Statics and Dynamics of Anglicisms in the Russian Language System: Multidimensional Linguistic Modeling]. Omsk. 445 p.
- Efremova, T. F. (2005). *Tolkovyi slovar'slovoobrazovatel'nykh edínits russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Word-formation Units of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow, AST, Astrel'.
- Egorova, T. V. (2014). *Slovar'inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka, 100 000 slov i vyrazhenii* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language, 100 000 Words and Phrases]. Moscow, Adelant. 800 p.
- Grigor'ev, V. P. *Svetloe budushchee «ingovykh form» v russkom poeticheskom yazyke* [The Bright Future of “Ingov Forms” in Russian Poetic Language]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html>.
- Horecký, J. (1991). Anglické slová na -ing v slovenčine. In *Kultúra slova*. Ročník 25, číslo 10.
- Horecký, J. (1999). Internacionalizácia a europeizácia slovenčiny. In *Zborník Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch – za a proti*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- Iľenko, S. G. (1996). K poiskam orientirov rechevoi konfliktologii [To the Search for Landmarks of Speech Conflictology]. In Iľenko, S. G. (Ed.). *Aspekty rechevoi konfliktologii*. Saint Petersburg.
- Ivanová-Šaligová, M., Maníková, Z. (1983). *Slovník cizích slov*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Jesenská, P. (2004). Slovenčina pod „paľbou“ anglicizmov? In *Zborník mladých filológov UMB. Materiály z 3. konferencie mladých filológov UMB*. Banská Bystrica, Pedagogická fakulta UMB, s. 8–15.
- Kačala, J. (1991). Vymedzenie pojmu jazyková suverenita. In *Kultúra slova*. No. 25, s. 3–9.
- Kolesov, V. V. (1998). *Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra* [Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow]. Saint Petersburg. 218 p.
- Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoí vkus epokhi. Iz nablyudenií nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of the Media]. 3rd edition. Saint Petersburg, Zlatoust. 320 p.

- Krysin, L. P. (1968). *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign Words in Modern Russian]. Moscow, Nauka. 208 p.
- Krysin, L. P. (1996). Inoyazychnye slova v sovremennoi zhizni [Foreign Words in Modern Life]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya*. Moscow.
- Krysin, L. P. (2000). O nekotorykh izmeneniyakh v russkom yazyke kontsa XX veka [On Some Changes in Russian at the End of the 20th Century]. In *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. No. 5, pp. 63–91.
- Krysin, L. P. (2002). Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletii [Lexical Borrowing and Tracing in the Russian Language of Recent Decades]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 6, pp. 27–34.
- Krysin, L. P. (2006). *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Eksmo.
- Marinova, E. V. (2014). «Vechnyi vopros» o zaimstvovaniyakh [The Eternal Question of Borrowing]. In *Kul'tura rechi*. No. 2, pp. 59–65.
- Masár, I. (1994). Aj slovenčina potrebuje zákonnú ochranu. In *Kul'túra slova*. No. 28, s. 138–144.
- Neshchimenko, G. P. (2003). Zaimstvovaniya i ikh rol' v etnicheskoj komunikatsii: problemy, spory [Borrowings and Their Role in Ethnic Communication: Problems, Disputes]. In *Jazykovedný časopis*. Bratislava. No. 1–2, s. 13–30.
- Nikitina, T. G. (2003). *Tolkovyi slovar' molodezhnogo slenga: Slova, neponyatnye vzroslym* [Explanatory Dictionary of Youth Slang: Words Unclear to Adults]. Moscow, Astrel', AST. 736 p.
- Ozhegov, S. I. (1983). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow. 816 p.
- Paulička, I a kol. (2002). *Všeobecný encyklopedický slovník A – F*. Praha, Ottovo nakladatelství. 1039 s.
- Pelevin, V. O. (2013). *Betman Apollo* [Batman Apollo]. Moscow, Eksmo. 512 p.
- Považaj, M. (1994). Súčasný stav jazykovej kultúry. In *Kul'túra slova*. No. 28, č. 5, s. 257–262. URL: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/1994/5/ks1994-5.html>.
- Považaj, M. (1995). Zo súčasnej problematiky jazykovej kultúry. In *Kul'túra slova*. No. 29, s. 192–197.
- Rozen, E. V. (1991). *Novye slova i ustoičivye slovosochetaniya v nemetskom yazyke* [New Words and Strong Phrases in German]. Moscow. 189 p.
- Sologub, O. P. (2002). Usvoenie inoyazychnykh strukturnykh elementov v russkom yazyke [Assimilation of Foreign Language Structural Elements in the Russian Language]. In *Nauka. Universitet: materialy Tret'ei nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, pp. 130–134.
- Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 591 p.

Данные об авторе

Ермачкова Ольга – кандидат филологических наук, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Трнава, Словацкая Республика).

Адрес: 91701, Словацкая Республика, г. Трнава, пл. Й. Герду, 2.

E-mail: olga.iermachkova@ucm.sk.

Author's information

Iermachkova Olga – Candidate of Philology, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava (Trnava, Slovak Republic).

ТИПОЛОГИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42. DOI 10.26170/FK20-01-06. ББК Ш141.12-55+Ш141.12-51. ГРНТИ
16.21.27. Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

Кондратьева О. Н.

Кемеровский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

Olga N. Kondratyeva

Kemerovo State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>

A TYPOLOGY OF SOCIAL NETWORK USERS OF IN THE METAPHORICAL MIRROR OF THE RUSSIAN MASS-MEDIA

Abstract. Classification and portrayal of social network users is one of the most topical issues of Internet linguistics. The present article solves the given problem by means of analysis of metaphorical nominations of virtual communication participants that allows characterizing the features of their behavior in social networks and revealing the behavioral characteristics regularly found in the focus of attention of national mass-media. To analyze the material under study, the author uses the procedure of metaphorical modelling presupposing identification of areas-sources of metaphorical expansion used in the Russian mass-media to characterize social network users, discovery of the reasons of metaphorical transfer of meanings, and explication of existing evaluations. The method also employs content-analysis used to calculate the frequency of the metaphorical models revealed.

The metaphors which circulate in the Russian mass-media allow creating a typology of users of social networks, in which the following groups can be singled out: 1) experienced users, who freely navigate social networks and feel at ease (*surfers, residents*) and inept users, hardly finding the necessary network information (*lost travelers*); 2) young (*natives*) and senior users (*immigrants*); 3) creative, able to build up new content (*spiders*), and passive consumers of another person's content (*flies*); 4) virtual aggressors (*spiders*) and their victims (*flies*), as well as those susceptible to manipulation (*hamsters*). The presented typology is based on the conceptual oppositions "activity – passivity", "creativity – propensity to imitate", "competence – incompetence", "youth – maturity", and "aggressor – victim".

The most frequent metaphors go back to English sources and are random occurrences of the metaphorical models used by mass-media to interpret the phenomenon of social networks. Specifically, the metaphors of network "spiders" and "flies" are caused by the existence of the metaphorical model "SOCIAL NETWORKS IS A WEB", the metaphors of "tenants" go back to the metaphorical model "SOCIAL NETWORKS IS A HOUSE", and the metaphors of surfers emerge as a result of expansion of the metaphorical model "SOCIAL NETWORK IS AN OCEAN".

The majority of the metaphors describing social network users in mass-media have negative connotations, which can be attributed to the situation of potential conflict risk in social networks, high incidence of users' retreat from reality and dependence on social networking sites (social media addiction).

Keywords: conceptual metaphors; metaphorical models; metaphorical modeling; media linguistics; media discourse; media texts; social networks; internet discourse; social networks users; Russian language.

Аннотация. Одной из наиболее актуальных задач интернет-лингвистики является классификация и портретизация пользователей социальных сетей. В предлагаемой статье данная задача решается посредством анализа метафорических номинаций участников виртуальной коммуникации, что позволяет охарактеризовать особенности их поведения в социальных сетях и выявить поведенческие характеристики, регулярно оказывающиеся в фокусе внимания национальных масс-медиа. Для анализа материала использовалась методика метафорического моделирования, предполагающая вычленение сфер-источников метафорической экспансии, используемых в российских масс-медиа для характеристики пользователей социальных сетей, установление оснований метафорического переноса и экспликацию существующих оценок. Также использовался контент-анализ, позволяющий определить частотность выявленных метафорических моделей.

Используемые масс-медиа метафоры позволили создать типологию пользователей социальных сетей, в которой выделяются 1) опытные пользователи, свободно ориентирующиеся в социальных сетях и ощу-

щающие себя в них как дома (*серферы, жители*) и неумелые пользователи, с трудом находящие в сети нужную информацию (*заблудившиеся путники*), 2) молодые (*aborигены*) и возрастные (*иммигранты*); 3) креативные, создающие новый контент (*пауки*), и пассивные потребители чужого контента (*мухи*); 4) виртуальные агрессоры (*пауки*) и их жертвы (*мухи*), а также легко поддающиеся манипуляции пользователи (*хомячки*). Представленная типология основывается на концептуальных оппозициях «активность – пассивность», «креативность – копиальность», «компетентность – некомпетентность», «молодость – зрелость», «агрессор – жертва».

Наиболее частотные метафоры восходят к английским источникам и являются частными проявлениями метафорических моделей, используемых масс-медиа для интерпретации феномена социальных сетей. В частности, метафоры сетевых «пауков» и «мух» обусловлены существованием метафорической модели «социальные сети – это паутина», метафоры «жильцов» восходят к метафорической модели «социальные сети – это дом», а метафоры серфингистов – результат развертывания метафорической модели «социальные сети – это океан».

Большинство метафор, характеризующих в СМИ пользователей социальных сетей, негативно оценочны, что обусловлено нарастанием конфликтности в социальных сетях, частыми случаями ухода пользователей от реальности и зависимостью от социальных сетей.

Ключевые слова: концептуальные метафоры; метафорические модели; метафорическое моделирование; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; социальные сети; интернет-дискурс; пользователи социальных сетей; русский язык.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

Acknowledgments: the research has been carried out with financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project №19-012-00202 «Everyday Political Communication in Social Networks: A Complex Linguistic Analysis».

Для цитирования: Кондратьева, О. Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа / О. Н. Кондратьева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 62–72. – DOI: 10.26170/FK20-01-06.

For citation: Kondratyeva, O. N. (2020). A Typology of Social Network Users of in the Metaphorical Mirror of the Russian Mass-Media. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 62–72. DOI: 10.26170/FK20-01-06.

Введение

Интенсивное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI вв. способствовало возникновению и развитию принципиально нового пространства коммуникации – социальных сетей. Термин «социальная сеть» (*social network*) впервые был употреблен в работе британского социолога Джона Барнса для обозначения социальной структуры, состоящей из группы узлов, которыми являются социальные объекты (общность, социальная группа, индивид) [Barnes 1954: 45]. С появлением Интернета ставший популярным термин начал широко использоваться для обозначения ресурсов, позволяющих представлять себя в Интернете, создавать собственные страницы, коммуницировать с другими пользователями. В итоге социальная сеть стала пониматься как многофунк-

циональная гипертекстовая веб-страница, позволяющая представлять данные о себе, создавать списки друзей и просматривать их списки [Boyd, Ellison 2007: 211]. Как видим, современное понимание термина «социальная сеть» напрямую связано с его социологическим источником, так как структура любой социальной сети состоит из групп узлов, представляет собой систему перекрещивающихся, пересекающихся «групп» и «пабликов», пользователей («юзеров») и их «друзей» («френдс»).

Каждый пользователь социальных сетей является одновременно как субъектом деятельности, занимающимся поиском, обработкой и распространением информации, так и потребителем существующего в сети информационного контента. Тем не менее, поведение пользователей в социальных се-

тях существенно отличается, что приводит исследователей к необходимости разработки типологии пользователей социальных сетей, в частности, подобную задачу решают социологи, психологи, лингвисты и даже сами пользователи (см., например, [Артишевская 2012; Браславец 2010; Лутовинова 2008; Морозова 2018; Solis 2013] и др.).

Одна из первых типологий пользователей социальных сетей принадлежит американскому социологу и аналитику Брайану Солису, предложившему графическую модель бихевиористских типов пользователей социальных сетей, включающую «доброжелателей», «решателей проблем», «комментаторов», «исследователей», «собеседников», «кураторов», «производителей», «вещателей», «маркетологов», «веб-звезд», «эгокастеров», «селф-промоутеров», «наблюдателей», «карьеристов», «пользователей, предоставляющих слишком много лишней информации», «спамеров», «личеров» и «жалобщиков» [Solis 2013].

Компания First Direct, изучив особенности поведения коммуникантов в социальных сетях, выделила следующие типы пользователей: «одержимый», «редкий гость», «отрицатель», «новичок», «пассивный наблюдатель», «павлин», «диалектик», «подменыш», «привидение», «вопрошатель») [Newreporter 2013].

О. В. Лутовинова, анализируя лингвокультурные типы виртуального дискурса, характеризует такие их разновидности, как «хакер», «программист» («программер»), «ламер», «чайник», «системный администратор» («сисадмин» или «админ»), «модератор», «флудер», «спамер», «геймер», «падонок» [Лутовинова 2008: 60].

Представленные типологии не являются исчерпывающими, они лишь демонстрируют интерес исследователей к проблеме классификации и портретизации пользователей социальных сетей. Кроме того, обращает на себя внимание метафоричность многих наименований, характерная для всех классификаций (ср. «веб-звезда», «павлин», «чайник», «гость», «привидение» и др.). Метафорические наименования «значимы не только потому, что их число весьма велико, ... но и потому, что этот тип смыслообозначения изначально ориентирован на создание концептуальных моделей, являясь одним из основных

способов формирования языковой картины мира участников общения в Интернете» [Балашова, Сосновская 2009: 3]. Соответственно, метафорическая характеристика пользователей социальных сетей, используемая авторами, является вполне закономерной, поскольку метафора, основанная на аналогии, представляет собой эффективный когнитивный механизм интерпретации и оценки разнообразных фрагментов действительности.

Приведенные выше типологии пользователей социальных сетей (в том числе и содержащиеся в них метафорические номинации пользователей) позволяют увидеть их существенное различие в разных видах дискурса (профессиональных/непрофессиональных, институциональных/персональных и т. д.). Отличаются типологии как набором типажей, так и характеристиками, положенными в основание классификаций, следовательно, задача изучения дискурсивной специфики концептуализации и категоризации сферы «социальные сети» и ее структурного элемента «пользователи социальных сетей» является одной из наиболее актуальных.

На данном этапе развития общества определяющую роль в процессах конструирования реальности играют масс-медиа, их влияние на рядовых носителей языка «в настоящее время не ограничено никакими рамками» [Валгина 2003: 129]. Масс-медиа не только наиболее мобильно реагируют на происходящие в обществе и в языковом сознании изменения, но и во многом определяют изменения в сознании значительной части рядовых носителей языка, чрезвычайно восприимчивых к их влиянию. Поэтому исследование метафорических номинаций пользователей социальных сетей, содержащихся в российском медиадискурсе, позволит выявить наиболее типичные особенности участников виртуальной коммуникации, регулярно попадающие в фокус внимания СМИ, именно такие особенности получают в медиадискурсе метафорическое воплощение и, получив широкое распространение, эффективно транслируются в иные виды дискурсов.

Цель предлагаемого исследования – рассмотреть метафорические номинации пользователей социальных сетей, используемые в российских СМИ, и на их основе создать ти-

пологию пользователей, установив характеристики, актуализируемые национальными масс-медиа.

Материалом исследования послужил газетный подкорпус Национального корпуса русского языка и материалы печатных и сетевых СМИ за 2015–2019 годы, представленные в коллекциях «Мониторинг и анализ СМИ» на платформах Медиалогии и Интегрума, всего более 1700 метафорических контекстов.

Методология исследования

Для анализа языкового материала применялась методика метафорического моделирования, предполагающая вычленение сфер-источников метафорической экспансии, используемых в российских масс-медиа для характеристики пользователей социальных сетей, выявление оснований метафорического переноса и экспликацию содержащихся в используемых метафорах оценок (подробнее см. [Чудинов 2001]). Также был задействован метод контент-анализа, позволяющий определить частотность выявленных метафорических моделей. В процессе статистической обработки материала использовалось процентное распределение источников метафорических моделей с их последующим ранжированием. На финальном этапе производилась интерпретация полученной информации, сопровождающаяся лингвокультурологическим комментированием.

Результаты исследования и их интерпретация

Проведенное исследование показало, что российские масс-медиа активно обсуждают проблемы, связанные с социальными сетями, и значительное внимание уделяют характеристике пользователей, которым присваивают метафорические статусы «сёрфер», «заблудившийся путешественник», «житель», «абориген», «иммигрант», «паук», «муха», «хомяк».

1. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это сёрфер»** (31%). Морская тематика «с самого начала формирования метафорического языка Интернета доминировала как в английском, так и во французском языках» [Макеева, Бородулина 2017]. В рамках метафорического переноса «океан – интернет» в англоязычном дискурсе возникла ме-

тафора *surf the Internet*, которая затем успешно транслировалась в романские, германские и славянские языки (см. подробнее [Jamet 2010; Juanals 2004; Бородулина, Макеева 2017] и др.) и спроецировалась в том числе и на социальные сети.

Лексема *сёрфинг*, изначально обозначающая водный вид спорта, при котором человек скользит по волнам на доске, постепенно приобрела новое значение «посещение различных сайтов», соответственно, самих посетителей, умело ориентирующихся в виртуальном океане, стали метафорически именовать *сёрферами*: *Студентам РГУ рассказали о безопасности в социальных сетях. Остановились на том, какой он – современный веб-сёрфер, и как распутать социальные сети* (ГТРК «Ока», 2015); *Любопытно, что процент посещения интернет-сёрферами других социальных сетей по сравнению с Facebook продолжает стремительно снижаться* (Интерфакс-Запад, 2011); *Ученые убеждены, что отчаянные сёрферы по социальным сетям и Интернету в целом обладают искаженным представлением о течении времени* (Discover24, 2017); *Все чаще в торговых центрах Волгограда и Волжского мы встречаем интернет-сёрферов, которые общаются в социальных сетях и мессенджерах, делают селфи в примерочных и кафе* (Волжский.ру, 2017).

Процесс поиска информации и общения пользователей в социальных сетях регулярно сопоставляется в масс-медиа со скольжением по водной поверхности, метафорическое значение при этом приобретают лексемы *сёрфинг*, *сёрфить*, *дрейфовать*, *плавать*, характеризующие перемещение пользователей между страницами в социальной сети и между социальными сетями: **Типичная опасность сёрфинга в социальной сети «ВКонтакте»: заглянул на минутку проверить новости друзей и завис на часы в бесчисленном множестве развлекательных групп** (Московский комсомолец, 2018); **Чаще всего это связано с привычкой играть или сёрфить в социальных сетях перед сном** (Нож, 2019); **Без учета трафика можно будет «сёрфить» по сайтам Facebook, ВКонтакте и Одноклассники. По желанию абонентов оператор добавил бесплатный доступ к сайту twitter** (Providers, 2019); **Это время, по версии Volvo люди в будущем будут тратить с пользой (работа, учёба, чтение новостей) или удовольствием (просмотр кино, сёрфинг в со-**

циальных сетях, чтение книг (Компьютерра, 2011); *Дрейфунг в соцсетях, вы буквально выпадаете из реальности. Виртуальный мир обладает способностью настолько затягивать ваше внимание, что вы сознательно уже не присутствуете там, где находитесь физически* (Adme, 2015).

Как видно из приведенных примеров, сёрферы, в интерпретации национальных СМИ, это пользователи, умело ориентирующиеся в виртуальном океане и мобильно перемещающиеся в его пределах.

2. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это заблудившийся путешественник»** (7%). Полной противоположностью сёрферу, легко скользящему по поверхности виртуальных волн и легко достигающему цели, является такой тип пользователя социальных сетей, как заблудившийся путник. Метафоры подобного плана являются отражением метафорических моделей, представляющих социальные сети как труднопроходимое пространство (лабиринт или дебри, подробнее см. [Кондратьева 2019]).

Сложности с ориентацией в мире социальных сетей, коммуникативные трудности, неумение найти необходимую информацию в сети – все эти черты репрезентируются глаголами заблудиться, блуждать, потеряться и их формами: *Однако, блуждая по социальным сетям в поисках новых контактов или новых впечатлений, можно попасть в поле зрения профессиональных преступных сообществ* (Известия, 2016). Подобные метафоры актуализируют не только тему сложности поиска информации в интернете и социальных сетях, как это характерно для европейской и американской лингвокультур (см., например, [Davallon, Jeanneret 2004; Juanals 2004]), но и тему зависимости от социальных сетей, трудности возвращения в реальный мир: *Сначала мы с детьми делали небольшие пластические этюды, первая постановка «Затерянные» про людей, которые потерялись в социальных сетях* (Московский комсомолец Крым, 2019).

3. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – житель дома»** (11%). Обозначенная метафора также восходит к англоязычным источникам, в которых интернет-ресурсы, их отдельные разделы, элементы интерфейса обозначаются посредством метафор дома и его частей, например, **Note page**

(главная страница сайта), **Gallery** (фотографии на сайте), **News Room** (новости).

Соответственно, пользователи социальных сетей при таком подходе метафорически характеризуются как *жители, жильцы, обитатели, завсегдатаи и гости* (в зависимости от степени вовлеченности или количества проведенного в сети времени): *Несмотря на позитивную динамику вовлеченности «жителей» социальных сетей в игровые приложения, Jet Media планируют монетизировать игры за счет рекламы и продактплейсмента* (РБК Дейли, 2011); *Огромное количество постоянных обитателей социальных сетей – фрилансеры. Это такие люди, которые не ходят на работу, не могут отличить субботу от пятницы, но при этом хорошо зарабатывают* (Пенза-взгляд, 2016); *Видимо, публикация пресс-релиза связана с наступающим 12 июня праздником – Днем России, чтобы в его канун не дать повод оппозиции и недоброжелателям из числа постоянных обитателей социальных сетей* (Байкал-Финанс, 2015); *А уж склонные к упражнениям в публичной рефлексии завсегдатаи социальных сетей и вовсе пребывают в апокалиптической хандре* (ИА «Альтаир», 2019); *Миллионы людей по всему миру часами сидят в интернете – кто-то по работе, кто-то для развлечений, не говоря уже завсегдатаях социальных сетей* (Краснодарские известия, 2018). Показательны в этом отношении и некоторые ники пользователей социальных сетей, например, **Живущая_в_сети** и **Livininet**.

Метафоры подобного плана создаются также за счет использования в переносном значении глагольной лексики, обозначающей проживание в доме или посещение дома – *жить, проживать, обитать, обретаться, существовать, гостить, заходить, перебираться, переезжать*: **«ВКонтакте», «Фейсбук», «Одноклассники», «Мой мир»...** Перечислять их можно долго. **Выйти из них не так просто. Там «живет» огромное количество друзей, которые пишут сообщения, оценивают фотографии, ставят лайки** (Муjane.ru, 2016); **А в социальных сетях обитает более 99% всех российских пользователей** Интернета (РБК Дейли, 2012); **Именно поэтому многие подростки обезличивают дружбу, перебираясь для общения в социальные сети и месенджеры, большие общаются с друзьями по телефону, чтобы убрать страх перед непосредственным общением** (Зеркало недели, 2018); **Это чревато**

тем, что пользователь «застревает» в виртуальном мире, забывая про реальные проблемы. А **некоторые и вовсе «переезжают» в сеть** (Аргументы и факты, 2013).

Рассмотренные метафоры, как правило, используются масс-медиа для обозначения пользователей, длительное время проводящих в социальных сетях, практически полностью перебравшихся в виртуальную реальность и успешных «обжить» новое пространство.

4. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это абориген»** (6%). Происхождение этой метафоры связано с работами американского учителя, писателя и футуролога Марка Пренски, в 2001 году опубликовавшего статью под названием «Digital Natives, Digital Immigrants», в которой разделил всех пользователей новых технологий на две группы: «цифровых аборигенов» (digital natives) и «цифровых иммигрантов» (digital immigrants) [Prensky 2001]. Аборигенами, т. е. коренными жителями цифровой эпохи, М. Пренски назвал новое поколение, которое росло вместе с новыми технологиями, поэтому свободно использует цифровые средства для связи с окружающим миром и получения информации о нем.

Язык компьютеров, интернета и новых технологий для таких пользователей является родным, а жизнь реальная и жизнь в Сети неразделимо связаны в их сознании. Соответственно, это поколение комфортно чувствует себя в социальных сетях, являющихся для них привычной средой обитания, что и способствовало развитию исходной метафоры и появлению метафорического сочетания «сетевые аборигены» в российских масс-медиа: *Интересно, что возмущенные – это не всегда люди старшего возраста («цифровые иммигранты»), а сторонники – молодежь («сетевые аборигены»)* (ИноСМИ, 2015); *Самые правдивые и неподкупные сетевые аборигены, а также некоторые сайты авторитетно сообщили, что чиновники не просто отдали за светофор 1,2 миллиона рублей* (Брянские новости, 2019); *А когда речь касается Интернета, то приходится констатировать, что в сетевом пространстве аборигенами являются именно дети, а взрослые в нем – всего лишь «эмигранты»* (itWeek, 2008).

Таким образом, метафора «сетевых аборигенов» позволяет масс-медиа актуализиро-

вать возраст пользователей социальных сетей (дети, подростки и молодежь) и их комфортное существование в социальных сетях.

5. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это иммигрант»** (3%). Данная модель является антонимичной рассмотренной выше метафоре «сетевых аборигенов» и также обязана своим возникновением уже упомянутой статье М. Пренски, назвавшего «цифровыми иммигрантами» (digital immigrants) представителей старшего поколения, родившихся раньше 1980 г. и начавших открывать для себя интернет уже во взрослом возрасте.

«Сетевые иммигранты» стремятся адаптироваться к новой среде, осваивают новые технологии, но при этом сохраняют, как все иммигранты, свой акцент, например, попытки сочетать новейшие возможности с прежними, ставшими давно привычными [Prensky 2001]: *А когда речь касается Интернета, то приходится констатировать, что в сетевом пространстве аборигенами являются именно дети, а взрослые в нем – всего лишь «эмигранты»* (itWeek, 2008).

Таким образом, метафоры «сетевых иммигрантов» в российских масс-медиа используются для обозначения взрослых и возрастных пользователей социальных сетей.

6. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это паук»** (10%). Метафоры *всемирная сеть, глобальная сеть, мировая паутина, социальная сеть*, заданные исходной английской терминологией, были успешно транслированы на российскую почву и предопределили метафорическое осмысление пользователей социальных сетей как «пауков», ткущих виртуальную паутину.

В мировой практике метафора «пауков» первоначально использовалась для характеристики креативных способностей пользователей и их роли в формировании «мировой паутины». При подобном подходе «пауками» назывались активные пользователи, создающие новый оригинальный контент и способствующие разрастанию информационного пространства: *«В электронных социальных сетях доминируют креативные лидеры коммуникации.... Это „пауки“ (по терминологии Гладуэлла – „Знатки“), способные самостоятельно соткать паутину, начиная с нуля за счет создания оригинального авторского содержания и привлече-*

ния *большого количества сторонников своих идей*» [Сарна 2015: 122].

В российском медийном дискурсе пауками стали называть пользователей, собирающих информацию, представленную в социальных сетях (ср. с компьютерными программами-пауками) и использующих ее во вред другим пользователям: *Увлечись рассказом о себе в Мировой сети Интернет, вы легко можете стать ее жертвой, ведь по цифровой паутине уже давно ползают опасные пауки* (360tv.ru, 2019); *Пауки в интернете: вас подслушивают* (Seo-zona.ru, 2016); *Сплели паутину в социальных сетях: Объявление о купле-продаже привлекают кибер-преступников* (Советская Чувашия, 2015).

Также «пауками» масс-медиа называют и вербовщиков, воздействующих на пользователей и затягивающих их в паутины экстремистских организаций и в политическую оппозицию: *Экстремистские науки социальных сетей* (Вести республики, 2014); *Навальный – это такой паук-вербовщик, который плетет паутину в социальных сетях. Его основная задача – не борьба с коррупцией, а приход к власти любыми путями* (Московский комсомолец Барнаул, 2017).

Кроме того, как сетевых «пауков» масс-медиа характеризуют определенный тип пользователей, «раскачивающих» эмоции оппонентов и самоутверждающихся за чужой счет: *В компьютерных сетях в целом селятся разного рода «кровососы», «энергососы», «пауки»... они ждут тех, кто откликнется на «приманку» и вступает в неконструктивный спор. Как только кто-то это сделает, сразу оказывается подключённым к «пауку», который будет тянуть от человека эмоционально-астральную энергию, даже когда тот выйдет из Интернета* (Окултные новости, 2018).

Приведенные контексты демонстрируют существенную модификацию метафор «сетевых» пауков в русскоязычном медиадискурсе: метафора «паука – творца», обладающая ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, заменяется негативной метафорой «паука – агрессора», использующего информационные, финансовые и эмоциональные ресурсы других пользователей сети.

7. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это муха, застрявшая в паутине»** (14%). Данный тип метафор также задан

исходной англоязычной метафорой интернета как всемирной паутины и является антонимичным метафоре «сетевых пауков».

Первоначально «мухами» называли пассивных пользователей социальных сетей, «**которые сами практически ничего не создают, но постоянно „репостят“ и „копирастят“ заинтересовавшую их любую информацию. У них нет своего оригинального материала, но за счет постоянной практики „шэринга“ они способны поддерживать достаточно высокий уровень социальной вовлеченности в сетевые взаимосвязи, выступая в роли «объединителей», по Гладуэллу** [Сарна 2015: 122].

В данный момент метафоры «мух» используются в масс-медиа для обозначения пользователей, зависимых от социальных сетей, проводящих в них значительное количество времени в ущерб реальной жизни: **Социальные сети – люди как мухи во всемирной паутине** (TASS, 2013); **Интернет-рабам рассказали, как перестать быть мухами в паутине** (Стерлеград, 2019); **Как муха в паутине. Интернет-технологии должны помогать, а не мешать учебному процессу** (Транспорт России, 2016); **Мы мухи в сетях Всемирной паутины** (Экспресс К., 2015). Данные особенности поведения пользователей социальных сетей эксплицируются также с помощью глаголов *запутаться*, *застрять* и подобных: **В паутине социальных сетей запутываются и взрослые** (Студень, 2015); **Подрастающее поколение телевизор смотрит мало – оно давно уже запуталось в социальных сетях** (Литературная газета, 2015).

Кроме того, метафоры сетевых «мух» обозначают беззаботных и беззащитных пользователей социальных сетей, наиболее уязвимых перед лицом «сетевых пауков» – агрессоров: **Не стать мухой в «паутине». О психологической безопасности в интернет-пространстве** (Весть.News, 2013).

Обобщая, отметим, что метафоры сетевых «пауков» и «мух» являются взаимосвязанными и антонимичными, в большинстве случаев они основаны на оппозициях «активность – пассивность», «агрессор – жертва».

8. **Метафорическая модель «Пользователь социальных сетей – это хомяк»** (18%). Анализируя сетевой жаргон, М. Кронгауз отмечает увеличение числа зооморфных метафор, «подразумевающих некоторую неразличимость

и безгласность человеческой массы», и в качестве одного из примеров, иллюстрирующих данный тезис, упоминает метафору «сетевых хомячков» [Кронгауз 2011]. Прототипом данной метафоры в английском источнике является метафора «леммингов» (*lemmings*), впоследствии успешно адаптированная к российским реалиям. Считается, что лемминги послушно ходят толпами вслед за провожатым, независимо от того, какая опасность им угрожает, эту особенность леммингов сравнивают с поведением ряда пользователей, слепо разделяющих идеологию некоего лидера мнений. Показательно в этом отношении, что лексемы *хомяк/хомячок*, характеризующие пользователей социальных сетей, употребляются исключительно во множественном числе, что указывает на «стадное» мышление и поведение данного типа пользователей.

Появлению русифицированного варианта исходной метафоры способствовало также созвучие слова *хомяк* (более понятного россиянам, нежели лемминги), термину *Note page*, обозначающему домашнюю страничку пользователя, т. е. имела место и языковая игра [Кронгауз 2012].

Новая метафора быстро стала вирусной и широко распространилась в сетевом дискурсе и за его пределами: *Взрывной рост «интернет-хомячьего» поголовья больших городов и вирусное распространение метафоры привели к тому, что сегодня каждый знает о хомячках (и примкнувших к ним леммингах) всё* (Наука и жизнь, 2019).

«Сетевые хомячки» – это наиболее доверчивые и легко поддающиеся разнообразным манипуляциям пользователи, не имеющие собственного мнения и во всем поддерживающие нравящихся им популярных блоггеров:

Выложив в сеть видеообращение к Навальному (кумиру сетевых хомячков), командующий Росгвардией накормил целую толпу троллей (ForPost, 2018); В результате разрушается сама структура личности таких сетевых хомячков. Высшей нервной деятельности там нет, на энцефалограмме прямая линия, как у зомби (Новостной фронт, 2019); Сфера воздействия – та часть интернет-пользователей, которые не замечены в склонности к критическому мышлению. Те самые, которых в интернете называют «сетевыми хомячками». Про них популярный

в сети художник Вася Ложкин пишет свои картины в стиле «В интернете врать не будут» (сайт Первого канала, 2019); Создавать и раскручивать протестные бучи в Сети. Утководство и выдвигание слонов из мух – вот то, чем занимаются сетевые хомячки... (Ульяновская правда, 2015).

При своей несамостоятельности в оценке происходящего «сетевые хомячки», как правило, уверены в собственной компетентности по всем вопросам и интенсивно обсуждают события из сферы политики и экономики, а также, хорошо ощущая вследствие сетевой анонимности полную безнаказанность, активно включаются в ожесточенные споры и сетевые конфликты: *Зато таксисты, пенсионеры на лавочках в парке и сетевые хомячки лучше всех осведомлены и точно знают, как именно нужно управлять государством (Журналистская правда, 2015); Не может уже человек без внимания публики – этакая полужездская болезнь началась, а шумиха прошла, и популярность сошла на нет, даже сетевые хомячки, «борцунны со всем», активность уже утратили (БанкФакс, 2018); Теперь сетевой хомячок, спрятавшись за спины провайдеров и многочисленных псевдонимы, существенно огражден от вызова на дуэль, обыкновенной пощечины... (Business Class (Пермь), 2015); Но об этом тотальном самообмане я уже не хочу говорить, чтобы не нарваться на хомячково – грызню сетевых хомячков (Российская газета, 2016).*

Проанализированные примеры показывают, что метафоры «сетевых хомячков» в масс-медиа используют для обозначения особого типа пользователей, которые при оценке информации опираются на эмоции, а не на факты, бездумно поддерживают раскрученные мнения и отличаются достаточно конфликтным поведением.

Выводы

Исследование концептуальных метафор, используемых российскими масс-медиа для характеристики пользователей социальных сетей, позволило выявить несколько тенденций:

1. Значительная часть метафор, характеризующих пользователей социальных сетей, сформировалась в российских СМИ под влиянием англоязычной традиции, в частности, обусловлена терминологией, сложившейся

в сфере интернет-коммуникаций и получившей международное распространение, и работами американских социологов, посвященных особенностям виртуальной коммуникации и ее участникам.

2. Наиболее частотные метафоры являются частными проявлениями метафорических моделей, используемых масс-медиа для интерпретации феномена социальных сетей. В частности, метафоры сетевых «пауков» и «мух» обусловлены существованием метафорической модели «социальные сети – это паутина», метафоры «жильцов» восходят к метафорической модели «социальные сети – это дом», а метафоры серфингистов – результат развертывания метафорической модели «социальные сети – это океан» (подробнее о названных моделях см. [Кондратьева 2019]).

3. Используемые масс-медиа метафоры позволяют создать типологию пользователей социальных сетей, в которой выделяются 1) опытные пользователи, свободно ориентирующиеся в социальных сетях и ощущающие себя в них как дома, активно использующие соцсети для поиска информации и для коммуникации (*серферы, жители*), и неопытные пользователи, плохо ориентирующиеся в социальных сетях (*заблудившиеся путники*); 2) креативные пользователи социальных сетей, создающие новый контент (*пауки*), и пассивные потребители созданного другими

контента (*мухи*); 3) виртуальные агрессоры (*пауки*) и их жертвы (*мухи*), а также доверчивые и легко поддающиеся манипуляции пользователи (*хомяки*). Метафоры также позволяют дополнительно эксплицировать возрастные особенности пользователей социальных сетей. Это молодое поколение, комфортно чувствующее себя в мире цифровых коммуникаций и социальных сетей (*аборигены*), и старшее поколение, освоившее социальные сети в сознательном возрасте (*иммигранты*).

4. Метафорическая типология пользователей социальных сетей в российских СМИ основывается на концептуальных оппозициях «активность – пассивность», «креативность – копиальность», «компетентность – некомпетентность», «агрессор – жертва», «молодость – зрелость» и др. Это обуславливает то обстоятельство, что большинство метафорических моделей образует антонимические пары, например «паук – муха», «умелый серфер – заблудившийся путник», «абориген – иммигрант».

В заключение отметим, что значительный пласт метафор, используемых масс-медиа, демонстрирует негативные характеристики российских пользователей социальных сетей – длительное пребывание в социальных сетях, формирование устойчивой зависимости от них, несамостоятельность мышления, подверженность манипуляциям.

ЛИТЕРАТУРА

- Артишевская, Т. М. Психологический портрет пользователя социальными сетями / Т. М. Артишевская // Знак. Проблемное поле медиаобразования. – 2012. – Т. 1, № 9. – С. 6–9.
- Браславец, Л. А. «Гражданская журналистика» и типичные роли пользователей социальных сетей / Л. А. Браславец // Relga. – 2010. – № 13 (211). – С. 14.
- Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – Москва: Логос, 2003. – 304 с.
- Инфографика: 12 типов пользователей социальных медиа // Newreporter. – 2013. – URL: <https://newreporter.org/2013/06/16/infografika-12-tipov-polzovatelej-socialnyx-media> (lfnf (дата обращения: 12.06.2018)). – Текст: электронный.
- Казнова, Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации на примере французской блогосферы: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис.... канд. филол. наук / Казнова Н. Н. – Пермь, 2011. – 23 с.
- Кондратьева, О. Н. Метафоры в медиадискурсе как способ интерпретации предметной области «социальные сети» / О. Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 85–94. – DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-85-94.
- Кронгауз, М. Что рассказывает язык о нашей жизни / Н. Кронгауз. – Текст: электронный // Новая газета. – 25.12.2011. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/12/25/47572-maksim-krongauz-cto-rasskazyvaet-yazyk-o-nashey-zhizni> (дата обращения: 10.05.2019).
- Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 320 с.

- Лутовинова, О. В. О лингвокультурных типажах виртуального дискурса / О. В. Лутовинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 9. – С. 58–63.
- Макеева, М. Н. Когнитивный аспект использования метафоры пространства в Интернете / М. Н. Макеева, Н. Ю. Бородулина. – Текст: электронный // *Filologičke vedomosti*. – 2017. – № 3. – С. 8–15. – URL: http://sociosphera.com/files/conference/2017/Filologičke_vedomosti_3-17/8-15_m_n_makeeva_n_yu_borodulina.pdf (дата обращения: 10.09.2017).
- Морозова, А. А. Типология пользователей социальной сети / А. А. Морозова // Мультимедийная журналистика: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / под ред. В. П. Воробьева. – Минск: Издательский центр БГУ, 2018. – С. 225–229.
- Сарна, А. Я. «Пауки» или «мухи»? К проблеме категоризации пользователей социальных сетей / А. Я. Сарна // Веб-программирование и интернет-технологии WebConf 2015: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–14 мая 2015 г. / ред. И. М. Галкин. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – С. 122.
- Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.
- Barnes, J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish / J. A. Barnes // *Human Relations*. – 1954. – № 7. – P. 39–58.
- Boyd, D. M. Social network sites: Definition, history, and scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2007. – № 13 (1). – P. 210–230.
- Jamet, D. L. What do Internet metaphors reveal about the perception of the Internet / D. L. Jamet // *Metaphorik*. – 2010. – № 18 (2). – P. 17–32.
- Juanals, B. L'arbre, le labyrinthe et l'océan. Les métaphores du savoir, des Lumières au numérique / B. Juanals // *Communication et langages*. – 2004. – Volume 139, № 1. – P. 101–110.
- Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // *On the Horizon*. – NCB University Press, 2001. – Vol. 9, № 5. – P. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.
- Solis, B. Digital Transformation: Executives Need A Sense of Urgency To Compete Against Digital Natives / B. Solis. – URL: <https://www.briansolis.com/2019/11/digital-transformation-executives-need-a-sense-of-urgency-to-compete-against-digital-natives> (дата обращения: 10.09.2019). – Text: electronic.

REFERENCES

- Artishevskaya, T. M. (2012). Psikhologičeskii portret pol'zovatelya sotsial'nykh setyami [Psychological Portrait of the User Social Networks]. In *Zhurnal Problemnogo pole mediaobrazovaniya*. Vol. 1. No. 9, pp. 6–9.
- Barnes, J. A. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish. In *Human Relations*. No 7, pp. 39–58.
- Boyd, D. M., Ellison, N. B. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. In *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 13 (1), pp. 210–230.
- Braslavets, L. A. (2010). «Grazhdanskaya zhurnalistika» i tipičnye roli pol'zovatelya sotsial'nykh setei [“Civil Journalism” and Typical Roles of Users of Social Networks]. In *Relga*. No. 13 (211), p. 14.
- Chudinov, A. P. (2001). *Rossija v metaforičeskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory (1991-2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Research of a Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, USPU. 238 p.
- Infografika: 12 tipov pol'zovatelya sotsial'nykh media [12 Types of Users of Social Media]. (2018). In *Newreporter*. URL: <https://newreporter.org/2013/06/16/infografika-12-tipov-polzovatelej-socialnyx-media> (mode of access: 12.06.2018).
- Jamet, D. L. (2010). What do Internet Metaphors reveal about the Perception of the Internet. In *Metaphorik*. No. 18 (2), pp. 17–32.
- Juanals, B. (2004). L'arbre, le labyrinthe et l'océan. Les métaphores du savoir, des Lumières au numérique. In *Communication et Langages*. Vol. 139. No. 1, pp. 101–110.
- Kaznova, N. N. (2011). *Transformatsiya yazykovoi lichnosti v internet-kommunikatsii na primere frantsuzskoi blogosfery* [Transformation of the Language Person in the Internet-Communications on an Example French Blogosphere]. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Perm. 23 p.
- Kondrat'eva, O. N. (2019). Metafory v mediadiskurse kak sposob interpretatsii predmetnoi oblasti «sotsial'nye seti» [Metaphors in a Media Discourse as a Way of Interpretation of a Subject Domain “Social Networks”]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 2, pp. 85–94. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-85-94.
- Krongauz, M. (2008). *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian on the Verge of Nervous Failure]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 320 p.
- Krongauz, M. (2011). Chto rasskazyvaet yazyk o nashei zhizni [That Tells Language about Our Life]. In *Novaya gazeta*. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/12/25/47572-maksim-krongauz-cto-rasskazyvaet-yazyk-o-nashey-zhizni> (mode of access: 10.05.2019).
- Lutovinova, O. V. (2008). O lingvokul'turnykh tipazhakh virtual'nogo diskursa [About Linguistic and Cultural Types of Virtual Discourse]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 9, pp. 58–63.
- Makeeva, M. N., Borodulina, N. Yu. (2017). Kognitivnyi aspekt ispol'zovaniya metafory prostranstva v Internete [The Cognitive Aspect of Use of a Metaphor of Space on the Internet]. In *Filologičke vedomosti*. No. 3, pp. 8–15. URL: http://sociosphera.com/files/conference/2017/Filologičke_vedomosti_3-17/8-15_m_n_makeeva_n_yu_borodulina.pdf (mode of access: 10.09.2017).

Morozova, A. A. (2008). Tipologiya pol'zovatelei sotsial'noi seti [Typology of Users of a Social Network]. In Vorob'eva, V. P. (Ed.). *Mul'timediinaya zhurnalistika: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Minsk, Izdatel'skii tsentr Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 225–229.

Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. In *On the Horizon*. NCB University Press. Vol. 9. No. 5, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.

Sarna, A. Ya. (2015). «Pauki» ili «mukhi»? K probleme kategorizatsii pol'zovatelei sotsial'nykh setei [“Spiders” or “Flies”? To a Problem of Categorization Users of Social Networks] In Galkin, I. M. (Ed.). *Veb-programmirovaniye i internet-tehnologii WebConf 2015: materialy 3-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 12–14 maya 2015 g.* Minsk, Izdatel'skii tsentr Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, p. 122.

Solis, B. (2019). *Digital Transformation: Executives Need A Sense of Urgency To Compete Against Digital Natives*. URL: <https://www.briansolis.com/2019/11/digital-transformation-executives-need-a-sense-of-urgency-to-compete-against-digital-natives> (mode of access: 10.09.2019).

Valgina, N. S. (2003). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in Modern Russian]. Moscow, Logos. 304 p.

Данные об авторе

Кондратьева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

Адрес: 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
E-mail: Kondr25@rambler.ru.

Author's information

Kondratyeva Olga Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Medicommunication, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕЧЕЖАНРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

УДК 821.161.1-93. DOI 10.26170/FK20-01-07. ББК Ш383(2Рос=Рус)64-8,44. ГРНТИ 16.21.26.
Код ВАК 10.02.19

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический
университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

SPEECH GENRE POTENTIAL OF LANGUAGE PLAY IN CHILDREN'S FICTION

Abstract. The article analyzes the functionality of language game codes in modeling the mental space of a fairy-tale narrative according to the laws of the detective genre. The author studies a series of books by Katya Matyushkina "All Adventures of da Vinci the Cat". The article describes the operational mechanisms (constructive techniques) and linguistic markers of game transformations generated by the author, which determine the possibility of their decoding against the background of correlation with the prototype (phonetic similarity, structural and/or semantic "replica" of associates containing a game paradox). In other words, the associative relationship between the prototype and the gameme, discovered by the study, models the aspect of its perception, specified by the fiction author. The article highlights the allusive, imitative, and figurative-heuristic principles of language game, each of which sets its own vector in the plot of the detective story. The first principle involves decoding precedent phenomena (names, texts, situations), which creates a programmed effect of associative derivability of the meaning of a game transformation. The author reports a special role of the allusive principle in the creation of the game onomasticon, and specifically in deciphering the name of the main character. The second principle of language game focuses on the reader's identification of recognizable features of the gameme and the prototype (on the principle of associative identification). Such is, in particular, the effect of parodic stylization of newspaper PR practices as a means of presenting unfolding events as a kind of reportage, and the use of onomatopoeic motivation for the names of the characters. The third (figurative-heuristic) principle of the language game encourages the addressee to co-create with the author, turning reading into a kind of quest that requires the child's ability to independently decode gamemes according to the algorithms specified in the text. These features create the effect of an associative multidimensional text, presupposing different levels of understanding of the meanings of gamemes (taking into account the competence of primary school children for whom the book is written, and at the same time – taking into consideration the level of development of older children, and the interest the game can arouse in an adult reader).

Key words: language game; fiction; children's detective stories; children's literature; children's women-writers; literary creative activity.

Аннотация. В статье анализируется функционал кодов языковой игры в моделировании ментального пространства сказочного нарратива по законам детективного жанра. Материалом для исследования выступает серия книг Кати Матюшкиной «Все приключения кота да Винчи». Характеризуются операциональные механизмы (конструктивные приемы) и лингвистические маркеры порождаемых автором игровых трансформ, определяющие возможность их декодирования на фоне соотнесения с прототипом (фонетическое сходство, структурное и/или семантическое «подобие» ассоциатов, заключающее в себе игровой парадокс). Иначе говоря, обнаруженная ассоциативная связь между прототипом и игрой моделирует заданный автором аспект ее восприятия. Выделяются аллюзивный, имитативный и образно-эвристический принципы языковой игры, каждый из которых задает свой собственный вектор в событийной канве детективного повествования. Первый принцип предполагает дешифровку прецедентных феноменов (имен, текстов, ситуаций), что создает запрограммированный эффект ассоциативной выводимости смысла игровой трансформы. Отмечается особая роль аллюзивного принципа в создании игрового ономастикона, в частности в дешифровке имени главного персонажа. Второй принцип языковой игры апеллирует к идентификации читателем опознаваемых черт подобия игры и прототипа (по принципу

ассоциативного отождествления). Таков, в частности, эффект пародийной стилизации практик газетного пиара как средство представления разворачивающихся событий в репортажном ключе, использование звукоподражательной мотивации имен героев. Третий (образно-эвристический) принцип языковой игры побуждает адресата к сотворчеству с автором, превращая чтение в своеобразный квест, требующий от ребенка способности к самостоятельному декодированию игрем по заданным в тексте алгоритмам. Отмеченные особенности создают эффект ассоциативной многомерности текста, предполагающей разные уровни считываемости смыслового наполнения игрем (с учетом компетенции детей младшего школьного возраста, которым непосредственно адресовано анализируемое произведение, и в то же время – с учетом зоны развития ребенка более старшего возраста, а также интереса, который может вызывать игровой текст у взрослого читателя).

Ключевые слова: языковая игра; художественная литература; детские детективы; детская литература; детские писательницы; литературное творчество.

Для цитирования: Гридина, Т. А. Речежанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей / Т. А. Гридина. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 73–85. – DOI: 10.26170/FK20-01-07.

For citation: Gridina, T. A. (2020). Speech Genre Potential of Language Play in Children's Fiction. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 73–85. DOI: 10.26170/FK20-01-07.

Введение

Обращение к феномену языковой игры применительно к художественным произведениям для детей обусловлено как минимум двумя обстоятельствами: первое связано с весьма широким репертуаром и жанровым разнообразием игровых текстов в современной детской литературе; второе обстоятельство заключается в том, что именно в данной сфере литературного творчества языковая игра особенно явственно проявляет свою конгруэнтность лингвокреативному регистру развития ребенка. Компенсаторная креативность, свойственная ребенку, еще не знающему нормы и поэтому «игнорирующему» ее, в определенном возрасте (хотя и не у всех детей в равной степени) переходит не просто в осознанное нарушение нормы с целью вызвать смеховой эффект, но и в преднамеренное «творение» собственного языка, выражающего уникальность конкретной личности [Гридина 2016]. Естественное для детей «чутье языка» [Чуковский 2010] как проявление «компенсаторной и/или преднамеренной интенции к нарушению нормативного канона» [Гридина 2012; 2018б] получает подкрепление в игровом художественном тексте, адресованном ребенку [Tin 2011; Smogorzewska 2014; Sekaite 2018]. Подчеркнем тот факт, что детский игровой текст – это почти всегда текст двойной адресации, интересный не только ребенку,

но и взрослому, что предполагает разную глубину, разный уровень его дешифровки непосредственным и потенциальным читателем. Соответственно анализ кодов языковой игры, ориентированных именно на читателя-ребенка [Гридина 2018а: 189–199], должен осуществляться с учетом креативной составляющей его интеллекта [Коновалова 2012а: 42] и культурно-речевой компетенции, в том числе смеховой культуры [Коновалова 2012б].

Немаловажную роль в восприятии игрового текста имеет и жанр произведения, который должен отвечать критерию занимательности, предполагая в случае адресации ребенку возможность проявления им познавательной активности, фантазии, «включения в сюжет» наравне с автором.

Весьма интересно в этом плане рассмотрение кодов языковой игры в жанре детского детектива, развивающего некий сказочно-приключенческий сюжет, пружину которого составляет интрига, связанная с расследованием преступления. Именно «адаптация» детективного жанра к сказочному канону (см. например, народные и литературные сказки, в которых персонажами являются животные) определяет специфику и прогноз адекватной для восприятия ребенка «техники» языковой игры.

Такого рода жанр представлен, в частности, в серии книг современной писательницы,

цы Кати Матюшкиной про знаменитые приключения и выдающиеся расследования великолепного СУПЕРкота да Винчи и его друзей [Матюшкина 2018], ориентированных, как на это указывается в аннотации, на детей младшего школьного возраста.

Материалом для анализа специфики языковой игры в жанре детского детектива послужила книга «Улыбка Анаконды», первая в указанной выше серии. Предваряя описание функционала языковой игры в рассматриваемом тексте, охарактеризуем данный феномен в свете его операциональной природы.

Методология анализа

Сущностная природа языковой игры, согласно предложенной и развиваемой нами концепции (1996–2020 гг.), понимается как особая форма лингвокреативного мышления, основанного на механизмах одновременной актуализации и переключения, ломки ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения вербальных знаков и проявляющего творческую инициативу говорящих в обновлении языкового канона. Значимым в плане дешифровки «игремы» (продукта языковой игры) является ее соотношение с прототипом, на фоне которого осознается нестандартный характер ассоциативной «обработки» исходной информации. К конструктивным принципам порождения эффекта языковой игры нами относятся 1) «**ассоциативная интеграция**» (моделирование игремы на основе совмещения формы и значения двух и более вербальных ассоциатов – с использованием приемов гибридизации – контаминации слов, устойчивых оборотов и т. п.); 2) «**ассоциативное наложение**» (создание эффекта смысловой двуплановости путем обыгрывания многозначности вербального прототипа); 3) «**ассоциативная выводимость**» – предполагает интерпретацию игремы в опоре на «наведенный» мотиватор (с использованием приемов реноминации и ремотивации слова-прототипа, буквализации значения слова, фраземы); 4) «**ассоциативная идентификация**» (создает эффект парадоксального отождествления ассоциатов – чаще всего на основе омофонических, омонимических, паронимических аналогий, а также лексической и стилистической квазисинонимии и т. п.); 5) «**ассоциативная провокация**»

(моделирует эффект обманутого ожидания при помощи разноуровневых приемов нарушения вероятностного прогноза); 6) «**игровая имитация**» («воспроизведение», изображение черт прототипа в стилизованном и чаще всего утрированном виде с целью подчеркнуть специфику разных дискурсов, в том числе особенности детской речи).

С процессами моделирования и дешифровки ассоциативного контекста игремы связано понятие **кодов языковой игры**.

В определении этого феномена мы опираемся на предложенное Н. И. Жинкиным широкое и узкое понимание термина *код*: широкое понимание кода – «сам язык как знаковая система». В узком смысле под кодом понимается «способ реализации языка» (при этом один и тот же знак, в частности, слово, может восприниматься как слышимый, осязаемый, визуальный символ, не меняя своего значения) [Жинкин 1998: 3]. В случае языковой игры, нарушающей «границы дозволенного» [Норман 2017], в качестве специальных кодов передачи информации выступают разноуровневые средства и принципы конструирования игремы, которые используются для трансформации прототипа (изменения его формы и/или значения), введения его в новый ассоциативный контекст. Это некие индикаторы, маркеры игровой трансформы, позволяющие соотнести ее с прототипом (фонетическое сходство, структурное, семантическое «подобие» ассоциатов, заключающее в себе игровой парадокс). Можно выделить фонетические, лексические, грамматические, семантические и смешанные коды языковой игры, соотносительные с соответствующим уровнем языка и конкретными единицами и моделями образования и употребления средств каждого уровня.

Другим основанием для классификации кодов языковой игры выступают **механизмы обнаружения типа ассоциативной связи игремы с прототипом в текстовом поле**. Это *аллюзивный, имитативный и образно-эвристический принципы* языковой игры. Первый принцип предполагает дешифровку прецедентных феноменов (имен, текстов, ситуаций), что создает запрограммированный эффект ассоциативной выводимости скрытого смысла игровой трансформы. Второй принцип языковой

игры апеллирует к идентификации читателем опознаваемых черт подобия игры и прототипа. Третий (образно-эвристический) принцип языковой игры побуждает адресата к сотворчеству с автором (дешифровке игры в опоре на считанный – воспроизведенный, реконструируемый – алгоритм ее порождения). Иначе говоря, обнаруженная ассоциативная связь между прототипом и игрой моделирует заданный автором аспект ее восприятия (типология наша. – Т. Г.).

К психологическим факторам, определяющим, в частности, операциональный уровень игровой компетенции, относятся такие критерии вербальной креативности, как *беглость* (быстрота ассоциативных реакций на словесный стимул, порождающая возможность многомерной актуализации его восприятия как единицы языка и речи); *гибкость* (способность к дивергентному мышлению, выдвиганию разновекторных (разноплановых) ассоциаций, способность к переключению точки зрения на объект; *оригинальность* – «способность к установлению отдаленных ассоциаций» [Трик 1981: 79].

Все эти качества, безусловно, характеризуют и игровой идиостиль писателя, адресуемого текст читателю, способному к дешифровке использованных автором кодов языковой игры. В нашем случае это касается ориентации на особенности лингвокреативного мышления ребенка, отражающего ментальные доминанты его образа мира: антропоморфизм, прагматизм (номинативный буквализм), рефлексивную доминанту языкового сознания, наглядно-образный тип мышления, эвристичность как способ освоения языковых ресурсов, способность к осознанной, преднамеренной языковой игре (см. об этом [Гридина 2016]).

Переходя от методологических постулатов к анализу конкретного текста, особо подчеркнем, что применительно к детской литературе все механизмы языковой игры (в плане их сложности и возможности декодирования) получают специфическую ориентацию, учитывающую уровень доступной детям игровой компетенции.

Так, базовая игра «Кот да Винчи» в серии детских книг Кати Матюшкиной смоделирована на основе отсылки к названию детек-

тивного романа Дэна Брауна «Код да Винчи» (по принципу омофонического отождествления слов *код* и *кот*). Парадоксальная подмена ассоциатов («переадресация» фамилии *да Винчи* коту), безусловно, креативный и остроумный прием создания ономастической трансформы. Вместе с тем этот игровой коррелят в целом понятен лишь тому, кто знаком с исходным литературным прецедентом. И даже при том, что в самом тексте книги о приключениях *Кота да Винчи* упоминается о романе (хотя и вскользь), использованный автором аллюзивный принцип языковой игры, с нашей точки зрения, в этом случае не «срабатывает». Структурная аналогия с именем Леонардо да Винчи, **гениального** художника и изобретателя, дает подсказку для декодирования игры (СУПЕРкот да Винчи – **гениальный сыщик**, расследующий самые запутанные преступления). Однако связь эта в тексте не актуализирована, о реальном Леонардо да Винчи (причем без указания имени) мельком сказано лишь в одном эпизоде, где кот рассказывает о своей жизни на Луне среди **гениев** – художников и поэтов.

Вместе с тем необходимость дешифровки имен персонажей как особый сюжетообразующий код языковой игры вполне соответствует детективному канону. Примечательно в этом плане уже посвящение, побуждающее читателя включиться в увлекательную игру-расследование и априори признающее «гениальность» ребенка как уникальной творческой личности: *Книга посвящается ВСЕМ! А особенно настоящему гению – ТЕБЕ!*

Наиболее востребованными в идиостиле Кати Матюшкиной являются имитативный и аллюзивный принципы языковой игры.

Имитативный принцип языковой игры обнаруживает себя уже на уровне композиционного оформления книги – в стилизации названий глав, поданных как очередное уголовное дело. См., например: Приключение №1. Улыбка Анаконды (название сопровождается иллюстрацией, на которой изображен кот да Винчи в бейсболке – такого же типа, как у Шерлока Холмса) с надписью ГЕНИЙ над козырьком; в руке кота – лупа, наведенная на ДЕЛО №1). Отметим попутно, что иллюстрации в данной серии книг (принадлежащие, кстати, самому автору книги) выполняют осо-

бую роль, представляя собой самостоятельный текст в тексте (так же, как и комментарии к этим иллюстрациям). Так, Пролог *Похищение картины*, открывающий Дело № 1 в «Улыбке Анаконды», содержит детективную завязку, поданную как сенсационная новость от лица *главной радиостанции Звериногорода*:

Сенсация! К нам прибыла знаменитая картина-загадка «Улыбка Анаконды»! Известно, что картина скрывает необычайную тайну. Тот, кто разгадает ее, получит несметные сокровища! (Здесь и далее цитация по указанному источнику).

Информация о разворачивающихся событиях, представленных в репортажном ключе, позволяет автору фиксировать каждый новый поворот детективной истории глазами прессы и радиовещания. При этом интерпретация фактов юмористически «предъявляется» как искаженная и гиперболизируемая корреспонденциями в погоне за сенсацией. В качестве главного источника актуальной информации выступает газета *Куриная правда*, само название которой аллюзивно отсылает к выражениям *писать, как курица лапой, куриные мозги, куриная слепота*. Ср. также ассоциативное отождествление с названиями газет «Правда», «Комсомольская правда». Корреспондент этой газеты – курица *Кудаха* (ср. выражения *кудахтать/раскудахтаться, как курица*, обыгрывающие прямой и переносный смысл звукоподражательной мотивации имени). С этим персонажем связано комическое обыгрывание пафосной риторики, вызывающей к общественной активности, за которой скрываются меркантильные мотивы (в данном случае курица *Кудаха* все свои публикации заканчивает завуалированным, а иногда и прямым побуждением читателей – жителей *Звериногорода* – к денежным «вложениям» на счет редакции).

Вот один из текстов экстренного выпуска *Куриной правды*, связанный с похищением картины «Улыбка Анаконды» мышиним злодеем *Зызой* во время открытия выставки в *Кукушкинском музее Звериногорода*:

Где правда и кто за все в ответе?! Вот единственный вопрос, который мучает весь наш город. Кто защитит зверей от коварного Зызы? У кого хватит храбрости встать ему поперек дороги?!

О своих предположениях пишете по адресу: Звериный город, газета «Куриная правда». В конверт вложите что-нибудь ценное.

Однако образ *Кудахи* не столь однозначен, он в целом карикатурно имитирует журналистские практики рекламного пиара (в том числе раскручивания популярности газеты у читателей). Это и объявление о вознаграждении за поимку преступника – *злостного хулигана Зызы* – в виде *1 мешка колбасок*. А также *уважение до головокружения* (последнее обещано газетой как «приложение» к материальному призу в качестве общественного поощрения). Игрема представляет собой контаминацию устойчивых оборотов *заслуженное уважение* и *головокружение от успехов* (эффект ассоциативной интеграции выражает шутовскую иронию автора детектива над штампованными публицистическими фразами, апеллирующими к чувству гражданского долга: ср. известную максиму, согласно которой «моральное поощрение важнее материального»). В то же время сама финальная фраза воззвания *Кудахи* и без этого подтекста для ребенка-читателя звучит как призыв к совершению благородного поступка, заслуживающего уважения, к тому же рифмовка сближаемых ассоциатов (*уважение до головокружения*) делает игрему занимательной и легко запоминающейся как шутовский афоризм. Другие тактики пиара газеты «*Куриная правда*» представлены в тексте имитацией популярных рекламных «ловушек», апеллирующих к насущным интересам адресата. Например, мотивация потенциального читателя купить газету может иметь для последнего якобы чисто прагматический характер (в то же время принося выгоду и «продавцу»):

Потрясающая новость! Купив свежий выпуск газеты, вы получите бесплатную упаковку для рыбы! Просто заверните рыбу в газету! Игрема основана на парадоксе: получить *бесплатную* возможность что-то сделать с *купленным* товаром (используя его в не свойственной ему функции). В данном случае эффект языковой игры смоделирован по принципу ассоциативной провокации.

Подобную игрему (еще более яркий, утрированный прием манипуляции читательским спросом) находим в очередном экстренном выпуске газеты: *Ввиду нехватки новой информа-*

ции печатаем газету без букв. Купив новый выпуск, вы получаете совершенно бесплатно листы для рисования.

Ребенком-читателем подобный игровой оксюморон может осознаваться как вполне «очевидная хитрость» не слишком умной, но весьма изобретательной Кудахи, стремящейся продать газету как можно большему числу горожан (естественно, с получением собственной выгоды от распространения данного издания). Ср. вполне откровенный слоган в очередном выпуске «Куриной правды»: *Читайте нашу газету (или просто пришлите денег)!*

В целом внутритекстовый газетный дискурс активно вплетается в общую сюжетную канву, соединяя в себе разные аспекты игровой палитры автора (мы обратимся к этим приемам в ходе дальнейшего анализа).

Имитативный принцип языковой игры (как видно уже из вышеприведенных примеров) в рассматриваемой детективной серии сочетается с **аллюзивным и образно-эристическим**. Особенно ярко это проявляется в ономастических играх: первый тип таких игр – это **искусственные топонимы**, второй тип – **личные имена персонажей**; третий – **названия предметных атрибутов**.

Декодирование игровых онимов, несущих в себе информацию о месте событий и героях, само по себе есть некий занимательный «квест» для ребенка.

Название главного атрибута повествования – «Улыбка Анаконды» – содержит аллюзию на самую известную картину Леонардо да Винчи «Джоконда». Загадочная улыбка Джоконды и сам прототип этого портрета – предмет многочисленных споров, вплоть до версии о том, что на картине художник изобразил самого себя (младшему школьнику, правда, вряд ли известны эти «изыскания» искусствоведов, что вызывает сомнение в том, что данная и подобные ей авторские игры будут считаны непосредственным адресатом). Игровой эффект создает ассоциативное отождествление Джоконда с созвучным Анаконда (названием огромной африканской змеи, переведенным в класс онимов). Ср. также смысл выражения *змеиная улыбка*, соотносительный с прямым и переносным значениями слова *змея* (соответственно *улыбка Анаконды* полна

змеиного коварства). Данная ономастическая игра задает главную интригу развиваемого детективного сюжета (это картина-загадка, картина-ребус, само прибытие которой в Кукушкинский музей Зверино города является сенсацией и в известной степени прогнозирует ход последующих событий).

Кукушкинский музей – название, отсылающее к прецедентному прототипу *Пушкинский музей* (всемирно известный московский музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Данная игра смоделирована по принципу ассоциативной выводимости, с использованием приема реноминации (введения нового созвучного «корня» в готовую модельную сетку слова *пушкинский*). Декодирование (восприятие) этой игры требует опоры на ее мотивационную форму (см. мотиватор *кукушка*, связанный с тем, что место действия происходит в *Зверином* городе, где живут разные звери и птицы). Но более тонкий читатель (конечно, не ребенок-младший школьник, а взрослый) может усмотреть в названии, представленном условным коррелятом, своего рода «эхо-реплику» (*кукушка* подбрасывает своих птенцов чужим детям – такая же судьба может постигнуть и картину, предназначенную для Кукушкинского музея). Известно, что картины великих художников, выставившиеся в знаменитых музеях, не раз были похищены (в частности, в романе Дэна Брауна «Код да Винчи» описывается похищение «Джоконды» из Лувра). Собственно это же происходит и с «Улыбкой Анаконды», знаменуя собой завязку детектива.

Особую **ономастическую подсистему** составляют характеристические («говорящие») имена жителей *Зверино города*, созданные преимущественно по принципу *ассоциативной выводимости* – в основном с помощью звукоподражательной мотивации и имитации структурных моделей личных имен, прозвищ и кличек животных.

Это уже упоминавшаяся курица *Кудаха*, имя которой производно от звукоподражательного глагола *кудахтать* – см. обусловленность мотивации этого имени профессией данного персонажа – репортера, распространяющего громкие, сенсационные новости. Другие персонажи – три маленьких мышонка – *Пик*, *Бубуша* и *Чуча* и *Зыза* (их дядя, глав-

ный подозреваемый в краже картины злодей). Все три имени имеют звукоизобразительную мотивацию (*Пик* соотносится с фоносемантикой пронзительного и тонкого писка, свойственного мышам, и в особенности маленьким мышатам; *Бубуша* – с звукоподражанием *бу-бу*, ср. *бубнить* – о нечленораздельной, монотонной, часто назидательной манере речи, что в данном случае характеризует рассудительного мышонка; *Чуча* – шустрая, активная мышка, имя которой наделено артикуляционной «энергетикой», ср. также созвучие с ассоциатом *чучело*). Фоносемантика имени *Зыза* связана с отрицательной экспрессией повтора свистящего согласного (ср. [зз]араза, [зз]ануда, [зз]аноза и т. п.). Фоносемантическая мотивация создает своеобразные ассоциативные «проекции» этих имен, определяющие возможности их сюжетного обыгрывания. В регистре языковой игры находится и краткость данных искусственных онимов, имитирующих разговорные гипокористики, сокращенные варианты полных имен, используемых в неофициальной разговорной речи, в частности, и в речи детей.

Звукоподражательная мотивация – преобладающий прием имятворчества в рассматриваемом тексте: *сова Угуха* (от звукоподражания голосу птицы, *уханью совы*) – *графиня старого дуба* (это приложение – игровой маркер высокого социального статуса персонажа, где старый дуб ассоциативно отождествляется с чем-то вроде графского родового замка); белка *Бряка* (имя, ассоциативно связанное с *брякнуться* «упасть», ср. экспр. *брякнуться в обморок*) – чувствительная натура, рассказывает о взволновавших ее событиях... *прижимая к груди трясущиеся лапы*); мошка *Жужа* (от *жужжать*), лошадь *Чага* (мотивация имени, возможно, связанная со звуковой имитацией цоканья копыт), скворец *Дзынь* (ср. отглагольное междометие от *дзынькать*), ежик *Агась* (мотивация имени с намеком на «соглашательский» характер персонажа – по ассоциации с междометием *ага* и, возможно, с *ась?* (разговорным эквивалентом вопросительного местоимения *что?*)). Особняком в этом ряду звукоподражательных онимов стоит имя суслика *Шмутца* с коннотацией немецкой фамилии (ср., например, *Шульц*). В текстовой характеристике данного персонажа «проявлены» чер-

ты пунктуальности и аккуратности, чем, вероятно, и обусловлен выбор имени.

В самом **авторском повествовании** также представлены различные векторы языковой игры, вплетающиеся в детективный сюжет как комментарий описываемых событий, подчеркивание знаковых деталей, которые встраиваются в изображаемую модель ментального пространства – жизни *Звериного города* и его обитателей. В частности, это ситуативное (сюжетно обусловленное) обыгрывание мотивации узуальных и окказиональных номинаций, производных от названий животных и птиц.

Таков, например, следующий фрагмент, описывающий оповещение жителей Звериного города о грядущей сенсации: *Зажглись экраны телевизоров, заговорили радиостанции, закаркали вороны, рассказывая о самом потрясающем событии года*. Выражение *закаркали вороны* в одном ряду с перечислением средств массовой информации создает двойной план восприятия описываемого события – прямую отсылку к глаголу *каркать* как крику ворон (в *Зверином городе* – это один из языков, понятный всем жителям) и косвенный намек на то, что карканье ворон – предвестник неприятностей (в данном случае произошедшая на глазах у всех кража картины). Ср. переносный смысл выражения *накаркать беду* – о нежелательном (чаще трагическом) событии, случившемся вследствие самого упоминания о нем. Возможно, в этой игре, созданной по принципу ассоциативного наложения, содержится намек на развитие событий в русле детективного жанра. Игровой трансформой, моделирующей ментальное пространство, в котором действующие лица – звери, является и оборот *топнуть лапой* (...*Зыза хотел устрашающе топнуть лапой*...), характеризующий демонстративно агрессивное поведение мышинного злодея (ср. прототип *топнуть ногой*).

Весьма остроумно применяется автором прием буквализации значений фразеологизмов с зооморфной символикой (ср., например, обыгрывание устойчивого выражения *зарывать голову в песок* – о том, кто предпочитает вместо решения очевидной проблемы не замечать ее, подобно страусу, который, уходя от опасности, зарывает голову в песок): *Бах! Ба-ба-бах! С ужасным грохотом обрушились сте-*

ны Кукушкинского музея.... Взлетели в небо птицы, а один страус попытался спрятать голову в бульжную мостовую, отчего его голова приобрела модную квадратную форму.

Игрема создана не только парадоксальной ситуативной заменой (ср. *спрятать голову в бульжную мостовую* – буквально то же, что «разбивать голову о камень»), но и описанием последствий такого действия в шутивно-ироническом ключе (*модная квадратная форма головы* – нонсенс, оксюморон). Вероятно, в этой визуализированной игре содержится намек на квадратную форму картины, ради которой жители города и собрались на площади около музея, и именно поэтому квадратная форма, которую приобрела голова страуса после удара о мостовую, неожиданно оказалась модной.

Показательны в плане соотносительности с изображаемой «реальностью» и игровые окказиональные номинации действий и атрибутов персонажей: *Заиграла музыка. Под лаоплескание на площадь выехал совомобиль*. <...> *Дверца (машины) отворилась, и оттуда показалась графиня старого дуба – сова Узуха*. <...> В одном крыле она сжимала кошелек, в другом – маленькие *крылякюрные ножницы*.

Способом создания этих игрем выступает реноминация, задающая новый (ситуативно обусловленный) ракурс восприятия прототипов *рукоплескание, автомобиль* и *маникюрные ножницы* (на основе их частичной модификации по сближению с ассоциатами *лапы, сова* и *крылья*). Механизм ложноэтимологического «прояснения» («уточнения») внутренней формы слова используется как код языковой игры, переключающий «оптику» восприятия прототипа в новое русло (через актуализацию связи значения уже существующего слова с «наведенным» мотиватором).

В имитационном ключе к номинациям реаллий Звериноного городка примыкает игровая трансформа *«Ветеринарная помощь»* (вместо «Скорая помощь»). В заданном тематическом (зооморфном) регистре находятся и собственно *словотворческие* номинации – *кот-мышед* (о рыжем коте, погнавшемся за вбежавшим в музей мышонком; игрема, созданная по аналогии с *людоед*); *мышнице* – он же злодей Зыза, ср. антоним *котище* с экспрессивно-увеличительным суффиксом *-ищ(е)*.

Реализация функционала языковой игры в развитии детективного сюжета ярко представлена аллюзивными названиями глав и эпиграфов к ним, содержащих отсылки к литературным прецедентам, жанровым формам и одновременно дающих буквальную привязку к описываемым событиям: *Самая страшная ночь!* – завязка, намекающая выстраивание сюжета в стиле *horror!!!* (ср. аллюзию на «страшные» повести Н. В. Гоголя); *«Преступление в день рождения»* (глава, которой предпослан стихотворный эпиграф в виде детской считалки: *Ходят слухи, ходят слухи, / Что украли у старухи / С бриллиантами ларец, / И не будет у Узухи / Ни сережек, ни колец*); *«Секретная ловушка для Зызы»* (глава, эпиграфом к которой является лозунг-«заверение» в том, что преступник будет пойман: *Сами как не знаем, / Но тебя поймаем. Уверенные мыши*); *«Расследование»* (глава с эпиграфом в виде «панегирика» гениальному сыщику Коту да Винчи: *«То, что никто не знает, / Узнает суперкот! / Преступника поймает / И всех-всех-всех – спасет!»*); *«Допрос свидетелей»* (глава, стихотворный эпиграф к которой в виде маршевого ритма намечает идею лидерства кота да Винчи: *Мы, мыши, идем за бесстрашным котом, / Мы, мыши, все видим и слышим, / Мы, мыши, мы, мыши, злодея найдем. / Мы, мыши, мы, мыши, мы, мыши!*); *«Бедная Пимпочка»* (глава, эпиграфом к которой является устрашающий «ультиматум» злодея Зызы): *Я приду средь бела дня, / Не поймаете меня. / Умен, хитер, опасен – / В общем, ужас как ужасен! Тот, кого все боятся*. Подпись – игровой эвфемизм, скрывающий имя преступника; *«Очная ставка. Кто пудрит нам мозги?»* (глава, в которой наконец появляется кот да Винчи, намеренный разоблачить преступника).

Как видно из приведенных примеров, литературный опыт Кати Матюшкиной по созданию детской повести в жанре сказочного детектива чрезвычайно интересен своей интерактивной направленностью, выражающейся, в частности, в использовании таких кодов и приемов языковой игры, которые «включают» ребенка по мере развития сюжета в сам ход расследования.

Занимательность повествования поддерживается игровой доминантой, которая характеризует образ каждого персонажа как участника происходящих событий (подобно

тому, как в «серьезном» детективе распределяются роли действующих лиц в создании интриги расследования запутанного преступления).

Например, характеристической доминантой образа кота да Винчи выступает его «гениальность», что выражается в «гиперболизированном» подчеркивании им собственной исключительности и шутливо-иронически обыгрывается автором с помощью приема буквализации устойчивых выражений, представленных в речи этого персонажа. Таково, в частности, утверждение кота да Винчи о том, что он упал с Луны, принадлежность к жителям которой подается им как доказательство собственной «избранности» и предназначенности для выполнения некой спасительной миссии (поимки злодея, нарушившего мирную жизнь обитателей *Зверьиного города*). За этой «гениальной» догадкой (а на деле выдумкой, изобретательной фантазией кота да Винчи) следует его монолог о жизни на Луне, педалирующий тему гениальности лунных жителей: – *...у нас, на Луне, все гении! И все делают только гениальные дела!*

Перечисление этих дел представлено играми, созданными по принципу *ad absurdum* и передающими идею гениальности как проявление нестандартного самовыражения, пусть даже бессмысленного: *Нарисовал абракадабру – ты гений! Сварил бяку-карабяку – гений! Даже если напел чушь-перечушь – и то гений!* (ср. рифмовку-отзвучие *карабьяка* к «детскому» слову *бяка* и словообразовательный окказионализм *перечушь* как экспрессивное усиление семантики слова *чушь*. – Т. Г.).

Отметим в этой связи склонность ребенка к «осознанному абсурду» как одному из показательных для детской речи векторов языковой игры [Выготский 1997]. Игремы этого типа могут быть легко считаны как прецеденты из детской или экспрессивной разговорной речи. Но потенциальный взрослый читатель может усмотреть в них и более глубокий прецедентный смысл – например, намек на абстрактную живопись, авангардную поэзию и т. п. Тем более что далее в своем рассказе о жителях Луны кот да Винчи переходит к перечислению имен гениальных деятелей искусства (музыкантов, художников, поэтов, драматургов...). Это целая серия аллюзивных

ономастических игрем, придающих прецедентному имени соответствующую шутливую мотивировку:

И имена у всех тоже гениальные. Меня, например, зовут кот да Винчи. Это самое что ни на есть гениальное имя, потому что очень давно жил такой художник, автор гениальных творений. – Да Винчи? Неужели ты умеешь рисовать? – восхиtilась Чуча. – Я все умею, – скромно потупился кот (как уже отмечалось выше, это единственное объяснение имени главного персонажа, соотнесенное в тексте только с прототипом Да Винчи – без имени и без упоминания о «прототипе-посреднике» – романе Дэна Брауна «Код да Винчи», что исключает для ребенка, не знакомого с данным произведением, считывание потенциального смысла игремы и никак не соотнесено с характеристикой кота-детектива. – Т. Г.). Далее на вопрос: – *А кто у вас там, на Луне, еще живет?* – кот да Винчи приводит следующий перечень знаменитостей:

– *Ну, много кто! Художники Пи-пи-кассо* (ср. Пикассо и звукоподражательный мотиватор *пи-пи*, имитирующий голос мыши, что очевидно, должно восприниматься как «мышинный» аналог имени художника), *Ку-ку-инджи* (ср. *Куинджи* и звукоподражательный мотиватор *ку-ку* – «птичий» аналог прецедентного имени); *Микки-Маус*-ланджело (ономастический контаминант имени *Микки Маус* – известный мышонок из мультфильмов У. Диснея и *Микеланджело* – гениальный итальянский художник и скульптор), *Копейкин* и *Вкопейкин* (в свете вышеприведенных трансформаций можно предположить, что прототипом для создания данной пары онимов по принципу рифмовки-отзвучия является имя современного художника *Николая Копейкина*, картины которого имеют характер жесткой карикатуры, интернет-мема на сказочные фольклорные сюжеты, представленные картинами известных художников или книжными иллюстрациями, такими, как «*Маша и медведь*», «*Три медведя*», «*Утро в сосновом бору*» В. Шишкина и др.). Однако для детей, которым адресована книга, все данные импликатуры не выводимы и сама мотивация этих игровых онимов никак не поддерживается дальнейшим развитием сюжета. Их роль можно рассматривать разве что как дополни-

тельный иронический «штрих» автора к портрету кота да Винчи и как прием вовлечения читателя (обладающего достаточным уровнем культурной компетенции) в занимательный процесс опознания прототипа в ономастической трансформе.

Следующий ряд игрем: музыканты *Ба-бах* (играема создана по принципу ассоциативного отождествления, путем графического выделения в составе глагольного междометия *бабах* фрагмента, омонимичного имени великого композитора *Баха*; мотивация комически контрастирует с представлением об объёмном мощном звучании органа и громком звуке от выстрела или падения тяжелого предмета, наконец, о грубой механической игре на фортепиано или рояле), *Пугай-нини* (трансформация имени *Паганини* по сближению с созвучной словоформой глагола *пугать*, ср. представление о Паганини как виртуозном музыканте, от игры которого на скрипке лопались струны), *страус Штраус* (играема, построенная по принципу «взаимобратности», когда мена первого звука в слове превращает название птицы в имя композитора и наоборот).

Завершают список «лунных» гениев, перечисляемых котом да Винчи, игровые трансформы имен писателей (поэтов): *Кряк-спир* (ср. *Шекспир* и мотиватор *кряк*), *Сушкин* (ср. *Пушкин* и самый близкий ассоциат *сушки*, который имеет характер формальной рифмовки-отзвучия), *Заусенин* (ср. *Есенин* и *заусенец*, парадоксально сближенные по звуковому сходству ассоциаты; однако, возможно, здесь автором зашифрован намек на писателя Алексея Вронского, автора романа «Заусенец», закрученный сюжет которого держит читателя в постоянном напряжении, что свойственно и детективному жанру), *Уж-спенский* (ср. прототип *Успенский*, детский писатель, одна из книг которого называется «*Страшные ужасы. Жуткие истории*», что объясняет игровую реноминацию по сближению с *ужас*, хотя без учета приведенного прецедента вполне можно объяснить данную ономастическую трансформу связью с зоонимом *уж*), *Ку-ку-нин* (ср. *Акунин* и ассоциат *ку-ку*, возможно, здесь намек на то, что известный автор детективов – мастер мистификаций и предсказаний, издающий свои книги под разными псевдонимами,

как *кукушка*, подкидывающая своих птенцов в чужое гнездо; ср. также роман Б. Акунина «*Детская книга*»), *Хвостер* (ср. *Остер* и мотиватор *хвост*; здесь, вполне вероятно, зашифрован намек на сказку Г. Остера «*Зарядка для хвоста*», главными героями которой являются животные: попугай, мартышка, слоненок, удав). Ну, и конечно, *Макушкина* (ср. намек на прототип авторского имени *Матюшкина*, частично модифицированного по сближению с *макушка*) и *Коковитая* (трансформа имени детской писательницы *Кати Оковитой*, пишущей детские детективы так же, как и ее однокурсница Катя Матюшкина; сближение с лексическим мотиватором *коко* и одноструктурным ассоциатом *плодовитая* являются одновременно и авторской игрой на поле создания «зооморфной» ономастики (в русле тематики детективной повести), и скрытым «комплиментом» подруге и коллеге по цеху).

Таким образом, мы видим, что представленный ряд прототипов аллюзивных ономастических игрем весьма разнороден: это и имена современных детских писателей, и имена классиков литературы, в частности, работающих в детективном жанре. Еще раз обратим внимание на то, что глубина считывания этих игрем явно рассчитана автором не столько на ребенка, сколько на эрудицию взрослого читателя, и собственно «писательский круг». Отметим в плане критической оценки, что при всей изобретательности авторской игры с онимами остается открытым вопрос и об этическом аспекте подобных ономастических трансформ, и об эстетическом вкусе, формируемом у ребенка при помощи подобных игрем.

Вместе с тем мотивация имен с помощью ассоциатов тематической сферы «животные и птицы» создает необходимые автору presupпозиции для разработки детективного сюжета.

Дополняет ряд представленных котом да Винчи онимов сюжетно заданная мотивация топонима *Париш*, имитирующая ложноэтимологические толкования: – *А еще у нас есть город Париш – там все парят, то есть летают.* (Собственно так герой и объясняет свое прибытие на Землю в качестве *спасителя-суперкота*). Тема «гениальности» кота да Винчи находит развитие в его диалогах с мышатами:

Мы поймаем вашего дядю и, клянусь своей гениальной головой, научим его быть хорошим и любить цветы. – Ура! – закричали мыши. – **Гений!** – Но если ты гений, то кто тогда мы? – спросил самый маленький мышонок Пик. – Раз ты догадался задать такой хитрый вопрос, значит, ты **вундеркинд!** – **завопил что есть дури кот и высоко подпрыгнул.** – И вы все **вундеркинды!** **Вундермышки!** Ура, ведь правда я **гениален?!!**

В результате развития данной темы и соответствующих ассоциативных «перекличек» возникает целое гнездо игрем с формантом *супер-*: Каждый **суперкот, супермышь и прочий супермен** обязан уметь составлять фоторобот... **Суперфоторобот** от суперкота (о составленном котом фотороботе злодея Зызы). Ср. также: Любые ваши **суперпроблемы** – это мои **суперпроблемы!** Аналогичен по способу образования и игровой коррелят **вундермышки** как контаминация **вундеркинд** и **мышки** (при этом первая часть слова – *вундер* – выступает как синоним префиксоида *супер*).

Сама архитектура детективной серии о коте да Винчи имеет многослойный игровой характер, включая в себя разножанровые «тексты в тексте» (газетные заметки, письма, стихи, эпитафии и т. п.), и как особый ресурс для считывания кодов языковой игры – сопровождающие повествование рисунки и комментарии к ним.

Представленный анализ кодов языковой игры в детском детективе Кати Матюшкиной не является исчерпывающим, однако позволяет сделать следующие **выводы** относительно функционала этого феномена в данном жанре:

1. Коды языковой игры организуют ментальное пространство сказочного текста для детей, выступая средством создания топонимикона и ономастикона, а также речевых практик, проявляющих доминантную характеристику образа персонажа в развиваемом детективном сюжете.

2. Имитативный, аллюзивный и образно-эвристический принципы языковой игры, реализуемые в фонетическом, словообразовательном, семантическом кодах, создают эффект ассоциативной многомерности текста, предполагающей разные уровни считываемости смыслового наполнения игрем (с учетом компетенции детей младшего школьного воз-

раста, которым непосредственно адресовано это произведение, и в то же время – с учетом зоны развития ребенка более старшего возраста, а также интереса, который может вызывать игровой текст у взрослого читателя). Так, аллюзивный принцип языковой игры, эксплуатирующий эффект ассоциативного наложения (создания смысловой неоднозначности, двуплановости) и ассоциативной выводимости (дешифровки мотивационного кода игремы), в жанре детского детектива (во всяком случае в рассматриваемых повестях Кати Матюшкиной) выступает средством вовлечения ребенка в самостоятельное «лингвистическое расследование». Обыгрывание разного рода культурных прецедентов, требующих «опознания», вполне соответствует стилистике детективного жанра, что не только усиливает занимательность чтения, но при наличии авторского комментария и сюжетной обусловленности заданных аллюзий способствует расширению кругозора ребенка. Имитативный принцип языковой игры является неотъемлемым параметром моделируемого сказочного ментального пространства и жанровой стилизации (см., в частности, представленный в повести газетный дискурс, комически пародирующий журналистские практики оперативной трансляции актуальной «сенсационной» информации и манипулятивные способы рекламного продвижения издания). Образно-эвристический принцип языковой игры в плане адресации ребенку чрезвычайно продуктивен, в частности, в качестве «подсказки», позволяющей адресату декодировать игремы разного уровня в опоре на обнаруживаемый языковой прототип (последний нередко представлен в одном контексте с игремой; декодировать игровой код позволяет и визуальный ряд – авторские рисунки, сопровождаемые комментариями-репликами; стихотворные эпитафии, предпосылаемые содержанию глав). Сам жанр детектива, вовлекающий читателя в расследование преступления наравне с главным персонажем, активизирует рефлексию ребенка не только над поворотами сюжета, но и над языковыми «ловушками», требующими расшифровки.

3. Важным фактором считывания кодов языковой игры является ориентация автора на понятный и близкий ребенку способ создания

игрем (в соотношении аллюзивного, имитативного и образно-эвристического принципов их моделирования). Таковы, в частности фонетический код языковой игры (основанный на звукоизобразительности, омофоническом сближении или переразложении границ слова в потоке речи), словообразовательный (в виде имитации инноваций, популярных в детской субкультуре и естественной детской речи: сложений, контаминаций, типовых аффиксальных новообразований), мотивационный (в виде разного рода сюжетно заданных уточняющих реноминаций «готовых» слов), семантический (вместе с мотивационным «поясняющий» парадоксальный смысл игрового слова/фраземы или «сталкивающий» значения омонимичных лексем) и т. п.

4. Художественный текст, соединяющий в себе черты детективного и сказочного канона, содержит большой потенциал для взаимодействия автора с читателем-ребенком в игровом регистре. Более того, такой текст дает возможность экспериментальной верификации содержательного наполнения игрем

разного типа в сознании респондентов определенного возраста. Было бы, на наш взгляд, продуктивным предъявление «говорящих» ономастических игрем в качестве стимулов в ассоциативном эксперименте, их объяснение по методике прямого толкования и т. п. Респондентами могут при этом выступать не только дети младшего школьного возраста, но и старшие школьники, и взрослые.

Такая перспектива исследования могла бы способствовать развитию теории лингвокреативности не только в аспекте речепорождения, но и в аспекте речевосприятия как «взаимообратимых» процессов в рамках игрового дискурса.

5. Практики языковой игры, представленные в разных жанрах детской литературы, безусловно, должны способствовать развитию лингвокреативных способностей ребенка, переводя «нарушение нормы» в осознанный прием коммуникации (см., например: [Черняк 2012]), когда норма выступает не жестко заданным «правилом», но пусковым механизмом речевого творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. XVI. – С. 96.
- Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург: СОЮЗ, 1997. – 96 с.
- Гридина, Т. А. Ассоциативные проекции слова в «детской поэзии» (на материале произведений Михаила Яснова) / Т. А. Гридина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2018а. – № 189. – С. 189–199.
- Гридина, Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: монография / Т. А. Гридина. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2018б. – 272 с.
- Гридина, Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 5–33.
- Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2016. – 177 с.
- Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Язык – речь – творчество. (Избранные труды). – Москва: Лабиринт, 1998. – С. 146–162.
- Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В. В. Красных. – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
- Коновалова, Н. И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ / Н. И. Коновалова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012а. – № 10. – С. 35–48.
- Коновалова, Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка / Н. И. Коновалова // Филологический класс. – 2012б. – № 3 (29). – С. 5–11.
- Матюшкина, Е. А. Все приключения кота да Винчи. Улыбка Анаконды. Ограбление Банка. Пираты Кошмарского моря. Нашествие лунатиков: сборник / Е. А. Матюшкина. – Москва: АСТ, 2018. – 574 с.
- Норман, Б. Ю. Игра на границах языка: монография / Б. Ю. Норман. – Москва: Наука, 2017. – 344 с.
- Трик, Х. Е. Основные направления экспериментального изучения творчества / Х. Е. Трик // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – Москва: Изд-во Московского университета, 1981. – 400 с.
- Черняк, В. Д. Русский язык и культура речи: учебник для бакалавров / В. Д. Черняк. – Москва: Юрайт, 2012. – 493 с.

Чуковский, К. И. Живой как жизнь / К. И. Чуковский. – Москва: Зебра Е, 2010. – 304 с.

Cekaite, A. Microgenesis of language creativity: Innovation, conformity and incongruence in children's language play / A. Cekaite // *Language Sciences*. – 2018. – Vol. 65. – P. 26–36. dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2017.01.007.

Smogorzewska, J. Developing children's language creativity through telling stories – An experimental study / J. Smogorzewska // *Thinking Skills and Creativity*. – 2014. – Vol. 13. – P. 20–31. dx.doi.org/10.1016/j.tsc.2014.02.005.

Tin, T. B. Language creativity and co-emergence of form and meaning in creative writing tasks / T. B. Tin // *Applied Linguistics*. – 2011. – Vol. 32, Issue 2. – P. 215–235. doi.org/10.1093/applin/amq050.

REFERENCES

Cekaite, A. (2018). Microgenesis of language creativity: Innovation, conformity and incongruence in children's language play. In *Language Sciences*. Vol. 65, pp. 26–36. dx.doi.org/10.1016/j.langsci.2017.01.007.

Chernyak, V. D. (2012). *Russkii yazyk i kul'tura rechi* [Russian Language and Speech Culture]. Moscow, Yurait. 493 p.

Chukovskii, K. I. (2010). *Zhivoi kak zhizn'* [Alive as Life]. Moscow, Zebra E. 304 p.

Gridina, T. A. (2012). Logika yazykovogo paradoksa v detskoj rechi [Logic of the Language Paradox in Children's Speech]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativna: kollektivnaya monografiya*. Ekaterinburg, pp. 5–33.

Gridina, T. A. (2016). «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka ["Your Own Game": a Child in the World of Language]. Ekaterinburg. 177 p.

Gridina, T. A. (2018). *Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovoi igre* [Verbal Creativity of a Child: from the Origins of Word Creation to Language Play]. 2nd edition. Ekaterinburg. 272 p.

Gridina, T. A. (2018a). Assotsiativnye proektsii slova v «detskoj poezii» (na materiale proizvedenii Mikhaila Yasnova) [Associative Word Projections in "Children's Poetry" (Based on the Works of Mikhail Yasnov)]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 189, pp. 189–199.

Konovalova, N. I. (2012). Kreativnaya sostavlyayushchaya intellekta: k 100-letiyu IQ [The Creative Component of Intelligence: for the 100th Anniversary of IQ]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No. 10, pp. 35–48.

Konovalova, N. I. (2012). Traditsionnaya narodnaya kul'tura v zerkale yazyka [Traditional Folk Culture in the Mirror of Language]. In *Filologicheskii klass*. No. 3 (29), pp. 5–11.

Krasnykh, V. V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'?* [Virtual Reality or Real Virtuality?]. Moscow, Dialog-MGU. 352 p.

Matyushkina, E. A. (2018). *Vse priklyucheniya kota da Vinchi. Ulybka Anakondy. Ograblenie Banki. Piraty Koshmarskogo morya. Nashestvie lunatikov* [All the Adventures of da Vinci the Cat. Anaconda's Smile. Bank Robbery. Pirates of the Night-mare Sea. The Invasion of the Lunatics]. Moscow, AST. 574 p.

Norman, B. Yu. (2017). *Igra na granyakh yazyka* [Playing on the Edges of Language]. Moscow, Nauka. 344 p.

Smogorzewska, J. (2014). Developing children's language creativity through telling stories – An experimental study. In *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 13, pp. 20–31. dx.doi.org/10.1016/j.tsc.2014.02.005.

Tin, T. B. (2011). Language creativity and co-emergence of form and meaning in creative writing tasks. In *Applied Linguistics*. Vol. 32, Issue 2, pp. 215–235. doi.org/10.1093/applin/amq050.

Trik, Kh. E. (1981). Osnovnye napravleniya eksperimental'nogo izucheniya tvorchestva [The Main Directions of the Experimental Study of Creativity]. In Gippenreiter, Yu. B., Petukhova, V. V. (Eds.). *Khrestomatiya po obshchei psikhologii. Psikhologiya myshleniya*. Moscow, Moscow State University. 400 p.

Vitgenshtein, L. (1985). Filosofskie issledovaniya [Philosophical Research]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow. Vol. XVI, p. 96.

Vygotskii, L. S. (1997). *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and Creativity in Childhood]. Saint Petersburg, SOYuZ. 96 p.

Zhinkin, N. I. (1998). O kodovykh perekhodakh vo vnutrennei rechi [About Code Transitions in Internal Speech]. In *Yazyk – rech' – tvorchestvo. (Izbrannye trudy)*. Moscow, Labirint, pp. 146–162.

Данные об авторе

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Author's information

Gridina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВВ.

ВОЛЯ ПРОСТРАНСТВА И ТЕЧЕНИЕ СТИХА. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад»)

УДК 821.161.1-1(Ахмадулина Б.). DOI 10.26170/FK20-01-08. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

Абашев В. В.

Пермский государственный национальный исследо-
вательский университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

Vladimir V. Abashev

Perm State National Research University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

THE WILL OF SPACE AND THE FLOW OF VERSE.

On Akhmadulina's Poetics of the 1980^s (Based on Her Books "The Mystery" and "The Garden")

Abstract. The paper analyzes Bella Akhmadulina's poetry of the late 1970^s–80^s, published in her books "The Mystery" (1983) and "The Garden" (1987). Researchers identify these books as the beginning of her literary maturity. In his review of "The Mystery", Yu. Kublanovsky stated that the book had singled the poet out of the context of values dominating Soviet culture. Poetics of space is the subject matter of this paper. In contrast to the previous works that addressed this topic, the paper does not analyze the individual topoi, such as "the garden", "the house" or "the road", but focuses on space itself as a category of poetic vision, expressed by the semantics of the lexeme "space", its perception by the poet and the specificity of its prosody. In the poems of the studied period, "space" became the focal point of Akhmadulina's poetic reflection. It was manifested in the generalization of its semantics and the recurrence of the word in her texts. Space became both the object of reflection and the subject of action. Akhmadulina's appeal to space expressed her turn to the ontological foundations of values. Analysis of the semantics of the category of space shows that at this stage, it had become a metonymy of the highest principle of Being, which is later identified in the framework of Christianity. Developing the idea of the role of space in Akhmadulina's poetry, the paper poses a hypothesis that the experience of "space" determines such a prosodic feature of her poems as their relative redundancy, frequently criticized by literary critics. Akhmadulina's poems of the period develop the motif of the verse and space isomorphism. The duration of verse echoes an endless approach to the mystery of space. An additional foundation for the aesthetic conditioning of verse duration may be found in the phatic function, which is enabled in the structure of poetic communication. It is determined by the specificity of the addressee – the incomprehensible space itself. Keeping in contact with it, i. e. continuing to speak, becomes an intrinsically valuable concern of the speaker. In terms of literary history, Akhmadulina's concept of space is deeply connected with B. Pasternak's poetry.

Key words: category of space; prosody; phatic communication; Russian poetry; Russian women-poets; poetic creative activity; poems; poem analysis.

Аннотация. В статье анализируются стихи Беллы Ахмадулиной конца 1970-х – 1980-х гг., объединенные книгами «Тайна» (1983) и «Сад» (1987). Они рассматриваются исследователями как начало зрелого эта-

па творчества Ахмадулиной. Как констатировал Ю. Кублановский в рецензии на «Тайну», книга выделила поэта из контекста доминирующих ценностей советской культуры. Предмет анализа в статье – поэтика пространства. В отличие от работ, ранее касавшихся этой темы, в статье анализируются не отдельные топысы, такие как «сад», «дом» или «дорога», а пространство как категория поэтического видения, выраженная семантикой лексемы «пространство», ее переживание поэтом и связь с особенностями просодии. В стихах изучаемого периода «пространство» попало в фокус поэтической рефлексии Ахмадулиной, что проявилось в повышении частотности слова и генерализации его семантики, в том, что пространство стало и объектом рефлексии, и субъектом действия. Обращение к пространству выразило поворот Ахмадулиной к онтологическим основаниям ценностей. Анализ семантики категории пространства показывает, что на этом этапе оно стало для поэта метонимией высшего бытийного начала, которое в дальнейшем идентифицируется в русле христианства. В развитие идеи о роли пространства у Ахмадулиной в статье обосновывается гипотеза, что переживание «пространства» обусловило такую просодическую особенность ее стихов, как их сравнительная избыточность, служившая предметом порицаний литературных критиков. В стихах Ахмадулиной этого времени развивается мотив изоморфности стиха пространству. Стих длится, вторя бесконечному приближению к тайне пространства. Дополнительное основание эстетической мотивированности длительности стиха полагается в активизации фатической функции в структуре поэтической коммуникации. Она вызвана особенностями адресата – непостижимого пространства, поддержание контакта с которым, то есть дление речи, становится самоценным предметом заботы говорящего. В историко-литературном аспекте концепция пространства Ахмадулиной глубоко связана с поэзией Б. Пастернака.

Ключевые слова: категория пространства; просодия; фатическое общение; русская поэзия; русские поэтессы; поэтическое творчество; стихотворения; анализ стихотворений.

Для цитирования: Абашев, В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») / В. В. Абашев. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08.

For citation: Abashev, V. V. (2020). The Will of Space and the Flow of Verse. On Akhmadulina's Poetics of the 1980^s (Based on Her Books "The Mystery" and "The Garden"). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 86–94. DOI: 10.26170/FK20-01-08.

Предметом внимания в нашей статье станет категория пространства в поэзии Беллы Ахмадулиной второй половины 1970-х – 1980-х годов. Хотя важность образов пространства в поэтическом мире не раз отмечалась [Алешка 2001: 70, 75, 98], нельзя сказать, что эта тема изучена. Специальных работ, ей посвященных, пока не появлялось. Роли отдельных хронотопов, таких как «сад» или «дом» касалась в связи с изучением поэтики лирической книги в своих работах М. С. Михайлова [Михайлова 2005, 2008]. Близкий нам по интенции подход к осмыслению категории пространства был намечен в статье И. В. Шаповаловой. Однако попытка осмыслить «специфику языкового наполнения концепта „пространство“ в поэтическом идиолекте» [Шаповалова 2011: 205] Ахмадулиной была предпринята, во-первых, на недостаточном для общих выводов материале (три стихотворения), а во-вторых, ограничивалась наблюдениями лингвистического характера. Мы будем рассматривать пространство как таковое, как категорию

поэтического видения Беллы Ахмадулиной, выраженную семантикой лексемы «пространство» и модусы ее переживания поэтом. А особенный поворот темы состоит в том, что категорию пространства в поэзии Ахмадулиной мы попробуем рассмотреть в связи с такой особенностью поэтической речи, скорее просодического характера, как сравнительной избыточностью стиховой ткани, длительностью стихов. Они словно медлят останавливаться, они желают длиться.

На эту особенность поэтической речи Ахмадулиной, воспринимая ее чаще всего как недостаток, обращали внимание многие критики, упрекая и ее в многословии. Мы специально остановимся на отзывах поэтов, по определению более чутких к свойствам стиха. Так, например, в пронизательно благожелательном и во многом предсказавшем дальнейший путь Ахмадулиной отзыве на книгу стихов «Тайна» Ю. Кублановский все же не преминул отметить свойственную Ахмадулиной «переизбыточность эпитетов»

и «чрезмерную растяжку стихотворного повествования» [Кублановский 1984: 293].

В том же «недостатке» поэтической речи упрекал Ахмадулину Иосиф Бродский, который, как известно, выделял ее из плеяды современников как единственно подлинного поэта. Бродский отмечал, что Ахмадулиной не всегда удается «держать в узде многословную напыщенность», что «из двух вариантов – продолжать стихотворение, рискуя высокопарными повторами, или вовремя остановиться – она чаще (и вполне предсказуемо) предпочитает первое» [Бродский [http](#)]. О той же склонности Ахмадулиной к «высокопарному многословию» пишет сегодня Дмитрий Быков. Быков сетует, что даже он, знающий две тысячи стихов наизусть, не может запомнить ни одного стиха Ахмадулиной: они «трудно запоминаются – в силу своей пространности, лексической сложности и определенной водянистости». В стихах Ахмадулиной, заключает Быков, «многое аморфно, не названо, не сформулировано, безвольно» [Быков [http](#)].

Подчеркнем последнее слово этой реплики: «безвольно». Собственно говоря, то же творческое «безволие» имел в виду и Бродский, когда писал, что «Ахмадулина скорее плетет свой стих, нежели выстраивает его вокруг центральной темы» [Бродский [http](#)]. В этой оппозиции – «плетет» vs «выстраивает» – присутствует та же коннотация степени воли.

Проще всего оценить названное свойство поэтической речи Ахмадулиной как недостаток. Сложнее понять внутреннюю логику и мотивацию этого длящегося стиха, понять, почему подлинный поэт художественной воле предпочел «безволие».

Когда Ахмадулину упрекают в «многословии», в качестве эстетического ориентира принимается поэзия лаконической формы и афористически выраженной, остро отточенной мысли. В роли образца подразумевается в этом случае Анна Ахматова. Ахмадулина понимала и высоко ценила поэзию такого рода. «Безукоризненное совпадение предмета, который <...> [поэт] имеет в виду, и слова, которое он говорит, – точно впадет, без расточительных затрат многословия. Дисциплина его языка такова, что между сутью вымысла

и облекающей ее формой нет неопытного зазора пустоты», – так Ахмадулина определила существо «счастливого дара» Евгения Винокурова, дав тем самым, афористическую – подчеркнем – формулу поэтики лаконизма [Ахмадулина 2011: 386].

Однако понимая и ценя эстетику «безукоризненного совпадения предмета и слова», Ахмадулина придерживалась диаметрально иной стратегии поэтического письма. Можно предположить, не было ли пресловутое «многословие» естественным следствием этой стратегии и даже сознательным выбором? Словно предчувствуя будущие упреки критики, Ахмадулина заблаговременно отвечала любителям афористических сентенций, завершающих стих:

Прости, за то прости, читатель,
Что я не смыслов поставщик,
А вымыслов приобретатель
Черемуховых и своих. [Ахмадулина 1987: 158]

Возможно, Ахмадулина могла бы согласиться с Быковым: да, «тут многое аморфно, не названо, не сформулировано», – но у нее был готов ответ на упрек, который она нередко слышала:

Всегда мне скушен был выискиватель смысла,
И угодить ему я не могу: я сплю.
[Ахмадулина 1983: 63]

Так что мы попробуем судить поэта по законам, им самим для себя установленным.

На уровне стилистики стратегия поэтической речи Ахмадулиной выражалась в очевидном пристрастии к перифрастическим оборотам. Ахмадулина предпочитает не называть предмет прямо («безукоризненное совпадение предмета и слова»), а обвести его размытым контуром косвенных признаков. Это поэтика перифразы. Об этом, как и многие, писала, например, Т. Алешка, справедливо отмечая близость в этом отношении Ахмадулиной к раннему Пастернаку: «Характерной чертой стиля <...> [Ахмадулиной] является пристрастие не называть объект описания напрямую, а наговорить вокруг него столько и такое, чтобы он проступил сам сквозь рисунок слов и косвенных обозначений» [Алешка 2001: 98]. В связи с этой чертой стиля Ахмадулиной Т. Алешка сделала замечание, которое

стоит подчеркнуть: «Читателю нужны определенные навыки для постижения такого стиха» [Алешка 2001: 98].

Перифрастичность, однако, служит, на наш взгляд, внешним выражением более глубоких интенций поэтического видения Ахмадулиной. Прежде всего, мы полагаем, что длительность стиха, его «избыточная» протяженность обуславливалась и мотивировалась концептуально – преобладающим предметом художественного внимания или, если использовать понятие эстетики И. А. Ильина, эстетическим предметом, то есть «главным помыслом, который заставил поэта творить, т. е. искать для него верных образов и точных слов» [Ильин 1959: 17]. Иными словами, эстетический предмет – глубинная структура художественного текста. Ближе всего он выражается в ключевых образах или поэтических концептах.

Не берясь судить о всех периодах творчества Ахмадулиной, мы попробуем ответить на вопрос о концептуальном основании ее длящегося стиха применительно к поэзии конца 1970-х – 1980-х годов. Речь пойдет о книгах «Тайна» (1983) и «Сад» (1987). Книги эти, по общему признанию, занимают особое место в творческом пути Беллы Ахмадулиной, открывая его зрелый этап. Об этом пронизательно писал еще Ю. Кублановский в одной из первых рецензий на книгу «Тайна». «Новый поэтический сборник, – прогнозировал Ю. Кублановский, – одновременно и – итог <...>, и окно – в нечто новое, чему соответствуют и куда зовут Ахмадулину ее честные судьба и натура. <...> талант, а в конце концов, и просто подлинная человеческая порядочность вывели Ахмадулину из проторенной колеи советской литературы. Впереди – новый путь, требующий несравненно большего мужества <...> в первую очередь – мировоззренческого и, соответственно, стиливого, литературного... И верится, что Ахмадулина найдет в себе это мужество» [Кублановский 1984: 293]. Следующая книга «Сад» (1987) подтвердила прогноз поэта: лирический диптих Ахмадулиной выделил ее из контекста доминирующих ценностей советской культуры обращением к онтологическим основаниям ценностей и жизни человека.

Необходимо отметить тесную связь тем и мотивов этих книг, так что они образуют

лирическое единство, на чем особенно настаивала Соня Кетчиан [Ketchian 1998: 86], чей тезис о внутреннем единстве «Тайны» и «Сада» развила в своей диссертации М. С. Михайлова [Михайлова 2008]. Одной из – и доминирующей – категорий поэтического мира, объединяющей эти книги, становится категория «пространство», репрезентированная в своем существенном содержании соответствующим словом.

Конечно, лексема «пространство» встречалась в стихах Ахмадулиной и до середины 1970-х, но, во-первых, редко, во-вторых, на служебных ролях. Если совсем точно, то во всех стихах с 1954 по 1974 год, отобранных для первого тома трехтомного собрания сочинений, лексема «пространство» встречается всего пять раз [Ахмадулина 2009: 110, 132, 167, 189, 248]. Однако, начиная со стихов 1976 года, пространство смещается в фокус поэтического внимания и в начале 1980-х в стихах «Тайны» пространство становится «эстетическим предметом», то есть, словами Ивана Ильина, «главным помыслом, который заставляет поэта творить <...> искать для него верных образов и точных слов» [Ильин 1959: 17]. Значение слова вместе с этим необыкновенно генерализуется, расширяется и делает закономерным появление стихов с названиями «Ревность пространства», «Милость пространства» или «Строгость пространства» (в книге «Тайна»). Такой эффект генерализации и расширения значения слова („динамизации“, по Тынянову) Софья Лубенская считает одной из тенденций для семантики поэтической речи Ахмадулиной. Для словоупотребления, считает исследователь, «характерны обогащение смысла слова, обновление и расширение его семантических связей, создание при помощи контекста более широкого, в сравнении с общеязыковой и литературной традицией, семантического и ассоциативного фона для индивидуального словоупотребления, совмещение в одном словоупотреблении прямого и переносного значений» [Лубенская 1985: 170].

Соня Кетчиан заметила, что в лирической диалогии Беллы Ахмадулиной роль Музы, как высшей инстанции поэтического мира, передоверяется природе и, в частности, пространству [Ketchian 1984: 43; 1998: 86]. Кажет-

ся, семантика и роль категории пространства в стихах этих книг значительней. Концептуализируясь, пространство превращается в эластичную метафору бытия, гармонии, мировой воли, жизни в пастернаковском понимании как саморазумеющей и самосозидающей себя силы, тайны, в конечной перспективе – Бога. Последнее – не преувеличение. Именно об этой перспективе развития поэта «от культурно-языческих интуиций – к Христианскому истоку и основанию...» в повторение пути Пастернака писал Ю. Кублановский [Кублановский 1984: 292], и его прогноз в целом оправдался. Также и Соня Кетчиан отметила, что в некоторых стихах «Тайны» и «Сада» «религиозные и философские размышления становятся очевидными» [Ketchian 1998: 89].

При этом пространство существует в этих книгах и в своей сугубо вещественной конкретности окрестностей Тарусы или Сортавалы: как «дорога на Паршино», ладыженский овраг, Ока, Ладога, валуны на балтийском взморье или главная героиня ахмадулинского флорария – черемуха, а также луна. Кстати, и композиции книг подчиняются топографическому принципу. Так, книга «Сад» отчетливо делится на несколько, объединенных топомами циклов: окрестности Тарусы, больница, Финский залив, Ладога...

Но, прежде всего, пространство осознается и переживается Ахмадулиной как высшая онтологическая инстанция, в отношениях с которой происходит самоопределение поэта. С начала 1980-х эта тема интенсивно развивается и в тонких, веером расходящихся вариациях объединяет стихи десятилетия. Пространство становится структурирующей категорией поэзии Ахмадулиной. Пространство теперь выступает как субъект действия и разнообразно нюансированных эмоциональных реакций. Оно может быть строгим [Ахмадулина 1983: 56], испытывает ревность [Ахмадулина 1983: 51], способно к милости [Ахмадулина 2010: 530], пространство смотрит [Ахмадулина 2010: 134], шалит [Ахмадулина 1983: 57], смеется [Ахмадулина 1983: 54] или сумрачно глядит, как нелюдим [Ахмадулина 1983: 57], ласково наставляет поэта-ученика [Ахмадулина 1983: 60], но «отчужденно и брезгливо / взирает» на того, кто не чувствителен к его урокам [Ахмадулина 1983: 305]. При этом речь

не идет о фамильярной антропоморфизации, пространство занято собой [Ахмадулина 1983: 60], оно – тайна, глубинный корень бытия.

И поэт осуществляется во взаимодействии с пространством. В топике стихов 1980-х, особенно в книге «Сад», поэт – путник, существующий в модусе пешеходов, словно бы ощупывающих складки и силовые линии пространства прогулок. В стихотворении «Путник», одном из начальных в книге «Тайна», дух поэта предстает как независимая от него, здесь и теперь живущего, архетипическая проекция, укорененная в пространстве:

Я – лишь сейчас, в сей миг, а он –
Всегда: пространства завсегда,
подошвами худых сандалий
осуществляет ход времен
вдоль вечности и косогора.

[Ахмадулина 1983: 16]

Тот же мотив вечного страннического прообраза поэта открывает книгу «Сад»:

«Я – свойство дороги, черта и подробность.
Зачем сочинитель ее жития
всё гонит и гонит мой робкий прообраз
в сюжет, что прочней и пространней, чем я?»

[Ахмадулина 1987: 5]

Именно родственная связь с всеведущим пространством может быть залогом самости поэта:

Приёмш я иль вовсе сирота
со всех сторон глядящего пространства?

[Ахмадулина 1983: 40]

Тяготение к слиянию с пространством развивается вплоть до самоотождествления с высшей бытийной инстанцией. Повторим уже процитированную важную строчку: «Я – свойство дороги, черта и подробность» [Ахмадулина 1987: 5]. Тот же мотив слияния с пространством развивается в стихотворении «Скончание черемухи-1»: «Округой округлясь, мои простёрты руки» [Ахмадулина 1987: 41]. Поэт видит себя лишь частью пространства, выражающего в своем многообразии явлений некую высшую волю:

Трезубец воли, скрытой от меня,
связует воды, глыбы, времена
со мною и пространство образует.

[Ахмадулина 1987: 119].

Возвращаясь к мысли о том, что в перспективе движения Ахмадулиной к христианству, предположим, что «трезубец воли», объединяющий мир и человека в гармоничном единстве пространства, может быть интерпретирован в этом стихотворении («Не то, чтоб я забыла что-нибудь...») как метафора идеи троичности. Хотя в этом образе неустрашимы и аллюзии античной мифологии. В больничном цикле книги „Сад“ Ахмадулина вспоминает пастернаковские „строки про перстень и футляр“ [Ахмадулина 1987: 71] как выражение благодарной врученности себя чему-то высшему и большему и метонимией видимой воплощенности этой воли становится обнимающее человека «пространство».

В мире стихов периода, который мы обсуждаем, поэт у Ахмадулиной является своего рода говорящим (или пишущим) органом пространства, его «раболепным урочищем». Это ощущение замечательно выражено в стихотворении «Скончание черемухи-1»:

Благодарю тебя за странный мой удел –
быть контуром твоим, облекшим неизвестность,
подробность опустить, что – родом из людей,
и обитать в ночи, как местность и окрестность.

[Ахмадулина 1987: 42]

Все эти здесь и выше процитированные выражения самоопределения в формах слияния с пространством являют формулу существования лирического субъекта, субъекта поэтической речи в системе поздней Ахмадулиной. «Я» существует здесь в благодарном сознании своей малости и зависимости, как функция пространства или, по крайней мере, как некто, принимающий власть пространства, волю его стихий и чувствующий «пульс слежавшихся энергий» в валунах финского взморья [Ахмадулина 1987: 105]. Бродский точно отметил, что хотя по традиции русской романтической линии Ахмадулина не лишена нарциссизма «гораздо в меньшей степени он направлен на выбор той или иной самоудовольной позы – менее всего гражданственной» [7].

В среде таких интуиций творчество, поэзия и становится, вернемся к определению Быкова, «безвольным» медиумическим актом трансляции высшей воли или энергии. Словно бы предвосхищая движение своей поэтики, Ахмадулина писала в эссе о Винокурове:

«Художник всегда подлжит мощной диктовке пространства, звездопаду сторонней музыки, от которого некуда спрятать голову. В этом поединке исполнитель не всегда попевает за указкой великого дирижера» [Ахмадулина 2011: 386, 387]. Не попевать за волей дирижера не значит быть неточным, просто это точность другого рода: точность бесконечного приближения к тайне.

Этой стратегии и следовала Ахмадулина в поэтической речи. Пластика и просодия ее стихов 1980-х годов создается энергией вглядывания, всматривания, подчинения себя созерцаемому объекту, конкретнее – местности: оврагу, саду, дороге, валунам... Иными словами, воле пространства, которой она себяверяла. Поэт становится медиумом течения стиха-пространства. Ахмадулина не случайно ощущает стих как материю, изоморфную пространству, «взаимость» которого обеспечивает подлинность творчества:

<...>

мне сладостно ловить взаимность
всего, что вижу в этот миг.
Коль похвалю себя – дорога
довольна тоже, ей видней,
в чем смысл, еще до слов, до срока:
ведь все это на ней о ней. <...>
Я в ней – строка, она – страница.

[Ахмадулина 1987: 33]

Подобное отождествление стиха с пространством – постоянный мотив Ахмадулиной: «при мартовской луне чернела одиноко – как вежи сквозь метель – простертая строка» [Ахмадулина 1983: 61]. Или еще буквально: «Шесть километров вдоль одной строки: // бег-бред ночной по паршинской дороге» [Ахмадулина 1987: 45].

Замечательно это ощущение тождества стиха и стихии выражено в стихотворении «Ревность пространства», в обращении к этой высшей инстанции:

Уж если ты себя творишь само,
скажи: в чём смысл? в чём тайное веленье?
Таруса где? где Паршино-село?
Но, скрытное, молчит стихотворенье.

[Ахмадулина 1983: 51–52]

Непостижимое, само себя творящее пространство и есть стихотворение высшего по-

рядка. Но это бесконечное стихотворение молчит, поэтому и стихи поэта, обращенные к нему, избегают афористических сентенций, они лишь, длясь, вторят движению бесконечного приближения к тайне пространства.

В пользу связи категории пространства с этой особенностью поэтической речи Ахмадулиной можно привести дополнительные аргументы, рассматривая реализуемую в них структуру коммуникации и учитывая характер их адресата: «нежность к пространству» остается «безответной» [Ахмадулина 1983: 2]. Опираясь на классическую модель Романа Jakobsona, можно предположить, что стратегия поэтической коммуникации Ахмадулиной заключалась в дополнительном акценте на так называемой фатической функции речи [Jakobson 1975: 201]. В этом случае, как известно, самоценным предметом заботы говорящего оказывается поддержание контакта адресанта с адресатом, то есть само по себе дление процесса речи. В случае Ахмадуллиной – с ее адресатом, безмерно превосходящим субъект речи и заведомо «безответным».

Размышляя о коммуникативной природе и поэтике молитвы, В. А. Мишланов заметил, что «отсутствие реальной обратной связи („безответность“ – А. В.) сближает молитву с <...> поэтическим <...> произведением» и что поэтическая и фатическая функции языка близки и друг другу сопутствуют. «Всякое эстетически ориентированное словесное творчество» (поэтическая функция по Р. Jakobsonу – А. В.), по мнению В. А. Мишланова, «может быть отнесено к фатике языка, ибо имеет целью „общение для души“» [Мишланов 2003: 292].

Именно отсюда, из сдвига речевой интенции в сторону фатики, исходит кажущаяся избыточной с позиции референции поэтическая ткань ахмадулинских стихотворений и сама установка на их длительность, протяженность. В сущности, приведенное соображение коррелирует с мыслью Бродского о том, что Ахмадулина «скорее плетет свой стих, нежели выстраивает его вокруг центральной темы, и стихотворение, после четырех или того меньше строк, расцветает, существует почти самостоятельно, вне фонетической и аллюзивной способности слов к произрастанию» [Бродский [http](http://)].

Завершая анализ семантики и функций категории пространства, поставим вопрос: к каким в историко-литературной ретроспективе корням восходит ахмадулинская интуиция пространства, ее «нежность к пространству»? Ответ в общем-то достаточно очевиден – в значительной степени к поэзии Пастернака. «Нежность к пространству» у Ахмадулиной – это, в сущности, творческий парфраз пастернаковской «любви пространства», которую как высшую милость может заслужить поэт. Не случайно Ахмадулина цитирует эту ключевую для нее пастернаковскую строку в своем эссе о Чиковани: «Обремененный лишь легкостью силуэта, он имел много удобств и преимуществ для того, чтобы „привлечь к себе любовь пространства“: оно само желало его, втягивало, само трудилось над быстрым лётом его походки и теперь совершенно присвоило, растворило в себе. Эта выдумка поэтов о „любви пространства“ применительно к ним самим – совершенная правда» [Ахмадулина 2011: 374, 375]. Характерно, что из единичных случаев использования лексемы «пространство» в стихах до середины 1970-х два из них мы встречаем в стихах, посвященных Пастернаку – «Памяти Бориса Пастернака» (1962) и «Метель» (1968), где Пастернак предстает как поэт, заслуживший «любовь пространства»:

Не потому ль, в красе и тайне,
пространство, загрузив о нём,
той речи бред и бормотанье
имеет в голосе своем.

[Ахмадулина 2009: 248–249].

Речь, разумеется, идет не об отдельных цитатах. В своих стихах второй половины 1970-х – 1980-х годов Белла Ахмадулина глубоко усвоила традицию генерализации идеи пространства в ее пастернаковском изводе, но придала ей исключительно индивидуальное звучание.

Анализ категории пространства у Пастернака в сопоставлении с пространственными интуициями Андрея Белого [Абашев 2009] показал, что генерализация категории пространства в поэзии отразила характерный для всей культуры XX века рост интереса к феномену пространства, его проблематизацию. Внимание к пространству проявилось во всех

сферах духовной деятельности от философских и научных концепций до искусства и политики. Этот процесс отразился и в эволюции языка русской поэзии, особенно интенсивно у Андрея Белого, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака.

Что касается Пастернака, то у него семантически пространство отличается повышенной интенсивностью, по-тютчевски – избытком жизни. Оно пьяное [Пастернак 2003: 365], спит, дымится [Пастернак 2004: 99] и забывается в трансе [Пастернак 2003: 200]. Пространство переживается Пастернаком как средоточие и источник непрерывного жизненного брожения. И поэтоу естественно, что наиболее сильным и явным определением пространства у Пастернака становится высшее выражение жизни – любовь. Пространство, эта колыбель бытия, у Пастернака пронизана

но дыханием эроса: «Известно ли, как влюбчиво / Бездомное пространство?» [Пастернак 2003: 292]; «Пространство спит, влюбленное в пространство» [Пастернак 2004: 11]; «Виденя влюбленного пространства» [Пастернак 2004: 11]. Эрос пространства не беспредметен, он обращен к человеку. Ответом на «любовь пространства» [Пастернак 2004: 150] становится слово поэта, создающее новую символическую вселенную.

Так и у Беллы Ахмадулиной источником поэтического творчества становится «нежность к пространству»:

Мне жаль снегов, мне жаль себя в снегах,
Оки во льду и польнине отверстой,
и радости, что дело не в стихах,
а в нежности к пространству безответной.

[Ахмадулина 1983: 2]

ЛИТЕРАТУРА

- Абасhev, В. В. Андрей Белый и Борис Пастернак (заметки к сравнительной поэтике пространства) / В. В. Абасhev // In Memoriam: Иосиф Васильевич Трофимов. – Daugavpils: Daugavpils Universitatis Akademiskais Arpagsds «Saule», 2009. – S. 98–106.
- Алешка, Т. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии / Т. Алешка. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 125 с.
- Ахмадулина, Б. А. Тайна. Новые стихи / Б. А. Ахмадулина. – Москва: Советский писатель, 1983. – 128 с.
- Ахмадулина, Б. А. Сад: Новые стихи / Б. А. Ахмадулина. – Москва: Советский писатель, 1987. – 160 с.
- Ахмадулина, Б. А. Друзей моих прекрасные черты... / Б. А. Ахмадулина. – Москва: Астрель; Олимп, 2009. – 507 с.
- Ахмадулина, Б. А. Ночь упаданья яблок / Б. А. Ахмадулина. – Москва: Астрель; Олимп, 2010. – 511 с.
- Ахмадулина, Б. А. Пуговица в китайской чашке / Б. А. Ахмадулина. – Москва: Астрель; Олимп, 2011. – 637 с.
- Бродский, И. Зачем российские поэты?... / И. Бродский. – URL: <http://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/zachem-rossiiskie-poety-1977.html> (дата обращения: 16.02.2020). – Текст: электронный.
- Быков, Д. Я прожигу. Белла Ахмадулина (1937-2010) / Д. Быков. – URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=11> (дата обращения: 16.02.2020). – Текст: электронный.
- Зубарева, В. «Я утаю и не предаю перу»: тайна зеркальных дат в поэзии Беллы Ахмадулиной / В. Зубарева // Новый филологический вестник. – 2015. – № 2 (33). – С. 119–130.
- Ильин, И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин-Ремизов-Шмелев / И. А. Ильин. – Мюнхен, 1959. – 196 с.
- Кублановский, Ю. «Тайна» Беллы Ахмадулиной / Ю. Кублановский // Грани. – 1984. – № 131. – С. 291–293.
- Лубенская, С. О поэтическом языке Беллы Ахмадулиной / С. Лубенская // Russian Literature. – 1985. – Vol. 17, Issue 2. – P. 157–182.
- Михайлова, М. С. Концепт сада и метафора «цветочного» времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» / М. С. Михайлова // Культура и текст: в 3 т. – Санкт-Петербург – Самара – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – Т. 1. – С. 192–197.
- Михайлова, М. С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михайлова М. С. – Барнаул, 2008. – 22 с.
- Мишланов, В. А. Молитва как речевой жанр / В. А. Мишланов // Прямая и непрягая коммуникация: сборник научных статей. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 290–302.
- Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. / Б. Л. Пастернак. – Москва: Слово/Slovo, 2003. – Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. – 576 с.
- Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. / Б. Л. Пастернак. – Москва: Слово/Slovo, 2004. – Т. 2: Спектральный. Стихотворения и поэмы 1930–1959. – 528 с.
- Шаповалова, И. В. Индивидуально-авторская репрезентация концепта «пространство» в идиолекте Беллы Ахмадулиной / И. В. Шаповалова // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова: збірник наукових праць. Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Киев: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. – Вип. 6. – С. 204–208.

- Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – Москва: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
- Ketchian, S. Poetic Creation in Bella Akhmadulina / S. Ketchian // *The Slavic and East European Journal*. – 1984. – Vol. 28, №1. – P. 42–57.
- Ketchian, S. Bella Akhatovna Akhmadulina / S. Ketchian // *Reference Guide to Russian Literature*. – Routledge: London and New York, 1998. – P. 85–89.

REFERENCES

- Abashev, V. V. (2009). Andrei Belyi i Boris Pasternak (zametki k sravnitel'noi poetike prostranstva) [Andrei Belyi and Boris Pasternak (Notes on the Comparative Poetics of Space)] In *In Memoriam: Iosif Vasil'evich Trofimov*. Daugavpils, Daugavpils Universitatis Akademiskais Apgads «Saule», pp. 98–106.
- Akhmadulina, B. A. (1983). *Taina. Nove stikhi* [Secret. New Poems.]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 128 p.
- Akhmadulina, B. A. (1987). *Sad. Nove stikhi* [The Garden: New Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 160 p.
- Akhmadulina, B. A. (2009). *Druzei moikh prekrasnye cherty...* [My Friends are Beautiful Features]. Moscow, Astrel', Olimp. 507 p.
- Akhmadulina, B. A. (2010). *Noch' upadan'ya yablok* [Apples Fall Night]. Moscow, Astrel', Olimp. 511 p.
- Akhmadulina, B. A. (2011). *Pugovitsa v kitaiskoi chashke* [Button in a Chinese Cup]. Moscow, Astrel', Olimp. 637 p.
- Aleshka, T. (2001). *Tvorchestvo B. Akhmadulinoi v kontekste traditsii russkoi poezii* [Creativity of B. Akhmadulina in the Context of the Traditions of Russian Poetry]. Minsk, RIVSH BGU. 125 p.
- Brodskii, I. *Zachem rossiiskie poety?..* [What for Russian Poets?]. URL: <http://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/zachem-rossiiskie-poety-1977.html> (mode of access: 16.02.2020).
- Bykov, D. *Ya prozhivu. Bella Akhmadulina (1937–2010)* [I Will Live. Bella Akhmadulina (1937–2010)]. URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=11> (mode of access: 16.02.2020).
- Il'in, I. A. (1959). *O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin-Remizov-Shmelev* [About Darkness and Enlightenment. Book of Art Criticism. Bunin-Remizov-Shmelev.]. Myunhen. 196 p.
- Ketchian, S. (1984). Poetic Creation in Bella Akhmadulina. In *The Slavic and East European Journal*. Vol. 28, No. 1, pp. 42–57.
- Ketchian, S. (1998). Bella Akhatovna Akhmadulina. In *Reference Guide to Russian Literature*. Routledge, London and New York, pp. 85–89.
- Kublanovskii, Yu. (1984). «Taina» Belly Akhmadulinoi [Bella Akhmadulina's "Secret"]. In *Grani*. No. 131, pp. 291–293.
- Lubenskaya, S. (1985). O poeticheskom yazyke Belly Akhmadulinoi [About Poetic Language Bella Akhmadulina]. In *Russian Literature*. Vol. 17. Issue 2, pp. 157–182.
- Mikhailova, M. S. (2005). Kontsept sada i metafora «tsvetochного» vremeni v knige Belly Akhmadulinoi «Sad» [The Concept of the Garden and the Metaphor of "Flower" Time in Bella Akhmadulina's Book "The Garden"]. In *Kul'tura i tekst, in 3 vols*. Saint Petersburg, Samara, Barnaul, Izdatel'stvo BGPU. Vol. 1, pp. 192–197.
- Mikhailova, M. S. (2008). *Poeziya Belly Akhmadulinoi: dinamika liricheskoi knigi* [The Poetry of Bella Akhmadulina: the Dynamics of the Lyric Book]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. 22 p.
- Mishlanov, V. A. (2003). Molitva kak rechevoi zhanr [Prayer as a Speech Genre]. In *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sbornik nauchnykh statei*. Saratov, Kolledzh, pp. 290–302.
- Pasternak, B. L. (2003). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 1: Stikhotvoreniya i poemy 1912–1931. 576 p.
- Pasternak, B. L. (2004). *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [Complete Works, in 11 vols.]. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 2: Spektorskii. Stikhotvoreniya i poemy 1930–1959. 528 p.
- Shapovalova, I. V. (2011). Individual'no-avtorskaya reprezentatsiya kontsepta «prostranstvo» v idiolekte Belly Akhmadulinoi [Individual and Author Representation of the Concept "Space" in the Idiolect of Bella Akhmadulina]. In *Naukovii chasopis NPU imeni M. P. Dragomanova: zbirnik naukovikh prats'. Seriya 9. Suchasni tendentsii rozvitku mov*. Kiev, Vid-vo NPU im. M. P. Dragomanova. Issue 6, pp. 204–208.
- Yakobson, R. (1975). Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. In *Strukturalizm: «za» i «protiv*. Moscow, Progress, pp. 193–230.
- Zubareva, V. (2015) «Ya utayu i ne predam peru»: taina zerkal'nykh dat v poezii Belly Akhmadulinoi [“I will conceal and won't reveal to the quill”: Regarding Mirror Dates in Bella Akhmadulina's Poetry]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 2 (33), pp. 119–130.

Данные об авторе

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: vv_abashev@mail.ru.

Author's information

Abashev Vladimir Vasilievich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Mass Communication, Perm State National Research University (Perm, Russia).

«ВЛЮБЛЕННЫЙ БЕС» А. В. КОРОЛЕВА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

УДК 821.161.1-31(Королев А. В.). DOI 10.26170/ФК20-01-09. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.08

Завьялова Е. Е.

Астраханский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>

Elena E. Zavyalova

Astrakhan State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>

“THE DEVIL IN LOVE” BY A.V. KOROLEV: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Abstract. The object of research of this article is the diptych by A. V. Korolev. The writer suggests trying to determine what is left in the stolen and ineptly altered story “The Lonely House in Vasilyevsky” from its brilliant author A. S. Pushkin (with reference to his earlier and later works); what the memorable plagiarist V. P. Titov (Tit Cosmocratov) had brought into it; and what in “The Devil in Love” appeared under the influence of the classics, and not only Pushkin, thanks to Korolev himself. The aim of this study is to reveal regular patterns in the system of corrections made in the “story-reconstruction” and to establish the logical meaning of the restorations made by the writer. The systemic approach, combining historical-literary, historical-functional and receptive aspects of exploration of a work of art and the procedures of contextual, intertextual and textological analysis, constitutes the methodological foundation of the work. It is proved that Korolev simplified and clarified Titov’s utterances and approached the rhythm of Pushkin’s verse, freeing speech from bookish rhetorical clichés, archaic Slavonicisms, and official terminology. The author analyzes the elegiac frame of the story, which makes the work of Korolev particularly harmonious, and reveals how the moral and intellectual status of the narrator (Pushkin) is recreated and how his trusting relationships with the reader are strengthened with the help of ironic comments and literary-critical remarks. The article demonstrates how dynamism and expressiveness of the narrative is enhanced with the help of narrative simplifications. The functions of landscape sketches are determined, the regularity of successive seasonal changes in the story is established, and the symbols of temporal images are revealed. The author concludes that while recreating mystical episodes Korolev falls under the influence of Gogol’s prose. For the same reason, the modern writer uses many more expressive utterances mentioning the devil than there are such words in the original. The author considers variants of revision of the main characters (Vera, Pavel, Bartholomew) and substantial alteration of episodic ones (Lavrentiy). Several significant plot differences are analyzed. The study allows concluding that Korolev constructs a new, “corrected” reality in “The Devil in Love” in the best traditions of simulacrum aesthetics.

Keywords: plagiarism; Russian literature; Russian writers; literary creative activity; novellas; literary characters.

Аннотация. Предметом исследования, проведенного в рамках данной статьи, является диптих А. В. Королева. Писатель предлагает попытаться определить, что в похищенной и неумело перелицованной повести «Уединенный домик на Васильевском» осталось от ее гениального автора А. С. Пушкина (с проекцией на более ранние и будущие его произведения); что в нее привнес памятный плагиатор В. П. Титов (Тит Космократов); что во «Влюбленном бесе» появилось под воздействием классики, и не только пушкинской, с легкой руки самого А. В. Королева. Цель наших разысканий – выявление закономерностей в системе внесенных в «повесть-реконструкцию» коррективов, определение логического смысла выполненных писателем восстановлений. Методологической основой работы послужил системный подход, объединивший историко-литературный, историко-функциональный, рецептивный аспекты изучения художественного произведения, приемы контекстуального, интертекстуального, текстологического анализа. Доказывается, что А. В. Королев упростил и уточнил высказывания В. П. Титова, приблизился к ритму пушкинского «поставу», высвободив речь от книжных риторических штампов, славянизмов архаического типа, официальной терминологии. Анализируется элегическое обрамление повести, которое придает произведению А. В. Королева особенную стройность. Прослеживается, как с помощью иронических комментариев и замечаний литературно-критического характера воссоздается нравственный и интеллектуальный статус повествователя (А. С. Пушкина), упрочиваются его доверительные отношения с читателем. Демонстрируется, как путём сокращений достигается усиление динамики и выразительности повествования. Определяются функции пейзажных зарисовок, устанавливается закономерность последовательных сезонных изменений в повести, раскрывается символика темпоральных об-

разов. Указывается на случаи детализации описаний. Делается вывод, что при воссоздании мистических эпизодов А. В. Королев испытывает воздействие гоголевской прозы. По этой же причине у современного писателя на порядок больше, чем в «оригинале», экспрессивных высказываний, связанных с упоминанием черта. Рассматриваются варианты доработки образов главных героев (Вера, Павел, Варфоломей) и существенной переделки эпизодических (Лаврентий). Анализируется несколько значительных сюжетных отличий. Прделанная работа позволяет прийти к заключению, что А. В. Королев конструирует во «Влюбленном бесе» новую, «исправленную» реальность – в лучших традициях эстетики симулякра.

Ключевые слова: плагиат; русская литература; русские писатели; литературное творчество; повести; литературные герои.

Для цитирования: Завьялова, Е. Е. «Влюбленный бес» А. В. Королева: опыт реконструкции / Е. Е. Завьялова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 95–105. – DOI: 10.26170/FK20-01-09.

For citation: Zavyalova, E. E. (2020). "The Devil in Love" By A. V. Korolev: Experience of Reconstruction. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 95–105. DOI: 10.26170/FK20-01-09.

Введение

Когда автор дает блестящий филологический анализ своего художественного произведения, исследовать текст далее становится делом неблагодарным. Быть может, поэтому практически нет работ, посвященных изучению диптиха А. В. Королева «Влюбленный бес» (2005, 2012).

Книга состоит: 1) из небольшого предисловия, в котором сообщается об обстоятельствах написания «Уединенного домика на Васильевском»; 2) реконструированной из «ученического текста» [Королев 2013: 4] истории, когда-то рассказанной А. С. Пушкиным в светском салоне; 3) объёмного послесловия – «исторической анатомии плагиата и анализа пушкинского замысла» [Там же].

Писатель, причисляющий себя к постмодернистам [Королев 2007], предлагает занимательную игру:

- попытаться определить, что в похищенной и неумело перелицованной повести «Уединенный домик на Васильевском» осталось от ее гениального автора (с проекцией на более ранние и будущие его произведения);
- что в нее привнес памятный плагиатор В. П. Титов (Тит Космократов);
- что во «Влюбленном бесе» появилось под воздействием классики, и не только пушкинской, с легкой руки самого А. В. Королева.

«Отделение пушкинского от титовского в структуре повести Тита Космократова

„Уединенный домик на Васильевском“ – задача настолько сложная, что в ее сетях запутались такие пушкинисты, как Н. О. Лернер, П. Е. Щеголев, Б. В. Томашевский, Н. Л. Степанов и др.», – пишет В. В. Виноградов [Виноградов 1982: 123]. В «эссе/послесловии» А. В. Королева эта задача красиво решается – самим профессором-филологом, отважившимся реконструировать пушкинский «след» и установить истину силами искусства. Читатель вынужден выступать арбитром: каждая глава повести начинается с цитаты из «первоисточника», в оформлении книги используются рисунки А. С. Пушкина (по словам И. С. Скоропановой, они играют «роль визуального камертона к изложенному словами» [Скоропанова 2014: 34]).

Наша **цель** – выявление закономерностей в системе внесенных в «повесть-реконструкцию» коррективов, определение логического смысла выполненных А. В. Королевым восстановлений.

Задачи: рассмотреть характер внесённых писателем стилистических правок; установить функцию сокращений и дополнений в тексте; раскрыть символику актуализированных образов; прокомментировать изменения в сюжетной линии.

Методологической основой работы послужил системный подход, объединивший историко-литературный, историко-функциональный, рецептивный аспекты изучения художественного произведения, приёмы контекстуального, интертекстуального, текстологиче-

ского анализа, практику анализа постмодернистского художественного текста.

Сопоставление повести XIX века с гипотетическим претекстом («вертикальным контекстом» [Москвин 2013: 55]) и его творческой эманацией, появившейся в XXI столетии, позволяет продемонстрировать эстетические установки писателей разных времён, совершенствовать навыки анализа авторских стратегий и установления критериев художественной ценности произведений. Поэтому материалы нашего исследования могут стать подспорьем в практике вузовского преподавания литературы.

Обсуждение

Стилистическая правка. В. В. Виноградов достаточно подробно прослеживает особенности стилистической структуры «Уединенного домика на Васильевском», доказывает ее отличие от текстов А. С. Пушкина. «Для стиля Титова характерны ритмико-синтаксические приемы плавного движения рассказа, унаследованные от Карамзина» [Виноградов 1982: 140]. Пушкин высвобождает речь:

- от книжных риторических штампов [Там же: 133];
- от официальной терминологии и фразеологии [Там же: 134];

- от славянизмов архаического типа [Там же: 134];
- от риторико-романтических элементов [Там же: 138]
- и проч.

Сопоставление фраз, написанных В. П. Титовым и А. В. Королевым, позволяет согласиться с утверждением о том, что автор «Влюбленного беса» исправил «слог и стиль плагиатора» [Королев 2013: 89]. Он упростил и уточнил высказывания, приблизился «к темпу/ритму пушкинского постава» [Королев 2013: 98]. Приведем несколько характерных примеров (см. табл. 1).

Элегическое обрамление. В начало повести А. В. Королев вводит обоснование причин, побудивших повествователя вспомнить события, которые происходили очень давно. Оно выделено графически – каждое из коротких предложений написано с красной строки:

«Недаром я ее вспомнил, сие последнее наше пристанище.

Тут, куда ни помотришь, все картины словно бы при смерти.

И одна и та же история манит меня в эту пустошь» [Королев 2013: 7].

В пояснительной части книги А. В. Королев подчеркивает, что А. С. Пушкину «важ-

Таблица 1

«Уединенный домик на Васильевском»	«Влюбленный бес»
«Вера давно уже достигла того возраста, когда девушки начинают думать, как говорится в просторечии, о том, как бы пристроиться» [Пушкин 1979, IX: 352]	«Вера достигла того возраста, когда девушки начинают думать, о том, как бы устроить судьбу...» [Королев 2013: 8]
«Первая мысль его была идти в церковь, где давно, давно он не присутствовал» [Там же: 353]	«Первая мысль его была идти в церковь, где давным-давно он не бывал...» [Там же: 13]
«Однажды зашла у них речь о своих взаимных достоинствах и слабостях – что весьма обыкновенно в дружеской беседе на четыре глаза» [Там же: 356]	«Однажды зашла у товарищей откровенная речь о своих пороках – что весьма обыкновенно в беседе с глазу на глаз» [Там же: 23]
«Миртовые деревья, расставленные вдоль стен, укрощали яркость света канделябров, который, оставляя роскошные диваны в тени за деревьями, тихо разливался на гобеленовые обои, где в лицах являлись, внушая сладострастие, подвиги любви богов баснословных» [Там же: 362]	«Вечнозеленые миртовые деревья были тесно расставлены в кадках вдоль стен. Полумрак восточного серала обнимал диваны роскошью сладострастия. Французские гобелены в позах и лицах изображали любовные подвиги баснословных богов» [Там же: 38]
«Между тем старуха, воя, обмыла труп, поставила свечу у изголовья и пошла за иконою; но тут же от усталости ли, от иной ли причины, забылась сном неодолимым» [Там же: 369]	«Только одна Пелагея, воя во весь голос, делала свое дело с бесчувствием повара: обмыла труп, поставила свечу у изголовья одра, занавесила зеркало, пошла за иконой вложить в руки покойной, да тут вдруг осела квашней на пол у постели, забылась неодолимым сном» [Там же: 55]

но обозначить этот сюжет как историю о тех, кого уже нет. Все герои давно покойники» [Королев 2013: 93], «этот же меланхоличный акцент Пушкин поставит позже прологом к тексту „Повести покойного Ивана Петровича Белкина“. <...> перед нами элегия, кладбищенская история, воспоминание» [Там же]. Думается, зачин «Влюбленного беса» больше всего напоминает фрагменты из «Станционного зрителя»: «В самом деле, память одного из них мне драгоценна» [Пушкин 1937–1959, VIII: 98]; «Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места» [Там же: 99]; «Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием» [Там же: 99]; «Я решился посетить знакомую сторону» [Там же: 105].

Домик Веры и ее матери легко сравнить с другим:

...Почти у самого залива –
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его [Евгения] мечта...

[Пушкин 1937–1959, IV: 280]

Н. О. Лернер отметил, что «вдова-старушка с хорошенькой простушкой-дочерью, живущие в низеньком домике на окраине города, фигурируют в „Медном всаднике“ и „Домике в Коломне“» [Лернер 1913: 187]. Тот факт, что домик исчез (В. П. Титов об этом не пишет), позволяет провести аналогию между печальными судьбами Параша и Веры.

Элегические интонации доминируют и в заключении повести современного автора. Конец XVIII главы звучит как перифраз, объединяющий элегию «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и «Памятник». Ср.:

«...канул без ропота, безвозвратно и глухо в утробе природы, равнодушно приемлющей все мирское, и говорящей всякому подлунному праху, всякому земному прохожему, кто оставил наш свет, одни и те же слова...» [Королев 2013: 63–64].

Снова явно слышатся нотки из «Станционного зрителя»: «Я захотел посмотреть места, где когда-то стоял уединенный домик вдовы на Васильевском острове, и однажды

летом отыскал печальное сие пепелище...» [Королев 2013: 65]. Кольцевая композиция придает повести А. В. Королева особенную стройность. Необратимость движения времени, разрушение неистинного – мотивы, типичные для пушкинского творчества.

Персонификация повествователя. «Повествование в „Уединенном домике на Васильевском“ облечено в устно-литературную форму живого рассказа, который непосредственно обращен к читателям и носит глубокий субъективный отпечаток авторского „я“, – доказывает В. В. Виноградов [Виноградов 1982: 131]. Н. Л. Степанов отмечает в некоторых эпизодах произведения В. П. Титова отголоски пушкинского пародийного стиля [Степанов 1961: 28]. Но комментарии у А. В. Королева ироничнее, что делает «Влюбленного беса» более похожим на произведение знаменитого классика.

Простившись с гостями, Вера приходит к выводу, что Варфоломей «оказался обходительным человеком» [Королев 2013: 17]. Следует резюмировать: «...Короче, все вышло точь-в-точь по пословице: не так страшен черт, как его малюют» [Там же]. Читатель догадывается, что приятелем Павлуши является нечистый. В пословице актуализируется прямое значение. Изображение сознания героя и одновременно его ироническая оценка – примета, характерная для стиля А. С. Пушкина.

Графиня уверяет своего воздыхателя, что «насмешки ее над дурным французским выговором относились вовсе не к Павлу, а к другому Павлу...» [Королев 2013: 38]. Банальность принятой юношей отговорки красочно живописует его наивность. Пояснения излишни.

«Эскулап» [Королев 2013: 46] (лексема есть в произведениях поэта, но не употребляется в повести В. П. Титова), осмотрев бредяще-

«И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красною вечною сиять» [Пушкин 1937–1959, III: 195];
«Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире...» [Там же: 340].

го Павла, приходит к выводу, что «медицина бессильна» [Там же], Лаврентий «возражает лекарю ассигнацией и наливкой» [Там же]. В этом лаконичном замечании явно воссозда-

ется манера, которую сам А. С. Пушкин характеризовал как «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» [Пушкин 1978: 23].

Изображая пожар в домике вдовы, А. В. Королев упоминает наблюдателей: «Не обошлось и без толпы зрителей, которые проснулись для развлечения» [Королев 2013: 59]. Вновь походя, незлобливо автор подсмеивается над людскими слабостями – как это когда-то делал А. С. Пушкин. Ниже находим сходное замечание литературно-критического характера: «Но нашу публику трудно разжалобить даже трагедиями Катенина» [Там же: 60].

Отчетливее воссоздается нравственный и интеллектуальный статус повествователя, упрочиваются его доверительные отношения с читателем.

Сокращения. Ряд подробностей из «Уединенного домика на Васильевском» А. В. Королев исключает. Например, изображение испуганной новым знакомым вдовы: «Холодный пот проступил на морщинах лица ее, седые волосы стали дыбиться под чепцом» [Пушкин 1979, IX: 356]. Возможно, писатель считает такую реакцию женщины на первый разговор с Варфоломеем слишком явным предзнаменованием грядущей беды; он предпочитает постепенно нагнетать напряжение.

Еще пример: описание изменений в убранстве комнаты графини: «...занавесы висели сперва на лавровых гирляндах; но мне лучше показалось заменить их стрелами» – «Недостает сердец», – отвечает Павел полусухо, полувежливо» [Пушкин 1979, IX: 361]. Здесь содержится намек на будущее развитие событий: пронзенный стрелой Амура, Павел ждет любви («сердец»), а в итоге оказывается обесславленным, лишенным лаврового венца. Вероятно, А. В. Королеву такой эмблематизм показался тривиальным, а речь светской дьяволицы – чересчур прямолинейной.

В подавляющем большинстве случаев из «оригинального» текста исключаются менее объемные фрагменты. Как правило, в целях усиления динамизма и выразительности высказываний.

Исправленные и новые пейзажные зарисовки. А. В. Королев делает более энергичным начало повести. Ср.: «Кому случилось

гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что...» [Пушкин 1979, IX: 351] – «Вчера мне случилось гулять на Васильевском острове...» [Королев 2013: 7]. В «эссе/послесловии» поясняется: В. П. Титов «пускается в длинную пейзажную опись» [Королев 2013: 77], а «...начало у Пушкина всегда хлопает как бич дрессировщика, заставляя сюжет сразу стать на задние лапы» [Королев 2013: 92].

В «Уединенном домике...» далее следует единственный подробный пейзаж, качеством которого и недоволен А. В. Королев. Природа (природные явления) упоминается В. П. Титовым нечасто – в связи с образом главного героя: он то не может утопиться, потому что Нева «закутана <...> ледяною своей шубою» [Пушкин 1979, IX: 360], то, преследуя незнакомца, «находит себя по колена в сугробе» [Там же: 361], то взирает с саней на луну, которая «неверно светит путникам сквозь облака летучие» [Там же: 364].

«Влюбленный бес» содержит несколько пейзажей, которых нет в первоисточнике. Например, описание картины, увиденной в день Вознесенья Павлом и Варфоломеем по пути на Васильевский остров: «Солнце сияло. Ветерок играл рябью Невы. Игла адмиралтейства грозила шведу позолоченным пальцем. Колокола звали к обедне. Улицы были полны народом» [Королев 2013: 16]. (Здесь – контаминированная отсылка к «Медному всаднику» А. С. Пушкина: «Отсель грозить мы будем шведу» [Пушкин 1937–1959, IV: 274], «...светла / Адмиралтейская игла» [Пушкин 1937–1959, IV: 275].) Затем следует подробность, мало увязывающаяся с общим планом: «Даже кучер, подумав, снял свой вечный армяк и подложил под седалище» [Королев 2013: 16]. Ведение этой прозаической предметно-бытовой детали сообщает картине неожиданный ракурс. Сопряжение контрастных стилистических форм («ветерок» – «позолоченный палец» – «седалище») характерно для гетерогенного стиля А. С. Пушкина [Пильщиков, Шапир 2009: 241], особенно в случае, когда, как в процитированном фрагменте, актуализируется комическая семантика.

А. В. Королев добавляет также описания:

- прогулки на взморье («где пешеходы в шесть глаз любовались горой облаков

над морем и парусами плывущей вдаль эскадры» [Королев 2013: 18]);

- обстановки в вечер, когда Павел разочаровывается в графине Настасье («Луна была еще бледна, но обещала в полночь наводнение света» [Там же: 26]);
- и когда начинает ревновать Веру к Варфоломею («вдруг повалил куриным пером густой снег, луна в миг погасла и метель, воя по волчи, затопила улицы мраком» [Там же: 28]; «Павел с досадой смотрел на улицу, где бушевала точно такая же метель, как и в душе!» [Там же: 37]);
- вид пепелища после пожара («поземка принялась белить черные головни» [Там же: 61]);
- тот же вид спустя десятилетия («все обуглил влюбленный огонь. Не пестрели цветы в палисаде. Не гудели пчелы в шиповнике. Только одни чайки вились кругом над взморьем, да паруса бороздили даль» [Там же: 65]).

Существенно развернут пейзаж, знаменующий последние часы жизни матери Веры. Сравним отрывки (курсивом нами выделены включенные А. В. Королевым дополнения):

вдовы (в эссе/послесловии указано: «чаша весов явно склоняется к тому, что мать ангела Веры была ведьмой» [Королев 2013: 110]).

Пейзажные зарисовки передают настроение героев, позволяют подчеркнуть динамику развития конфликта. «Солнечный майский зачин, белая ночь Петербурга, пасмурный переход к зиме, вьюга, метель, <...> наводнение мрака, после чего снежную белизну пачкает чернота пожара. Живописный подтекст рассказа – история скомканной и сожженной фаты» – так определяет символику темпоральных образов сам автор [Королев 2013: 97]. По его мнению, А. С. Пушкин заранее рассчитал последовательность сезонных изменений в повести, а записавший его рассказ плагиатор не обратил на них внимания.

Детализация описаний. Вводимые писателем частности делают повествование более ярким: «сладкий пирог» [Королев 2013: 18] и сухарь [Там же: 21] к чаю, «засаленные» [Там же: 18] карты, «обновы: новые шторы на окнах и напольное зеркало для гостиной» [Там же: 26] (которые потом сыграют фатальную роль, сделавшись причиной пожара в домике) и т. д. Характерный пример: в сцене бо-

«Уединенный домик на Васильевском»

«Мало-помалу зимний небосклон окутывался тучами... Снег начинал падать; порывы летучего ветра заставляли трещать оконницы. <...> кошка мяукала, галки клевались на воротах, и калитку ветер отворял и захлопывал. Ночь с своей черной пеленою при-спела преждевременно... <...> на своде небесном не блещет ни одной звезды» [Пушкин 1979, IX: 368].

«Влюбленный бес»

«Погода между тем становилась мрачней, занималась пурга, так за-кипает на море шторм в рифмаху Байрона. Мало-помалу зимний небосклон окутали брюхатые тучи. Снег начал падать гурьбой. Порывы летучего ветра были порой так свирепы, что трещали оконницы. <...> кошка мяукала в сенках. Кухарка топила печь. Дым гибало к земле. Галки, раздутые ветром, клевались на воротах. Да воющий ветер то отворял калитку, то тут же ее захлопывал. А вот и ночь пришла на помощь снежному вихрю. Пришла раньше срока, пустилась к жилищу черным облаком брюха по гладкому льду залива. <...>...на своде небесном не блещет ни одной звездочки. Все затянуло снеговым мраком» [Королев 2013: 53]

Книжные выражения смешиваются с разговорными, вводятся просторечия. Предложения дробятся на более короткие. Появляется много деталей, делающих картины зримо-красочнее, подвижнее. Особенно значимы привнесенные коннотации искривленности («согнутость», «раздутость», «брюхатость»), отсылающие к inferнальной феминной теме. Возможно, А. В. Королев намекает на ведьмовское начало в образе умирающей

лезни Павла В. П. Титов «забывает» про лекаря, сидящего у постели, а А. В. Королев считает нужным сообщить, что после того, как криз пошел на спад, «врач, зевая, застегнул саквояж» [Там же: 47]. В этой лаконичной зарисовке запечатлено по-пушкински много: здоровый цинизм эскулапа оправдан ситуацией, заурядный факт свидетельствует о чудесном исцелении, щелчок знаменует возвращение героя в материальный мир.

А. В. Королев признается, что основой для реконструкции послужила «Пиковая дама», поскольку «устная» повесть о бесе «была прологом к истории Германна» [Королев 2013: 110]. Это особенно заметно в первом описании гостей графини. У В. П. Титова в соответствующем эпизоде визитеры просто «...принимаются за игру...» [Пушкин 1979, IX: 361]. Современный автор заимствует из пушкинского текста образы гостей, часть из которых заняла места на диванах, а часть обступила игорные столы. Ср.: «...молодые люди сидели, развалившись на штофных диванах, ели мороженое и курили трубки. В гостиной за длинным столом, около которого теснилось человек двадцать игроков, сидел хозяин и метал банк» [Пушкин 1937–1959, VI: 235] – «Одни гости сгрудились у карточных столов в ожидании игры. Другие пили вино, усевшись на штофных диванах» [Королев 2013: 37].

В эпизоде, где воспроизводится поездка Павла на саних, управляемых возницей-скелетом, упоминание «луны во вкусе Жуковского» и скрипящего под полозьями снега становится реминисценцией к балладе «Светлана». Мотив просматривается и в повести В. П. Титова (см. работы Н. Л. Степанова [Степанов 1961], С. А. Фомичева [Фомичев 1990: 609]). Но А. В. Королев закрепляет ассоциации сравнением «...едут долго-долго, не торопятся, словно дорога ведет на кладбище» [Королев 2013: 43]. Далее во «Влюбленном бесе» появляется оригинальная подробность: лошадь мнимого извозчика «мертвенно оборотилась конским черепом» [Там же]. Дополнение делает картину более впечатляющей (вместе с иными деталями: «гробовым [звоном о кости]» [Там же], «безглазым черепом» [Там же], «клацающими» [Там же] челюстями). Оно заставляет вспомнить другой «череп коня» [Пушкин 1937–1959, II: 245] – из пушкинской «Песни о вещем Олеге».

При описании мистических эпизодов А. В. Королев явно испытывает воздействие гоголевской прозы, что не удивительно, учитывая его большой интерес к данной теме. «Поворот в болезни» Павла происходит после «крика петушка, долетевшего с кухни» [Королев 2013: 47]: за полночь повар решает приготовить целительный бульон и вынимает птицу из корзины, – обстоятельно поясняя-

ется во «Влюбленном бесе». Ср.: «Труп опять поднялся из него синий, позеленевший. Но в то время послышался отдаленный крик петуха. Труп опустился в гроб и захлопнулся гробовой крышкою» [Гоголь 1937–1952, II: 208] – «Павел услышал крик петуха, перестал скрежетать зубами, успокоился – тень тучкой сдуло с лица, ему стало легче, он заснул мертвым сном» [Королев 2013: 47]. А. В. Королев пишет о перерождении своего героя: «перечитайте эпилог, Павел явно одержим бесом» [Королев 2013: 102]. Поэтому сопоставление молодого мужчины с панночкой из «Вия» видится нам вполне логичным.

При упоминании Верой «Царя небесного» [Королев 2013: 52] «по лицу Варфоломея пошли судороги» [Там же], он едва «справился с корчами» [Там же]; кивнул на небо, «содрогаясь как в лихорадке» [Там же: 2]. Представляется, что и эти уточнения введены А. В. Королевым под воздействием малороссийских повестей Н. В. Гоголя. Ср. с рассказом из «Пропавшей грамоты»: «Вот, дед карты потихоньку под стол – и перекрестил <...> Гром пошел по пеллу; на ведьму напали корчи...» [Гоголь 1937–1952, II: 190–191].

Чертыхания. У А. В. Королева на порядок больше, чем в «оригинале», экспрессивных высказываний, связанных с упоминанием черта: «черта с два» [Королев 2013: 60], «черт знает чего» [Там же: 9], «у черта на куличках» [Там же: 42]. А. С. Пушкин тоже включал подобные выражения в свои произведения: «черта с два» [Пушкин 1937–1959, VI: 212] говорит Томский в «Пиковой даме», «провалился он к черту» [Там же, VIII: 183] – жена зрителя Пахомовна в «Дубровском», «черт несет жениться» [Там же: 72] – Зурин в «Капитанской дочке» и т. д. Там чертыхания в подавляющем большинстве призваны «выявить социоязыковой облик героя» [Лотман 1995: 342], при том поэт явно ощущает «семантическую игру» [Там же: 341]. Ю. М. Лотман пишет: «В повести Тита Космокротова (т. е. Пушкина и В. П. Титова) герой кричит: „Пошлите к чорту незнакомца“. Но в дальнейшем оказывается, что „незнакомец“ сам и есть черт» [Там же: 341]. И все же художественно-концептуальная функция чертыханий более характерна для гоголевского стиля. Как и в малороссийских повестях, во «Влюбленном бесе» им возвра-

щается исконное [мифологическое содержание: упоминаемые в крепких выражениях демонические герои находятся рядом, творят свои беззакония, сводят людей с правильной дороги.

В таком контексте безобидное восклицание «Варфоломей <...> лицо имел правильное, но, *вот какая черта!* лик его не отражал движений души, а подобно маске скрывал все истины сердца» [Королев 2013: 16] можно рассматривать как скрытую подсказку-каламбур: «черта чёрта».

Доработка образов. В характеристике Веры неоднократно появляется сравнение с голубкой («голубиная чистота сердца» [Королев 2013: 8], «как голубка» [Там же: 15], «[Варфоломей] тайно следил за нашей голубкой глазами голодного коршуна» [Там же: 17], «воркуют в углу голубки, брат и сестрица, Павел и Вера» [Там же: 19], «частые свидания с милой голубкой» [Там же: 20], «совратить чистого голубя» [Там же: 21]). А. В. Королев обращается к христианской традиции, важна религиозность и невинность героини. А. С. Пушкин использует похожий образ в балладе «Жених», написанной в «народном духе» («голубица / Красавица-девица» [Пушкин 1937–1959, II: 413]), в стихотворении «Няне». В повести В. П. Титова такого сравнения нет. Как и описания жеста «сложив руки мадонной» [Королев 2013: 53], отсылающего к «Гаврииаде» [Там же: 107].

Еще один любопытный нюанс: после обеда Вера из «Уединенного домика на Васильевском» читает священные книги или занимается с матерью гаданием в карты [Пушкин 1979, IX: 352], а Вера из «Влюбленного беса» еще и вышивает, как Марья Кирилловна в «Дубровском» или Лиза в «Пиковой даме». А. В. Королев «позволяет» героям вести себя так, как они обычно ведут в произведениях Пушкина.

Дважды в повести «Влюбленный бес» встречается оборот «с аппетитом» [Королев 2013: 41, 47], которого нет в первоисточнике. Оба раза – при описании трапез Павла. Снова воссоздается пушкинский слог. Ср.: «ели с большим аппетитом» [Пушкин 1937–1959, VI: 210; VIII: 101], «поужинав с большим аппетитом» [Королев 2013: 50].

Любовные переживания главного героя повести облекаются в форму пейзажной зарисовки, им тем самым придаётся вселен-

ский масштаб: «И душа его зрит черные большие влажные очи красавицы, как две луны из агата, над снежными крышами» [Королев 2013: 37]. Этого сравнения с камнем, обладающим, по представлениям толкователей, мистическими свойствами, нет в «оригинале». Зато они есть у А. С. Пушкина: «Нет, не агат в глазах у ней, / Но все сокровища Востока...» [Пушкин 1937–1959, III: 41].

Во «Влюбленном бесе» более убедительно описаны эротические томления юноши. Ср.: «...Весь мир настоящий, прошедший и грядущий стеснился для него в лоскутке бумаги; он прижимает к сердцу, целует его, подносит несколько раз к свету. <...> „Твоя – вечно твоя“, пусть растолкует мне на опыте, что значит это слово» [Пушкин 1979, IX: 361] – «Весь мир настоящий, прошедший и будущий сжался для него в лоскут надушенной бумаги. Он прижимает его к сердцу, целует его, подносит к свету, нет ли там тайного знака, и кажется, видит в очертаниях „В“ – *вечно твоя*, – пышный бюст Анастасии» [Королев 2013: 35]. И маленькие победы героя, ср.: «Павел, как вежливый юноша, в ответ поцеловал жарко ее руку» [Пушкин 1979, IX: 362] – «В ответ он поцеловал жарко пальцы красавицы. Уловил ноздрями аромат записки, которая курилась в его памяти как турецкий кальян» [Королев 2013: 38].

Выразительные детали писатель использует для воссоздания образа Варфоломея. «...Придвинув кресло, трогая карты ногтями, говорил долго и тихо...» [Королев 2013: 19] (в повести В. П. Титова отсутствует синтагма «трогая карты ногтями»). «...Отшатнулся от заданных слов, ушел к окну и, уперев горячий лоб свой в оледенелое стекло, за которым бесилась вьюга, сказал...» [Королев 2013: 32] – в «Уединенном домике...» этого фрагмента нет вовсе. Бес зовет Веру «в отечество *света, дальнее, неземное, высокое*» [Королев 2013: 32] (курсивом выделены дополненные А. В. Королевым слова). На сходство «Уединенного домика на Васильевском» с «Демоном» указывает С. М. Бонди [Бонди 1941: 398–399]; Л. И. Вольперт предполагает, что повесть, скорее всего, повлияла на М. Ю. Лермонтова, который именно 1829 году начал работать над своей поэмой [Вольперт 2014: 90]. А. В. Королев делает параллель между Варфоломеем и Демоном более очевидной, во многом с помощью

описания его «отечества» (ср.: «Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвездные края» [Лермонтов 1935–1937, III: 479]). Когда Вера отвергает предложение Варфоломея, принимается молиться, бес меняется: «Эта поза и сам дух ее слов преобразили жениха до неузнаваемости» [Королев 2013: 57]. Перевоплощение напоминает изменения Демона:

Но, боже! – кто б его узнал?
 Каким смотрел он злобным взглядом,
 Как полон был смертельным ядом
 Вражды, не знающей конца,
 И веяло могильным хладом
 От неподвижного лица

[Лермонтов 1935–1937, III: 485].

На страницах «Влюбленного беса» появляется полноправный персонаж, который лишь вскользь, без имени, упоминается В. П. Титовым [Пушкин 1979, IX: 365]. «Верный дядька Лаврентий, посланный из деревни набожной матушкой караулить дитя» [Королев 2013: 9], похож на Архипа из «Капитанской дочки». После разгульной ночи дядька «хмуро подает шинель молодому барину» [Там же: 13], укоряет Павла за неразумность [Там же: 34]; поверив в благие намерения Варфоломея, проникается к бесу доверием [Там же: 21] и т. д. А. В. Королев пишет, что в простодушном Павле «...заметны черты будущего героя капитанской дочки Петруши Гринева, а в дядьке Лаврентии мерещится будущий дядька Савельич» [Там же: 100]. От себя добавим: простодушную, доверчивую бесприданницу Веру, спасающуюся от злодея в доме священника, можно сравнить с Машей Мироновой, которую прячет от бунтовщиков попадьа.

Больше внимания современный автор уделяет образу кошки. В повести В. П. Титова она упоминается единожды: Вера в нетерпении ждет возвращения Варфоломея от «знакомого врача» [Пушкин 1979, IX: 368], слух девушки напряжен, ловит малейшие звуки, в том числе мяуканье. Во «Влюбленном беса» кошка подает голос вторично, когда бес входит в дом [Королев 2013: 54]. Потом лежит у Веры на коленях [Там же: 55]. И, наконец, прыгает на загривок пожарному, задумавшему вынести из горящего дома труп старой хозяйки [Там же: 60]. Думается, что в этой, более развернутой, истории вновь не последнюю роль играет гоголевский подтекст. В прозе А. С. Пушкина нахо-

дим «имманентный» вариант мотива: кузнец Архипа снимает с крыши пылающего сарая кошку, та «с видом торопливой благодарности» цепляется за его рукав [Пушкин 1937–1959, VIII: 168]. «Уж что-что, а мир наших меньших братьев поэт всегда замечал с теплой сердечностью» [Королев 2013: 103], – пишет А. В. Королев в эссе/заключении.

Изменения в фавуле. Значительным сюжетным отличием представляется очевидность дьявольского действия в доме чертовки, прописанная современным автором. Главный герой повести В. П. Титова не видит того, что воочию представляется персонажу А. В. Королева: «...высокий парик съехал набок, и Павел внезапно узрел, что голову обвинителя украшают острейшие витые рога... так вот что значили сии зачесанные вверх высоченные волосы. Парики скрывали чертей! А шаровары – хвосты! А под перчатками – когти! А игра идет не на деньги – на души! Человек чуть не закричал от ужаса истины, но вдруг опомнился – померещилось. Просто повздорили два чудака» [Королев 2013: 39]. Эта ситуация морочка чрезвычайно важна для характеристики юности: видит, но не верит в происходящее. Он слишком сильно ослеплен дьявольской любовью.

Самое разительное отличие – сцепление рассказанной истории с событиями 1812 года. Сначала во «Влюбленном беса» появляется сравнение поз Варфоломея и Бонапарта: «сложившего на груди руки наполеоном» [Королев 2013: 16]. Данный прием заставляет вспомнить аналогичный и столь же важный в «Пиковой даме»: Германн «сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона» [Пушкин 1937–1959, VI: 229]. Потом в повести/реконструкции уподобляются своей невозмутимостью лица беса и банкомета «в минуты крупной игры» [Королев 2013: 17], возможно, в целях упрочения возникшей ассоциации Варфоломея с Германном (а через него – с Наполеоном). «У Титова ни слова нет о Наполеоне» [Королев 2013: 101], – пишет А. В. Королев. Сам же он трижды возвращается к этой теме. В портрете беса. Затем, когда Варфоломей, показывая свое красноречие в беседе с обитательницами домика на Васильевском острове, предсказывает кровавую битву под Москвой

и последующий пожар. И, наконец, когда его предсказания сбываются, и Павел наблюдает зарево со своего балкона. «Пушкин ставит свой мистический сюжет прологом к падению Москвы в войне с Наполеоном и эпитафией к адскому пожару, в котором сгорел город. Так подчеркнута прямая связь между частным грехопадением и его космическим следствием» [Королев 2013: 69], – убежден А. В. Королев. Он уподобляет влюбленного в российскую столицу Бонапарта: а) очарованному Верой бесу и б) плененному совершенством рассказа пушкинского гения [Королев 2013: 87] В. П. Титову – «архивному бесу» [Королев 2013: 100].

Вывод

«Конечно, было бы чрезвычайно важно выделить в повести Тита Космокротова элементы пушкинского стиля. Однако это – операция очень трудная, опасная и сложная», – подчеркивает В. В. Виноградов [Виноградов 1982: 127]. С суждением уважаемого академика нельзя не согласиться. При всем том А. С. Пушкин склонен к повторениям. Это – свидетельство его творческого чистосердечия.

Рыскающий в горячке по улицам Петербурга, «как полоумный» [Королев 2013: 34], Павел напоминает Евгения из «Медного всадника». Он же, томящийся у пустого дома, – Германна из «Пиковой дамы». Третьи являющийся призрак – черного человека из «Моцарта и Сальери». Страшная поездка в «вихрь» [Пушкин 1979, IX: 365] заставляет вспомнить «Бесов». Визит лекаря к влюбившемуся больному – «Станционного зрителя». Разговор со скелетом – «Гробовщика». И т. д.

Осмыслить эти связи между задуманным и написанным помогает повесть, в которой «похороненный текст» [Королев 2013: 90] возвращается своему творцу в приближенном к замыслу виде. Однако наличие в произведении элементов гоголевского стиля демонстрирует отказ от претензий на точное воспроизведение. А. В. Королев конструирует новую, «исправленную» реальность. В лучших традициях эстетики симулякров, самодостаточных знаковых комплексов, не имеющих соответствий в реальном мире, семантическая структура имитирует идею отсутствующего образа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бонди, С. М. Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века / С. М. Бонди // Пушкин – родоначальник новой русской литературы: сборник науч.-исслед. работ / под ред. Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 365–436.
- Виноградов, В. В. Сюжет о влюбленном бесу в творчестве Пушкина и в повести Тита Космокротова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском» / В. В. Виноградов // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР, Ин-т рус. лит. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – Т. 10. – С. 121–146.
- Вольперт, Л. И. Демон Лермонтова и французская литературная традиция: (Жак Казот и Альфред де Виньи) / Л. И. Вольперт // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. – Санкт-Петербург: РХГА, 2014. – С. 84–103.
- Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Н. Л. Мещеряков. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- Королев, А. В. Влюбленный бес. История первого русского плагиата. Повесть / реконструкция. Эссе / послесловие / А. В. Королев. – Москва: РА Арсис-Дизайн (ArsisBooks), 2013. – 124 с.
- Королев, А. В. «Смерть, отвали!» / А. В. Королев // Взгляд: деловая газета. – 2007. – 25 марта.
- Лотман, Ю. М. «Когда же черт возьмет тебя» / Ю. М. Лотман // Пушкин: биография писателя; статьи и заметки, 1960–1990. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. – С. 339–342.
- Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. / М. Ю. Лермонтов. – Москва; Ленинград: Academia, 1935–1937.
- Лернер, Н. О. Забытая повесть Пушкина / Н. О. Лернер // Северные записки. – 1913. – № 1. – С. 184–188.
- Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 54–61.
- Пильщиков, И. А. Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина: (набросок концепции) / И. А. Пильщиков, М. И. Шапир // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – С. 218–246.
- Пушкин, А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 7. Критика и публицистика. – С. 19–24.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Пушкин, А. С. Уединенный домик на Васильевском: приложение / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – Т. 9. История Петра. Заметки о Камчатке. – С. 351–373.

Скоропанова, И. С. История и постистория первого русского плагиата: книга Анатолия Королева «Влюбленный бес» / И. С. Скоропанова // Карповские научные чтения: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Головня. – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – Вып. 8: в 2 ч. Ч. 1. – С. 34–42.

Степанов, Н. Л. Повесть, рассказанная Пушкиным / Н. Л. Степанов // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. – 1961. – № 160. – С. 23–33.

Фомичев, С. А. Владимир Павлович Титов (1807–1891) / С. А. Фомичев // Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820–1840 гг.): сборник произведений / сост., подготовка текста и комментарии М. Н. Виrolайнен, О. Г. Дилакторской [и др.]. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990. – С. 604–609.

REFERENCES

Bondi, S. M. (1941). Dramaturgiya Pushkina i russkaya dramaturgiya XIX veka [Pushkin's Dramaturgy and Russian Drama of the 19th Century]. In Blagoi, D. D., Kirpotin, V. Ya. (Eds.). *Pushkin – rodonachal'nik novoi russkoi literatury: sbornik nauch. issled. rabot*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 365–436.

Fomichev, S. A. (1990). Vladimir Pavlovich Titov (1807–1891) [Vladimir Pavlovich Titov (1807–1891)]. In Virolainen, M. N., Dilaktorskaya, O. G., etc. (Eds.). *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma: (1820–1840 gg.): sbornik proizvedenii*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 604–609.

Gogol', N. V. (1937–1952). *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Complete Works, in 14 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Korolev, A. V. (2007). «Smert', otvali!» [“Death, Get Lost!”]. In *Vzglyad: delovaya gazeta*. March 25.

Korolev, A. V. (2013). *Vlyublenniy bes. Istoriya pervogo russkogo plagiata. Povest' / rekonstruktsiya. Esse / posleslovie* [Devil in love. The History of the First Russian Plagiarism. Tale/Reconstruction. Essay/Afterword]. Moscow, RA Arsis-Dizain (ArsisBooks). 124 p.

Lermontov, M. Yu. (1935–1937). *Polnoe sobranie sochinenii: v 5 t.* [Complete Works, in 5 vols.]. Moscow, Leningrad, Academia.

Lerner, N. O. (1913). Zabytaya povest' Pushkina [The Forgotten Tale of Pushkin]. In *Severnye zapiski*. No. 1, pp. 184–188.

Lotman, Yu. M. (1995). «Kogda zhe chort voz'met tebya» [“When the Devil Takes You”]. In *Pushkin: biografiya pisatelya; stat'i i zametki, 1960–1990*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, pp. 339–342.

Moskvin, V. P. (2013). Intertekstual'nost': kategorial'nyi apparat i tipologiya [Intertextuality: Category Apparatus and Typology]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 54–61.

Pil'shchikov, I. A., Shapir, M. I. (2009). Evolyutsiya stilei v russkoi poezii ot Lomonosova do Pushkina: (nabrosok kontseptsii) [Evolution of Styles in Russian Poetry from Lomonosov to Pushkin: (Outline of the Concept)]. In Shapir, M. I. *Stat'i o Pushkine*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 218–246.

Pushkin, A. S. (1937–1959). *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 t.* [Complete Works, in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Pushkin, A. S. (1978). O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I. A. Krylova [On the Preface by Mr. Lemont to the Translation of I. A. Krylov's Fables]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii, in 10 vols*. Leningrad, Nauka. Vol. 7, pp. 19–24.

Pushkin, A. S. (1979). Uedinennyi domik na Vasil'evskom: prilozhenie [A Secluded Cottage on the Vasilyevsky Island: Appendix]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii, in 10 vols*. Leningrad, Nauka. Vol. 9, pp. 351–373.

Skoropanov, I. S. (2014). Istoriya i postistoriya pervogo russkogo plagiata: kniga Anatoliya Koroleva «Vlyublenniy bes» [The History and Posthistory of the First Russian Plagiarism: a Book by Anatoly Korolev “The Devil in Love”]. In Golovnya, A. I. (Ed.). *Karpovskie nauchnye chteniya: sbornik nauchnykh statei*. Minsk, Belorusskii Dom pechaty. Issue 8. Part 1, pp. 34–42.

Stepanov, N. L. (1961). Povest', rasskazannaya Pushkinym [The Story Narrated by Pushkin]. In *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina*. No. 160, pp. 23–33.

Vinogradov, V. V. (1982). Syuzhet o vlyublennom bese v tvorchestve Pushkina i v povesti Tita Kosmokratova (V. P. Titova) «Uedinennyi domik na Vasil'evskom» [The Plot of the Demon in Love in the Work of Pushkin and in the Story of Tit Kosmokratov (V. P. Titov) “Secluded House on Vasilyevsky”]. In *Pushkin: issledovaniya i materialy*. Vol. 10, pp. 121–146.

Vol'pert, L. I. (2014). Demon Lermontova i frantsuzskaya literaturnaya traditsiya: (Zhak Kazot i Al'fred de Vin'i) [Demon of Lermontov and the French literary tradition (Jacques Cazot and Alfred de Vigny)] In *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v kontekste sovremennoi kul'tury*. Saint Petersburg, RKHG, pp. 84–103.

Данные об авторе

Завьялова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия).

Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

E-mail: zavyalovaelena@mail.ru.

Author's information

Zavyalova Elena Evgenyevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia).

ОНЕЙРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В МАЛОЙ ПРОЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА И В. О. ПЕЛЕВИНА

УДК 821.161.1-32(Тургенев И. С.):821.161.1-32(Пелевин В. О.). DOI 10.26170/ФК20-01-10. ББК
Ш33(2Рос=Рус)5-8,44+Ш33(2Рос=Рус)64-8,44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

Маркова Т. Н.

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7911-2424>

Tatyana N. Markova

Ural State University
of Humanities and Education
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7911-2424>

ONEIRIC TEXT IN I. S. TURGENEV'S AND V. O. PELEVIN'S SHORT PROSE

Abstract. Based on the material of short prose by I. S. Turgenev (“The Dream”, “The Song of Triumphant Love”, “Klara Milich”) and V. O. Pelevin (“Go to Sleep”, “The Blue Lantern”, “The Contemplator of the Shadow”), the article deals with the problem of transformation of conception and the ways of implementation of dream states. It also analyzes the change in the function of sleep and dreams in classical and post-classical literature.

In classical literature, oneiric text is defined as a verbal presentation of a dream of a character or the author in a work of fiction. In mystery short stories and novellas by Turgenev, we are dealing with the verbal recreation of sleep as a borderline state of the character, as an experience of a different kind of existence, and as a way of immersion in the irrational region of the human psyche. Turgenev’s oneiro-poetics and science fiction are aimed at discovering the unknown in the human psyche and are associated with the eternal problems of love and death, search for the truth, and the achievement of integrity of the artistic-philosophical world.

In the postmodern era, dreams become one of the most common ways of text constructing and serve to convey the idea of total virtualization of reality. The modern author does not set the task to describe dreams; they create a text according to the logic of the dream. Meanwhile, the same eternal questions as in classical literature are subject to artistic reflection in Pelevin’s stories: the truth and lies, the good and the evil, the search for the meaning of life, freedom, and belief in God.

The dialogue between the postmodern writer and the classic is based on the idea of inseparability of the sensuous and the supersensuous, the contradictions between which can be removed in an act of artistic study of the secrets of the human psyche.

The writer of the epoch-making era speaks with contemporaries about the human consciousness that has fallen into the trap, because there are no practical methods for “lifting the shackles of the mind”, but the chances for transcendence and self-realization in consciousness-created worlds still remain. Pelevin’s dreams often become a manifestation of esoteric consciousness and mystical revelation.

Key words: oneiric texts; dreams; short stories; short prose; Russian writers; literary creative activity.

Аннотация. На материале малой прозы И. С. Тургенева («Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич») и В. О. Пелевина («Спи», «Синий фонарь», «Созерцатель тени») рассматривается проблема трансформации концепции и способов воплощения сновидческих состояний, анализируются изменения функции сна и сновидений в классической и постклассической литературе.

В классической литературе под онейрическим текстом понимается словесное изложение сновидения персонажей или автора в художественном произведении. В таинственных рассказах и повестях И. С. Тургенева мы имеем дело с вербальным воссозданием сна как пограничного состояния героя, прикосновения к инобытию, как способа погружения в иррациональную область человеческой психики. Онейропоэтика и фантастика в поздних произведениях Тургенева направлены на открытие непознанного в человеческой психике и связаны с вечными проблемами любви и смерти, поиском истины, обретением целостности художественно-философского мира.

В эпоху постмодерна сны становятся одним из наиболее распространенных способов конструирования текста и служат передаче представления о тотальной виртуализации реальности. Современный автор не ставит задачу описывать сны, он создает текст по логике сна. Между тем художественной рефлексией

сии в рассказах Пелевина подвергаются те же вечные вопросы, что и в классической литературе: истина и ложь, добро и зло, поиск смысла жизни, свобода и вера.

Диалог писателя-постмодерниста с классиком строится на понимании нераздельности чувственного и сверхчувственного, противоречия между которыми могут быть сняты в акте художественного исследования тайн человеческой психики.

Писатель рубежной эпохи говорит с современниками о человеческом сознании, попавшем в ловушку, потому что практических методов «снятия оков разума» не существует, но остается способность к трансценденции, к самореализации в творимых сознанием мирах. Сновидения у В. О. Пелевина зачастую становятся формой проявления эзотерического сознания и мистического откровения.

Ключевые слова: онейрические тексты; сновидения; рассказы; малая проза; русские писатели; литературное творчество.

Для цитирования: Маркова, Т. Н. Онейрический текст в малой прозе И. С. Тургенева и В. О. Пелевина / Т. Н. Маркова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 106–114. – DOI: 10.26170/FK20-01-10.

For citation: Markova, T. N. (2020). Oneiric Text in I. S. Turgenev's and V. O. Pelevin's Short Prose. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 106–114. DOI: 10.26170/FK20-01-10.

Исследование сна и сновидений представляет собой междисциплинарную проблему. С точки зрения физиологии, сон есть состояние покоя, при котором частично или полностью прекращается работа человеческого сознания, и в результате ослабления его контролирующей функции происходит высвобождение бессознательного – инстинктивных желаний, страхов, фантазий. В гуманитарных науках сон рассматривается как феномен культуры, обладающий «резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами» [Лотман 2000: 123]. В литературоведении мы имеем дело с «вербальным изложением или воссозданием сновидения персонажей или автора в художественной литературе», именуемым онейрическим текстом [Савельева 2013: 14].

М. М. Бахтин обращает внимание на «фантастическую логику сна», сон вводится «как возможность совсем другой жизни, организованной по другим законам, чем обычная (иногда прямо как „мир наизнанку“»)» [Бахтин 1979: 171].

В. Н. Топоров в оригинальном труде «Странный Тургенев» использует термин «художественная гипнология». Исследователь дает развернутый анализ «сновидческих фрагментов» и предлагает «хронологическую каталогизацию снов в тургеневских произведениях», насчитывающую «более шестидесяти сно-значимых текстов», среди них: сон-

явь, сон-наваждение, сон-смерть, видения, предчувствия и др. [Топоров 1998: 137–138].

И. С. Тургенев вплетает картины сновидений в свои тексты, начиная с «Записок охотника». Мотив «смерть – сон» впервые вводится в «Петре Петровиче Каратаеве», вопрос о природе сновидений ставится в повести «Силаев», назовем также рассказы «Стучит!», «Живые мощи», «Конец Чертопханова», повести «Степной Король Лир» и «Фауст».

Первым опытом вхождения писателя в область фантастики специалисты называют повесть-фантазию «Призраки» (1864). В ней герой обретает способность свободно перемещаться в пространстве и во времени, благодаря необыкновенной ночной гостье, являющейся то в виде бестелесного призрака, то в виде прелестной женщины [Дедухина 2006].

В поздний период особое место в творчестве Тургенева занимают т. н. «мистические», «таинственные», или «полуфантастические» рассказы и повести. Присутствие в них следов «темного начала» В. Н. Топоров объясняет не только автобиографичностью тургеневских текстов, но и изрядной осведомленностью писателя в специальной литературе, философской и художественной [Топоров 1998: 47]. Тургенев интересовался лекциями физиолога И. М. Сеченова, психиатра В. Х. Кандинского, работами химика А. М. Бутлерова, зоолога Н. П. Вагнера, книгой французского писателя Альфреда Мори «Сон и сновидения» (1867), об-

ращенной к природе зрительных и слуховых галлюцинаций [Мостовская 1999].

Разумеется, функции эпизодов, посвященных снам, разнятся в ранних и поздних произведениях классика; с возрастом и опытом он все больше погружается в тайны психики, пытается раскрыть области бессознательного, соотносить реальность и сновидения.

В советском литературоведении «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)» обычно рассматривались в ряду так называемых «таинственных повестей» Тургенева как произведения, не похожие на всё ранее написанное писателем. Несомненное достоинство этих произведений заключается в тонком психологическом анализе, и фантастика немало способствует углублению психологизма.

Рассказ «Сон» (1877) представляет собой классический онейрический текст – вербальное воссоздание постоянно повторяющегося, не отпускающего молодого человека сна об обретении отца. В герое подчеркиваются замкнутость, одиночество, склонность к мистицизму. Мир сновидений почти полностью замещает реальность: «Я вообще спал много – и сны играли в моей жизни значительную роль; я видел сны почти каждую ночь. Я не забывал их, я придавал им значение, считал их предсказаниями, старался разгадать их тайный смысл...» [Тургенев 1982: 103].

Повторяющийся сон героя предсказывает обретение и скорую потерю отца. Некоторые его детали имеют символический характер. Так, путь к дому – это путь в глубины собственного сознания, ворота – переход в иной мир, где находится отец. Дважды наступающая его смерть и чудесное спасение создают атмосферу inferнального, пугающего, ужасного. Портрет барона, настоящего отца героя, дан в подчеркнуто романтическом ключе: черные одежды, черные волосы, «нос у него крючком, глаза угрюмые и пронзительные» [Тургенев 1982: 104]. С исчезновением отца накрывший героя хаос вновь и вновь возникает в его снах: «И вот он снова переходит в то звериное бормотание – и я просыпаюсь с тоской и ужасом на душе» [Тургенев 1982: 120].

Благодаря способности к интуитивному познанию, герою «Сна» удастся прикоснуться к инобытию. Речь не только о феномене ге-

нетической памяти, но о тайнах мироздания, которые человеческий разум не в состоянии осмыслить во всей полноте, о мировом Хаосе, вторгающемся в размеренное течение жизни через любовь и страсть.

Готовя к публикации «**Песнь торжествующей любви**», И. С. Тургенев в письме М. М. Стасюлевичу (от 1 (13) марта 1881), назвал ее «фантастическим рассказом». Здесь два сновидения объединены, по В. Н. Топорову, «ситуацией одного общего сна, видимого двумя людьми одновременно». И сам этот сон – «колдовской, магический, сознательно вызванный одним и бессознательно разделенный с ним другою, ставшей одержимой» [Топоров 1998: 166]. Это зеркальный гипнотический сон, в который ведут две двери.

Первая – из реального мира в мир магической комнаты, вторая – из мрака темной магии в освещенную «бледно-розовым светом» и пропитанную благовониями «полупрозрачную» комнату свидания. Для Валерии это граница между миром яви и сна, сознания и подсознания, темного эроса. Для Муция это граница между миром осуществленного желания и мраком бессознательного.

Драматическая история любви и страсти представлена как фрагмент старинной рукописи, воссоздающей атмосферу таинственного и ужасного, преступления и наказания, как в романтической балладе времен Шиллера – Жуковского. Современный исследователь неслучайно указывает на «своеобразную предрасположенность писателя к романтической эстетике, понимаемой как целостность художественно-философского мира» [Волков 2018: 6].

Последнее произведение писателя «**Клара Милич**» (1883) – первоначальное название «После смерти» – убедительно свидетельствует о направлении художественных исканий позднего Тургенева.

Герой повести, невольно ставший причиной самоубийства прекрасной молодой женщины, в своих видениях сосредоточивается на желании вызвать ее из мира небытия: «Раза два глаза его слипались... Он тотчас открывал их... по крайней мере ему казалось, часто он их открывал. Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свеча нагорела – и в комнате стало опять темно... но дверь

белела длинным пятном среди полумрака. И вот это пятно шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его месте, на пороге двери, показалась женская фигура. Аратов всматривается... Клара! <...> На голове у ней венчик из красивых роз...» [Тургенев 1982: 107]. Образ двери двойится: эта ирреальная дверь – граница между миром живых и мёртвых, из которого приходит призрак Клары, и дверь его комнаты, в которую вошла его тётка «в ночном чепце с большим красным бантом и в белой кофте» [Тургенев 1982: 107].

Усиливающееся внимание Тургенева к сверхчувственному, к непознанному, загадочному в человеческой психике и человеческой судьбе тесно связано с глубоким профессиональным интересом писателя к вечным темам любви и смерти, с поиском истины.

Мотивы сна и сновидений из поздних рассказов и повестей Тургенева переходят в литературу XX века. Известно, что Дм. Мережковский и А. Ремизов отдавали явное предпочтение «малой прозе» Тургенева, в особенности «таинственной». По мнению Мережковского, Иван Тургенев – первый художник-импрессионист, предтеча поздних символистов [Тургенев 2018: 4]. В. Н. Ильин в своей статье «Тургенев – мистик и метапсихик», выделяя две стороны в творчестве Тургенева: «дневную» солнечную и «ночную» мистическую, утверждает, что именно последняя «делает Тургенева не только первоклассным и совершенно современным писателем, но еще и писателем будущего, в значительной степени опередившим оба века – XIX и XX» [Ильин 2000: 159]. Художественные эксперименты позднего Тургенева были усвоены и продолжены А. Белым, Е. Замятиным, И. Буниным, И. Шмелевым, М. Булгаковым, В. Набоковым [Савельева 2013: 346–358].

Эпоха постмодерна интенсифицировала «игру в сны» и «игру со снами». Постмодернистская литература сознательно манипулирует разными культурными кодами, авторскими стилями и традициями. Любое произведение, как полагает И. Н. Сухих, для писателя-постмодерниста всего лишь «анонимный, безличный фрагмент интертекста, с которым можно играть, бесконечно цитировать его, не ставя вопроса ни о правде, ни об истине» [Сухих 2013: 588].

Современные исследования фиксируют обилие текстов, авторы которых не ставят задачей описывать сны, как это делали классики, но создают тексты, «построенные на логике сна» [Давыдов 2002: 241]. Литературные сновидения к концу XX века, как утверждает Н. А. Нагорная, «становятся способом воссоздания бредово-онейрической реальности персонажа у Вен. Ерофеева, вписываются в соотношение ужасного, комического и онейрического у Ю. Мамлеева, служат тотальной виртуализации реальности у В. Пелевина» [Нагорная 2004: 16]. Сновидения приобретают характер «то навязчивого бреда, вытесняющего обыденную, бытовую реальность, то странных откровений о мироустройстве, в котором существуют разные формы жизни. <...> В постмодернизме часто утрачивается „аромат иного“, сны становятся всё той же привычной разорванной жизнью, которой живёт современный человек» [Нагорная 2004: 16].

В начале XXI века наблюдается активное использование сна и других онейрических состояний массовой литературой и культурой развлечений. Так, Виктор Мазин в книге «Толкование сновидений в эпоху массовой коммуникации» с полной убежденностью заявляет: «Онейрореальность – это, по сути дела, и есть та реальность, в которой человек сегодня живёт, в которой он желает, в которой обнаруживает себя. Она включает в себя реальность, киберреальность, реальность рекламы и т. д.» [Мазин 2005: 33].

В поисках современного автора, чьё творчество в наибольшей степени ориентировано на создание онейрических пространств, мы неизбежно останавливаемся на произведениях В. О. Пелевина, которого справедливо считают писателем «пограничной зоны» [Стрелец 2018: 18]. Действительно, сон как концепция, как основная формула бытия/небытия («жизнь есть сон»), и сон как один из приемов поэтики составляют важную особенность прозы Пелевина. Современные исследования убедительно показывают, что «окружающий мир в изображении автора предстает чередой искусственно созданных и искусственно же сменяемых фантомов, симулякров; подмена подлинного мнимым, настоящего вымышленным, органического иллюзорным в его

текстах происходит почти незаметно» [Маркова 2012: 187].

В основе концепции сновидения у Пелевина лежит идея реинкарнации, всеобщности метаморфоз и иллюзорности существования, поэтому сновидения в его текстах всегда существуют на границе видения сна и рассказа о нем, сознания и бессознательного, становясь формой проявления эзотерического сознания. Можно сказать, что авторская модель мира Пелевина конструируется в условно-призрачных пространственных и временных координатах сновидений. Вместо единого сюжета в его текстах мы имеем дело с «коллажами снов» («Иван Кублаханов», «Тарзанка», «Девятый сон Веры Павловны»; на монтажных стыках снов строится и один из лучших романов писателя – «Чапаев и Пустота»).

Под влиянием новых информационных технологий сны у Пелевина становятся «виртуальными» и даже – «интерактивными», как в рассказе «**Спи**» (1991 г.). Главный герой, студент Никита с говорящей фамилией Соичкин, вдруг понимает, что большую часть своей жизни не осознавал себя и окружающий мир полностью. Наблюдая сцены всеобщего сомнамбулического существования (в метро, на улице, дома, в лекционной аудитории), он предпринимает безуспешную попытку сделать свои сны управляемыми: сначала обучается жить и спать одновременно, но постепенно полностью теряет способность разграничивать явь и сон. «Было много путаницы, и, чтобы иметь возможность в любой момент выяснить, спит ли он или нет, Никита стал носить в кармане булавку с зелёной горошиной на конце; когда у него возникали сомнения, он колот себя в ляжку, и всё выяснялось. Правда, появился новый страх, что ему может просто сниться, будто он колет себя булавкой, но эту мысль Никита отогнал как невыносимую» [Пелевин 2000: 395–396].

Центральная мысль рассказа (важнейшая для понимания художественного мира прозаика) – мысль о неразличении физической, социальной и мистической реальности, поскольку и то и другое представляется всего лишь результатом работы человеческого сознания.

Другой пример, позволяющий провести параллель между Пелевиным и Тургеневым, рассказ «**Синий фонарь**» (1991). Современный исследователь усматривает в тексте этого рассказа своеобразное гипертекстуальное видение рассказа Тургенева «Бежин луг» [Гимранова 2018]. Объединенные сходством сюжета (мальчишки ночью рассказывают друг другу страшные истории), эти рассказы, однако, несут разные авторские установки.

У Тургенева повествователь зачарован стихией таинственного и непознанного. Истории о домовом, лешем, водяном, о русалках, оборотнях, таинственных голосах и привидениях, вложенные в уста крестьянских детей, полны своеобразной мистической прелести. Дети верят тому, что рассказывают, и таинственная обстановка, в которой это происходит, будит воображение, увлекает читателя в чудесный мир народных верований.

Рассказы мальчишек о нечистой силе напоминают соревнование. Каждый из них постепенно вдохновляется предметом своего рассказа и вниманием слушателей. Их истории не столько соперничают одна с другой, сколько продолжают одна другую. Так, с «подхватом», исполняются фольклорные обрядовые песни.

В рассказах мальчишек появляются видения, способствующие толкованию загадочных событий и с рациональной и с иррациональной точки зрения; через введение образов народной демонологии актуализируется мифологический пласт произведения. Функция мистических включений – этих самых «страшных» рассказов – состоит в художественном постижении крестьянской культуры и образа жизни.

Рассказ Пелевина «Синий фонарь» изображает обычную для детского лагеря ситуацию: после отбоя мальчишки рассказывают друг другу страшные истории. Ю. А. Гимранова убедительно соотносит образы детей из этих двух произведений между собой. Костыль («Синий фонарь», кличка от фамилии Костылев) и Федя («Бежин луг»), они старше других, «запевалы», сами не рассказывают историй, но просят/заставляют других. Толстого («Синий фонарь») и Костю («Бежин луг») связывает сосредоточенность на одной теме: у Кости – водяной и утопленники, у Толсто-

го – мертвецы. Илюшу («Бежин луг») и Васю («Синий фонарь») сближает знание множества страшилек на разные темы. Самые маленькие – Коля («Синий фонарь») и Ваня («Бежин луг») – соотносятся не столько по возрасту, сколько по эмоциям – страху, испытанному ими в ночной беседе. «Я» («Синий фонарь») с его спокойствием, соотносением «ужаслика» с реальностью напоминает смелого и проворного Павлушу («Бежин луг»). Оба героя противопоставлены остальным тем, что скептически относятся к мистике, оба находят объяснения фантастическим и неожиданным происшествиям [Гимранова 2018: 243].

Виктор Пелевин, обращаясь к сюжету рассказа «Бежин луг», представляет его в оригинальной авторской аранжировке. Основной мотив рассказа «Синий фонарь» – это основной вопрос релятивистской философии: что такое «на самом деле»? («А что если мы все уже мертвы, а думаем, что живем»). Сотканный из страшных историй и разорванный пустотами между ними, он выводит детские страшилки в область «последних вопросов» жизни и смерти. Специфический городской детский фольклор ужасов у Пелевина становится объектом мениппеиной игры. Неживой свет фонаря за окном палаты пионерлагеря и мертвенное сияние лунного диска обрамляют повествование, создавая inferнальный фон немудреным рассказам – про мертвый город, про синий ноготь, про красное пятно, про программу «Время», про зеленое сукно и красное знамя, про желтое пятно и черного зайца. Последняя из страшных историй переводит повествование в метафизический план: милосердная девочка выдирает гвозди из лап черного зайца, и под его барабан обитатели пионерлагеря засыпают, чтобы провести оставшуюся жизнь в состоянии сна [Маркова 2012: 257]. История о черном кролике представляет мнимую реальность, но уже в виде сна («Они не то что спали, они снились») [Пелевин 2000: 296].

В мире пелевинских текстов практически невозможно провести четкую грань между реальностью подлинной и мнимой, «внешней» и «внутренней», именно поэтому сон оказывается одним из основополагающих приемов конструирования художественного мира Пелевина. Однако задачи и способы пе-

редачи сновидческих ситуаций в прозе Пелевина претерпевают определенную эволюцию.

Важнейшей особенностью стиля писателя был и остается пристальный интерес к измененным состояниям человеческого сознания (сон, транс, галлюцинации, иллюзии, фантазии, миражи) и вызывающим их факторам (психотропные препараты, спиритические сеансы, магические ритуалы, мистические учения). В 2000-е годы галлюциногены вытесняются философскими притчами и аллегориями.

В рассказах и повестях 1990-х место живого человека нередко занимал бестелесный, свободный от физического «я» субъект или даже анимационная фигурка; игра воображения со смыслами и цитатами перемежалась с прямой социальной сатирой. В 2000-е Пелевина больше интересует происходящее с человеком. Пройдя испытание скепсисом, не отказываясь от иронии, он открывает для себя добро и свет. Закономерно, что изменения происходят и в способах воплощения сновидческих состояний.

Герой рассказа «Созерцатель тени» (сб. «Ананасная вода для прекрасной дамы» [Пелевин 2010]) 35-летний гид Олег Петров, зарабатывавший за сопровождение двух москвичей по восточной Индии на три месяца скромной жизни на Гоа, пребывает под сильным впечатлением от упоминания индуса о некоем отшельнике, говорящем с тенью, и сосредоточивается на наблюдении за собственной тенью. Стремясь войти с ней в контакт, он конструирует приспособление для постоянной выработки света – «инкубационный фонарь», подвесив его на веревке к потолочному крюку, благодаря чему тень делается «долгоживущей».

Эксперименты, производимые героем рассказа, нацелены на постижение истины. Познание и понимание сущности вещей не даётся само собой, оно требует труда и усилий, и по истечении двух недель им получен первый ответный сигнал: «При этом он допускал, что весь разговор вполне может быть просто фантазией, чем-то вроде сна наяву, в котором он принимает собственные мысли за реплики тени» [Пелевин 2010: 246].

Семантика сна присутствует во множестве эпизодов рассказа:

«Короткая жизнь тени была, по всей видимости, разбита на периоды *бодрствования и сна*. Сном были моменты, когда солнце закрывали тучи или он входил в какое-то здание – тогда тень на время исчезала» [Пелевин 2010: 240];

«Она (тень) могла послать ему сообщение в *коротком сне*, куда он часто проваливался во время своих созерцаний» [Пелевин 2010: 250];

«*Проснувшись*, они стали бы собой и растворились в свете, а вместе с ними исчезла бы и сныщаяся им могла со своим таинственным и страшным властелином» [Пелевин 2010: 252];

«Кажется, ему *снился сон* – в нем он нырнул на очень большую глубину, где все вокруг было черно-синим, и играл со странной медузой, а потом она сделала ему больно» [Пелевин 2010: 253].

Рассказ Пелевина «Созерцатель тени» – аллюзия к одному из базовых текстов европейской культуры – мифу о пещере, знаменитой аллегории Платона, изложенной в форме диалога между Сократом и Главконом. По Платону, пещера олицетворяет собой чувственный мир, в котором живут люди. Подобно узникам пещеры, они полагают, будто благодаря органам чувств познают истинную реальность. Однако это всего лишь иллюзия. Об истинном мире идей они могут судить только по смутным теням на стене пещеры. В мифе о пещере это свет, который освещает предметы и создаёт тени, доступные людскому восприятию.

Герой Пелевина, прошедший через наркотический опыт («на грибочках и на кислоте»), стремится открыть тайный эзотерический смысл в рассказах Платона про пещеру, принимая их как «магическое руководство», или «дорожную карту». Главный вопрос, требующий разрешения: «что за верхняя дорога расположена между огнем и узниками и кто именно по ней ходит». Здесь явно прочитывается аллюзия к роману Булгакова, на который в рассказе есть и прямое указание («Тень не могла существовать без света, а свет без нее – сколько угодно. Именно это Левий Матвей мог бы ответить Воланду на крыше библиотеки им. Ленина, имея он отношение хоть к чему-то серьезному, кроме иудейской налоговой службы») [Пелевин 2010: 245].

Верхняя дорога – это истина, которую можно увидеть, но нельзя постигнуть, потому что практических методов «снятия оков разума» нет. Значит, нужно продолжать эксперимент: «Сев в луч света, Олег сформулировал про себя вопросы и около часа созерцал тень, пытаясь получить хоть какой-то ответ» [Пелевин 2010: 249].

С героем происходит чудо: его сознание отделяется от тела (он буквально «потерял сознание») и, находясь «буквально вне себя», начинает видеть происходящее со стороны. Олегу, ставшему тенью, открывается новое зрение: «Все было выверено, точно и красиво – экономной, холодной, космической красотой. Господи, – подумал Олег с изумлением, – да я ведь не человек... Я и есть этот свет...» [Пелевин 2010: 252].

Метаморфоза происходит в сознании героя: он превращается в «знающего», постигшего истину, откровение, но всего лишь на мгновение. Едва герой достиг просветления, как наступает катастрофа – пожар от того самого фонаря – и возвращение в реальность.

В рассказе прочитывается архетипический сюжет вечного возвращения, аллегория жизни как путешествия, метафора пути к себе. Обыденная реальность предстает тенью иного, божественного мироздания, а человек – «частью единой грандиозной мысли», источником света, «любви, милости и сострадания» [Пелевин 2010: 252].

Если в 1990-е мир виделся Пелевину тотальным абсурдом, тупиком, в прозе 2000-х в нем есть место тайне и чуду: «Чудо должно быть как-то связано с истиной. Это не бессмысленный фокус. <...> Чудо открывает дверь к свободе!» [Пелевин 2010: 246].

Подведем итоги. Диалог писателя-постмодерниста с классиком строится на понимании нераздельности чувственного и сверхчувственного, противоречия между которыми снимаются в акте художественного исследования загадок человеческой психики.

Как в «таинственных» рассказах и повестях И. С. Тургенева, так и в онейрических текстах В. О. Пелевина художественной рефлексии подвергаются вечные вопросы: истина и ложь, добро и зло, поиск смысла жизни, своего «Я», свобода и вера. Между тем функции сновидений в классической и постклас-

сической литературе претерпевают изменения, пространство снов заполняется разными смыслами.

В поздних произведениях Тургенева мы имеем дело с вербальным воссозданием сна как пограничного состояния героя, прикосновения к инобытию, как способа погружения в иррациональную область человеческой психики. Современный автор не ставит задачу описывать сон, он создает текст по логике сна, «текст ради текста» [Лотман 2000: 125],

сознательно акцентируя его сконструированность, заданность, сделанность. Сновидения у Пелевина становятся формой проявления эзотерического сознания и мистического откровения. Пелевин пишет о человеческом сознании, попавшем в ловушку, потому что практических методов «снятия оков разума» не существует, но остается способность к трансценденции, к самореализации в творимых сознанием мирах.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва: Советская Россия, 1979. – 320 с.
- Волков, И. О. В. А. Жуковский и И. С. Тургенев (к вопросу о творческой преемственности) / И. О. Волков // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 5–14.
- Гимранова, Ю. А. Креативные рецепции тургеневских рассказов Пелевиным / Ю. А. Гимранова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2018. – № 1. – С. 237–247.
- Давыдов, Д. Ночное искусство (Сон и фрагментарность прозы) / Д. Давыдов // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 54. – С. 246–250.
- Дедюхина, О. В. Сны и видения в повестях и рассказах И. С. Тургенева: проблемы мировоззрения и поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дедюхина О. В. – Москва, 2006. – 18 с.
- Ильин, В. Н. Тургенев – мистик и метапсихик / В. Н. Ильин // Литературная учеба. – 2000. – Кн. 3. – С. 158–179.
- Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
- Мазин, В. Толкование сновидений / В. Мазин, П. Пепперштейн. – Москва, 2005. – 712 с.
- Маркова, Т. Н. Русская проза рубежа XX–XXI веков: трансформации форм и конструкций (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) / Т. Н. Маркова. – Palmarium Academic Publishing, 2012. – 332 с.
- Мостовская, Н. Н. Был ли Тургенев «странным»? (рецензия на книгу) / Н. Н. Мостовская // Русская литература. – 1999. – № 3. – С. 228–231.
- Нагорная, Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дис. ... д-ра филол. наук / Нагорная Н. А. – Москва, 2004. – 414 с.
- Пелевин, В. О. Ананасная вода для прекрасной дамы / В. О. Пелевин. – Москва: Эксмо, 2010. – 280 с.
- Пелевин, В. О. Желтая стрела / В. О. Пелевин. – Москва: Вагриус, 2000. – 496 с.
- Савельева, В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография / В. В. Савельева. – Алматы: Жазушы, 2013. – 30 с.
- Сай, На. Тургеневская традиция в творчестве Сунь Ли / Сай На // Научный диалог. – 2016. – № 12 (60). – С. 211–221.
- Стрелец, Л. И. Топика онейрических пространств в малой прозе И. С. Тургенева / Л. И. Стрелец // Литература в контексте современности: сборник мат-лов X Всероссийской научной конф. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 13–18.
- Сухих, И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (От Блока до Бродского) / И. Н. Сухих. – Санкт-Петербург: Ленииздат; Команда А, 2013. – 736 с.
- Топоров, В. Н. Станный Тургенев (четыре главы) / В. Н. Топоров. – Москва: РГГУ, 1998. – 192 с.
- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах / И. С. Тургенев. – Москва: Наука 1982. – Т. 10.
- Тургенев, И. С. Таинственные рассказы и повести / И. С. Тургенев. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – 100 с.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1979). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of the Poetics of Dostoevsky]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 320 p.
- Davydov, D. (2002). *Nochnoe iskusstvo (Son i fragmentarnost'prozy)* [Night Art (Dream and Fragmented Prose)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No 54, pp. 246–250.
- Dedyukhina, O. V. (2006). *Sny i videniya v povestyakh i rasskazakh I. S. Turgeneva: problemy mirovozzreniya i poetiki* [Dreams and Visions in the Stories and Stories of I. S. Turgenev: Problems of Worldview and Poetics]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 18 p.

- Gimranova, Yu. A. (2018). Kreativnye retseptsii turgenevskikh rasskazov Pelevinyum [Creative Receptions of Turgenev's Stories by Pelevin]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No 1, pp. 237–247.
- Il'in, V. N. (2000). Turgenev – mistik i metapsikhik [Turgenev – Mystic and Metapsychic]. In *Literaturnaya ucheba*. Book 3, pp. 158–179.
- Lotman, Yu. M. (2000). Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In *Semiosfera*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb. 704 p.
- Markova, T. N. (2012). *Russkaya proza rubezha XX–XXI vekov: transformatsii form i konstruktssii* (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin) [Russian Prose at the Turn of the XX–XXI Centuries: Transformations of Forms and Structures (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)]. Palmarium Academic Publishing. 332 p.
- Mazin, V., Peppershteyn, P. (2005). *Tolkovanie snovidenii* [Dream Interpretation]. Moscow. 712 p.
- Mostovskaya, N. N. (1999). Byl li Turgenev «strannym»? (retsenziya na knigu) [Was Turgenev “strange”? (Book Review)]. In *Russkaya literatura*. No 3, pp. 228–231.
- Nagornaya, N. A. (2004). *Oneirosfera v russkoi proze XX veka: modernizm, postmodernizm* [Oneiosphere in Russian Prose of the XX Century: Modernism, Postmodernism]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 414 p.
- Pelevin, V. O. (2000). *Ananasnaya voda dlya prekrasnoi damy* [Pineapple Water for a Beautiful Lady]. Moscow, Eksmo. 280 p.
- Pelevin, V. O. (2000). *Zheltaya strela* [Yellow Arrow]. Moscow, Vagrius. 496 p.
- Sai, Na. (2016). Turgenevskaya traditsiya v tvorchestve Sun'Li. In *Nauchnyy dialog*. No 12 (60), pp. 211–221.
- Savel'yeva, V. V. (2013). *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoetika russkikh pisatelei* [Art Hypnology and Oneirophanta Russian Writers]. Almaty, Zhazushy. 530 p.
- Strelets, L. I. (2018). Topika oneiricheskikh prostranstv v maloi proze I. S. Turgeneva [The Topic of Oneiric Spaces in Small Prose I. S. Turgenev]. In *Literatura v kontekste sovremennosti: sbornik mat-lov X Vserossiiskoi nauchnoi konf. Chelyabinsk, Encyclopedia*, pp. 13–18.
- Sukhikh, I. N. (2013). *Russkaya literatura dlya vsekh. Klassnoe chtenie! (Ot Bloka do Brodskogo)* [Russian Literature for Everyone. Great Reading! (From Blok to Brodsky)]. Saint Petersburg, Leniizdat. 736 p.
- Toporov, V. N. (1998). *Strannyi Turgenev (chetyre glavy)* [Strange Turgenev (Four Chapters)]. Moscow, RGGU. 192 p.
- Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 tomakh* [Complete Works and Letters, in 30 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 10.
- Turgenev, I. S. (2018). *Tainstvennyye rasskazy i povesti* [Mysterious Stories and Novels]. Chelyabinsk, Encyclopedia. 100 p.
- Volkov, I. O. (2018). V. A. Zhukovskii i I. S. Turgenev (k voprosu o tvorcheskoi preemstvennosti) [V. A. Zhukovsky and I. S. Turgenev (on the Issue of Creative Continuity)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 430, pp. 5–14.

Данные об авторе

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, ул. Клары Цеткин, 24.

E-mail: tn_markova@inbox.ru.

Author's information

Markova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia).

«СКАЗКИ ЖИЗНИ» КАК ЖАНРОВЫЙ ФЕНОМЕН 1920-Х ГОДОВ

УДК 821.161.1-343.4. DOI 10.26170/FK20-01-11. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-445. ГРНТИ 17.07.41.
Код ВАК 10.01.01

Пархаева А. А.

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6244-8383>

Anna A. Parkhaeva

South Ural State University
(National Research University)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6244-8383>

THE “FAIRY TALES OF LIFE” AS A GENRE PHENOMENON OF THE 1920S

Abstract. The article deals with the functioning of the phenomenon of “fairy tales of life” which determined the specificity of the artistic world of a number of works of Russian literature of the first two decades of the 20th century. The article opens with a description of key peculiarities of the universal super-genre category of “the fairy tales of life”, and then passes on to a diachronic analysis of a number of works of the 1920^s, which most saliently reflect the development of the phenomenon in various perspectives. The article presents the results of an analytical research of a sample of texts of the period under study united by the common idea of the synthesis of fairy-tale and realistic components. The author explores the role and immanent properties of fairy-tale semantics in the system of the associative background of the work and explains the specificity of the term “fairy tales of life”. The article dwells on the works of several writers of the early 20th century for the first time and makes up a list of cycles and periodicals the titles of which include the nomination “fairy tales of life”. Each of the works considered demonstrates similar principles of composition on the level of title complex, semantic-structural organization and architectonics: the authors' interest in the artistic model of the cycle; the presence of markers of modernity and reality associated with magic and elements of fairy-tale; the striving to meet social requests; the orientation towards a mass reader (all works of fiction focus on entertainment and are easy for perception). The motif of searching for happiness that is characteristic of the literature of the 1920^s becomes a dominant linking element in each cycle. In each work under analysis, the characters seek to achieve happiness either through individual practices or through joining a collective. The latter way is characteristic of the works that contain an ideological component, formed by the new Soviet power in the 1920^s and corresponding to the then social demand. The authored approach in which genre syncretism is determined by the structural logic of the synthesis of fairy-tale and realistic components is typical of a number of works of the whole period of the 1920^s.

Keywords: literary genres; literary fairy tales; literary models; literary creative activity.

Аннотация. В статье рассматривается функционирование феномена «сказок жизни», определивших специфику художественного мира ряда произведений русской литературы первых двух десятилетий XX века. В первой части статьи представлены ключевые особенности наджанровой универсальной категории «сказки жизни», во второй части статьи в рамках диахронного анализа проанализирован ряд произведений 1920-х годов, в которых наиболее отчетливо выражено развитие феномена в разных направлениях. Представлены результаты изучения группы текстов исследуемого периода, объединенных общей идеей синтеза сказочного и реалистического компонентов. В процессе исследования рассмотрена роль сказочной семантики и ее имманентных свойств в системе ассоциативного фона произведения, а также разъясняется специфика термина «сказки жизни». В работе впервые представлены произведения ряда писателей начала XX века, составлен перечень циклов и периодических изданий, в заголовочно-финальном комплексе которых встречается номинация «сказки жизни». Каждое из рассмотренных произведений на уровне заголовочно-финального комплекса, а также структурно-семантической организации, архитектоники демонстрирует схожие принципы построения: активное обращение авторов к художественной модели цикла; наличие маркеров современности, действительности, которые сопряжены с присутствием волшебного, сказочного начала; стремление ответить на социальные запросы; ориентирование на массового читателя (все исследуемые нами произведения направлены на развлечение и содержат в себе установку на легкое восприятие). Определяющим связующим элементом для каждого цикла становится мотив поиска счастья, характерный для литературы 1920-х годов. В каждом из анализируемых произведений герои стремятся обрести счастье либо через индивидуальные практики, либо через соединение с коллективом. Последний путь характерен для произведений, содержащих идеологический

компонент, сформированный новой советской властью в 1920-е годы и соответствовавший социальному заказу. Авторский подход, в котором жанровый синкретизм определяется структурной логикой синтеза сказочного и реалистического компонентов, оказывается типичным для ряда произведений всего периода 1920-х годов.

Ключевые слова: литературные жанры; литературные сказки; художественные модели; литературное творчество.

Для цитирования: Пархаева, А. А. «Сказки жизни» как жанровый феномен 1920-х годов / А. А. Пархаева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 115–122. – DOI: 10.26170/FK20-01-11.

For citation: Parkhaeva, A. A. (2020). The “Fairy Tales of Life” as a Genre Phenomenon of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 115–122. DOI: 10.26170/FK20-01-11.

Литературный феномен «сказки жизни» оказался очень продуктивным в рубежные периоды, в первые десятилетия XX века. Актуализации жанра литературной сказки и процессу формирования уникальных сказочных циклов как особого наджанрового явления, как правило, способствует нарастающая в обществе потребность к упорядочиванию, организации хаотологической действительности. Генезис, арсенал «памяти жанра» сказки открыл для писателей возможность синтеза фантастических, волшебных элементов, свойственных жанру, с поэтикой повседневности, позволяющей зафиксировать черты реальной исторической действительности. Предчувствие катастрофы, сопровождавшее наступление новой эпохи, формирует потребность в гармонизации, поэтому сказка с ее проверенными временем нравственными категориями оказывается наиболее востребованным жанром. Сказка и жизнь сплетаются воедино, чтобы в своеобразном симбиотическом существовании дать ответ на существующий социальный запрос. Фольклорист В. П. Аникин отмечает изменения, происходившие в жанре сказки в период начала XX века: «Потревоженные временем традиции жанра позволили сказочникам предлагать индивидуальные трактовки сюжетов, мотивов, менять стиль. <...> Стали возможны отступления от традиционного текста, свободное изменение его» [Аникин 2007: 42].

Исследуемые нами «сказки жизни», в силу их частотности, повторяемости, а также наличия общих типологических характеристик, можно рассматривать в качестве универсальной наджанровой художественной мо-

дели, в основе которой органично соединяются «несказочные» характеристики (знаки, приметы, детали, реалии) действительности и традиционные волшебные, сказочные компоненты (такие, как появление в решающий момент волшебных помощников, необъяснимое чудо, преодоление испытаний и победа добра над злом, особая организация хронотопа с неопределенными пространственно-временными характеристиками и т. д.). Ключевыми типологическими особенностями данной модели являются: тенденция циклизации (почти все произведения, в названии которых встречается маркировка «сказки жизни», являются циклическими единствами), наличие автобиографического компонента, отражение «духа времени» (каждая сказка содержит те или иные характерные приметы эпохи), фантастический элемент, установка на развлекательность, а также имманентно присущий сказке дидактизм. Сказочный цикл не является прерогативой литературного процесса первых послеоктябрьских десятилетий: это явление традиционное и архаическое. Цикл в универсальном понимании – классическое наджанровое объединение произведений, концептуально-формальное единство, основанное на принципах дополнительности, интегративности/сегрегативности. Интерес к циклизации обусловлен не только лишь традицией, памятью сказочных циклических единств, но и «объясняется попытками найти художественную модель, свойственную запросам стремительно меняющегося исторического времени» [Пономарева 2014: 102]. Под циклом мы вслед за М. Н. Дарвиным понимаем такую систему, которая является

«сверхжанровым единством или такой художественной системой, в которой составляющие ее элементы (отдельные произведения), сохраняя целостность, могут давать различный и непредсказуемый, с точки зрения одного жанра, художественный эффект» [Дарвин 1988].

Сама формула «сказки жизни» предполагает в своей номинации установку на множественность эпизодов, организованных в единую систему. Множественность эпизодов, в свою очередь, объясняется внутренней мотивацией автора привнести элемент серийности, характерный для массовой развлекательной литературы, а сказка, с ее возможностями непрерывного продолжения и дополнения, оказывается конгениальна этой задаче. С другой стороны, сказка может существовать не только в системе сборника, но и изолированно, быть воспринята отдельно. «Сказка жизни» как явление встречается не только в циклах, но и заявляет о себе как отдельное явление малой прозы. В этой связи показательно произведение Тэффи «Сказка жизни» (1916), в номинации которого присутствует указание на отсутствие множественности. В то же время доминантным вариантом в рассматриваемый период является циклическая модель «сказок жизни». Именно она репрезентирует характер сложившейся тенденции, а потому требует отдельного рассмотрения.

Анализируя историю «сказок жизни» в русской литературе, необходимо в рамках диахронного анализа проследить функционирование представленного явления в разные периоды. В этой связи показательным становится факт существования целого ряда произведений, семантически связанных как на внешнем, так и на внутрисюжетном уровнях через взаимодействие реалистического и сказочного компонентов.

В конце XIX – начале XX века «сказки жизни» в большей мере были представлены в опытах малоизвестных писателей-беллетристов, чьи произведения носили, скорее, развлекательный характер. Читательская аудитория была массово увлечена историями, содержащими в себе, с одной стороны, знакомые с детства образы-символы и архетипы волшебных сказок, с другой, желала через ту или иную авторскую интерпретацию реаль-

ности узнать в героях сказок себя, спроецировать сказочную ситуацию на свою жизнь. С 1896 по 1920-е годы было издано более десятка произведений, в названии которых фигурировала маркировка «сказки жизни»: А. Королев «Сказки жизни: рассказы для детей» (1896), М. Г. Добролюбов «Сказки жизни: трагедия экстаза» (1912), П. Шебеков «Сказки жизни: стихи» (1910), К. Баранцевич «Сказки жизни: 13 рассказов» (1913), Г. Деев-Хомяковский «Сказки жизни» (1918) и др. Отдельно издавались еженедельные газеты и журналы с названиями «Сказки жизни» (1909 и 1912 годы).

Но наибольшее развитие явление «сказок жизни» получает в 1920-е годы. Именно в эту эпоху наблюдается показательное развитие феномена в трех направлениях, каждое из которых может быть проиллюстрировано циклами, изданными в период первого послеоктябрьского десятилетия.

Первым таким произведением стал цикл Ал. Алтаева (М. Ямшиковой) и Ар. Феличе «Сказки жизни» 1919 года. В представленном художественном единстве на содержательном и структурно-семантическом уровнях прослеживается следование сентиментальной прозе с рождественскими диккенсовскими мотивами. Последнее издание цикла относится к 1920 году, далее сказки уже не переиздавались по причине их несоответствия новому советскому дискурсу, новой идеологии. На уровне заголовочного комплекса цикла происходит коннотативное смысловое удвоение сказочного и несказочного через уточняющую авторскую жанровую маркировку: «сборник сказок и рассказов». Таким образом, и в названии цикла, и в авторском обозначении жанров дается прямое указание на совмещение реального и фантастического в рамках представленной жанровой модели.

Открывает цикл произведение под названием «Сказка жизни», на уровне заголовочно-финального комплекса повторяющее общее название художественного единства. Текст «Сказки жизни» композиционно не похож на фольклорную сказку. Подчеркнуто авторское начало, указание на место действия (комната), камин как аналог печи из русских народных сказок, тем не менее, эти приметы формируют определенную атмосферу гармонизации пространства, что имманентно са-

мой природе сказки: «В комнате, зимними сумерками, было тепло и уютно. В камине пылал огонь; отсветы его дрожали на спинках стульев красного дерева. <...> Мы сидели на кожаном диване, тесно прижавшись друг к другу, и шепотом рассказывали старые, всем давно известные сказки» [Алтаев 1920: 9]. Далее в сюжетном строе произведения появляется фигура бабушки-сказительницы, которая становится образом-символом, организующим пространство. Особую роль бабушки в сказках отмечает И. Л. Савкина: «Женский (бабушкин) мир – это стабильность, окормление, любовь. Если пространство деда – это чулан с ружьем, то бабушка, как и в русских сказках, ассоциируется с кормящим порождающим чревом печи. Бабушка превращает жизнь в предание, внук извлекает из предания текст о сильной, жертвенной, всепрощающей бабушке-ведунье» [Савкина 2011: 112]. Примечательно, что образ бабушки-сказительницы появляется и в других текстах, в номинации которых содержится формула «сказки жизни». Бабушка начинает сказку для внуков с зачина, который напрямую соотносится с недавним прошлым: «Тяжелое это было время – крепостное право. Слава Богу, прошло оно. Много слез осталось позади. <...> Жили мы в большом поместье, где было видимо-невидимо крепостных людей» [Алтаев 1920: 13]. На уровне интонационно-речевой организации прослеживается следование традиции сказки («видимо-невидимо», «жили мы»), на содержательном уровне в тексте возникают приметы недавнего прошлого. Ассоциативный фон сказки и всего цикла строится именно на этом взаимодействии атрибутов настоящего или недавнего прошлого, а также сказочных речевых и сюжетных вкраплений. Герои бабушкиной сказки выполняют традиционные функции: начинается история бабушки (здесь рассказ ведет героиня о годах своей молодости) с «отлучения от дома», после которого она попадает в дом дядюшки, однако испытания преодолевает не она, а крепостная Лукерья, кормящая ее ребенка. В один из дней кормилица роняет девочку на пол и готовится получить наказание от барина (дяди рассказчицы), однако мать девочки жалеет Лукерью и просит разрешения наказать ее самостоятельно. Же-

стокий по природе дядюшка радуется такой вести и разрешает, героиня же не наказывает кормилицу, а обнимает ее со словами прощания. Через некоторое время Лукерья возвращается в дом («Она пришла пешком одна, пройдя бесконечные версты, рискуя попасть на зубы волка или в руки недоброго человека») и дарит девочке Кате аналог «волшебного предмета» – свою косу («И через минуту Луша стояла на пороге, держа в руках свою прекрасную длинную косу, и на солнце она горела, как золото»). Завершается сказка избавлением от источника бед – смертью дядюшки: «Дядюшка умер тогда, когда объявили крестьянам волю. <...> Умирал он одиноко, никого не было вблизи» [Алтаев 1920: 39].

Произведение оказывается вписанным в историко-культурный контекст времени. Дальнейшие тексты цикла строятся похожим образом. Ключевыми циклообразующими элементами становятся: мотив поиска счастья (свойственный как идеологически ориентированной литературе 1920-х годов, так и произведениям, обращенным к чувствам читателя), культ чувства (герои постоянно проявляют свои эмоции через удивление, слезы, смех и т. д.), свойственный сентиментальной литературе; образы-символы солнца, золота, мотив дружбы детей «богатых» и «бедных». Ассоциативный фон каждого произведения заключает в себе как волшебные атрибуты, так и маркеры действительности. На композиционном уровне существенную роль играет оглавление и специфика расположения в нем тех или иных текстов. За открывающей сборник «Сказкой жизни» следует автобиографическое произведение «В поисках счастья (из детских лет)», состоящее из 5 частей, название каждой из которых соответствует традиционной фабуле волшебной сказки с отлучкой из дома (здесь это побег), испытаниями и счастливым финалом: «Приготовление к побегу», «Первые неудачи», «Ночь в степи», «Жизнь в шалаше», «Конец поисков». Соотнесение названий частей с заголовком самого произведения вновь подтверждает связь сказки и жизни как на сюжетном, так и на структурно-семантическом уровне произведения. В третьей части сборника в полной мере реализуется мотив сближения двух миров. Произведения, объединенные в раздел с назва-

нием «Сказки о зеленой елке», продолжают общую для всего цикла сентиментальную линию, но развивают ее в русле рождественских мотивов, заимствованных у Г. Х. Андерсена и Ч. Диккенса: «Нютина елка», «Подкидыш», «Елка в тюрьме», «Маленькие нищие», «Божьи дети», «Сочельник маленькой скрипачки» и «Подарок феи Гольды (рождественский рассказ)».

Система персонажей и пространственно-временная организация каждого произведения неоднородны. Единым принципом цикла становится присутствие детей в каждом тексте: в одном случае они являются главными героями, в другом – слушают историю сказителя. Хронотоп в каждом произведении цикла организован разными способами: в случае «Сказок жизни» перед читателем возникает пространство, ограниченное комнатой и усадьбой, а временные рамки расплывчаты (есть лишь указание на времена, связанные с существованием крепостного права), в финальном произведении «Звери дедушки Крылова», напротив, указан точный локус: «На площадке Летнего сада в Петербурге, перед памятником дедушки Крылова» [Алтаев 1920: 179]. Указывается и время года (весна и лето), и более точные хронологические рамки: «Наступало послеобеденное время» [Алтаев 1920: 183]. Разная организация хронотопа работает на общую структуру сборника, авторы которого намеренно обобщают пространственно-временные границы там, где им нужно добиться эффекта волшебства, присутствия сказки и предельно конкретизируют время и локацию в тех произведениях, где реалистическое начало выходит на первый план. Такой диалектический подход позволяет сформировать фрагментарную, мозаичную конструкцию, универсальную для художественной модели цикла.

Второй сборник, репрезентирующий изучаемую тенденцию, принадлежит перу Николая Недлера и носит название «Сказки жизни». Писатель-эмигрант сосредотачивает свое внимание на переживаниях героев, снабжая текст большинства сказок эротическими мотивами с ироническим подтекстом. Такой подход, с одной стороны, опирается на традиции русских заветных сказок А. Н. Афанасьева, с другой, – соответствует ожиданиям мас-

сового читателя. Открывает сборник «Сказка о старшем сыне» с традиционным для русских сказок зачином «в некотором царстве, в некотором государстве». Затем следуют сказки с характерным заголовочно-финальным комплексом: «Сказка о втором сыне», «Сказка о том, как маленькая женщина проглотила большого мужчину, схватила второго и поглядывает, не видно ли где еще третьего», «Сон». Ассоциативный фон каждого произведения строится вокруг постоянного соединения оппозиций жизни и смерти. Жизнь воплощается в образе молодого человека («Сказка о старшем сыне», «Сказка о втором сыне»), который связывает свою жизнь с женщиной старше его, как правило, вдовой. Женщина-вдова становится олицетворением страха перед смертью и наделяется приметами потустороннего или пугающего, в ее описании угадываются черты фольклорной Бабы Яги: «Дьявол явился в виде другой вдовы, везло ему на вдов, прямо-таки некрасивой, что редко бывает у дьявола, много его старше. На лице две большие бородавки» [Недлер 1920: 109]. Похожее изображение и в третьей сказке цикла: «Она была маленькая женщина с красивыми черными глазами, громким, не по росту, голосом и часто оскаливающимся ртом. И показывались тогда большие хищные зубы» [Недлер 1920: 121]. Несмотря на внешне сказочный зачин некоторых сказок («В некотором царстве, в некотором государстве у одних родителей было много детей»; «Был у этих же родителей, в этом же царстве, и второй сын») и на специфику интонационно-речевой организации, поэтика повседневности, действительности доминирует на внутрисюжетном уровне, поэтому каждая сказка имеет схожее начало и симметричный ему финал. Через призму индивидуально-авторской иронии раскрываются внутренние стремления героев, иногда ими скрываемые. Каждый герой, движимый идеей поиска личного счастья, связанного с получением той или иной выгоды, уходит от родителей, проходит инициацию через общение с взрослой женщиной, оставляет ее и после прочих злоключений женится (здесь реализуются мотивы недовольства, отлучки из дома, преодоления испытаний, характерные для русских сказок [Пропп 2000]), в финале редко получает желаемое: «Теперь и домашний кон-

троль всегда за ним. Совсем тяжело. И только молчаливее и печальнее становится он, доживая свой век» [Недлер 1920: 114].

В сравнении с другими текстами, репрезентирующими специфику феномена «сказки жизни», особое внимание в цикле Н. Недлера стоит обратить на финальное произведение под названием «Сон», где в форме сказки-притчи автор обращается к характерному для литературы первых двух десятилетий и наиболее активно проявившему себя в «сказках жизни» мотиву поиска счастья. Если в сборнике сказок Ал. Алтаева и Ар. Феличе этот мотив связан с попыткой ретроспекции, обращением к феноменологическому восприятию мира детьми (не случайно авторская маркировка «из детских лет»), то у Недлера действие происходит в сновидческом пространстве, где поиск счастья осуществляется уже взрослыми людьми, каждый из которых, в том числе и рассказчик, идет к волшебному старику с попыткой выяснить, что такое счастье. Сказка является, своего рода, завершающей цикл, поэтому аккумулирует в себе идеи и мотивы предыдущих произведений, в которых героини также были одержимы поиском земного счастья. Развивается идея внутреннего взаимодействия жизни (как стремления найти счастье) и смерти (как финального успокоения): «Думаю, милые люди, ваше счастье в том, чтобы искать себе счастья. В достижении его, в борьбе за него. <...> Жажда их волнений прекратится только с их смертью» [Недлер 1920: 156].

Если героини первых двух сборников размышляют о возможности счастья, то персонажи цикла А. С. Яковлева «Сказки моей жизни» не только ищут счастья, но и действуют во имя его поиска, подчиняя себе пространство, стихии и саму природу бытия. Сборник вышел в 1929 году в СССР и представляет собой систему идеологически инспирированных текстов с автобиографическим началом. На это указывает и номинация, в которой в контекст ставшего уже хрестоматийным к концу 20-х годов феномена, помещается местоимение «мой», которое позволяет автору-рассказчику персонализировать повествование и, вместе с тем, включить его в общий контекст уже существующего наджанрового явления «сказок жизни». Такая авторская стратегия проявляет

себя на протяжении всего произведения. Идеологический компонент выходит здесь на первый план и формирует особое эстетическое пространство, в котором в центре внимания оказывается коллектив как единая движущая сила, присоединившись к которой героиня обязательно обретает счастье. Мотив поиска счастья оказывается сопряженным не с личными внутренними переживаниями и стремлениями, а с коллективными. Счастье возможно и достижимо в идеализированном мире в парадигме общего единения. В «Сказках жизни» Н. Недлера или Ал. Алтаева и Ар. Феличе героини самостоятельно отправлялись на поиски счастья, отлучившись из дома, и были ведомы индивидуальными порывами личного благополучия с долей альтруизма. В «Сказках жизни» А. С. Яковлева такая мотивация отсутствует, уступая место героизации личных достижений во благо общества, именно поэтому героев постоянно сопровождает мотив прогресса с сопутствующими ему образами-символами (поезд, самолет, теплоход, машины, радио и т. д.). Для достижения более тесной спаянности и органичности сосуществования сказочной и реалистической моделей А. Яковлев в «Сказках моей жизни» использует прием объединения далеких друг от друга жанров: волшебной сказки и публицистического очерка. Возникает феномен сопряжения сказочного и несказочного. Примечательна уже начальная апелляция к сказочной семантике. Автор создает присказку, выстраивая ее на соотношении оппозиции жизнь/смерть. Символом жизненной энергии становится бабушка героя, организующая пространство вокруг. Пространство смерти же обозначает себя через стихию холодного ветра и льда: «Глянешь на этот ледок, на седой пар – и вот как холодно станет, мотыги нет. Тогда на печку скорей! А на печке – бабушка» [Яковлев 1927: 3]. Примечательно, что образ бабушки возникает в ситуациях, когда героем произведения оказывается ребенок, которому нужно перенять знания и опыт из предыдущей традиционной парадигмы, поэтому бабушка фигурирует, как правило, в сборниках, ориентированных на детскую и юношескую аудитории. Такой образ оказывается несоприроден, например, эстетической системе сборника Н. Недлера, рассмотренного выше.

Цикл А. С. Яковлева «Сказки моей жизни» представляет собой многокомпонентное художественное единство, в системе которого активное развитие получают жанровые контаминации и мозаичная, монтажная организация текста. Среди ключевых композиционных элементов, формирующих архитектуру цикла, определяющих единство текста, исследователи выделяют общее заглавие. Ю. Афонина, отмечая роль поэтики заглавия в цикле, указывает на группу заглавий, которые содержат в себе жанровое обозначение: «Их структура в классическом варианте – двойное словосочетание субстантивно-генетического типа, где главное слово (существительное в именительном падеже) обозначает эпизоды как совокупность отдельных форм, а зависимое (существительное в родительном падеже) их атрибутирует. <...> Каждый эпизод цикла с таким заглавием определяется как „предмет из класса предметов“» [Афонина 2006: 31–32].

Произведения цикла продолжают традицию «сказок жизни» и выводят ее на новый уровень, совмещая в себе архаику жанра сказки и актуальные для 1920-х годов жанровые модели очерка (в данном случае автобиографического), рассказа и элементов путевых дневников. В цикле «Сказки моей жизни» объединены тексты малых прозаических форм (сказки-рассказы), которые можно рассматривать как отдельные эпизоды, текстовые единицы, взаимодействующие между собой на внутритекстовом и внешнем уровнях. Данное свойство обеспечивают такие важные характеристики, как системность и целостность. Семантика подзаголовка «рассказы» формирует акцент на эпической составляющей и рождает фигуру повествователя-героя, свидетеля эпохи. Именно сквозь его призму восприятия, через мотивы дороги и воспоминания, транслируются основные идеи, связанные с особым значением прогресса как нового идеологического конструкта. Кроме того, основу циклической модели составляет и устойчивый повтор сюжетных схем. В ка-

ждом фрагменте реализуется похожая модель, в основе которой лежит и свойственная сказочным героям схема поведения: детство героя – столкновение с новым – преодоление испытаний – детская аналогия между новым и бабушкиной сказкой из прошлого – воспоминания уже взрослого героя – переосмысление увиденного в детстве.

Таким образом, рассмотренные нами три репрезентативных варианта внутри общего феномена «сказки жизни» характеризуют развитие явления на пике его формы. В циклах наблюдается разное соотношение сказочного и реалистического: у Ал. Алтаева сказка часто оказывается сильнее реальности и обеспечивает в финале победу добра над злом; у Н. Недлера сказка выступает средством эскапизма, однако в финале герои возвращаются в реальный мир, где их фантазии оказываются разрушены; в цикле А. С. Яковлева архаичный по своей природе жанр сказки служит фоном для идеологически мотивированного построения новой действительности, основанной на культе прогресса. Обнаруживая существенные различия на уровне концептуального содержания, можно отметить, что вместе с тем каждый цикл формально соответствует универсальным принципам циклизации, таким как наличие амбивалентных отношений внутри цикла, построенных на фрагментарности, факультативности элементов произведения, с одной стороны, и единой системы, объединенной общими мотивами, ассоциативным фоном, заголовочным комплексом, с другой стороны. Каждый из представленных текстов репрезентирует модель, подобно зеркалу, отражающую не только эпоху и индивидуально-авторские стратегии, но и показывающую разные пути достижения общего счастья в той или иной культурно-исторической парадигме. И сказочный цикл как художественная модель особой природы обладает существенным жанровым потенциалом в создании мирообраза, отвечающего характеру и запросам новой исторической действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Алтаев, Ал. Сказки жизни: сборник сказок и рассказов / Ал. Алтаев, Ар. Феличе. – Петроград, 1920. – 191 с.

- Аникин, В. П. Теория фольклора: курс лекций / В. П. Аникин. – Москва: Книжный дом Университет, 2007. – 428 с.
- Афонина, Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: монография / Е. Ю. Афонина. – Санкт-Петербург: ИНТАН, 2006. – 128 с.
- Дарвин, М. Н. Русский лирический цикл: проблема истории и теории (на материале поэзии первой половины XIX в.) / М. Н. Дарвин. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 137 с.
- Недлер, Н. Сказки жизни: рассказы / Н. Недлер. – Лейпциг: Тип. В. Другулина, 1920. – 160 с.
- Пономарева, Е. В. Прозаический микроцикл первой трети XX века как архаическая форма / Е. В. Пономарева, Ю. П. Агеева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2014. – Т. 11, №1. – С. 101–106.
- Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 336 с.
- Савкина, И. Л. У нас уже никогда не будет этих бабушек? / И. Л. Савкина // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 109–135.
- Яковлев, А. С. Сказки моей жизни: рассказы / А. С. Яковлев. – Ленинград: Государственное издательство, 1927. – 87 с.

REFERENCES

- Afonina, E. Yu. (2006). *Poetika avtorskogo prozaicheskogo tsikla* [Poetics of the Author's Prose Cycle]. Saint Petersburg. 128 p.
- Altaev, Al. (1920). *Skazki zhizni: sbornik skazok i rasskazov* [The Fairy tales of Life: the Collection of Fairy Tales and Stories]. Petrograd. 191 p.
- Anikin, V. P. (2007). *Teoriya fol'klora* [Folklore Theory]. Moscow. 428 p.
- Darvin, M. N. (1988). *Russkii liricheskii tsikl: problema istorii i teorii (na materiale poezii pervoi poloviny XIX v.)* [A Russian Lyrical Cycle: the Problem of History and Theory (on the Material of the Poetry of the First Half of the 19th Century)]. Krasnoyarsk. 137 p.
- Nedler, N. (1920). *Skazki zhizni: rassказы* [The Fairy Tales of Life: Stories]. Leipzig, Tipografiya V. Drugulina. 160 p.
- Ponomaryova, E. V., Ageeva, Yu. P. (2014). Prozaicheskii mikrotsikl pervoi treti XX veka kak arkhaiskaya forma [A Prosaic Microcycle of One Third of the 20th Century as an Archaic Form]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 11. No. 1, pp. 101–106.
- Propp, V. Ya. (2000). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of a Magic Fairy Tale]. Moscow. 336 p.
- Savkina, I. L. (2011). U nas uzhe nikogda ne budet etikh babushek [We Will Never Have These Grandmothers, Will We?]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 109–135.
- Yakovlev, A. S. (1927). *Skazki moei zhizni: rassказы* [The Fairy Tales of My Life: Stories]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 87 p.

Данные об авторе

Пархаева Анна Александровна – аспирант кафедры филологии, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
E-mail: a.parhaeva@gmail.com.

Authors information

Parkhaeva Anna Aleksandrovna – Post-graduate Student of the Department of Philology, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

ЛИТЕРАТУРА И ВИЗУАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

«ТИХИЙ ДОН» М. ШОЛОХОВА В ЖАНРЕ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА (РУССКО-СЕРБСКИЙ КОМИКС «КАЗАКИ»)¹

УДК 821.161.1-31:821.163.41-8. DOI 10.26170/FK20-01-12.

ББК Ш33(2Рос=Рус)62-8,444+Ш33(4Сер)64-84. ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 10.01.08

Б. Р. Косанович

Университет Нови-Сад

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0231-0075>

Bogdan R. Kosanovich

Novisad University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0231-0075>

GRAPHIC NOVEL ADAPTATION OF “AND QUIET FLOWS THE DON” BY M. SHOLOKHOV (THE RUSSIAN-SERBIAN COMIC STRIP “THE COSSACKS”)

Abstract. The article deals with the graphic novel “The Cossacks: A novel about the life of the Don Cossacks” by S. Soloviev published in Belgrade in 1938–1939. This is a kind of adaptation of the first two books of Mikhail Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”. The graphic novel under review is one of the first creative products of the ninth kind of art in Serbia and is connected with the emergence of this phenomenon in the Kingdom of Yugoslavia. Its publication laid the foundation of the famous “Belgrade School”, which developed the European traditions of graphic literature. The interest of the Yugoslavian community in the Cossacks and in Sholokhov coincided with the publication of the graphic novel. The study shows the conditions, under which the Russian-Serbian graphic novel was created, and analyzes its structure, plot lines, characters and etymology of the names. With reference to Sholokhov’s “And Quiet Flows the Don”, the graphic novel “The Cossacks” may be considered as a kind of pastiche – a plot contamination of epic story about real events with an adventurous narrative. Of particular interest is the artistic-conceptual presence of the elements of Sholokhov’s artistic world in the sphere of synthetic art. There are significant esthetic differences between the epic novel of Sholokhov and the graphic novel of S. Soloviev. Still it is possible to find attempts to preserve the language of the characters and the specificity of the author’s speech. The outcome of the adaptation of Sholokhov’s masterpiece can be presented in the following way: a transformation of the literary text into a visual-narrative discourse takes place in its course. The visual-narrative unity of the comics about the Don Cossacks makes it possible to unite separate scenes and dialogues into a holistic picture. A new, postmodern method of packing the meanings – a special form of realization of a folklore mythopoetic kind of worldview – is created. “The Cossacks” is based on the poetics of a comic strip, the essence of which boils down to an adventurous plot focusing on the unity of character and speech. In this interpretation, the graphic novel, being a complete modification of the text of “And Quiet Flows the Don”, remains on the marginal pages of Sholokhov studies. Nevertheless, it contains a significant communicative, cognitive and literary-artistic potential and is a successful attempt to build a certain cultural bridge between the two Slavic peoples.

Keywords: Russian emigration; comics; graphic novels; the Cossacks; literary creative activity; Russian writers; Serbian literature.

Аннотация. Объектом исследования в статье стал комикс «Казачи: Роман из жизни донских казаков» С. Соловьева, вышедший в Белграде в 1938–1939 гг., – адаптация первых двух книг романа «Тихий Дон»

¹Републикация: статья была впервые опубликована в журнале «Мир Шолохова». 2018. № 1(9). С. 33–43.

М. Шолохова. Данный комикс принадлежит к числу первых романов «девятого искусства» в Сербии, связан с этапом возникновения этого феномена в Королевстве Югославия. Его выход закладывал фундамент «Белградской школы», развивающей европейские традиции рисованной литературы. Интерес югославской общественности к казачеству, к Шолохову совпал с распространением комикса в стране. В работе показано, в каких условиях создавался русско-сербский рисованный роман «Казачество», анализируются его структура, сюжетные линии, характеры героев и этимология имен. Графический роман «Казачество» по отношению к шолоховскому «Тихому Дону» можно рассматривать в качестве пастиша, фабульно-сюжетной контаминацией эпического рассказа о событиях с приключенческим и авантурным повествованием. Интерес представляет художественно-концептуальное присутствие элементов шолоховского художественного мира в сфере синтетического искусства. Между эпопеей Шолохова и комиксом С. Соловьева имеются существенные эстетические различия. Однако в русско-сербском комиксе можно найти попытки сохранить строй речи персонажей и особенности авторского повествования. Результат адаптации шолоховского шедевра можно представить следующим образом: в ее ходе происходит трансформация литературного текста в зрительно-повествовательный дискурс. Визуально-нарративное единство комикса о донских казаках позволяет объединить отдельные сцены и диалоги в целостную картину. Создается новый, пост-модернистский, способ упаковки смыслов – особая форма реализации фольклорной, мифопоэтической разновидности мировоззрения. «Казачество» основаны на поэтике комикса, суть которого – занимательная фабула, акцентирующая единство образа и речи. В такой трактовке комикс, являющийся полной модификацией текста «Тихого Дона», остается на маргинальных страницах шолоховедения. Тем не менее, он содержит значимый коммуникационный, познавательный и литературно-художественный потенциал, является удачной попыткой создания своеобразного культурного моста между двумя славянскими народами.

Ключевые слова: русская эмиграция; комиксы; рисованные романы; казачество; литературное творчество; русские писатели; сербская литература.

Для цитирования: Косанович, Б. Р. Graphic Novel Adaptation of "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov (the Russian-Serbian Comic Strip "The Cossacks") / Б. Косанович. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 123–132. – DOI: 10.26170/FK20-01-12.

For citation: Kosanovich, B. R. (2020). Graphic Novel Adaptation of "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov (the Russian-Serbian Comic Strip "The Cossacks"). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 123–132. DOI: 10.26170/FK20-01-12.

It is necessary to start with preliminary remarks. It is a well-known fact that the works of M. A. Sholokhov have long been an inspiration for composers, painters, playwrights and film-makers. However, there are few who know that Sholokhov aroused great interest among artists of the ninth art – the comics. Moreover, this happened at the very early stages of the development of this type of publications, which are at the borderline between literature and fine arts. Comics art is one of the forms of modern figurative narrative, the most important part of which is a sequence of picture frames with a supporting text. In addition, the picture and the incorporated verbal text represent a semantic unity including constant ideographic signs – phylacteries ("speech balloons" or "bubbles" next to the character's head with his or her lines).

Long comic narratives are now called graphic novels. The article discusses the problem of translation of the text of Sholokhov's novel into the comics language on the basis of the cultural approach and the principles of thematic analysis.

In order to approach the key task – the study of the world's first graphic novel – the adaptation of Sholokhov's epic novel as a form of new national comics literature, we find it necessary to pay attention to the political, cultural and historical contexts it appeared in.

Russian Emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes

The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes was formed in 1918 and was subsequently named the Kingdom of Yugoslavia where about 50,000 Russian exiles, who later became emigrants, took refuge from 1918 to 1920 [Jovanović 1996]. This means that almost every 15th resident of the country was Russian. Most of them settled in Serbia. At different times the number of Russians changed, primarily due to the movement of labor and re-emigration to richer Western countries. Along with France and Germany, Yugoslavia was one of the largest and most important Russian centers in the post-revolutionary settlement. It is highly significant that intelligentsia consti-

tuted the major part of Russian emigrants to Serbia. It was the second largest group after the military. There were 60–70% of emigrants with higher and secondary education among them. About three hundred small "Russian colonies" were formed in the Kingdom. Most of the refugees settled in Sremski Karlovtsy, Nis and Belgrade. One can safely say that the Russian post-revolutionary emigration has left a profound imprint on Serbia, which was badly damaged during the two Balkan wars (1912, 1913) and World War I. It should be taken into consideration that Serbia lost almost 30% of its population in those wars, not to mention the huge material damage.

Russian emigrants made a significant, regenerative contribution to the organizational and administrative structure and cultural, educational and scientific life, construction, sports, etc. The Russian diaspora in Serbia was a unique emigrant microcosm in its own way. Many distinguished people and some important institutions of the just-overthrown Russian Empire found refuge here. For example, M. V. Rodzianko, the chairperson at the last meetings of the Tsar's Duma, V. V. Shulgin, the main witness to the abdication of Nicholas II, P. N. Wrangel, the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia (so-called Volunteer Army). By the way, the headquarters of Wrangel was first located in Sremsky Karlovtsy, while this town was also the center of the Russian Orthodox Church Outside Russia, headed by Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). General M. V. Alekseev, the last commander-in-chief of the Russian Tsar's Army, is buried in Belgrade, and later in the crypt of the Russian church of the Holy Trinity, the same as Wrangel, who bequeathed to bury him "in the fraternal Slavic Orthodox country".

Russian refugees also managed to bring along some relics. Precious Christian relics placed in the charge of the Serbian king were kept in Serbia: a fragment of the True Cross, the miraculous Kursk Root Icon of the Sign, which is still considered the protector of all Russian emigration, as well as the ancient, miraculous icon of Our Lady of Philermos by St. Luka, and the right hand of St. John the Baptist decorated with precious stones. The Russian migrant architects who built magnificent administrative buildings both in the capital itself and in the provinces were especially famous. They built the Holy Trinity Church in Belgrade in 1924

that remains the Representation of the Russian Orthodox Church, as well as the Iversky Chapel (in 1931) with a copy of the miraculous Iversk Icon of the Mother-of-God – a replica of the original chapel demolished in Moscow. Moreover, the King Alexander Karađorđević provided financial assistance with building the temple of Russian emigrants in Prague, dedicated to the Dormition of the Mother of God. In 1933, the Serbian government built a unique cultural center in Belgrade, the so-called "Russian House of Emperor Nicholas II" and presented it to the Russian emigrants. In Serbia, the Russians had their own churches, kindergartens, primary and secondary schools, institutions of noble maidens and cadet corps, theaters, culture houses, archives, the cultural society "Matica", and even museums and falcon hunting clubs, charitable societies, poorhouses, hospitals and sanatoriums, the Red Cross society, choirs of singers and musicians, the Union of writers and journalists, numerous literary societies, relatively rich publishing activity in Russian, and their own libraries. The Russian Scientific Institute was founded in Belgrade on the analogy with Paris and Prague institutes. Therefore, naturally, it was in Belgrade in late September 1928 that the First (and only) Congress of Foreign Writers and Journalists took place [Arsen'ev 2011; Iz tajnih arhiva 2018; Jovanović 1996; Kundryuckov 1930; Tesemnikov, Kosik 2008].

The constants of the Serbian-Russian / Russian-Serbian relations, such as: common belonging to the same Slavic tribe, shared Orthodox religion, affinity between the languages and written graphics, "brotherhood-in-arms", historical-political, and specifically dynastic relations, and family ties had an important role to play in the settlement of Russian refugees in Serbia.

Pavel Sergeevich Polyakov (1904–1981), the Don Cossack and emigrant poet, expressed his gratitude to the "second homeland" in a poem written in Munich:

Вот этой родине второй
Поставлю памятник навеки,
Я там изведаль, молодой,
Добро в хорошем человеке.
И много раз проверил я
Словцо казачье – братушка –
Мне лили сербские друзья
Не в рюмки ракию, а в кружку.

(P. Polyakov. "Muza") [Arsen'ev 2011: 291]

Cossacks in Emigration and the Interest of the Serbs in the Cossack Issues

Among the Russian emigration to Yugoslavia, Cossacks were especially distinguished. It is believed that this country was the center of the Kuban and Terek Cossacks, while Prague and Paris were the centers of the Don Cossacks. In Serbia, the Kuban Cossacks were the most numerous (3,500), and then came the Terek and the Don Cossacks (only about 5,000). It should be noted that the Cossacks did not obey the civilian "Russian colonies" created to preserve traditions and national identities, but they lived separately, forming their free Cossack villages (there were about a hundred of them in total), promoting the idea of the "Free Cossacks" [Kazachi stanicy... 1923: 9]. They attracted attention by their exotic appearance, devotion to peculiar rites and customs, cultural identity, orchestras, choirs, dances and trick riding. Publishing activity was developed (over twenty own periodicals) [Arsen'ev 1999: 22] in the diaspora, where special attention was paid to the history and traditions of the Cossacks. It is also noteworthy that the Commander-in-Chief General Wrangel was always accompanied by a convoy of ten Cossacks in Sremski Karlovtsy.

The interest of the Serbian and Russian-emigrant cultural community in the Cossack problems was quite natural and high. As we know, in the early 1930s, the Yugoslav general public learns about the new Soviet writer – Mikhail Sholokhov. He is written about (we have found fifteen pre-war articles and reviews) and his stories are translated. In 1936 the novel "And Quiet Flows the Don" is translated. White émigrés critics write about Sholokhov's works as well. The fact is that the Russian emigrants recognized themselves in Sholokhov's characters, finding a resemblance between the fate of their relatives and other people and the Don Cossacks depicted so vividly in this epic.

It so happened that the interest in Cossacks, and specifically in Sholokhov's work, coincided with the rapid development and spread of comics in the capital of Yugoslavia, which would become one of the most significant centers of this genre in the world. The Russian emigrant artists Yu. Lobachev, N. Navoev, S. Soloviev, K. Kuznetsov, A. Ranher, I. Shenshin and later V. Gulevich, V. Zhedrinsky and N. Tishchenko represented this new artistic wave [see: Antanasievich 2015]. Since March 1936, the new special comics maga-

zine *Mika Mish* (*Mickey Mouse*, named after Walt Disney, the main character of the first animated films, *Plane Crazy* and *Steamboat Willie*) started coming out twice a month. It was undoubtedly a great contribution to the development and popularity of the comic strip in Yugoslavia. It was published by a capable entrepreneur Alexander Efimovich Ivkovich from Odessa, a Russian emigrant posing as Serbian. Thanks largely to his business sense and advertising activity, the new genre became so popular that the people queued to buy the forthcoming issue of the magazine. A long comic strip (later called graphic novel) "The Cossacks" (Serb. "Kozaci") with the heading "A novel from the life of the Don Cossacks" started coming out in 1938. The structure of the printed publication is as follows: it has three parts ("episodes", according to the terminology of its authors). The first part includes 24 chapters, the second one contains 28 chapters, and the third part (1939) consists of 24 chapters.

By the way, three more comics about the Cossacks were published in Belgrade and all of them became very popular. First of all, it was "The Black Ataman", although the graphic novel "The Cossacks", according to the readers' questionnaire, was more popular than the comic strip about Flash Gordon. Another important fact is that the comics in question have long become a bibliographic rarity. Even the central libraries of Serbia and Montenegro do not possess them.

Plot, Themes, Motives and Characters of the Graphic Novel "The Cossacks"

The first two parts of Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don" served as a kind of pre-text for the graphic novel "The Cossacks". It should be noted that the adaptation was made without any reference to Sholokhov's work as its source. The authors (Sergei Soloviev, the artist, and P. Polyakov, the scriptwriter) left the action time, the main historical events, as well as the Cossack features the same. They partially retained the storylines and the main characters of Sholokhov's novel, similar in psychological details and role in the plot, however, partially renaming them. Taking into consideration the dramatic genre and aesthetic differences between these two works, one could not expect the comics to incorporate Sholokhov's figurative, unique language and style. Nevertheless, one can sometimes find attempts to preserve some features

1 КОЗАЦИ

— РОМАН ИЗ ЖИВОТА
ДОНСКИХ КОЗАЦА —

У БОГАТИМ И ПРОСТРАНИМ СЕЛИМА
НА ОБАЛИ РЕКЕ ДОН СТАЊУЈУ
МНОГОВРОДНИ КОЗАЦИ !!!

ПОСЛЕ НАПОДНОГ ДНЕВНОГ
РАДА МЛАДИ КОЗАЦИ СЕ
ВЕЖБАЈУ И НАДМЕГУ
У ЈАХАЊУ !!!

ЕЈ, ИВАНЕ, ШТА ТИ ЈЕ?
ОДАВНО ТЕ НИСАМ
ВИДЕО ДА ЈАШЕШ.

ОСТАВИТЕ МЕ НА МИРУ !!

ОТКАД ЈЕ ДОБЕО
ИЗ ПОСЛЕДЊЕГ
РАТА ОНУ ТУРСКУ
ЗАРОбЛЕНИЦУ КАО
ДА СЕ САВ ПРОМЕ-
НИО.

КАКО БИ БИЛО ДА ВИДИМ
ТУ ЛЕПУ ЖУЛТУ
ШТО ЈЕ ТОЛИКО
ЗАЉУБЕЛА НАШЕГ
ИВАНА ?

ЗАР ЈЕ ЈОШ
НИСИ ВИДЕО ?
ХАЈДЕ ДА ТИ ЈЕ
ПОКАЖЕМ !!!

ЈЕЛ ИСТИНА ДА ЈЕ
ТВОЈ СИН НАУМИО
ДА СЕ ОЖЕНИ
ТУРЦИЊОМ ?

САМО О ТОМ
САЊА. АЛИ ЈА
ТО НЕЋУ ДА МУ
ДОПРЕТИМ.

ПА ТО БИ БИЛА
ЕДАМОТА ЗА
СВЕ КОЗАКЕ.

*Драги Јулија,
Ми нем, релато, код
Крем не могу навести
аромат сам да наву
лику, некиме
Ристан Влаз Ваучу
... мислим да ми одрешиш,
Брун (Дубо
фон Штайгер*

of the characters’ speech and the author’s narrative (folk and poetic basis, naturalness, figurativeness), but in a concise, highly reduced manner.

Picture 1. Honor Guard by the Don Cossacks in Serbia

The graphic novel opens with a picture frame: an idyllic picture of a farm life and a framed comment at the bottom of the page: “The rich and spacious farms on the banks of the Don River are inhabited by numerous Cossacks...”. And the graphic and the verbal components are in close interaction.

The first pages of the graphic novel reveal the main storylines, outline the main characters, and depict the beginning of the love affair. *Zulum*, a Turkish woman and a “damn beautiful” prisoner, appears first (it is noteworthy that the name is completely unmotivated semantically, since in Turkish it means *evil, violence*). The introduction of the name of *Ivan* appearing here is inexplicable; we recognize in him the features of Sholokhov’s Stepan Astakhov and individual character traits resembling Peter Melekhov. *Grigory Melikov* (sic!)

falls in love with *Zulum*, who combines the features of Sholokhov’s Turkish woman and *Aksinya*, thereby becoming *Ivan*’s main rival. *Grigory* saves *Zulum* from enraged horses. The meeting between the Cossack and the Cossack woman turns out the beginning of a love story. *Zulum* immediately falls in love with this handsome and strong guy. But soon the Cossack villagers suspect that the poor prisoner is consorting with evil spirits. Taking her for a witch, they give chase to the young couple and overtake them at a nearby farm, where *Grigory* rescues *Zulum* again. A fierce fight for her with the Cossack villagers ensues. The skirmish is stopped by a suddenly appearing horseman – an ataman messenger who brought the news of the war and general mobilization. The author of the comics stresses the Cossacks’ patriotism: stopping civil strife, they, together, cheerfully and with a song (“*A Cossack went to a distant foreign land / On his faithful horse...*”) join the Russian army. Masterfully painted battle scenes follow, reinforcing the impression of entertainment, and *Soloviev* shows a special passion for the depiction of horses. *Irina Antanasievich*, a famous researcher of the Russian comics in Yugoslavia, rightfully notes: “These pictures are the only Russian comics in the Great War” [Antanasievich 2015: 204].

Developing the plot, the authors of the comics show that the Cossacks were forced to retreat under the pressure of superior enemy forces. Just at that time, *Grigory* rescues his rival, *Ivan*, but then ungrateful *Ivan* leaves him at the mercy of the Austrians. Then *Soloviev* complicates the action with new storylines and the introduction of new characters. In the 17th episode of the first chapter, a new character appears, the Pol-

Picture 2. Fight with the Austrians. An illustration from the graphic novel “The Cossacks: A novel about the life of the Don Cossacks”

ish young lady *Yadwiga (Yadya)* – a fantasy of the graphic novel authors. Unlike Gogol's beautiful Polish girl from "Taras Bulba", she sympathizes with the Russians, she "wants to become a Cossack" herself and takes care of the wounded Grigory, falls in love with him, and helps him hide from the Austrians pursuing him. Grigory manages to escape, but he is overtaken by Ivan, whose treacherous shot could have become fatal.

It happens so that Grigory is re-captured by the Austrians. One more twist of the plot is important here. At night Yadya gets into the Cossack camp trying to inform them about an impending attack of the Austrians. (It is not difficult to see a transformation of the motive of betrayal from Gogol's story "Taras Bulba", which can be attributed to one of several precedent texts of the Serbian graphic novel). Further on, the authors of the comics depart from the text of Sholokhov's epic more and more, giving free rein to their imagination. They change their perspective and enlarge the figures of minor characters. In the Cossack regiment, Yadwiga dresses like a boy servant. She meets both Ivan and Zulum there.

"The first episode," that is, Part 1 of the graphic novel, ends with the scenes of Ivan's rescue of Grigory, who is in Austrian captivity again. Much attention is paid to the letter from Zulum who has left the camp. In this letter, Zulum promises to marry Ivan though she does not love him.

Part 2 of the graphic novel "The Cossacks" starts with amazing naturalistic pictures of the battlefield, demonstrating the war cruelty. These scenes are accompanied by a brief author's remark: "The World War was still raging with all its cruelty..." By the way, this remark is one of many examples of the author's skillful combination of pictorial (graphic) and verbal components.

The first two continuations of Part 2 of this graphic novel show the horrors of war, illustrated by the pictures of the Austrian offensive using poisonous gases during the attack. The Cossacks are no longer portrayed on horseback, but in the trenches, where they are depicted as suffering, broken people, dreaming of returning to their homes, to their wives and children. The military scenes serve in the narrative mainly as a background for love affairs. Particularly expressive are the animated drawings that make up the frames, which give an assessment of events and convey the attitude of the comics authors to the war.

So, overcome with jealousy, Ivan deserts and returns to his farm to marry Zulum. But the adventures of the main characters do not end there. On the contrary, their eccentric adventures continue growing more and more fascinating. A new motive has been introduced – Grigory's rescue of a wounded enemy officer, in whose wallet a photograph of Yadwiga is found. Soon, the authorities entrust Grigory to lead Yadwiga's father, Count Potonsky, charged with espionage to the army headquarters. Upon Yadya's request, Grigory releases the count and sends him to his native farm under the protection of his mother, thereby risking his own life. Meanwhile, just before the wedding, Ivan's deceit, who has tried to pass himself off as a wounded soldier, is exposed. He is going to be convicted and then again sent to the battlefield.

The next part of the graphic novel deals with the October Revolution, the collapse of the Russian army and the release of Grigory from arrest. Two different characters – Ivan and Grigory – fight for Zulum, which leads to the complete ruin of their farms. Both women's (Zulum and Yadya) fidelity is put to the test. Finally, Ivan plans a new betrayal: he is going to defect to the Austrians. Zulum and Yadya manage to prevent this. They shoot and wound Ivan.

Part 2 ends with a description of the Cossacks' clever maneuver that forces the Austrians to retreat. But neither of these events resolves the dramatic situation. After many incidents and adventures, Grigory and Zulum remain together, while Ivan and Yadwiga go their own separate ways. Concluding the text of this part of the graphic novel, the words of Zulum promise new challenges: "I foresee that we will not be at rest for a long time. Hard days are coming for the Cossacks... Days of restless struggle".

Looking for other editions of the graphic novel in the libraries, we found its continuation (Part III). This part is about the Civil War. Evil Ivan becomes a Red Army officer, and Grigory becomes a White Army officer. Zulum stays with Ivan only to die by his hands, and Grigory kills Ivan. An interesting coincidence is in the fate of the author of the comics with the events that are narrated in this dramatic "novel in pictures": through Constantinople, Grigory gets to Slovenia where he is hired to serve a baron, an Austrian magnate. There, he twice saves the life of Yadwiga. At the end of the graphic novel, they marry in Poland.

Thus, the novel in pictures ends with a melodramatic triumph of love, which is quite in the spirit of the most popular Hollywood films of that time. Its authors make concessions to the readers of comics, those stories in pictures, fully reflecting the aesthetic tastes and preferences of mass consumers.

By the way, it is worthy of note that this adaptation of the still unfinished novel "And Quiet Flows the Don" was written in compliance with the laws of the comics genre, which was a very young genre of mass culture then. At first, the creators of the graphic novel basically followed the twists of Sholokhov's plot, now moving closer and then deviating from the original source. In subsequent parts / chapters, Soloviev departs from it more and more. The plot intertwines the frames of social and historical nature with expressive love scenes and entangled amorous intrigues. As befits the comics book genre, the author emphasizes the action, captivates readers with intense relations, reflecting them in episodes with dramatic claims: fights, captivity, torture, escape, unmitigated anger, revenge, romantic passions, etc. The visual-narrative unity of the Don Cossacks comics allows one to combine separate, often disparate scenes and dialogues into a coherent picture. The author manages to depict rather objectively the epic and tragic events of the life of the Cossacks during the period of peace and war by graphic means, primarily by dynamic exchange of large horizontal frames (spatial steppes, banks of the Don, battlefield) and skillfully made vertical portraits, reflecting the traits of the main characters. This is facilitated by successful, extremely compressed authored text boxes. But in our opinion, Soloviev's stereotypical interpretation does not reflect the tragedy of Sholokhov's characters, the archetypes of Cossack life, and specifically the depth of the image of the Cossack knight Grigory Melekhov (i. e., Melikov), his discontent, doubts caused by the glaring social and historical antagonistic contradictions and circumstances of his fate and the psychology of the Cossack worker and warrior. And one more thing: the graphic novel "The Cossacks" is contrasted to Sholokhov's poetics and philosophy of being and the concepts of nature and man in many respects. The structure of its text is far from the unique style, colorful plastic language, lexical specificity, and symbols and metaphors of the great epic novel-tragedy by Sholokhov.

Conclusions

In relation to Sholokhov's "And Quiet Flows the Don", the graphic novel "The Cossacks" can be considered as a kind of pastiche, a plot contamination of realism with an adventurous narrative. In this sense, the conceptual presence of the elements of Sholokhov's novel in another synthetic art is interesting beyond doubt. "The Cossacks" are based on the poetics of a comic strip, the essence of which is an entertaining plot, emphasizing the unity of image and speech. In this interpretation, the graphic novel, which is a complete transformation of the text of "And Quiet Flows the Don", remains not on the mainstream but on the marginal pages of Sholokhov studies. But still it contains significant cultural communicative, cognitive, literary and artistic potential. On the other hand, proceeding from the para-literary nature of comics, researchers put the aesthetic and visual-narrative achievements of this genre to the foreground, especially with regard to successfully applied cinematographic *splicing* techniques. It seems worthwhile to point out that these two forms of art have some features in common. Here we can recall that the first film version of "And Quiet Flows the Don" (I. Pravy and O. Preobrazhenskaya) was also characterized by the scope narrowed to love affairs. According to critics, the aesthetics of S. F. Bondarchuk represented by a compilation of F. S. Bondarchuk Jr. "resembles an American comic book" due to its westernization. Some critics believe that the last film series of "And Quiet Flows the Don" by S. Ursulyak "increases the distance from the literary source" by its de-epization [Udodov 2016: 70–71]. It is necessary to say that according to the theorists of structuralism and post-structuralism, the works of art discussed here enter into intertextual relationships. From the point of view of general diachronic and synchronic planes, the results of adaptations can be schematically presented as follows: adaptation generates transformation of the literary text of a novel into a visual-narrative discourse of a comics or a movie, thereby justifying some new culture discourse – a postmodern way of thinking, a form of realization of a mythological variety of the worldview.

Finally, the historical significance and expressive function of the graphic novel "The Cossacks"

as a new example of mass communication and popularization of fiction, which is at the origins of this new genre in Yugoslavia, cannot be neglected. The graphic adaptation of Sholokhov's epic novel took place with the active assistance of artists of the Russian emigration, who, thereby, built a kind of cultural bridge between two closely related Slavic nations.

ЛИТЕРАТУРА

- Антанасиевич, И. Русская классика в картинках / И. Антанасиевич. – Белград: Филолошки факултет, 2015.
- Арсењев, А. Донски козаки у Томашевцу / А. Арсењев // Наше слово. Нови Сад – Москва, 1999. – № 5.
- Арсењев, А. Самовари у равници: Руска емиграција у Војводини / А. Арсењев. – Нови Сад: Змај; Футог: Завештање, 2011.
- Из тајних архива УДБЕ. Руска емиграција у Југославији // Политика. – Београд, 3. XII. 2017–18. I. 2018.
- Казачьи станицы и хутора в Сербии // Новое время. – Белград, 18 мая 1923. – № 319 (без имени автора).
- Кундрюцков, Б. Казак Иван Ильич Гаморкин / Б. Кундрюцков. – Белград: Типография Феникс, 1930.
- Маевский, Вл. Русские в Югославии 1920–1945 гг. / Вл. Маевский. – Нью-Йорк, 1966.
- Миловановић, С. Бела Русија: Руска емиграција у Војводини / С. Миловановић, А. Петивић. – Нови Сад: Музеј Војводине, 2014.
- Соловјов, С. Козаки: Роман из живота донских Козака, део I–III / С. Соловјов // Мика Миш – забавни лист у стрипу. – Београд, 1938–1939.
- Тесемников, В. Русский Белград / В. Тесемников, В. Косик. – Москва: Изд-во МГУ, 2008.
- Удодов, А. Четыре экранизации «Тихого Дона»: взгляд из XXI столетия / А. Удодов // Мир Шолохова. – 2016. – № 1 (5). – С. 68–73.
- Јовановић, М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС: 1919–1924 / М. Јовановић. – Београд: Стубови културе, 1996.

REFERENCES

- Antanasievich, I. (2015). *Russkaya klassika v kartinkah* [Russian Classics in Pictures]. Belgrad, Filoloski fakultet.
- Arsejev, A. (1999). *Donski kozaci u Tomashchevcu*. In *Nashe slovo*. Novi Sad. No. 5.
- Arsejev, A. (2011). *Samovari u ravnici: Ruska emigracija u Vojvodini* [Samovars on the Planes: Russian Emigration in Vojvodina]. Novi Sad, Zmaj, Futog, Zaveshtanje.
- Из тајних архива УДБЕ. Руска емиграција у Југославији [From the Secret Archives of UDBE. Russian Emigration in Yugoslavia]. In *Politika*. Beograd, 3. XII. 2017–18. I. 2018.
- Kazach'i stanicy i hutora v Serbii [Cossack Settlements and Villages in Serbia]. (1923). In *Novoe vremya*. Belgrad. May 18. No. 319 (without author's name).
- Kundryuckov, B. (1930). *Kazak Ivan Il'ich Gamorkin* [Cossack Ivan Il'ich Gamorkin]. Belgrad, Tipografiya Feniks.
- Maevskij, Vl. (1966). *Russkie v Jugoslavii 1920–1945 gg.* [Russians in Yugoslavia in 1920–1945]. New-York.
- Milovanovich, S., Petijevih, A. (2014). *Bela Rusija: Ruska emigracija u Vojvodini* [White Russia: Russian Emigration in Vojvodina]. Novi Sad, Muzej Vojvodine.
- Solovjov, S. (1938-1939). *Kozaci: Roman iz zhivota donskih Kozaka* [The Cossacks: A novel about the life of the Don Cossacks], deo I–III. In *Mika Mish – zabavni list u stripu*. Beograd.
- Tesemnikov, V., Kosik, V. (2008). *Russkii Belgrad* [Russian Belgrade]. Moscow, Izdatel'stvo MGU.
- Udodov, A. (2016). *Chetyre ekranizacii «Tihogo Dona»: vzglyad iz XXI stoletiya* [Four Screen Versions of "And Quiet Flows the Don": View from the 21st Century]. In *Mir Sholohova*. No. 1 (5), pp. 68–73.
- Jovanovich, M. (1996). *Doseljavanje ruskih iz beglica u Kraljeviniu SHS: 1919–1924* [Migration of Russian Refugees to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes]. Beograd, Stubovi kulture.

Данне об авторе

Косанович Богдан Раевич – доктор филологических наук, професор, универзитет Нови-Сад (Сербия).
E-mail: kosanovic@neobee.net.

Author's information

Kosanovich Bogdan Raevich – Doctor of Philology, Professor, Novisad University (Serbia).

Данне о переводчике

Поляков Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент; переводчик, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Translator's information

Polyakov Sergey Mikhaylovich – Candidate of Philology, Associate Professor; Translator, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЭРИ-КЕЙ УИЛМЕРС. ВОПЛОЩАЯ ЖЕЛАЕМОЕ

УДК 821.111(73)-4. DOI 10.26170/FK20-01-13. ББК Ш33(7Сое)64-8,44. ГРНТИ 17.09.09.
Код ВАК 10.01.03

Егорова Л. В.

Вологодский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-939X>

Liudmila V. Egorova

Vologda State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-939X>

MARY-KAY WILMERS. ACHIEVING THE DESIRED

Abstract. It is difficult to exaggerate the breadth and depth of Mary-Kay Wilmers' contribution to national and international culture. Since 1992, she has been the editor of the *London Review of Books*. Her book *The Eitingons: A Twentieth-Century Story* (2009) came out in London and New York, in Moscow, in Paris. In *Human Relations and Other Difficulties* (2018) her long essays (reviews) were collected – from *Listener*, *New Yorker*, the *LRB*. This article presents her works in a literary context, gives her stylistic portrait through analysis of dominant features of her language personality. The first part of the article is devoted to *The Eitingons*. The research of her remarkable family evolved into a beautifully written book where the narrator is the most intriguing character. Historical indefiniteness did not embarrass the author, moreover, her penetration and postmodern approach turned the enigmas of history into a fascinating account where ambivalence and paradoxes helped to portray the mystery of life. The first Russian translation let you feel the difficulties of transforming into a different language her highly delicate and sophisticated approach, her lightness, ambivalence, intimate intonation. In the second part, devoted to *Human Relations*, special attention is paid to her works on obituaries, advertising encyclopedia, language of the novel reviewing, 'difficult women.' Close reading demonstrates the author's functional, balanced, considerate, courageous, challenging, critical, convivial approach. Right priorities, admirable style, wisdom, charm on page are characteristics of Mary-Kay Wilmers' 'modest unemphatic originality'. The third part touches upon the books devoted to her.

Key words: novels; literary criticism; reviews; essays; literary creative activity.

Аннотация. Невозможно переоценить широту и глубину влияния Мэри-Кей Уилмерс на национальную и мировую культуру. С 1992 года она возглавляет «Лондонское книжное обозрение», тираж которого превысил 70 000. Параллельно редакторской работе она всегда писала – для своего издания, «*Listener*», «*New Yorker*». Ее статьи собраны в сборник «Человеческие отношения и другие сложности» (2018). Книга «*Эйтингоны. Семейная сага двадцатого века*» (2009) вышла в Лондоне и Нью-Йорке, в Москве, в Париже. Данная статья рассматривает труды Мэри-Кей Уилмерс, выявляет особенности ее стилистического портрета путем анализа доминантных черт, свойственных языковой личности. Первая часть статьи посвящена ее книге – семейной истории (Эйтингонов – родственников по материнской линии), истории XX века (Советского Союза, США, Европы, прежде всего), личной истории. Неопределенность и неоднозначность

происходившего не только не поставили автора в тупик, но ее пронизательность и постмодернистский подход способствовали специфическому запечатлению загадок истории и тайн жизни. Сама повествователь стала одной из самых интригующих фигур книги. Первый перевод на русский язык показал, насколько трудно передать тончайший подход автора, ее деликатность, легкость, неоднозначность. Вторая часть статьи посвящена сборнику длинных эссе – рецензий («Лондонское книжное обозрение» предпочитает именно такую жанровую комбинацию). В центре внимания – труды, посвященные некрологам, рекламной энциклопедии, языку рецензий романов (подход Уилмерс всегда функционален), любимой ею женской теме, прежде всего, «сложным женщинам». Пристальное прочтение выявляет характерные черты: безусловную элегантность и вкус; профессионализм, легкость и изящество письма на основе досконального исследования темы; глубину и проблемность публикаций, побуждающих к пересмотру взглядов, корректировке ощущений; виртуозность языка. Для более объемной прорисовки портрета Мэри-Кей Уилмерс в третьей части рассмотрены книги, ей посвященные.

Ключевые слова: литературная критика; рецензии; эссе; литературное творчество.

Для цитирования: Егорова, Л. В. Mary-Kay Wilmers. Achieving the Desired / Л. В. Егорова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 133–143. – DOI:10.26170/FK20-01-13.

For citation: Egorova, L. V. (2020). Mary-Kay Wilmers. Achieving the Desired. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 133–143. DOI: 10.26170/FK20-01-13.

Mary-Kay Wilmers co-founded the *London Review of Books* in 1979 [Wilmers 1999: 19], and has been its sole editor since 1992. Her editorial life began long before that: she started at *Faber* in the time of T. S. Eliot, then worked at the *Listener*, then at the *Times Literary Supplement*.

As well as an editor, Mary-Kay Wilmers has been throughout her career a writer. She has written for the *LRB*, the *Listener*, *New Yorker*. She writes exquisitely in all genres, skillfully mixes them with the most memorable effect.

My article about the *LRB*, the most intellectually elegant and the largest-selling literary publication in Europe, was published in the journal of literary criticism and studies of literature *Voprosy Literaturny (Problems of Literature)* [Егорова 2017]. The first two parts of this article are devoted to two books of Mary-Kay Wilmers: her family history – *The Eitingons: A Twentieth-Century Story* (first published in 2009) [Wilmers 2010], a collection of her reviews *Human Relations and Other Difficulties* [Wilmers 2018]. In the third part two more books about Mary-Kay Wilmers are taken into consideration, thus helping to portray her: *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* [Bad Character 2008], *Love, Nina: Despatches from Family Life* by Nina Stibbe [Stibbe 2013].

ENIGMAS OF FAMILY HISTORY

The title of the book *The Eitingons: A Twentieth-Century Story* reveals at once that this is a

family history (of the Eitingons, relatives on her mother's side) and a twentieth-century story (of the Soviet Union, Europe, the USA). Mary-Kay's research of her remarkable family has been turned into a beautifully written narration where she is the most intriguing character.

In 'Embarrassment', the first chapter, she looks into her longing to have her late aunt's letters. Her desire was so desperate that she cheated her cousin. They were dividing up their aunt's belongings; it was his turn to choose, so he took a mahogany box with the letters, but as soon as he was out of the room, she emptied the box of the letters. She 'confessed – obviously,' was kindly given both the letters and the box. Here I would like to attract attention not to her family trait – ardent, unstoppable fervor to achieve the desired, and not to disheartening effect of realizing, while reading, what her aunt had been thinking of her – but to the fact that Mary-Kay Wilmers often invites you to look at the choices anew:

'Is it more appropriate for those who inherit the letters along with the clothes and the furniture to read them or put them in the bin? Burning letters has something grand and criminal about it. Putting them out with the rubbish may seem merely disrespectful. But maybe less disrespectful than reading them.'

Why do people write and keep letters – 'out of a need or a wish to memorialise themselves'? Why do we read other people's letters? 'You think

you're interested in their story, only to discover that mainly you're obsessed with your own.' While reading you often stop to think it over:

'And what goes for letters probably goes for every kind of rummaging in other people's lives, whether you're related to them or not. Perhaps there's a case for letting things lie, and being spared the worry about whose story you are really trying to tell and who gave you permission to tell it.'

To me Mary-Kay Wilmers is a disturbing, difficult author, but never disconcerting, misleading, always witty, wise, considerate.

The Eitingons is a book of astonishing scope. There were too many dark corners in the previous century, and their concentration in the book is hardly bearable. Light appears thanks to Mary-Kay's originality and elegance.

Her father, Charles Wilmers (his ancestors, German Jews, came to England in the late 1870s), married glamorous Cecilia Eitingon from the biggest clan of fur dealers, the wealthiest in the world. Being of Jewish origin, they came from Belorussia, moved to Moscow, after the Revolution happily escaped from the new regime. Mary-Kay remembers her childhood in the States in the 1940s – 'in a world filled with Eitingons':

'The Eitingons were excitable and cried far too often and asked unnecessary questions that troubled me for weeks – even years – such as which of my parents I preferred or whose death I would mind more. They weren't tall and glamorous like my father and their English wasn't good: they had heavy Russian accents, mixed up their tenses and did something funny with the definite article.'

Three 'men of their time' are brought into focus: Max Eitingon (1881–1943), Motty Eitingon (1885–1956), Leonid Eitingon (Naum Isaakovich was his real name, 1899–1981).

Leonid was the only one of them who stayed in Russia after the Revolution. From a zealous young Bolshevik he turned into 'a high-level KGB functionary who was also a high-level killer.' As Stalin's man, he executed his missions first on Soviet territory, then abroad. At the end of 1925, he was sent to China (Shanghai, Harbin, Beijing), in the spring of 1929 – to Constantinople, then Syria, Palestine. He acted in Spain during the Civil War, helped to organize the assassination of Trotsky in Mexico. It was he who waited outside the villa in Coyoacán to drive Trotsky's murder-

er away from the scene of the crime. 'As long as I live', Stalin said, 'not a hair of his head shall be touched.' It did not work out like that at all.

Motty Eitingon, uncle of Mary-Kay's mother, is described as 'a man of great wealth and great charm', 'the undisputed head of the clan.' He was a New York fur dealer. His connections with the Soviet Union made him the largest trader in the world. He was suspected and imprisoned by the Bolsheviks, investigated five times by the FBI – in 1942, 1945, 1946, 1947, 1954. The issue was 'Penetration and Possible Use of American Fur Industry by Soviet Agents.' Finally, the FBI concluded, 'The subject <...> is not a pro-Soviet but is a shrewd businessman who posed a pro-Soviet front to gain a choice position with the Russians in order to acquire Russian furs and make a fortune.' Mary-Kay Wilmer didn't find anything to dispute this: 'All things considered, that's surprisingly fair. Yet even more surprising – and in the circumstances providential – it is the Bureau's failure to make any link at all with Leonid, given how many other tenuous associations were invoked to cast Motty as a traitor.'

Max Eitingon was a psychoanalyst, a colleague and friend of Freud's. In 1907, he came to Vienna 'to sit at Freud's feet.' He was 'staggeringly rich and staggeringly generous.' He was interested in Russian philosophy, music, folk songs. Through his friendship with the famous Russian singer, Nadezhda Plevitskaya, he was implicated in the abduction of the White Russian general Miller in Paris in 1937. Was he a Soviet agent? A double agent – 'Stalin's man as well as Freud's?' 'Leonid's agent in Freudian camouflage?'

Were the Eitingons connected by more than their family name? Were they working together for the Soviet government? Stephen Schwartz stated it in his article 'Intellectuals and Assassins: Annals of Stalin's Killerati' (*Times Book Review*, 24 January 1988) and in his answer to Theodore Draper's response (*New York Review of Books*, 14 April 1988) in a letter (*New York Review*, 16 June 1988).

Mary-Kay Wilmers could not stay aside. She clearly formulated her stance:

'Neither Communist not anti-Communist, captivated by the left but never quite on the left, I'd like to say that I've set out to find the truth (but I'm not sure there will be a truth) or to avenge my family's honour (in whose eyes?) or to shine the light of freedom into the dark spaces of the twen-

tieth century. But if that can't be done, if I can't manage these things, I can at least try to do these three men the justice of describing their lives as far as it's been possible for me to know them.'

It is a noble aim of this deeply researched chronicle. According to eight and a half pages of bibliography, Mary-Kay read a lot on the subject. She visited Leonid's relatives in Moscow, went to KGB archives, met KGB officers and former agents. Her mix of history and memoir, biography and travel, psychological penetration and unbiased impartiality is admirable. She dares to attract attention to the most problematic issues, to cast light on questions that cannot be answered, to challenge everything. A CIA operative saw Leonid Eitingon as a person 'who might well have used a Jewish background as a cover.' Mary-Kay Wilmers expands this line of reasoning: Motty might have used the fur trade as a cover, Max – psychoanalysis. 'Maybe we all use our lives as cover.'

She does not forget to mention that before her parents got married, according to the letters, her 'strait-laced paternal grandparents' were suspicious of Mrs Eitingons as a spy: what had she been doing in Moscow? 'It wasn't a normal place to go for a holiday. How could my father be sure that she wasn't in the pay of the Soviets?' In this general atmosphere of espionage and suspicion, you may feel like losing the ground of reality but Mary-Kay's common sense and highly developed irony always brings you back to sanity.

Her perception of the Soviet reality is strikingly acute. She knows, for example, that Soviet citizens several times in the course of their career had to produce formal accounts of themselves – 'autobiographies', and it had to be done with care and a certain artfulness. You had to know not only which credentials were right and how to balance self-justification and self-criticism but you had to figure out in advance how your words could be twisted against you by someone who had power and did not wish you well. You feel like it is Mary-Kay's intuition enlarged by her writer's/ editorial experience, her feeling of the language as an entity.

While communicating in the Soviet Union, she went beyond words to her interlocutors' meanings. If, for example, Zoya (Leonid's stepdaughter born in 1920) said 'don't ask me' Mary-Kay took it as 'don't quote me.' It was prudent of her not to pay attention to the titles like 'military

attaché', 'vice-consul', 'third secretary': as she noticed, these words were almost invariably meaningless, or meaningful only in the sense that they denoted a spy. You could trust nothing:

'What's endlessly interesting and endlessly frustrating about the business of Leonid's life is that every anecdote from the trivially personal to the mega-political exists in more than one version, and you can never be sure of the story you're trying to tell.'

The archives were of no help: '...it was in the nature of Soviet bureaucracy to require that everything be documented and nothing divulged.'

All that might lead you to despair but Mary-Kay's penetration, sense of humour and postmodern approach turned it into a fascinating account:

'Every intelligence agent has a duty to disinform, which must be liberating when you're writing an account of your life; disinformation is a very postmodern thing: it allows you to have your cake and eat it.'

It is interesting to observe how 'tedious stretches of Soviet-speak' for Mary-Kay Wilmers go way beyond the Soviet system:

'...with Motty's files as with Leonid's, repetition is of the essence, and by reading them through, subjecting oneself to the tedium of the same story, or the same allegation, reiterated six or seven times, one begins to see American anti-Communism, and its Soviet counterpart, in a new light – as cults modeled on other cults, sacralised forms of words.'

Is it possible to get down to the bottom? Obviously not. People, archives, photos do not reveal their mysteries. Mary-Kay had a photo of Motty taken probably in the early 1940s:

'I've looked at this photo now and then, and come to feel that despite the frankness of expression and the openness of the face itself, this is a portrait of an unknowable person. I don't mean that something inconceivable was hidden away behind the affability – a long career in espionage, for instance, or murder, or adultery. Only that charm is a way for a person not to be there. It stands in for character, and once character has been off duty for a few years, it may abscond completely and let someone else sign the cheques or deal with the person at the door.'

Max's case was even more difficult. Mary-Kay pays attention to the opinions of two people who spoke reverentially of Max's 'quasi-Buddhist ways':

“He was like a gardener tending his plants,” one said. “He knew that a tree doesn’t grow fast and that it will not produce fruit before its time.” The other one said the same, slightly differently: “He let the slow man move slowly; he let the fast man run. He often seemed to move in two directions at the same time.” Two directions at the same time! How tempting – now novelettish – to suggest that he was doing the same: keeping up with Freud, keeping up with Stalin. Is it entirely implausible? One thing is certain: he was secretive enough.’

Going deeper into the story with Plevitskaya and Skoblin, Mary-Kay hesitates to come to any conclusion, ‘It may just be that I want to find a story where none exists’. She chooses to point out what can be deduced and refuses to simplify or clarify anything:

‘On the one hand, there’s Max the impotent gasbag who, thanks to his money and his organizational skills, set psychoanalysis on its feet. On the other, there’s Max the art lover, the embodiment of European high culture, who secretly... No, probably not. But the mystery remains and I don’t see how it can go away.’

Indefiniteness and ambivalence do not embarrass her. The mystery is usually approached through paradoxes and ambivalence, just not many achieve this level.

The superbly written book has been translated into Russian [Уилмерс 2016]. While writing, Mary-Kay turned the raw material into literature, and I felt pity the translator could not follow her all the way up to perfection. The translation of the historical part is good but Mary-Kay’s delicate and highly sophisticated personal approach has lost a lot in Russian. Her intimate intonation, lightness, ambivalence suffered a great deal. In English you turn pages with fascination, in Russian the simplest things puzzle; for example, the expressions ‘in his terms’, ‘from my point of view’ sound like ‘from his/my belfry’ (с его колокольни, с моей колокольни). Mary-Kay Wilmers’ optics is precise and balanced.

We can approach it also from a different ground – closely looking at her criticism.

MASTERPIECES OF REVIEWING

From the very beginning, the *London Review of Books* stood strongly for the tradition of the literary and intellectual essay. The *LRB* has always

valued professionalism, the social relevance, the quality of writing. Karl Miller, founding editor, then professor of English at University College, London, made the paper’s content and approach more academic; Mary-Kay Wilmers – more various, more provocative, more ambivalent, more influential. The long essays of the *LRB* are a fusion of scholarship and art, seriousness and gaiety, tradition and innovation, risk-taking and winning. Colm Tóibín pointed out about the paper:

‘It simply created a style and an aura, and did so with considerable care and intensity. By reading the paper, you learned how to write for it. The style it created was serious but not stuffy; it required a great deal of thought and effort. You had to write clearly and try to be very intelligent, protecting yourself from the reader’s natural irony and the editor’s highly developed irony’ [Tóibín 2008: 124–125].

The word ‘simply’ sounds characteristic of the *LRB*: as if there is nothing easier than ‘simply create a style’...

John Lanchester gives examples of *LRB*-speak. They call the *LRB* ‘the paper’. ‘The things it publishes are always known not as reviews, essays, or articles, but pieces’ [Lanchester 2018: 1]. To me the word ‘pieces’ reflects the usual genre mix of the *LRB* (essays and reviews at once). It is a modest word, and at the same time it is closely connected to ‘masterpieces’: in everything the person writes, you feel the master’s touch, and can easily recognize her/his master-pieces. It is impossible to mistake Mary-Kay’s style, tenue, power to see anew things that may seem ordinary. At the same time, she likes basic things and words: she calls her book ‘the book’, her paper – ‘the paper’, her writings – ‘pieces’.

I hope the book *Human Relations and Other Difficulties* is the first step to Mary-Kay Wilmers’ *Complete Works*. It is valuable to have the collection of all her pieces.

Her piece/work on obituaries *Civis Britannicus Fuit* was written for *New Review* in April 1976. The first sentence determines a keynote – balanced, critical, humorous, convivial:

‘If the *Times* is still in any sense the institution it once was, it’s because of its letters page and its obituary column: the voice of the people (some of them) and the voice of God, a benign, very English God, or schoolmaster, not much interested

in foreign fiddle-faddle but ingenious in drawing up the end-of-term reports...'

Mary-Kay begins quoting from the obituary of Sir Hughe Knatchbull-Hugessen, British ambassador to Turkey from 1939 to 1944 (died in 1971 at the age of 84). He did not belong to great people 'but his obituary was mindful of the interestingness of being that person, with those limitations, in the old unregenerate pre-scrambling time.'

The author points out that his obituary would have been written years before his death. Her comparative approach does sound weighty:

'If one compares current obituaries with those that were published twenty years ago what one notices first is that the notion of a state of grace – *civis Britannicus fuit* – has yielded to the more stringent doctrine of justification by works.'

Mary-Kay's lucidity of thought and elegant criticism are captivating. You like her remarks on the past ('heaven smiled on Englishmen, especially Englishmen of average ability'), the present:

'The gain in democracy has been achieved at the customary cost in style and idiosyncrasy; these largely disappeared with the shared feelings and values that had once made it possible to spell out the shortcomings...'

Careful obituary reading must have been an enjoyable pastime for her. She thoroughly analysed the material and put a number of question marks on many points; the wrong choice of words is one of them:

"With his natural dignity, quiet courtesy" – noisy courtesy? – ...

When the case is not so obvious she helps with correcting spelling and clarifying the idea, for instance:

'... "was invariably used in the course" – cause? – "of justice and tolerance..."'

As Inigo Thomas noticed, Mary-Kay 'watches other people's sentences with a rare intensity' [Thomas 2008: 49].

She makes the authors know how transparent their strategies are:

"It has been said by some who knew him and admired him" – the obituarist himself on another occasion? – ...'

Not unlike her witty 'metaphysical' predecessors, Mary-Kay Wilmers may take a word – and make it illuminating. She quotes 'this new age of scramble' and begins working/playing with 'scramble', pointing out 'pre-scramble values/

times and the new ones. Let's take allusions to writers or 'to the habit of reading': they were vital in 'the old unregenerate pre-scrambling time' but 'this cultural/culinary scrambled egg doesn't elicit a warm response in the now ageing age of scramble.'

'Another casualty of the age of scramble' is the family:

"Stock", which used to matter such a lot, has now, understandably, vanished from the obituarist's vocabulary.'

Mary-Kay Wilmers analyses the aim of the obituaries, their structure, the plot (or its main constituent parts), the use of paradox and antithesis. All the questions raised are valid and vital:

– 'How important is this truth-telling function where it concerns people's character, and how often does it become a liberty?'

– Why are writers particularly liable to malicious obituaries?

– What is 'the first business of an obituary writer'? I cannot but quote T. S. Eliot here (he complained to the *Times* that Joyce's obituary had been written by someone quite unsuited to the task – the *Times* declined to print his letter, and it was published in *Horizon*). It 'is to give the important facts about the life of the deceased, and to give some notion of the position which he enjoyed. He is not called upon to pronounce summary judgement (especially when his notice is unsigned), though it is part of his proper function, when his subject is a writer, to give some notion of what was thought of him by the best qualified critics of his time' [Wilmers 2018: 27].

Mary-Kay Wilmers explains why it is wrong to reprint obituaries from the *Times* in the *Dictionary of National Biography*. The function of an obituary is not 'to assess achievements and assign merit' (as it is characteristic of an entry in a dictionary of biography) but 'to honour someone who may well receive no further honour.' The approach is functional and considerate as it is usual with Mary-Kay.

Advertising is also the sphere of her close interest. *Next to Godliness* is about Pears' soap and Thomas Barratt, who married Mary Pear, joined the Pears family business, and turned out to be an advertising genius. He made the soap a mass-marketing triumph in the 1860s. In 1897, under Barratt's direction, *Pears' Shilling Cyclopaedia* was published, and quickly earned its place

in Victorian households between the family Bible and the works of Dickens. It had gone through 88 editions when Mary-Kay Wilmers read a facsimile edition and analysed it from different perspectives ('No section of it is without interest').

The genre of the piece is not easy to define. Besides being an essay and a review, it is 'the compendium of a compendium, an instance of enriched documentary, written with style, charm and perspicacity,' as Jeremy Harding called it [Harding 2008: 132]. The article appeared in *New Yorker* in October 1979, and Mary-Kay had a personal thank-you note from William Shawn.

Different approaches to reviewing are thoroughly discussed in *The Language of Novel Reviewing* (1980). Mary-Kay Wilmers begins with classifying the review openings and different attitudes – both to the novel and practice of reviewing novels. She points out that 'there are ideologies of the novel and ideologies of the novel review, fictional conventions and reviewing conventions'. As usual, she is – using Peter Campbell's formula – 'at once serious and amusing' [Campbell 2008: 47]. Comparing a severe critical approach of Henry James' times and a contemporary kind one (because 'the novel is under pressure'), she shows the limitless boundaries of the reviewers' kindness:

'Kind to the old novelist because he is old; kind to the young novelist because he is young; to the English writer because he is English ('all quiet, wry precision about manners and oddities') and not American or German; to others because they are black (or white) or women (or men) or refugees from the Soviet Union. Every liberal and illiberal orthodoxy has its champions. <...> it sometimes seems as if novel reviewing were a branch of the welfare state.'

The recommendations of the finale may seem to be achievable:

'...what is wanted of a reviewer is much the same as what is wanted by the reviewer: a modest, unemphatic originality, a meticulous circumstantial account of the novel's merits, and a plausible (or should I say truthful?) response to them.'

'A modest, unemphatic originality' sounds easy but I've seen a number of confessions that after reading the article the reviewers felt like quitting reviewing. Mary-Kay's account of the clichés and drawbacks of overcoming them clearly shows your multifaceted faults.

Mary-Kay Wilmers' irony permeates everything. Sarcasm is invariably right. Her ear is perfect. In *Lady Rothermere's Fan*, a piece on *The Letters of Ann Fleming* edited by Mark Amory, Mary-Kay puts a cardinal question: why are we reading Ann Fleming's letters to Evelyn Waugh? Ann Fleming was witty and 'could create a conversational fizz'. At her parties 'no one wasted their time in banalities.' She enjoyed embarrassment and recorded with pleasure 'the gaffes that she and other people made.' Is it enough for her letters to be published? Mary-Kay points out 'there's an interest, of course, in all this tribal chit-chat, but however stylishly done, it doesn't exactly constitute a literary event.' 'It can't be said that there's anything in them that the world badly needs to know; and some people might find her tone of voice offensive.' Right priorities, style, wisdom and charm on page are marks of her 'unemphatic originality.'

One of the most important topics for Mary-Kay Wilmers is 'difficult' women. She gives quite a panorama of them:

Jean Rhys, Gladys Deacon, Liane de Pougy (*Narcissism and Its Discontents*);

Jean Rhys, Sonia Orwell, Germaine Greer (*Hagiography*);

Christopher St John (Christabel Marshall), Vita Sackville-West, Virginia Woolf (*Vita Longa*);

Ann Flemming (*Lady Rothermere's Fan*);

Barbara Skelton (*Quarrelling*);

Isabella Robinson (*Flirting is Nice*),

Marianne Moore and her mother (*What a Mother*).

Mary-Kay lets her heroines and heroes become vivid and extraordinarily memorable.

The main heroine of the essay *Death and the Maiden* (1981) is Alice James (1848-1892), the youngest and the only girl from five children of Henry James Sr. The eldest brothers, William James and Henry James, succeeded in life. Wilkie and Robertson did not (Robertson 'once said he thought he was a foundling').

Father was ambitious in his expectations of his children. His requirements were intangible: 'neither achievement nor success but "just" that they should "be something" ...' For Alice it was especially difficult:

'Her father took pleasure in her intelligence but did little to encourage it, and for most of her life she had a fierce sense of her capacities and an equally fierce sense of their not being wanted';

'Alice 'wasn't what her father said "woman" ought to be, a "form of personal affection", a lover and blessing of men...'

Seeing no way forward for herself, Alice turned into an invalid – to gain her share of parental and brotherly affection and attention. In 1889, Henry noticed of her, 'she only gets on so long as nothing happens.' Was it inevitable with her poor health? Did Alice trick nobody but herself when she started to limit her choices by being ill? Was Alice's father too selfish and oppressive, when he was not ready to 'sacrifice his pleasure in her company to her pleasure at independence'? Was Alice's mother her husbands's accomplice in this?

After Alice's death, William and Henry read her diary for the first time. The diary clearly constituted 'a new claim for the family renown,' but Henry, 'fearing some "catastrophe of publicity," didn't want it given 'to the world.' Only in 1964 was the full text published.

Two books were reviewed here: *Alice James: a Biography* by Jean Strouse (1980), and *The Death and Letters of Alice James* by Ruth Bernard Yeazell (1981). The representations are different, and Mary-Kay shows how the Alice in Yeazell's essay is her own worst enemy, whereas the Alice in Jean Strouse's book is rather a victim.

In 1993, a play *Alice in Bed* by Susan Sontag appeared. In 2012, Lynne Alexander wrote a novel *The Sister*. I would still recommend this review from 1981 for grasping the problems connected with the hard work of being a woman, the ways in which men may limit and frame women's life. It also helps to understand the James family ('Being a James was a complicated business'), Katherine Loring's devotion to Alice, her lack of doubt that Alice's diary was written for posterity to read.

There are essays about Peter Campbell (the designer and painter of the LRB), Leonid Eitington and Moscow, Brussels, but the women's issues are the main concern of the author (they have been for half a century). Mary-Kay edited *Patriarchal Attitudes: Women in Society* (1970) by Eva Figes, the first feminist book. Stephen Frears, Mary-Kay's ex-husband, commented on mentioning this fact:

'I wasn't clever enough to see the political implication of such a book, and so couldn't see that she would eventually find the amount of courage

and resolution that she has found' [Frears 2008: 25–26].

The first essay of *Human Relations* is *I Was Dilapidated* (1972) where Mary-Kay shared her feelings on the birth of her son. Looking deeper the special triumphant joy of motherhood, she analysed what was not so attractive and welcome:

'I got depressed because instead of maternal goodness welling up inside me, the situation seemed to open up new areas of badness in my character.'

The essay was so personal that I was surprised to see that it was a review – of *Sex and Dehumanisation* by David Holbrook (the books reviewed are pointed out at the end of the article).

The books Mary-Kay discusses are challenging: *The Faber Book of Seductions* edited by Jenny Newman, *Journeys to the Underworld* by Fiona Pitt-Kethley, *The Change: Women, Ageing and the Menopause* by Germaine Greer.

Mary-Kay Wilmers says things that some would prefer were not said. Not many dare 'to be difficult,' and many are grateful for discussing 'difficult things.' I know nobody who could do it with such understanding, tact, and utmost quality.

TRIBUTES TO MARY-KAY WILMERS

In this part, I would like to direct attention to two more books. From *Bad Character. A Tribute to Mary-Kay Wilmers* I've already quoted a lot. The book was prepared for Mary-Kay's 70th birthday by her friends and colleagues. Nina Stibbe's book *Love, Nina* hasn't been mentioned so I'll introduce it first.

In 1982, twenty-year-old Nina Stibbe moved from Leicester to London to be a nanny to Mary-Kay Wilmers' sons – Sam (he was then ten and a half) and Will (then nine). *Love, Nina* is a collection of letters she wrote to her sister Victoria. Vic had no phone, so Nina's letters were regular and detailed. The sisters quite forgot about them, but much later, when moving house, the letters were found. In 2008, Andrew O'Hagan included the first piece in *A Tribute*. It went down a storm. Mary-Kay didn't want the letters to be published, and it was 4 years before she changed her mind.

Nina's story is written as one of a marvelously naive outsider with observational wit of what was going on in that remarkable house. Mary-Kay Wilmers strongly dislikes platitudes, so she

gave Nina a stern look the first time she asked if Mary-Kay had had a nice weekend. Never again did Nina speak for the sake of politeness, and affectionately recorded concise unpredictability of Mary-Kay (MK), Sam, and Will. Snippets of their talks sound like delightful mini plays.

‘Went Swimming. Got home.

MK: How was the swim?

Sam: It was OK.

Will: Great.

Me: Great.

Sam: Except I’m never going to trust her again.

MK: Why?

Sam: She pushed me in.

MK: (*a bit shocked*) You pushed him in?

Me: I had to.

MK: Why?

Me: He didn’t want to go in.

MK: Surely that’s a reason *not* to push him in?

Will: Unless it’s Sam.

Sam: Anyway. I’ll never trust her again.

Will: I haven’t trusted her since 1981.

Sam: You didn’t meet her till 1982.

Will: Well, there you are.

MK: (*to Sam*) So did you have a nice swim once she’d pushed you in?

Sam: It was OK, but my trust is lost.’ [Stibbe 2013: 117].

‘I’d not been a nanny before but felt sure it would be a nice life’ [Stibbe 2013: vii]. Nina had no idea how to cook, look after children, or who the famous people around were. She appeared pretty stubborn, but the answers to her were invariably helpful. Not only the guests of the house but even Nina’s wards were wise and casually brilliant with words:

‘Me: I’ve gone into a new sleep position.

Will: What is it?

Me: It’s like the recovery position (*I demonstrate*).

Will: So, are you still like that when you wake up?

Me: Um (*thinking*), no, I’m not, I think I go back into my old position.

Sam: What was your old position like?

Me: The foetal position.

Sam: What, with your feet up?

Me: No, *foetal*, like a baby in the mother’s tummy (*I demonstrate*).

Sam: Why have you changed?

Will: She was born.’ [Stibbe 2013: 279–280].

As Wendy Steiner mentioned, the conversation here ‘bristled as much as it glittered, and it glittered quite a bit’ [Steiner 2008: 38]. Nick Hornby, who ‘adored this book and could quote from it for ever,’ adapted *Love, Nina* for the series. It was also serialized on Radio 4. To me the book is like a guidance to everyday creativity with the language, among many other things.

Mary-Kay’s influence is astounding. Colm Tóibín was short in expressing the idea: ‘I wonder if she changed many people’s lives as she changed mine’ [Tóibín 2008: 124]. Judging by *A Tribute*, quite a lot. Colm Tóibín in his piece *The Importance of Not Being Earnest* describes Mary-Kay Wilmers’ ‘night life’:

‘When night fell she was good company. If you found yourself beside her at a table you were in for an evening of quite complicated jokes and a lot of laughter and an utter lack of earnestness. However, if you became earnest – and it is, I must admit, my only fault – then she could pounce on you. It must be hard working with pieces day after day, thinking up new ideas, finding new contributors, making the beautiful boys [the editorial young – *L. E.*] keep their heads down, balancing the paper, deciding what goes first and what goes in the middle sternly maintaining the astonishing standard. The night is for laughter’ [Tóibín 2008: 125].

Wendy Steiner in her piece *55 Gloucester Crescent* lets us feel the atmosphere of gatherings:

‘At the table one would find long-standing friends of Mary-Kay’s – inspiringly clear-edged people – along with an assortment of waifs of all ages and classes, miscellaneous souls in the process of finding themselves or divesting themselves of the selves they had previously found. Number 55 was like a chrysalis, and Mary-Kay was endlessly patient – and amused – at the embarrassments accompanying metamorphosis. It was quite extraordinary, over the years, to see so many awkward young lodgers end up as celebrated writers, fostered by the shelter and opportunities Mary-Kay provided’ [Steiner 2008: 39].

We see their testimonies, and now these people do (due to Mary-Kay’s school?) ‘undermine and confirm seriousness at the same time’ [Neve 2008: 32]. I would recommend John Uptown’s piece *On Not Minding*, demonstrating Wendy Steiner’s point: he visualised his ardent wish of

metamorphosis (he felt 'like the proverbial spare part' at her dinners), and, alas, 'tongue-tied embarrassment as salvos of conversation burst' [Upton 2008: 111].

Hilary Mantel expressed her gratitude to Mary-Kay Wilmers for many things, including being 'the most profound person,' 'one of the

small shadowy group of ideal readers,' 'a presiding genius, a guiding intelligence, as well as a most valued friend' [Mantel 2008: 15, 16].

With Mary-Kay Wilmers, I inevitable come to praise and a rhetorical question: what can be better than bringing together academic, creative, journalistic writing, and writing in people's lives?

ЛИТЕРАТУРА

- Егорова, Л. В. Лондонское книжное обозрение / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 353–373.
- Уилмерс, Мэри-Кей. Эйтингоны: Семейная сага двадцатого века / Мэри-Кей Уилмерс; пер. с англ., примеч. С. А. Червонной. – Москва: Русский путь, 2016. – 392 с.
- Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – 139 p.
- Campbell, P. Housework / P. Campbell // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 44–45.
- Frears, S. Reader, I Married Her / S. Frears // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 24–26.
- Harding, J. The Non-transcending of Self / J. Harding // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 129–134.
- Lanchester, J. Introduction / J. Lanchester // Wilmers Mary-Kay. Human Relations and Other Difficulties. – London: Profile Books, 2018. – P. 1–5.
- Mantel, H. Someone to Watch Over Me / H. Mantel // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 15–16.
- Neve, M. Conserving the Ink. An Interview with Michael Neve / M. Neve // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 32–34.
- Steiner, W. 55 Gloucester Crescent / W. Steiner // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 37–40.
- Stibbe, N. Love, Nina: Despatches from Family Life / N. Stibbe. – Penguin Books, 2013. – 335 p.
- Thomas, I. Joseph Brodsky's Irritation, and Other Stories / I. Thomas // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 49–53.
- Tóibín, C. The Importance of Not Being Earnest / C. Tóibín // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 123–125.
- Upton, J. On Not Minding / J. Upton // Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers / compiled by A. O'Hagan. – Privately printed, 2008. – P. 111–112.
- Wilmers, Mary-Kay. The Eitingsons: A Twentieth-Century Story / Mary-Kay Wilmers. – London, New York: Verso, 2010. – 476 p.
- Wilmers, Mary-Kay. Human Relations and Other Difficulties / Mary-Kay Wilmers. – London: Profile Books, 2018. – 248 p.
- Wilmers, Mary-Kay. The LRB (Twentieth anniversary of the London Review of books) / Mary-Kay Wilmers // The Times Literary Supplement. – 1999. – Issue 5036. October 8. – P. 19.

REFERENCES

- Campbell, P. (2008). Housework. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 44–45.
- Egorova, L. V. (2017). Londonskoe knizhnoe obozrenie [The London Review of Books]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 353–373.
- Frears, S. (2008). Reader, I Married Her. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 24–26.
- Harding, J. (2008). The Non-Transcending of Self. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 129–134.
- Lanchester, J. (2018). Introduction. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 1–5.
- Mantel, H. (2008). Someone to Watch Over Me. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 15–16.
- Neve, M. (2008). Conserving the Ink. An Interview with Michael Neve. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 32–34.
- O'Hagan, A. (Ed.). (2008). *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers*. Privately printed. 139 p.

- Steiner, W. (2008). 55 Gloucester Crescent. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 37–40.
- Stibbe, N. (2013). *Love, Nina: Despatches from Family Life*. London, Penguin Books. 335 p.
- Thomas, I. (2008). Joseph Brodsky's Irritation, and Other Stories. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 49–53.
- Tóibín, C. (2008). The Importance of Not Being Earnest. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 123–125.
- Upton, J. (2008). On Not Minding. In *Bad Character: A Tribute to Mary-Kay Wilmers* / compiled by A. O'Hagan. Privately printed, pp. 111–112.
- Wilmers, Mary-Kay (1999). The LRB (Twentieth anniversary of the London Review of books). In *The Times Literary Supplement*. Issue 5036. October 8, p. 19.
- Wilmers, Mary-Kay (2010). *The Eitingons: A Twentieth-Century Story*. London, New York, Verso. 476 p.
- Wilmers, Mary-Kay (2016). *Eitingony: Semeinaya saga dvađtsatogo veka* [The Eitingons: A Twentieth-Century Story] / trans. by S. A. Chervonnaya. Moscow, Russkii put'. 392 p.
- Wilmers, Mary-Kay (2018). *Human Relations and Other Difficulties*. London, Profile Books. 248 p.

Данные об авторе

Егорова Людмила Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия).

Адрес: 160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15.
E-mail: lveg@yandex.ru.

Author's information

Egorova Liudmila Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the English Language, Vologda State University (Vologda, Russia).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ПИСАТЕЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ДЖЕЙН ОСТИН В РОССИИ

УДК 821.111-31(Остин Д.):811.161.1'255.2. DOI 10.26170/ФК20-01-14. ББК Ш33(4Вел)5-8,44+Ш307.
ГРНТИ 17.07.61. Код ВАК 10.01.08

Сидорова О. Г.

Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина
ORCID ID: <https://orcid.org/000-002-4578-4334>

Olga G. Sidorova

Ural Federal University named after the first President
of Russia B. Yeltsin
ORCID ID: <https://orcid.org/000-002-4578-4334>

LITERARY REPUTATION OF A WRITER OF TRANSLATED BOOKS: JANE AUSTEN IN RUSSIA CASE STUDY

Abstract. The article is devoted to Jane Austen's reception in Russia and the history of translation of her works into Russian, as well as to her literary reputation among Russian-speaking critics and readers. The purpose of the article is to analyze Austen's reputation in Russia and identify its features resulting from the belated translation of her novels into Russian as compared to other languages. To carry out this research, a complex multidisciplinary approach, including the methods of historical-literary and comparative analyses, was used; besides, certain facts from the history of literary translation and sociological research on reading in Russia were employed. Though the 19th century Russian critics were well-informed about the English literature of the period, Jane Austen's works were not popular with them – her name was mentioned in the Russian periodicals only three times. The first half of the 20th century saw the same indifference to Austen's works in the USSR. Only in the second half of the century did Russian literary critics turn their attention to the English writer. The first Russian translation of her novel "Pride and Prejudice" was released in 1967, the other novels' translations followed during the Perestroika period. Their publication coincided chronologically with a striking change of the role of literature and reading in the changing Soviet-Russian society; moreover, it was also the period of the global spread of visual art. As a result, Austen's literary texts were often overshadowed by their screen-versions and other popular forms. Thus, Austen's literary reputation in Russia was formed by a number of factors, belated translation being one of them. The article analyzes the main components of the current Austen's reputation among the Russian-speaking readership and gives information on the existing Russian books and studies (both academic and popular) devoted to the English writer. The article may be of interest to scholars in the field of literature and culturology, to students and teachers, to Austen readers and admirers, and to people who are interested in Russian-English cultural links.

Key words: literary reputation; translation of fiction; translated literature; Russian language; English literature; English women-writers; mass culture.

Аннотация. Статья посвящена истории рецепции и перевода произведений Джейн Остин на русский язык, а также репутации писательницы у русскоязычных критиков и читателей. Цель статьи – проанализировать эту репутацию и выявить ее особенности, сложившиеся в результате запоздалого по сравнению с другими языками перевода романов Дж. Остин на русский язык. При написании статьи использован комплексный мультидисциплинарный подход, в частности, методы историко-литературного и компаративного анализа; были также использованы факты из истории художественного перевода и исследования по социологии чтения. Хотя отечественные критики XIX в. хорошо знали английскую литературу, произведения Остин не пользовались у них популярностью – они лишь трижды были упомянуты в российской периодике указанного периода. Инерция невосприятия творчества писательницы сохранилась и в СССР в первой половине XX века. Отечественные филологи-англисты обратились к изучению ее творчества лишь во второй половине XX века. Впервые роман «Гордость и предубеждение» был переведен на русский язык в 1967 г., а остальные произведения Остин появились в русских переводах в период перестройки. Их появление совпало с периодом резкой трансформации роли литературы и чтения в советском и российском обществе, а также с глобальным распространением визуальных форм в виде экранизаций, в результате чего в сознании русскоязычной публики тексты произведений были отодвинуты на второй план. Таким образом, запоздалое знакомство русскоязычных читателей с творчеством английского классика повлияло на ее репутацию в принимающей культуре. В статье анализируются составляющие этой репу-

тации, а также приводятся данные о существующих исследованиях и публикациях на русском языке, посвященных Джейн Остин. Полагаем, что статья может быть интересна филологам-англистам, учителям, студентам, культурологам, всем, кто интересуется творчеством замечательного писателя, а также культурными и литературными связями России и Англии.

Ключевые слова: литературная репутация; художественный перевод; переводная литература; русский язык; английская литература; английские писательницы; массовая культура.

Для цитирования: Сидорова, О. Г. Литературная репутация писателя при переводе его произведений: Джейн Остин в России / О. Г. Сидорова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 144–152. – DOI: 10.26170/FK20-01-14.

For citation: Sidorova, O. G. (2020). Literary Reputation of a Writer of Translated Books: Jane Austen in Russia Case Study. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 144–152. DOI: 10.26170/FK20-01-14.

Переводы художественных произведений и их последующее существование в чужой культуре в ряде случаев влекут за собой неожиданные последствия. Попадая в новый историко-литературный и социальный контекст, переводные произведения могут приобретать новый характер и начинать новое существование, иногда достаточно далекое от их существования в родной культуре [Лотман 1992; Сидорова 2015]. Очевидно, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «перевод – не копия оригинального текста, он не является – не должен претендовать на то, чтобы являться – тем же произведением, но с другой лексикой... перевод – особый, стоящий особняком литературный жанр, со своими собственными нормами и целями» [Ортега-и-Гассет 2005: 38]. Цель нашей статьи – изучение истории перевода и рецепции произведений Джейн Остин в России, а также анализ репутации писательницы, которая сложилась у русскоязычных критиков и читателей. При проведении исследования использовался комплексный мультидисциплинарный подход, в частности, методы историко-литературного и компаративного анализа; мы также обращались к данным по истории художественного перевода и социологии чтения.

Творческое наследие классика английской литературы Джейн Остин (Jane Austen, 1773–1817) относительно невелико: оно включает в себя шесть романов, которые публиковались с 1811 по 1818 гг., а также ряд юношеских и незаконченных произведений. При жизни писательницы ее романы пользовались некоторой популярностью у английской публики, но в целом в первой половине XIX в. Остин

не входила в число ведущих национальных писателей. Лишь к концу XIX – началу XX в. утверждается статус Остин как классика английской литературы, а в XX в. в сознании критики и читателей она становится одним из основоположников и ведущих представителей великой литературной и культурной традиции [Leavis 1972]. Напомним также, что в 2017 г. банк Англии выпустил десятифунтовую банкноту с портретом писательницы – на сегодняшний день это единственная банкнота Великобритании с женским портретом, если не считать портрета королевы Елизаветы. На родине Остин опубликованы не только все ее произведения и черновики, но и сохранившиеся письма, воспоминания членов семьи и многочисленные биографии, ее романы входят во все без исключения школьные и университетские программы. Сложилось и продолжает развиваться академическое остиноведение, например, в конце XX века к творчеству Остин обратились представители постколониальной критики, обеспечив новый, во многом неожиданный ракурс исследований и взгляд на прозу писательницы. Кроме того, романы Остин пользуются действительно широкой популярностью, которая подпитывает массовую индустрию в разнообразных формах, не последнюю роль среди которых занимает кино. Речь идет не только о многочисленных экранизациях романов Остин и их сиквелах, приквелах и мэшапах (напр., «Гордость и предубеждение и зомби», 2016), но и о фильмах, повествующих о самой писательнице, например «Реальная Джейн Остин» / «The Real Jane Austen» (2002), «Джейн Остин» / «Becoming Jane» (2007) и др. Большой

популярностью пользуются фильмы, контекстуализирующие творчество автора в современном мире («Жизнь по Джейн Остин» / «The Jane Austen Book Club», 2007; «Ожившая книга Джейн Остин» / «Lost in Jane Austen», 2008 и др.) Таким образом, роль Джейн Остин и ее произведений в современной Британии чрезвычайно велика: писательница и ее герои явно или неявно присутствуют в разных сферах культуры, от академического литературоведения до массовых жанров литературы и искусства.

Рецепция творчества Джейн Остин в России имеет собственную историю. Впервые ее произведения были упомянуты в российской прессе в 1816 году, в журнале «Вестник Европы» в разделе «Краткие выписки, известия и замечания»:

«Поле английских романов возделывается сейчас почти исключительно женщинами в трех соединенных Королевствах... Книгопродавец, поставивши только одно имя сочинительницы в объявлении о продаже нового романа, уверен уже, что книга его не залежится. Кроме магических имен Еджеворт, Опи, Морган, Бюрней, Гамильтон, имеющих невероятную власть над карманами покупателей, есть еще безызвестных сочинительниц, которых знают по одним только титулам произведений их таланта. Теперь весьма одобряется новый роман: *Emma, a Novel by the Author of Sense and sencibility; Pride and prejudice*, 3 Vols (Эмма, повесть, написанная сочинительницею книг: Разсудок и чувствительность, Гордость и предубеждение; в трех Ч.) Неизвестная писательница удачно изображает здесь картины тихой семейственной жизни» [Краткие выписки... 1816: 319].

Кроме самого факта упоминания трех романов Остин, сообщение интересно еще некоторыми особенностями: во-первых, утверждением женщин-писательниц в качестве основных авторов романов; во-вторых, тем, что названные писательницы, «имеющие... власть над карманами покупателей», сегодня неизвестны практически никому – разве что специалисты по английской литературе знакомы с творчеством Марии Эджворт (современный вариант англ. Edgeworth), но в начале XIX в. ее романы неоднократно печатались в России, в том числе и в «Вестни-

ке Европы» в переводах В. А. Жуковского. Обратим внимание еще на один принципиальный момент: анонимный автор русскоязычного сообщения явно имеет представление о творчестве «неизвестной писательницы»: он не только дает краткую характеристику ее нового романа, который был напечатан в Англии в 1815 г. (хотя на титульном листе указан 1816 г.), но также отмечает, что она же является автором двух других романов. Между тем, в английском анонимном издании «Эммы» на титульном листе было указано лишь, что роман написан автором «Гордости и предубеждения», тогда как второй роман был обозначен лишь намеком, аббревиатурой «ScSc», которую неосведомленный читатель легко мог принять за виньетку. Все эти факты указывают на то, что российские издатели, критики и читатели были неплохо осведомлены о текущей литературной ситуации в Англии.

В XIX в. имя писательницы лишь дважды упоминалось в российских журналах, оба раза в статьях, посвященных английским женщинам-писательницам. В 1854 г. в «Отечественных записках» известный критик, писатель и англофил А. Дружинин, критикуя современных ему английских писательниц, называет «мисс Остен» в качестве положительного для них примера [Дружинин 1865: 345–346]. В 1871 г. в том же журнале известный демократический критик и журналистка, много писавшая по «женскому вопросу» М. К. Цебрикова в статье «Англичанки-романистки», напротив, критически отозвалась о произведениях английских писательниц: «В... (их) романах все так нравоучительно и чинно; они не пробудят ни в женах, ни в дочерях никаких беспокойных стремлений» [Цебрикова 1871: 408], очевидно полагая, что пробуждение беспокойных стремлений в читательницах – важная задача литературы. Имя Остин (транслитерированное как Аустен¹) упомянуто ею в следующем контексте: «Потянулась нескончаемая вереница романов отменно длинных, нравоучительных и чин-

¹ В современном русскоязычном варианте употребляется транскрибированный вариант имени писательницы Остин, хотя в некоторых случаях используется орфография Остен. Мы придерживаемся более распространенного варианта, но в тех случаях, когда делаем ссылки на источники, в которых использован другой вариант, мы его сохраняем.

ных с очень умеренными романическими затеями; романы мисс Аустен, мисс Эджворт ценились особо... за здравый смысл» [Цебрикова 1871: 422]. В XIX в. ни одно из произведений писательницы не было переведено на русский язык, хотя романы других английских писателей регулярно появлялись в русских переводах и на страницах журналов, и в виде отдельных изданий. Вообще, английская литература пользовалась большой популярностью у русских читателей, и А. В. Дружинин, один из ведущих критиков 1840–1850-х гг., опубликовал в разных журналах серию очерков «Письма иногороднего подписчика об английской литературе и журналистике», что способствовало популяризации многих английских писателей.

Почему русские критики и переводчики, а, следовательно, и читатели этого периода «не заметили» Джейн Остин? Вероятно, однозначный ответ невозможен, но в целом согласимся с точкой зрения К. Непомнящих [Непомнящих 2007], что проза английского автора, лишённая внешних эффектов и явной социальной критики, не совпадала с генеральной линией русской литературы, с ее острой социальной критикой и политической направленностью. Впрочем, тот же критик пишет о «тайном» присутствии Джейн Остин в русской литературе указанного периода, в частности, о присутствии остиновского субстрата в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина [Непомнящих 2007]. Поскольку данная гипотеза находится за пределами темы нашей статьи, мы не будем ее анализировать, но отметим, что теоретически Пушкин мог познакомиться с произведениями Остин во французском переводе, поскольку к середине 1820-х гг. ее произведения были переведены на французский.

Проза Джейн Остин продолжала оставаться неизвестной для русскоязычных читателей в течение большей части XX в. – роман «Гордость и предубеждение» был впервые переведен на русский язык И. Маршаком в 1967 г. и вышел в серии «Литературные памятники» в издательстве «Наука» тиражом в 20 000 экземпляров – не самым большим по советским меркам. В послесловии переводчик, врач по профессии, отмечает, что узнал о романе из напечатанного в 1946 г. интервью по-

пулярного в СССР писателя С. Моэма [Маршак 1967]. Имя писательницы изредка упоминалось в советских трудах по истории литературы, начиная с 1935 г., прежде всего, в трудах, посвященных В. Скотту, который являлся поклонником Остин¹. Любопытно, что в 1961 г., еще до появления русского перевода, этот же роман на английском языке был издан в Москве издательством литературы на иностранных языках тиражом 18 000 экземпляров. Остальные произведения Дж. Остин были переведены и начали активно издаваться в СССР в лишь 1980-е гг. Все шесть канонических произведений писательницы были впервые изданы на русском языке в 1988–1989 гг. в виде трехтомника, в подготовке и издании которого участвовали выдающиеся англисты Е. Ю. Гениева, Н. М. Демурова и Н. П. Михальская, после чего произведения писательницы неоднократно переиздавались на русском языке разными издательствами.

Запоздалое, по сравнению с другими странами, появление прозы Джейн Остин в СССР и России не могло не оказать влияния на ее репутацию у русскоговорящих читателей и критиков. Позднее вхождение романов писательницы в круг чтения русскоязычных читателей имело ряд последствий. В течение большей части XX века имя автора даже не упоминалось в учебных курсах по истории английской литературы, то есть автор, произведения которого воспринимались в англоязычной культуре как классические, был неизвестен русскоязычному читателю. В результате в сознании русскоязычной публики складывалась искаженная картина развития английской литературы XIX века. Повторимся: мы считаем, что причиной этого являлась инерция восприятия Остин, которая, как было показано выше, имеет свои корни в XIX в. Российские критики XIX в. воспринимали творчество Остин, прежде всего, в контексте женской литературы в узком понимании этого понятия; кроме того, по их мнению, романы писательницы были слишком камерными по своему характеру, и им не доставало социально-обличительного пафоса. Несложно предположить, что эти же причины объяс-

¹ Информацию об этих ссылках можно найти в статье Н. М. Демуровой в первом издании русского перевода романа «Гордость и предубеждение».

няли отсутствие переводов Остин на русский язык в первой половине XX в.

Любопытно, что даже после публикации первого перевода «Гордости и предубеждения» в 1967 г. роман не стал немедленно популярным [см.: Неромныашчу 2007; Owen 2000], а автор одного из первых отзывов на публикацию русского перевода К. Атарова явно пытается объяснить читателям, почему судьба Остин в России сложилась «странно»: «Разгадку надо искать в своеобразии творческой судьбы у себя на родине. ...Романы... при жизни Остин публиковались с большим трудом. Нет у нее... широты охвата действительности, широты социальных обобщений. ...Романтики создавали огромные полотна, написанные размашистыми мазками. Остин называла свои романы миниатюрами на слоновой кости» [Атарова 1968: 266]. Среди тех качеств, которые, по ее мнению, заслуживают положительной оценки, рецензент упоминает социальную окрашенность романа, его сатирический фон, а также «углубленный интерес к внутреннему миру героев» [Атарова 1968: 267]. В течение последующих десятилетий происходило постепенное осмысление творчества Джейн Остин отечественным литературоведением. Первые развернутые статьи, посвященные английскому автору, были написаны Н. М. Демуровой и опубликованы в двух первых, английском и русском, изданиях романа «Гордость и предубеждение» в 1961 и 1967 гг. Отвечая все на тот же вопрос, почему творчество английского классика долго не было известно русскоязычным читателям, исследователь подчеркивает: «Джейн Остин принадлежит к тем редким художникам, которые появляются задолго до того времени, когда их достижения могут быть должным образом оценены» [Демурова 1967: 588]. Добавим также, что все ведущие отечественные англисты этого периода – Н. М. Демурова, В. В. Ивашева, Н. П. Михальская, Е. Ю. Генниева – опубликовали статьи или главы о творчестве Джейн Остин в разных, в том числе академических, изданиях последней трети XX в. и активно участвовали в появлении русских переводов ее работ¹. В этот же пе-

риод появилось несколько диссертаций, посвященных творчеству Остин: диссертации А. А. Бельского «Пути развития реализма в английском романе первой трети XIX в.» (1969), Т. А. Амелиной «Проблема реализма в творчестве Джейн Остин (метод и стиль)» (1973), Н. В. Четчко «Реалистический роман Джейн Остин (проблемы творческой эволюции)» (1979). Обратим внимание на значимое для позднесоветского дискурса присутствие концепта «реализм» в названии каждого из них. Впрочем, в различных публикациях пермского исследователя А. Бельского романы Джейн Остин чаще обозначались как «нравоописательные» [Бельский 1967].

Напомним, что трехтомное издание шести романов Джейн Остин было осуществлено издательством «Художественная литература» в 1988–1989 гг., после чего романы писательницы неоднократно переиздавались. Американский исследователь К. Непомнящих [Неромныашчу 2007] напрямую связывает появление прозы Остин в России в этот период с ослаблением и последующим падением советской идеологии как официальной доктрины, с возвращением интереса к обыденности, к частной жизни человека. Кроме того, появление прозы автора на русском языке уже было некоторым образом подготовлено отечественными филологами. Не последнюю роль сыграл, по нашему мнению, тот факт, что в период перестройки и официально провозглашенной гласности были переведены и напечатаны самые разные книги и авторы, которые до этого по разным причинам не присутствовали на русском языке. Полагаем, однако, что появление романов в русских переводах именно в этот период определенным образом повлияло на массовую рецепцию творчества Остин в России: они пришли к русскоязычным читателям в тот момент, когда, с одной стороны, резко снизился интерес к чтению, с другой – когда появились их многочисленные экранизации. Процессы, связанные с перестройкой, с распадом СССР и становлением нового государства, повлекли за собой заметную трансформацию роли литературы в обществе. Согласно исследованию Б. Дубина и Н. Зоркой [Дубин, Зоркая 2008], в последующие годы – последнее десятилетие XX в. и полтора десятилетия но-

¹ Разбор этих и других работ дается в статье А. А. Палий 2006 года.

вого века – роль литературы в обществе продолжала меняться: резко снизился интерес к чтению художественной литературы. Кроме того, исследования показали, что изменилось и содержание чтения: «преобладающая часть населения... переключилась на серийную и жанровую литературу (детектив и боевик, любовная проза, историко-авантюрный или историко-патриотический роман). Еще заметнее переход массы и образованных слоев от чтения к телесмотрению, так что чтение все чаще выступает дополнением телевидения – здесь все те же ведущие жанры, та же серийность» [Дубин, Зоркая 2008: 67]. Общая тенденция изменения роли литературы и чтения нашла свое отражение в формировании репутации Остин у русскоязычного читателя (чаще – читательницы): ее романы начали восприниматься почти исключительно как дамские любовные романы, тем более что некоторые черты прозы Остин (камерность содержания, темы, тип конфликта и др.) этому способствовали. Между тем, проза писательницы в оригинале отличается сложной повествовательной структурой, она в высшей степени многослойна и иронична. Ее стилистическим новаторством является виртуозное владение несобственно-прямой речью, а также тот факт, что она первой из английских писателей ввела речевую характеристику героев. «Читательская аудитория, способная понять (*в книге* – О. С.) больше, чем сюжет и тему, – это и есть идеальная остиновская аудитория» [Kenney 2011: 84]. Современный английский исследователь Дж. Маллэм размышляет: «Что есть что в творчестве Джейн Остин?.. Что нужно знать, чтобы понимать ее книги? Ответ прост: все. Надо знать все – это именно такой писатель. Девиз моей лекции: „Из всех великих писателей она самая трудноуловимая в плане своего величия“» [цит. по: Шипилова 2017]. Но именно «трудноуловимость» писательницы, ее стилистическая изысканность часто отступают на второй план при переводе ее прозы.

Период социальных потрясений в стране совпал с периодом появления и широкого распространения новой информационной среды интернета. Усилилась роль визуального фактора, в частности, кино и телевидения [Дубин 2015]. Этот фактор также оказал не-

посредственное влияние на формирование репутации Джейн Остин у русскоязычной публики. Многократно экранизированные ранее, в 1980–1990-е гг. романы Остин получили новое кино- и телевоплощение в так называемых «экранизациях в духе культурного наследия» (*heritage Austen films*), которые объективно популяризировали не только произведения писательницы, но и романтическую эпоху. Так, создатели шестисерийного мини-сериала «Гордость и предубеждение» (реж. С. Лэнгтон, 1995) использовали не только реальные архитектурные ландшафты, но и музыку, хореографию, артефакты периода регентства, что, в сочетании с выдающимися актерскими работами, принесло сериалу всемирную популярность. Напомним также, что сериал неоднократно транслировался по центральным российским телеканалам. И сериал, и экранизации других романов Остин стали очень популярны в России и, как результат, усилили восприятие творчества писательницы как объекта массовой культуры. Этому же способствовал «костюмный гламур» фильмов о Джейн Остин: «По ним многие могут заключить, что Джейн только и делала, что танцевала на балах и пила чай в домах вроде Годмершема¹. В действительности, это был не ее мир. Джейн... гостила в богатейших имениях, но ни в одном из них не жила по-настоящему. Она оставалась гостьей, зрительницей, судьей» [Уорсли 2019: 198].

Справедливости ради, отметим, что Джейн Остин, ее романы и герои существуют в виде объектов массовой культуры в глобальном масштабе – не только в тех странах, где, подобно России, ее творчество поздно появилось в переводах, например, в Польше и в Китае [Kenney 2011; Zhang 2011]. Проблема заключается в том, что в России творчество писательницы стало объектом массовой культуры и закрепилось там, почти миновав предыдущие стадии осмысления на других уровнях культурной иерархии. Об этом же пишет популярное интернет-издание: «Джейн Остин в России воспринимается, в основном, как архаичный автор дамских романов и неиссякаемый источник для романтических ко-

¹ Годмершем-парк – богатое поместье, которое брат Остин Эдвард получил в наследство от усыновивших его бездетных родственников.

стюмных экранизаций. Но в англоязычном мире она котируется неизмеримо выше» [Неизвестная Леди Джейн [http](http://)].

Этот же феномен проявляется на отечественных сайтах поклонников Остин, в частности, на сайте «Литературные забавы» [Литературные забавы [http](http://)], где существует отдельный форум любителей Джейн Остин и ее творчества. Любопытно, что в ряде случаев форумчане ссылаются на серьезные информативные публикации, посвященные творчеству писательницы, а также часто справедливо жалуются на нехватку информации.

Можно отметить, что репутация Остин в России складывалась своеобразно. Она характеризуется несколькими особенностями: творчество писательницы популярно у массового читателя и зрителя, оно постепенно осваивается академическим литературоведением. Уже в XXI в. к изучению романов Остин вслед за литературоведами обратились отечественные лингвисты, культурологи, даже историки – ниже приводится список защищенных в последние годы диссертаций¹. До сегодняшнего дня эти процессы – академические исследования, с одной стороны, и распространение массовых форм, с другой, – идут почти параллельно, поскольку на русском языке практически не существует серединой составляющей, например, научно-популярных книг или статей о писательнице, целевой аудиторией которых являлась бы массовая, образованная, заинтересованная читательская аудитория. К этой категории публикаций мы можем отнести очерки В. Вульф «Джейн Остен» и Ф. Уэлдон «Письма к Алисе, приступающей к чтению Джейн Остен», напечатанные в сборнике «Эти загадочные англичанки» (1992, тираж 20 000) и главу «Джейн Остен» в книге Е. Ко-

ути и Е. Прокофьевой «Джейн Остен и ее современницы» (2015, тираж 2500). Кроме того, в 2013 г. была переведена и издана тиражом в 3000 экземпляров биография писательницы «Жизнь Джейн Остин» К. Томалин (С. Tomalin «Jane Austen: a Life», 1999) – первое на русском языке издание подробной биографии писательницы, написанное на широком историко-литературном фоне. В начале 2019 г. на русском языке появилась также книга Л. Уорсли «В гостях у Джейн Остин. Биография сквозь призму быта» (тираж 5000)², которая, кроме информативного текста и иллюстраций, снабжена обширной англоязычной библиографией.

Таким образом, судьба творческого наследия Джейн Остин в России сложилась причудливо, что не могло не сказаться на ее творческой репутации. Отечественное академическое остиноведение продолжает развиваться, но очевидно, что поле для исследования все еще остается широким. Кроме того, неосвоенной остается серединная составляющая, которую мы условно обозначаем как научно-популярную. Не существует работ, посвященных анализу переводов прозы автора на русский язык в рамках критики перевода. Интерес к обыденности – и, добавим от себя, к романтическим историям и к нарядным экранизациям – продолжает оставаться высоким, и этот интерес стимулирует массовый интерес к Остин. Именно для массового читательского сегмента были переведены и изданы книги К. Уилсон «Чай с Джейн Остин» (М., 2012) и «Сад Джейн Остин» (М., 2013) – прекрасно изданные, иллюстрированные книги, имеющие, однако, лишь косвенное отношение к творчеству писателя. Джейн Остин в России для большого числа читателей продолжает оставаться автором архаичных дамских романов. С другой стороны, преодолен этап полного небрежения, автор и ее герои пришли к русскоязычным читателям. Надеемся, что более сбалансированная оценка творчества Джейн Остин в России впереди.

¹ Баранова Л. А. «Виды стилизации (на материале произведений Джейн Остин)» (1998); Щепина О. Н. «Семантика художественного пространства в романе Джейн Остин „Мэнсфилд-парк“» (2001); Артеменко О. Э. «Семантика лексических интерпретаций в языке романа Джейн Остин „Гордость и предубеждение“» (2003); Шамина Н. В. «Женская проблематика в викторианском романе 1810-1870-х годов (Джейн Остин, Шарлотта и Эмилия Бронте, Дж. Элиот)» (2006); Саркисова А. Ю. «И. С. Тургенев и английский роман о дворянских гнездах» (2009); Тимошенко Ю. В. «Диалог Джейн Остин с Сэмюэлем Ричардсоном» (2013); Созинова К. А. «Эпоха Джейн Остин: английское провинциальное дворянство на рубеже XVIII-XIX в.» (2017).

² Мы намерено приводим тиражи изданий, которые, как нетрудно заметить, в новом веке сократились в 5–10 раз.

ЛИТЕРАТУРА

- Атарова, К. Н. Живые страницы (рецензия на роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение») / К. Н. Атарова // Иностранная литература. – 1968. – № 3. – С. 266–268.
- Бельский, А. А. Нравописательный роман Джейн Остин / А. А. Бельский // Ученые записки Пермского государственного университета. – 1967. – № 157. – С. 44–83.
- Демурова, Н. М. Джейн Остин и ее роман «Гордость и предубеждение» / Н. М. Демурова // Остин Дж. Гордость и предубеждение. – Москва: Наука, 1967. – С. 538–589.
- Дружинин, А. В. Письма инородного подписчика об английской литературе и журналистике / А. В. Дружинин // Отечественные записки. – 1865. – № 4. – С. 275–349.
- Дубин, Б. В. Исследование Левада-центра: чтение в России. Тенденции и проблемы / Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая. – Москва: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с.
- Дубин, Б. В. Прощание с книгой / Б. В. Дубин. – Текст: электронный // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 2 (132). – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/14d.html> (дата обращения: 20.09.2019).
- Краткие выписки и замечания // Вестник Европы. – 1816. – № 12, ч. 87. – С. 318–324.
- Литературные забавы (клуб). – URL: <http://www.apropospage.ru/osten/ost1.html> (дата обращения: 20.09.2019). – Текст: электронный.
- Маршак, И. С. От переводчика / И. С. Маршак // Остин Дж. Гордость и предубеждение. – Москва: Наука, 1967. – С. 535–538.
- Неизвестная Леди Джейн. 240 лет великой девственнице литературы. – Текст: электронный // СамКульт. – 2015. – 16 декабря. – URL: <http://samcult.ru/heritage/6071> (дата обращения: 20.09.2019).
- Ортега-и-Гассет, Х. Нищета и блеск перевода / Х. Ортега-и-Гассет // Хрестоматия по теории перевода. – Самара: Самарский университет, 2005. – С. 29–41.
- Лотман, Ю. М. «Езда на остров любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 22–28.
- Палий, А. А. История изучения творчества Джейн Остин в отечественной критике / А. А. Палий // Омский научный вестник. – 2006. – Вып. 1. – С. 204–208.
- Сидорова, О. Г. Проблемы художественного перевода / О. Г. Сидорова // Феномен творческой неудачи / под ред. А. В. Подчинова, Т. А. Снигиревой. – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2015. – С. 186–209.
- Уорсли, Л. В гостях у Джейн Остин. Биография сквозь призму быта / Л. Уорсли. – Москва: Синдбад, 2019. – 540 с.
- Цебрикова, М. К. Англичанки-романистки / М. К. Цебрикова // Отечественные записки. – 1871. – № 8. – С. 405–448.
- Шипилова, Т. Н. Лондонский профессор рассказал, почему развод погубил английский роман / Т. Н. Шипилова. – URL: <https://godliterary.ru/public-post/chto-est-chto-v-tvorchestve-dzheyn-ostin> (дата обращения: 20.09.2019). – Текст: электронный.
- Kenney, Th. Jane Austen, Revolution, Socialist Realism and Reception: a Response to Helong Znahg's "Jane Austen: 100 Years in China" / Th. Kenney // Persuasions: The Jane Austen Journal. – 2011. – № 37. – P. 78–85.
- Leavis, F. R. Nor shall my Sword: Discourses on Pluralism, Compassion and Social Hope / F. R. Leavis. – London: Chatto & Windus, 1972. – 232 p.
- Nepomnyashchy, C. Jane Austen in Russia: Hidden Presence and Belated Boom / C. Nepomnyashchy // The Reception of Jane Austen in Europe / ed. by A. Mandal, B. Southam. – London: Continuum, 2007. – P. 334–349.
- Zhang, Helong. Jane Austen's One Hundred Years in China / Zhang Helong // Persuasions: The Jane Austen Journal. – 2011. – № 33. – P. 103–114.
- Owen, D. The European reception of Jane Austen's works (Review) / D. Owen // History. – Jan. 2000. – V. 85, № 277. – P. 172–173.

REFERENCES

- Atarova, K. N. (1968). Zhivye stranitsy (retsenziya na roman Jane Austen «Gordost'i predubezhdenie») [Lively Pages (Review on Jane Austen's "Pride and Prejudice")]. In *Inostrannaya literatura*. No. 3, pp. 266–268.
- Belskii, A. A. (1967). Nравописatel'nyi roman Jane Austen [Jane Austen's Moralistic Novel]. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 157, pp. 44–83.
- Demurova, N. M. (1967). Jane Austen i ee roman «Gordost'i predubezhdenie» [Jane Austen and her Novel "Pride and Prejudice"]. In *Austen J. Gordost' i predubezhdenie*. – Moscow, Nauka, pp. 538–589.
- Druzhinin, A. V. (1865). Pis'ma inogorodnego podpischika ob angliiskoi literature i zhurnalistike [Letters of a Subscriber from Another City on English Literature and Journalism]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4, pp. 275–349.
- Dubin, B. V. (2015). Proshchaniye s knigoi [Farewell to Book] In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (132). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/14d.html> (mode of access: 20.09.2019).
- Dubin, B. V., Zorkaya, N. A. (2008). *Issledovanie Levada-tsentra: chtenie v Rossii. Tendentsii i problemy* [Levada-center Research: Reading in Russia. Tendencies and Problems]. Moscow, Mezhhregional'nyi tsentr bibliotechnogo sotrudnichestva. 80 p.

- Kennedy, Th. (2011). Jane Austen, Revolution, Socialist Realism and Reception: a Response to Helong Znahg's "Jane Austen: 100 Years in China". In *Persuasions: The Jane Austen Journal*. No. 37, pp. 78–85.
- Kratkie vypiski i zamechaniya [Brief Notes and Observations]. (1816). In *Vestnik Evropy*. No. 12 (87). Part 87, pp. 318–324.
- Leavis, F. R. (1972). *Nor shall my Sword: Discourses on Pluralism, Compassion and Social Hope*. London, Chatto & Windus. 232 p.
- Literaturnye zabavy (klub)* [Literary Games Club]. URL: <http://www.apropospage.ru/osten/ost1.html> (mode of access: 20.09.2019).
- Lotman, Yu. M. (1992). «Ezda v ostrov lyubvi» Trediakovskogo i funktsiya perevodnoi literatury v russkoi kul'ture pervoi poloviny XVIII veka ["Riding to the Island of Love" by Trediakovsky and the Functions of Translated Literature in the Russian Culture of the First Half of the XVIII Century]. In *Selected works, in 3 vols*. Tallinn, Alexandra. Vol. 2, pp. 22–29.
- Marshak, I. S. (1967). Ot perevodchika [Translator's Notes.] In *Austen J. Gordost'i predubezhdenie*. – Moscow, Nauka, pp. 535–538.
- Neizvestnaya Lady Jane. 240 let velikoi devstvennitse literatury [Unknown Lady Jane. 240 years of Great Virgin of Literature]. (2015). In *SamKul't*. December 16. – URL: <http://samcult.ru/heritage/6071> (mode of access: 20.09.2019).
- Nepomnyashchy, C. (2007). Jane Austen in Russia: Hidden Presence and Belated Boom. In Mandal, A., Southem, B. (Eds.). *The Reception of Jane Austen in Europe*. London, Continuum, pp. 334–349.
- Ortega-i-Gasset, Kh. (2005). Nishcheta i blesk perevoda [The Misery and the Splendour of Translation]. In Kabanova, I. V. (Ed.). *Khrestomatiya po teorii perevoda*. Samara, Samarskii universitet, pp. 29–41.
- Owen, D. (2000). The European reception of Jane Austen's works (Review). In *History*. Vol. 85. No. 277, pp. 172–173.
- Paliy, A. A. (2006). Istoriya izucheniya tvorchestva Jane Austen v otechestvennoi kritike [History of Studies of Jane Austen Works in the Russian Criticism]. In *Omskii nauchnyi vestnik*. Issue 1, pp. 204–208.
- Shipilova, T. N. *Londonskii professor rasskazal, pochemu razvod pogubil angliiskii roman* [London Professor Explained Why Divorces Ruined the English Novel]. URL: <https://godliterature.ru/public-post/chto-est-chto-v-tvorchestve-dzhey-n-ostin> (mode of access: 20.09.2019).
- Sidorova, O. G. (2015). Problemy khudozhestvennogo perevoda [Problems of Literary Translation]. In Podchinenov, A. V., Snigireva, T. A. (Eds.). *Fenomen tvorcheskoi neudachi*. 2-nd ed. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, pp. 186–209.
- Tsebrikova, M. K. (1871). Anglichanki-romanistki [English Women-writers]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 8, pp. 405–448.
- Worsly, L. (2019). *V gostyakh u Jane Austen. Biografiya skvoz'prizmu byta* [Jane Austen at Home]. Moscow, Sindbad. 540 p.
- Zhang, Helong. (2011). Jane Austen's One Hundred Years in China. In *Persuasions: The Jane Austen Journal*. No. 33, pp. 103–114.

Данные об авторе

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина 51.
E-mail: ogs531@mail.ru.

Author's information

Sidorova Olga Grigor'evna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО УЧЕБНИКА ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ

MÉTHODOLOGIE DE L'ÉLABORATION D'UN MANUEL DE FRANÇAIS SECONDE LANGUE ÉTRANGÈRE À VISÉE PROFESSIONNELLE

УДК 378.016:811.133.1:378.167.11. DOI 10.26170/FK20-01-15. ББК Ш147.11-9. ГРНТИ 16.31.51.
Код ВАК 13.00.02

Ерофеева Е. В.

Уральский государственный педагогический
университет

Уральский государственный экономический
университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

Elena V. Erofeeva

Ural State Pedagogical University
Ural State University of Economics

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

Скопова Л. В.

Уральский государственный экономический
университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

Ludmila V. Skopova

Ural State University of Economics

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

METHODOLOGY OF DEVELOPING A PROFESSIONALLY-ORIENTED COURSE BOOK FOR FRENCH AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article analyzes the problems of preparing and creating a professionally oriented course book on French as a second foreign language, taking into account that authentic teaching materials are difficult for elementary level Russian-speaking students.

The purpose of developing a specialized course book on a second foreign language in the professional sphere is in line with the modern Russian society demand for training bachelors of non-linguistic majors who can speak several foreign languages in their field. This demand is explained by the lack of such specialists, which confirms the relevance of the study.

“Syllabus for teaching French as a second foreign language for students of the economic university majoring in restaurant business” has been designed as well as an experimental course book, the purpose of which is the acquisition of specific foreign-language communicative competencies required in this professional field.

The article objectively explores the specificity and difficulties in organizing the process of teaching French as a second foreign language after English or German. The authors explored in detail goals, principles, methods and

techniques of professionally-oriented training in language activities, presented in national and foreign methodological literature. The authors presented and gave scientific reasons for content selection and methodological organization of educational materials in their course book.

The authors used various methods of scientific research: the study of authentic course books and materials in Restaurant Business, comparative analysis, questionnaires, experiential learning and experiment. The analysis of the experiment and experiential learning results clearly showed a high level of performance and mastery of the communicative competence in the experimental groups.

Key words: French language; second foreign language; methods of teaching French; methods of teaching French at higher school; students; didactic literature; French textbooks; vocationally oriented teaching; restaurant service; foreign language competences; communicative competences.

Аннотация. В статье анализируются проблемы подготовки и создания профессионально-ориентированного учебника по французскому языку как второму иностранному, учитывая, что аутентичные учебные пособия представляют сложности для начального уровня обучения русскоязычных студентов.

Цель разработки специализированного учебника по второму иностранному языку в профессиональной сфере отвечает заказу современного российского общества на подготовку бакалавров неязыковых специальностей, владеющих несколькими иностранными языками в сфере своей профессиональной деятельности и недостатком специалистов такого уровня, что подтверждает актуальность исследования. Разработаны Рабочая программа по французскому языку как второму иностранному для студентов экономического университета специальности «Ресторанная деятельность», а также экспериментальный учебник, целью которых является усвоение иноязычных коммуникативных компетенций, необходимых в данной профессии.

В статье объективно исследуются специфика и трудности в организации процесса обучения французскому языку как второму иностранному после английского или немецкого языков. Детально изучаются цели, принципы, методы и приемы профессионально-ориентированного обучения основным видам речевой деятельности, представленные в отечественной и зарубежной методической литературе. Представлен и научно аргументирован отбор содержания и методическая организация учебных материалов разработанного учебника.

Авторы использовали различные методы научного исследования: изучение аутентичных учебников и материалов по специальности, сравнительный анализ, анкетирование, опытное обучение и эксперимент. Анализ результатов эксперимента и опытного обучения наглядно показал высокий уровень успеваемости и овладения коммуникативной компетенцией французского языка в экспериментальных группах.

Ключевые слова: французский язык; второй иностранный язык; методика преподавания французского языка; методика французского языка в вузе; студенты; учебная литература; учебники по французскому языку; профессионально-ориентированное обучение; ресторанный сервис; иноязычные компетенции; коммуникативные компетенции.

Для цитирования: Ерофеева, Е. В. Méthodologie de l'élaboration d'un manuel de français seconde langue étrangère à visée professionnelle / Е. В. Ерофеева, Л. В. Скопова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 153–163. – DOI: 10.26170/FK20-01-15.

For citation: Erofeeva, E. V., Skopova, L. V. (2020). Methodology of Developing a Professionally-Oriented Course Book for French as a Second Foreign Language. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 153–163. DOI: 10.26170/FK20-01-15.

Introduction

L'article traite du problème de l'élaboration d'une méthode d'étude sur le français à visée professionnelle comme seconde langue étrangère, étant donné que les manuels de français professionnel authentiques étudiés par les auteurs sont difficiles pour le niveau débutant des étudiants russophones.

L'objectif de l'élaboration d'un manuel spécialisé sur le français seconde langue étrangère

dans le domaine professionnel est conforme à la demande de la société russe moderne sur la formation des étudiants parlant plusieurs langues étrangères dans le domaine de leur future activité professionnelle et le manque de spécialistes de tel niveau. C'est le fait qui confirme la pertinence de notre étude.

La nouveauté scientifique de l'étude réside dans l'élaboration d'un manuel spécialisé du français de restauration seconde langue pour les

débutants russophones et dans la confirmation des avantages de la méthode élaborée par les résultats de l'enseignement expérimental.

Nous avons défini la tâche qui consiste à concevoir et à créer des conditions permettant aux étudiants de la spécialisation «la restauration» dans une université non linguistique de maîtriser la compétence communicative pour communiquer oralement et par écrit dans une langue étrangère afin de résoudre les problèmes d'interaction interpersonnelle et interculturelle.

Dans cet article nous étudierons tout d'abord quelques concepts méthodologiques et linguistiques des auteurs étrangers concernant l'enseignement du français de spécialité (FLE, FOS, FOU, FLP) pour donner notre opinion sur des difficultés du processus d'enseignement-apprentissage du français à visée professionnelle seconde langue étrangère au niveau initial.

Nous explorerons d'abord des objectifs, des principes, des spécificités, des méthodes et techniques, les principaux types de l'activité langagière, ainsi que les composantes de la compétence communicative en langue étrangère, sa spécificité liée au domaine d'activité professionnelle et des difficultés d'organisation du processus d'apprentissage du français langue seconde après l'anglais ou l'allemand. Une attention particulière sera accordée à la sélection du contenu de ce manuel, à l'adaptation des matériaux authentiques et à la préparation des glossaires bilingues.

Comme les méthodes de recherche nous avons utilisé l'analyse quantitative et comparative, ainsi que des tests et des interviews. Nous présenterons ensuite un bref aperçu des résultats de l'expérience organisée dans deux groupes d'étudiants à l'Université d'Etat d'économie de l'Oural qui font preuve d'un certain niveau de progrès et de maîtrise des compétences communicatives en français à visée professionnelle seconde langue étrangère dans un groupe expérimental.

En conclusion nous voudrions souligner que pour élaborer un manuel efficace du français à visée professionnelle comme seconde langue étrangère, il serait nécessaire de prendre en compte la future spécialité des étudiants, leur motivation professionnelle, leur maîtrise de la première langue étrangère, la spécificité de la seconde langue et celle de l'enseignement-apprentissage des compétences communicatives en langue étrangère dans un domaine professionnel.

Rappel de la problématique

La modernisation de l'enseignement professionnel supérieur en Russie prévoit que la connaissance d'une langue étrangère fait partie intégrante de la formation professionnelle de tous les spécialistes dans le supérieur et l'apprentissage repose sur des compétences communicatives, cognitives, informationnelles, socioculturelles et professionnelles des étudiants [Bim 2010].

Suivant les recherches du professeur I. L. Bim, nous considérons que la compétence communicative en langues étrangères comprend cinq composantes: linguistique, communicative, socioculturelle, compensatoire et cognitive [Bim 2010]. Cette définition ne contredit pas l'opinion des chercheurs étrangers sur ce problème [Beacco 2017]. D'après J.-P. Cuq, les compétences «se déclinent en savoir, savoir-faire, savoir-être et savoir-comprendre» [Cuq, Gruca 2017: 141]. En ce qui concerne les compétences de communication, S. Moirand les représente «en quatre composantes: linguistique, discursive, référentielle et socioculturelle» [Moirand 1990: 188].

Dans la littérature méthodologique et linguistique des chercheurs étrangers il y a quelques concepts concernant l'enseignement du français de spécialité: français langue étrangère (FLE), français sur objectifs spécifiques (FOS), français sur objectifs universitaires (FOU), français langue professionnelle (FLP). Il s'agit des approches différentes où la différence des concepts est représentée dans «la démarche didactique de l'enseignant» [Mangiante, Parpette 2004].

Les manuels de FOU, de FLE, de FLP représentent des méthodes complètes et regroupent les ressources pédagogiques en français. Le Français professionnel est un terme générique qui représente une méthode du français lié au monde professionnel. Le Français de spécialité enseigne la langue propre au domaine de spécialité. Le Français langue professionnelle (FLP) compose une étude intermédiaire entre le français sur objectif spécifique et le français de spécialité. D'après J. M. Mangiante, le FLP a des visées sur la pratique, sur les métiers [Mangiante, Parpette 2004]. Le Français sur objectif spécifique (FOS) prévoit une analyse des besoins des apprenants pour créer un programme (un cours/une séquence) de formation sur mesure, à partir d'une demande concrète. Le Français sur objectif uni-

versitaire (FOU) fait aussi une démarche sur objectif spécifique et n'est qu'une branche d'un FOS [Royer 2015].

Suivant les représentants de l'École nationale russe de la linguistique et de la méthodologie, nous considérons l'enseignement d'une langue étrangère à visée professionnelle à l'université non linguistique plus largement que l'étude d'une langue étrangère sur objectif spécifique. Le premier repose sur l'intégration de disciplines spéciales dans le but d'obtenir un effet de synergie, ce qui permet aux étudiants d'acquérir des connaissances des langues étrangères et des compétences professionnelles supplémentaires afin de former des qualités professionnelles nécessaires à une personnalité [Sergeeva 2014; Serova 2013].

Parmi les bases les plus importantes pour l'apprentissage de la seconde langue étrangère, des chercheurs proposent les principes suivants: de la communication cognitive; de différenciation et d'orientation socioculturelle et interculturelle de l'éducation; d'apprentissage actif; du développement intercorrélé de tous les types d'activité communicative; d'approche comparative (contrastive); d'économie (intensification); d'orientation cognitive et intellectuelle; d'exposé circonstancié; de combinaison rationnelle du conscient et de l'inconscient; de prise en compte du trilinguisme subalterne artificiel et de l'expérience linguistique et éducative des étudiants [Bim 2010; Yastrebova 2014].

Un manuel spécialisé doit représenter tout un système comportant des éléments suivants: objectifs, contenu de l'apprentissage (un tout unique du contenu de la matière et du processus de formation des connaissances, des compétences et des aptitudes en langues étrangères), méthodes et outils d'apprentissage [Bim 2010].

Suite aux chercheurs français, nous considérons que l'utilisation des manuels traditionnels d'enseignement de seconde langue étrangère (FLE) ne peut pas donner de résultats nécessaires, car ces manuels ont été créés à d'autres fins et sont marqués du contenu spécial. L'analyse des manuels authentiques de français professionnels de restauration a montré qu'ils sont trop compliqués pour les étudiants du niveau débutant. [Bencini, Cangiolli, Naldini 2016; Corbeau, Dubois, Penfornis, Semichon 2013; Cholvy 2014; Ressources numériques]. Pour cette raison,

nous avons entrepris l'élaboration d'un manuel de français de restauration seconde langue étrangère du niveau débutant, destiné aux étudiants russophones.

Méthodologie

Analysons des caractéristiques spécifiques de la création du manuel «Le français de restauration pour les débutants» en seconde langue étrangère élaboré par des professeurs de l'Université d'Etat d'économie de l'Oural (UEEO) [Klyuchnikova 2011]. Le standard d'Etat de cette formation prévoit la nécessité de maîtriser un certain nombre de compétences communicatives en langues étrangères pour résoudre les problèmes d'interaction interpersonnelle et interculturelle et former la capacité de l'auto-organisation et de l'auto-formation.

Conformément au programme d'étude, cette formation commence en troisième année à l'université d'économie et dure un an et demi. L'objectif principal de ce cours est d'atteindre un niveau suffisant pour l'utilisation pratique de la langue française dans de futures activités professionnelles. La méthodologie de l'enseignement prévoit la mise en œuvre de plusieurs approches: compétence communicative, intégrative, fonctionnelle, cognitive et socioculturelle.

Il faut noter que l'enseignement du français seconde langue étrangère après l'anglais et l'allemand nécessite de prendre en compte les principes généraux applicables à l'enseignement de toute langue étrangère [Dufour, Parpette 2018].

- L'apprentissage d'une langue étrangère a pour objectif la formation des compétences communicatives. Etant donné que les étudiants ont déjà une expérience de l'apprentissage de la première langue étrangère et que la maîtrise de la seconde se fait de manière plus consciente, ils ont déjà des savoir-faire mentaux du travail avec les documents en langue étrangère et sauront identifier les différences afin d'éviter les effets négatifs des interférences linguistiques et intra-linguistiques.
- Le processus éducatif est organisé en fonction des activités axées sur la personnalité des apprenants, leurs besoins professionnels, leurs intérêts, leur motivation et vise à développer leur indépendance et leur potentiel créatif.

- On recourt aux documents authentiques pour former des compétences socioculturelles, garantissant la compréhension mutuelle des représentants de différentes cultures.
- Le système d'exercices repose sur le principe «du plus simple au plus complexe» et comprend les devoirs qui nécessitent des actions langagières pour résoudre les tâches de communication liées à la future activité professionnelle.
- Tous les types d'activités communicatives devraient se développer en parallèle. La connaissance de la police latine, la capacité à travailler avec un texte en langue étrangère, l'utilisation de la devinette linguistique peuvent faciliter un peu l'apprentissage de la lecture des textes authentiques français sur la spécialité.
- L'approche comparative joue un rôle particulier dans l'identification des similitudes et des différences entre les langues étrangères et le russe. Elle permet de se familiariser avec le vocabulaire international et la terminologie professionnelle.
- L'application des principes de l'économie et de l'intensification de l'enseignement est également importante. À cet égard, il convient d'intensifier le cours d'introduction à la phonétique, d'enseigner les règles de prononciation et de lecture pendant quelques leçons. Dans les tableaux de sons et dans les exercices de lecture, il est utile de privilégier le vocabulaire et la terminologie professionnels.

Nous avons déterminé les difficultés auxquelles les étudiants peuvent faire face au cours de l'apprentissage, afin de réduire ou de supprimer des obstacles objectifs.

1. Des groupes mixtes, qui comprennent les étudiants ayant étudié l'anglais ou l'allemand comme la première langue étrangère et un effet négatif de l'interférence linguistique.

2. Les spécificités des règles de la prononciation française et de la lecture. La présence des sons qui n'existent pas dans d'autres langues, ainsi que la liaison, l'enchaînement, les groupes rythmiques.

3. Les caractéristiques de la grammaire française: l'accord du genre et du nombre, l'article contracté et partitif, les particularités du système

verbal du français, la concordance des temps, la conjugaison des verbes irréguliers et d'autres difficultés.

4. Des textes authentiques à visée professionnelle et des sujets d'expression orale, le vocabulaire professionnel français et la terminologie de spécialité.

5. Les traditions culturelles concernant le service de restauration en France. L'observation stricte de l'alternance des mets et des boissons. Le respect de belles manières.

Les difficultés de nature subjective, à notre avis, résident dans l'insuffisance des compétences particulières sur la restauration parmi des enseignants de langue étrangère.

Une étape suivante de notre travail consistait à sélectionner un contenu de la formation en utilisant le modèle d'enseignement professionnel d'une langue étrangère proposé par D. L. Matukhin [Matukhin 2011: 121–129].

1. Compétences en communication par type d'activité de la parole, basées sur le vocabulaire général et professionnel. Dans ce cas, l'opinion de J.-J. Richer est assez logique: «Si les langues de spécialité comportent une spécificité, cette dernière ne réside pas dans le lexique, ni dans la syntaxe... mais elle est à chercher dans les genres de discours spécifiques suscités par chaque domaine professionnel et dans le lien étroit entre langage et action qu'impose le monde contemporain du travail» [Richer 2008: 20].

La production orale. Le but du développement du discours dialogique au stade initial est la capacité de parler des sujets de la vie quotidienne et de communiquer dans des situations liées à la profession. Par exemple: *présentez-vous; organisez un rendez-vous; vos cours; vos loisirs et vos sports; une promenade dans la ville; une conversation par téléphone; un bon de commande; un entretien d'embauche; des dialogues avec des serveurs, des chef-cuisiniers, des vendeurs, des clients*. Pour des situations, le concept de «contexte» est mis en évidence, auquel on attribue le rôle principal dans l'interprétation des discours. Le contexte représente l'endroit, les participants, le moment et l'enjeu de la communication (contexte étroit). Il intègre aussi les arrière-plans culturels dans lesquels se passent les discours (contexte large) [Maingueneau 2009: 33–36].

L'enseignement de la production orale monologique vise à former les compétences pour

créer divers discours en forme de monologue sur des sujets de la vie courante et des situations professionnelles: *votre famille et vous; votre ville natale; des professions différentes; la gastronomie française et les entreprises de restauration; les particularités de la cuisine française; les cuisines régionales; des menus différents; des plats et des boissons etc.*

L'enseignement de la compréhension de l'oral a pour objectif l'acquisition des compétences de perception et de compréhension des expressions orales en français sous forme de monologue ou de dialogue dans le domaine de la communication quotidienne et professionnelle. Nous commençons par *de petits textes audio sur des acteurs, chanteurs et cuisiniers célèbres, sur le goût de certains aliments et des plats français typiques*; ensuite nous utilisons *des mini-dialogues sur le choix de la profession, la sélection du personnel pour les cafés, les caractéristiques des restaurants de la ville*; après nous passons *aux situations de la vie courante: visite d'un café, choix d'un menu, dialogue avec un sommelier*; à la fin on propose *des activités informatives après l'écoute des textes sur le choix d'un restaurant, des types de restauration, des recettes particulières, les caractéristiques de la composition des plats et des menus.*

L'apprentissage de la compréhension de l'écrit (la lecture) a pour objectif la formation des compétences dans divers types de publications en lecture, en particulier de littérature spécialisée qui est destinée à la future profession et possède donc des caractéristiques et des fonctions spécifiques [Serova 2013: 10].

Compte tenu de ces faits, nous avons procédé à une sélection des textes et de publications authentiques de divers genres: extraits d'articles scientifiques, références historiques, annonces de journaux, brochures publicitaires, recettes, poèmes et rimes, proverbes et dictons sur la gastronomie.

Le résultat de l'apprentissage de la production écrite (l'écriture) est l'acquisition de la compétence communicative écrite dans le cadre de ses activités professionnelles: *apprendre à rédiger le curriculum vitae (CV) et une lettre de motivation pour l'embauche, prendre en note la commande, écrire un bon de commande, faire des annotations et des résumés des informations reçues, ainsi que traduire des textes sur des sujets professionnels du français en russe et vice-versa.*

2. Le composant suivant comprend des connaissances et des savoir-faire linguistiques, qui font partie intégrante des compétences communicatives complexes [Erofeeva 2014; Cuq, Gruca 2017:142]. Ils sont représentés par les phénomènes phonétiques de la langue française, ses formes grammaticales de base, les règles de formation des mots, un minimum lexical et terminologique nécessaire. Lors de la sélection du matériel linguistique, des spécificités de ce domaine professionnel sont prises en compte: *terminologie du service de restauration, caractéristiques lexicales et syntaxiques (phrases interrogatives, constructions prépositionnelles, abréviations, noms complexes), caractéristiques grammaticales (temps des verbes, inclinaison verbale conditionnelle, forme passive, tournures impersonnelles, genre et nombre des noms et des adjectifs, degrés de comparaison des adjectifs et des adverbes, articles contracté et partitif, pronoms).*

3. Les connaissances socioculturelles sont représentées par les connaissances de la civilisation et de la culture linguistique régionale [Gal'skova, Gez 2006; Cuq, Gruca 2017]. Elles englobent les domaines suivants: encyclopédie, formation et connaissance des réalités du pays, du vocabulaire de base et du lexique non équivalents nécessaires pour devenir un utilisateur compétent de la langue française [Bencini, Cangioli 2016; Cholvy 2014]. À cet égard, les sujets de communication suivants sont proposés aux étudiants: *situation géographique de la France; produits d'alimentation importés en France; caractéristiques des régions françaises et recettes régionales; plats français traditionnels; spécificités des restaurants parisiens; règles de bonnes manières etc.*

Suite à une analyse scrupuleuse de nombreuses sources authentiques et à la sélection du matériel linguistique à étudier, on a choisi: *situations de communication professionnelle liées aux activités de restauration en France, textes authentiques de profession, dictionnaires spéciaux de terminologie gastronomique et culinaire, conversations avec des francophones, communication interculturelle dans la correspondance, messages publicitaires et annonces, ressources françaises d'Internet et littérature spécialisée sur la restauration.* Il faut noter que «pour les formations qui ont lieu dans le pays d'origine, il est tout à fait envisageable, parallèlement au travail en français sur les compétences langagières, de traiter l'information sur le contexte

large (organisation de l'hôpital, de l'université, etc.) en langue maternelle» [Dufour, Parpette 2018].

4. Les aptitudes à la formation sont représentées par les moyens et méthodes d'activité mentale rationnels. Selon I. A. Zimnyaya, la compétence de l'activité cognitive est «la formulation et la résolution des tâches; raisonnement original, situations problématiques – leur création et leur résolution; savoirs productifs et reproductifs, recherche, activité intellectuelle» [Zimnyaya]. Compte tenu de ce fait, nous proposons aux apprenants un système d'exercices avec différents degrés de liberté de communication: *exercices de substitution selon un modèle; exercices de transformation, où les apprenants appliquent leurs connaissances et leurs compétences déjà acquises dans un contexte modifié ou dans une autre situation de communication; devoirs de communication artificielle, où les étudiants participent à des situations qui imitent une communication professionnelle réelle, mais d'après les instructions du manuel; devoirs de création, où la communication en français est réalisée dans le cadre du sujet lié aux activités de restauration.* Il est intéressant, à notre avis, d'utiliser la pratique de la classe inversée qui donne des avantages de l'approche actionnelle [Skopova, Sokolova 2017: 46].

Afin de contrôler le processus de la maîtrise du matériel linguistique, dans ce manuel sont proposés des moyens de vérification: *exercices de contrôle, tests lexicaux et grammaticaux, devoirs créatifs, dialogues sur certaines situations d'activité de restauration, petits exposés et préparation des menus spéciaux.*

Tableau 1

Module «Le repas d'affaire» en classe de français seconde langue

LEÇON 12	SAVOIR-FAIRE	GRAMMAIRE	LEXIQUE	CIVILISATION
Le repas d'affaire	<p>Décrire des objets de la cuisine.</p> <p>Construire des phrases avec des adjectifs et faire les accords nécessaires.</p> <p>Demander des renseignements sur un restaurant.</p> <p>Découvrir les différents types de repas en France.</p> <p>Comparer les bonnes manières en France et en Russie.</p> <p>Parler d'un repas d'affaire qu'on peut organiser à ses clients.</p>	<p>Les adjectifs qualificatifs (place et accord, genre, formes exceptionnelles).</p> <p>Révision sur la conjugaison des verbes.</p>	<p>Les caractéristiques d'un objet (forme, couleur, consistance et résistance, taille, poids, matière, contenu, utilisation).</p> <p>Les unités de quantification.</p> <p>Les expressions servant à décrire un repas d'affaire.</p>	<p>Les proverbes français et russes sur le thème de restauration, leur comparaison.</p> <p>Une poésie française ayant des adjectifs.</p> <p>Le repas d'affaire en France.</p> <p>Certaines règles de bonnes manières.</p>

La structure du manuel se compose de vingt et une leçons, chacune d'entre elles constituant une unité sémantiquement complète comprenant des éléments lexico-grammaticaux, communicatifs, professionnels et socioculturels.

Pour plus de clarté, analysons l'organisation du processus d'apprentissage sur le thème «Le repas d'affaire» qui est présentée dans le Tableau 1.

Cette fiche pédagogique citée en exemple peut donner une vision sur le processus d'apprentissage d'après le manuel élaboré. Il faut ajouter que les textes et les sujets de communication sur des thèmes professionnels sont équipés de vocabulaires bilingues, de commentaires et d'un système d'exercices lexico-grammaticaux. L'approche communicative dicte ses types d'exercices privilégiés: d'ordre sémantique, de grammaire, d'ordre socio-linguistique, jeux de rôle, dramatisation, brainstorming, débat, résolutions de problèmes [Landriault 1982]. Pour organiser le travail de manière indépendante de l'auto-apprentissage et individualiser le processus d'études, la méthode propose du matériel de révision, des textes de lecture extrascolaire, des annexes avec du matériel authentique et une terminologie professionnelle.

Observation de classes, analyse de l'expérience

L'élaboration de ce manuel a duré quelques années et les auteurs ont eu la possibilité de contrôler le processus d'études, comparer les résultats, corriger les erreurs et changer du matériel en choisissant le meilleur.

Au cours de l'annee universitaire 2017–2018, les professeurs de français du departement des langues etrangeres de l'UEEO ont organise une formation experimentale en français seconde langue etrangere dans deux groupes: «le management international» (MI) et «la restauration» (RD). Les objectifs de l'etude etaient identiques, il y avait le meme nombre de cours qui etaient donnes par le meme professeur et tous les etudiants n'avaient pas de connaissances de base en français. Dans le groupe MI, la formation a ete organisee selon les methodes traditionnelles et les manuels classiques pour debutants (FLE), tandis que dans le groupe d'etudiants RD, le processus d'apprentissage experimentale a ete realise d'apres le manuel elabore.

Une analyse comparative des resultats de l'examen de la fin d'annee du français seconde langue (Tableau 2) a montre de maniere convaincante une difference significative dans les resultats scolaires et dans le niveau de maitrise du materiel en langue etrangere. Les resultats de la formation experimentale (100% des performances academiques et 85% d'excellentes notes a l'examen dans le groupe experimentale) permettent de faire la conclusion sur l'efficacite de la methodologie proposee, reposant sur un support pedagogique specialement developpe. Le manuel elabore temoigne de l'exactitude des premisses theoriques de base, des principes et des approches utilises pour realiser cette methode.

Tableau 2

Analyse comparative du developpement des competences communicatives en français langue seconde apres une annee d'etude

NOTE (EN %)	GRUPE DE CONTRÔLE (MI)	GRUPE EXPÉRIMENTAL (RD)
excellent	20	85
bien	50	10
satisfaisant	15	5
mal	15	–
Performance (en %)	85	100

Conclusions et perspectives

Des discussions sur la rationalite de l'enseignement des debutants en seconde langue

etrangere a visee professionnelle se poursuivent depuis plusieurs decennies. Il existe un avis selon lequel, a l'etape initiale de la formation, il faudrait utiliser des manuels traditionnels des langues etrangeres (FLE) et etudier le materiel en langue etrangere de specialite dans des cours du niveau superieur (FLP). Dans ce cas, une langue etrangere professionnelle agit comme une superstructure superieure a la langue etrangere de base generalement acceptee.

Notre methode d'etude de la seconde langue etrangere a visee professionnelle de restauration est fondamentalement differente des methodes traditionnelles. Des la premiere etape en etudiant les sons, les lettres et le vocabulaire, la methode propose a lire des textes et a utiliser des situations de communication associes aux futures activites professionnelles.

Un enseignement experimentale du français de restauration comme seconde langue etrangere a ete realise pendant plus de dix annees a l'UEEO. Les resultats des examens et des opinions des etudiants confirment constamment l'efficacite de la methodologie proposee et du manuel elabore. Les apprenants ont souligne les avantages du manuel experimentale par rapport aux manuels professionnels français pour les activites de restauration. Les manuels authentiques presentent des difficultes importantes dans le contenu du materiel de formation pour les debutants en raison du manque d'explications en russe. Quant au manuel elabore il contient des vocabulaires bilingues pour les textes, les commentaires et les regles de grammaire expliquees en russe, ainsi qu'un certain nombre d'exercices et de devoirs bilingues. Tous les reperes mentionnes ci-dessus aident les etudiants a comprendre et a maitriser la matiere d'etude et leur permettent de travailler de maniere independante et de developper leur auto-apprentissage.

Le manuel propose peut etre largement utilise par les debutants qui etudient les activites de restauration en français dans divers etablissements d'enseignement, ainsi que par des specialistes de la cuisine française ou par des personnes partant pour des stages a l'etranger.

Nous considerons qu'a l'avenir il serait rationnel de creer des manuels de français a visee professionnelle seconde langue etrangere pour d'autes specialisations, en appliquant une me-

thode similaire d'immersion dans la spécialité, en utilisant du matériel en langue étrangère ayant une orientation professionnelle.

Il convient de noter que l'approche fondée sur les compétences communicatives, le principe d'individualisation de l'éducation et la méthodo-

logie axée sur la personnalité, tenant compte de futures activités professionnelles des étudiants, ont considérablement augmenté leur intérêt pour la langue française, leur niveau de motivation et leur volonté d'exercer des activités professionnelles.

ЛИТЕРАТУРА

- Бим, И. Л. Содержание обучения иностранным языкам / И. Л. Бим // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464 с.
- Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учебное пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. Заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – Москва: Академия, 2006. – 336 с.
- Ерофеева, Е. В. Французский язык. Практический курс по развитию навыков устной речи: учебное пособие для студ. II курса Ин-та ин. яз. / Е. В. Ерофеева; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 211 с.
- Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя. – URL: <http://aspirant.rggu.ru/article.html?id=50758>. – Текст: электронный.
- Ключникова, Н. В. Французский язык в сфере ресторанного сервиса (для лиц, не имеющих базовых знаний французского языка): учебное пособие / Н. В. Ключникова, Н. Н. Лобанова, Л. В. Скопова; под общ. ред. Л. В. Скоповой. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2011. – 192 с.
- Матухин, Д. Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей / Д. Л. Матухин // Язык и культура. Языкознание. – 2011. – № 2. – С. 121–129.
- Сергеева, Н. Н. Иноязычная коммуникативная компетенция в сфере профессиональной деятельности: модель и методика / Н. Н. Сергеева // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 147–150.
- Серова, Т. С. Характеристики и функции профессионально-ориентированного чтения в образовательной и исследовательской деятельности студентов, аспирантов и преподавателей университетов / Т. С. Серова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь, 2013. – № 7 (49). – С. 3–12.
- Скопова, Л. В. Технология «перевернутый класс» как эффективный прием создания информационно-образовательного пространства вуза / Л. В. Скопова, О. Л. Соколова // Нижегородское образование. – 2017. – № 1. – С. 45–49.
- Ястребова, Л. Н. Принципы обучения второму иностранному языку как специальности в языковом вузе / Л. Н. Ястребова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 8 (149). – С. 75–79.
- Beacco, J.-C. L'approche par compétences dans l'enseignement des langues. Didier «Langues et didactique» / J.-C. Beacco. – Paris: Didier, 2007. – 307 p.
- Bencini, V. En cuisine et en salle: français professionnel CLE international B1, B2 / V. Bencini, M. P. Cangili, F. Naldini. – Paris, 2016. – URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>. – Text: electronic.
- Corbeau, S. Hôtellerie-restauration.com CLE international A2 / S. Corbeau, Ch. Dubois, J.-L. Penfornis, L. Semichon. – Paris, 2013. – URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>. – Text: electronic.
- Cholvy, J. En cuisine! CLE international A1, A2 / J. Cholvy. – Paris, 2014. – URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>. – Text: electronic.
- Cuq, J.-P. Cours de didactique du français langue étrangère et seconde / J.-P. Cuq, I. Gruca. – PUG Collection: Didactique (FLE), 2017. – 496 p.
- Dufour, S. Le français sur objectif spécifique: la notion d'authentique revisitée / S. Dufour, Ch. Parpette // ILCEA. – 2018. – № 32. – URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4814>. – Text: electronic.
- Landriault, B. Les méthodes d'enseignement du français langue seconde au Québec / B. Landriault // Québec français. – 1982. – № 47. – P. 72–75. – URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/qf/1982-147-qf1210782/56959ac.pdf>. – Text: electronic.
- Maingueneau, D. Les termes clés de l'analyse du discours / D. Maingueneau. – Paris: Seuil, 2009. – P. 33–36.
- Mangiante, J.-M. Le Français sur objectifs spécifiques: de l'analyse des besoins à l'élaboration d'un cours / J.-M. Mangiante, C. Parpette. – Paris: Hachette, 2004.
- Mangiante, J.-M. Le FOS, un exemple de recherche-action en didactique du FLE / J.-M. Mangiante, F. Desroches // Le Français dans le monde. – 2014. – № 391. – P. 52–53.
- Moirand, S. Enseigner à communiquer en langue étrangère / S. Moirand. – Paris: Hachette, 1990. – 188 p.
- Ressources numériques: Hôtellerie et restauration. – URL: <https://www.lefrancaisdesaffaires.fr/numerifos/hotellerie-et-restauration>. – Text: electronic.
- Richer, J.-J. Le français sur objectifs spécifiques (F. O. S.) / J.-J. Richer // Synergies Chine. – 2008. – № 3. – P. 15–30.
- Royer, S. Le FOS, Français sur objectifs spécifiques / S. Royer. – URL: <https://agi.to/enseigner/carnets-pedagogiques/fos-francais-sur-objectifs-specifiques>. – Text: electronic.

REFERENCES

- Beacco, J.-C. (2007). *L'approche par compétences dans l'enseignement des langues*. Didier «Langues et didactique». Paris, Didier. 307 p.
- Bencini, V., Cangioli, M. P., Naldini, F. (2016). *En cuisine et en salle: français professionnel CLE international B1, B2*. Paris. URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>.
- Bim, I. L. (2010). Soderzhanie obucheniya inostrannym yazykam [The Content of Learning Foreign Languages]. In Mirolyubov, A. A. (Ed.). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii i sovremennost'*. Obninsk, Titul. 464 p.
- Cholvy, J. (2014). *En cuisine! CLE international A1, A2*. Paris. URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>.
- Corbeau, S., Dubois, Ch., Penfornis, J.-L., Semichon, L. (2013). *Hôtellerie restauration.com CLE international A2*. Paris. URL: <http://www.ciep.fr/sites/default/files/repertoire-methodes-fos.pdf>.
- Cuq, J.-P., Gruca, I. (2017). *Cours de didactique du français langue étrangère et seconde*. PUG Collection, Didactique (FLE). 496 p.
- Dufour, S., Parpette, Ch. (2018). Le français sur objectif spécifique: la notion d'authentique revisitée. In *ILCEA*. No. 32. URL: <https://journals.openedition.org/ilcea/4814>.
- Erofeeva, E. V. (2014). *Frantsuzskii yazyk. Prakticheskii kurs po razvitiyu navykov ustnoi rechi* [French. Practical Course in the Development of Speaking Skills]. Ekaterinburg. 211 p.
- Gal'skova, N. D., Gez, N. I. (2006). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [The Theory of Learning Foreign Languages. Linguodidactics and Method]. Moscow, Akademiya. 336 p.
- Klyuchnikova, N. V., Lobanova, N. N., Skopova L. V. (2011). *Frantsuzskii yazyk v sfere restorannogo servisa (dlya lits, ne imeyushchikh bazovykh znanii frantsuzskogo yazyka)* [French in the Field of Restaurant Service (for Those Who Do Not Have Basic Knowledge of French)]. Ekaterinburg. 192 p.
- Landriault, B. (1982). Les méthodes d'enseignement du français langue seconde au Québec. In *Québec français*. No. 47, pp. 72–75. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/qf/1982-n47-qf1210782/56959ac.pdf>.
- Maingueneau, D. (2009). *Les termes clés de l'analyse du discours*. Paris, Seuil, pp. 33–36.
- Mangiante, J.-M., Parpette, C. (2004). *Le Français sur objectifs spécifiques: de l'analyse des besoins à l'élaboration d'un cours*. Paris, Hachette.
- Mangiante, J.-M., Desroches, F. (2014). Le FOS, un exemple de recherche-action en didactique du FLE. In *Le Français dans le monde*. No. 391, pp. 52–53.
- Matukhin, D. L. (2011). Professional'no-orientirovanoe obuchenie inostrannomu yazyku studentov nelingvisticheskikh spetsial'nosti [Vocational-oriented Foreign Language Training for Non-linguistic Students]. In *Yazyk i kul'tura. Yazykovedenie*. No. 2, pp. 121–129.
- Moirand, S. (1990). *Enseigner à communiquer en langue étrangère*. Paris, Hachette. 188 p.
- Ressources numérfos: Hôtellerie et restauration. URL: <https://www.lefrancaisdesaffaires.fr/numerifos/hotellerie-et-restauration/>.
- Richer, J.-J. (2008). Le français sur objectifs spécifiques (F. O. S.). In *Synergies Chine*. No. 3, pp. 15–30.
- Royer, S. *Le FOS, Français sur objectifs spécifiques. Agitox*. URL: <https://agi.to/enseigner/carnets-pedagogiques/fos-francais-sur-objectifs-specifiques/>.
- Sergeeva, N. N. (2014). Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya v sfere professional'noi deyatel'nosti: model'i metodika [Foreign Communication Competence in Professional Activities: Model and Methodology]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 6, pp. 147–150.
- Serova, T. S. (2013). Kharakteristiki i funktsii professional'no-orientirovannogo chteniya v obrazovatel'noi i issledovatel'skoi deyatel'nosti studentov, aspirantov i prepodavatelei universitetov [Characteristics and Functions of Professionally Oriented Reading in the Educational and Research Activities of Students, Graduate Students and University Professors]. In *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykovedeniya i pedagogiki*. No. 7 (49), pp. 3–12.
- Skopova, L. V., Sokolova, O. L. (2017). Tekhnologiya «perevernutyi klass» kak effektivnyi priem sozdaniya informatcionno-obrazovatel'nogo prostranstva vuza [Technology “The Flipped Classroom” as an Effective Method of Creating an Information and Educational Space of the University]. In *Nizhegorodskoe obrazovanie*. No. 1, pp. 45–49.
- Yastrebova, L. N. (2014). Printsipy obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku kak spetsial'nosti v yazykovom vuze [Principles of Learning a Second Foreign Language as a Specialty in a Language University]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 8 (149), pp. 75–79.
- Zimnyaya, I. A. *Klyuchevyye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya* [Key Competencies Are the New Paradigm of Education Outcomes]. URL: <http://aspirant.rggu.ru/article.html?id=50758>.

Данные об авторах

Ерофеева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: e.v.erofeeva@yandex.

Скопова Людмила Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 519.

E-mail: l-skopova@mail.ru.

Author's information

Erofeeva Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romano-German Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University; Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

Skopova Ludmila Valentinovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ: МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

УДК 372.881.161.142. DOI 10.26170/FK20-01-16. ББК Ч426.819=411.2. ГРНТИ 16.21.29.
Код ВАК 13.00.02

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический
университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Nadezhda I. Konvalova

Ural State Pedagogical University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

MODERN DIDACTIC TEXT IN RUSSIAN: MECHANISMS OF PERCEPTION AND PRINCIPLES OF CONSTRUCTION

Abstract. The article is devoted to the study of cognitive mechanisms of perception of textual information: stages and peculiarities of its intellectual processing and its understanding and internalization in the light of the activity-based theory of cognition. The author analyzes the existing approaches to the definition of the essence of the modern didactic text, which is not to focus on memorizing concepts, but on the development of independence and creative attitude to learning. This requires a fundamentally new approach to the structure of the textbook as a whole and its individual sections (themes) in particular, taking into account the psychological laws of information acquisition and specific features of formation of cognitive and metacognitive operations of the child. Special attention is given to psycholinguistic methods and techniques of identification of the nature of reception of the didactic text in the unity of its formal and content parameters. The article poses a postulate about the need to take into consideration these mechanisms in the process of design (development) of a didactic text in Russian for students of secondary general education institutions. The didactic text is analyzed from two angles: 1) from the standpoint of the person reading (listening to) the text and modeling the image of the content of the text perceived in their mind; 2) from the standpoint of the author of the text. The article contains experimental data, which make it possible to identify the factors that determine the nature of perception of the didactic text. The author concentrates her attention on individual psychological differences of information perception both via verbal and non-verbal codes and specificity of acquisition of information presented in different ways (in particular, by way of algorithms or equivalents). The author's analysis of typical exercises and tasks (including after-reading tasks), which can be found in modern textbooks of the Russian language, in terms of their cognitive "comfort" and efficiency for children with different lateral profiles is methodologically important. The study reveals the factors facilitating perception and understanding of the learning material or hindering these processes. The research results include a practical guide for teachers-philologists, specialists in methods, and psycholinguists regarding the form and the content of didactic texts (including game-based ones) for teaching Russian.

Keywords: cognitive mechanisms; psycholinguistics; learning texts; text perception; Russian language; methods of teaching Russian at school; methods of teaching Russian; psycholinguistic experiments; schoolchildren.

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов восприятия текстовой информации: этапам и особенностям ее интеллектуальной обработки, осмысления и интериоризации в свете деятельностной теории познания. Автором анализируются существующие подходы к определению сути современного учебного текста, который должен быть ориентирован не на заучивание понятий, а на развитие самостоятельности, творческого отношения к учению. Это требует принципиально нового подхода к конструированию структуры как учебника в целом, так и отдельных его разделов (тем) с учетом психологических закономерностей овладения информацией, особенностей формирования у ребенка когнитивных и метакогнитивных операций. Особое внимание при этом уделяется психолингвистическим методам и методикам выявления характера рецепции учебного текста в единстве его формальных и содержательных параметров. Выдвигается постулат о необходимости учета этих механизмов в процессе разработки (конструирования) учебного текста по русскому языку для обучающихся средних общеобразовательных учреждений. Учебный текст анализируется в двух аспектах: 1) с позиций человека читающего (слушающего) и моделирующего в своем сознании образ содержания воспринимаемого текста; 2) с позиций разработчика, конструирующего учебный текст. Приводятся экспериментальные данные, позволяющие выявить факторы, определяющие характер восприятия учебного текста. Акцентируется внимание на

индивидуально-психологических различиях восприятия информации, представленной как вербальным, так и невербальным кодами; специфике усвоения информации, предъявляемой различными способами (в частности, алгоритмами или аналогами). Методологически важным является представленный в статье анализ типовых упражнений и заданий (в том числе притекстовых), содержащихся в современных школьных учебниках по русскому языку, в аспекте их когнитивной «комфортности» и продуктивности для детей с разными латеральными профилями. Выявляются факторы, способствующие восприятию и пониманию учебной информации или затрудняющие эти процессы. В качестве результатов анализа материала предлагаются практические рекомендации для учителей-словесников, методистов, психолингвистов относительно формы и содержания учебного текста (в том числе игрового) по русскому языку.

Ключевые слова: когнитивные механизмы; психолингвистика; учебные тексты; восприятие текстов; русский язык; методика русского языка в школе; методика преподавания русского языка; психолингвистические эксперименты; школьники.

Для цитирования: Коновалова, Н. И. Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования / Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 164–172. – DOI: 10.26170/FK20-01-16.

For citation: Konovalova, N. I. (2020). Modern Didactic Text in Russian: Mechanisms of Perception and Principles of Construction. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 164–172. DOI: 10.26170/FK20-01-16.

Введение. К постановке проблемы

В настоящее время, в эпоху глобальной коммуникации и информатизации, в которой существует современный школьник, особенно актуальной становится проблема понимания. Для обработки мощного и все увеличивающегося потока информации, значительную часть которого составляют разного рода тексты, в том числе учебные, требуется все больше интеллектуальных усилий. В центре внимания специалистов, занимающихся проблемами языкового сознания, методистов, учителей-практиков находится человек, читающий и понимающий, моделирующий в своем сознании образ содержания воспринимаемого текста. Исследования в области когнитивной лингвистики обращены к проблеме выявления «...взаимосвязи языка и мышления <которая> рассматривается в основном в аспекте обеспечения языковыми единицами доступа к структурам знаний в ситуации нормативного словоупотребления» [Устинова 2018: 214]. В этой связи вполне закономерным представляется обращение к различным аспектам когнитивной деятельности, в частности, к универсальным механизмам познания и индивидуально-психологическим особенностям восприятия; к определению факторов, способствующих восприятию и пониманию информации или затрудняющих эти процессы, к специфике обработки информа-

ции в зависимости от используемых процедур и технологий ее предъявления и т. д.

Наряду с использованием универсальных когнитивных операций сравнения, различения, классификации, обобщения в основе процесса интериоризации (термин, введенный Л. С. Выготским) информации лежат так называемые «эвристические когнитивные операции», к которым относятся, например, установление отдаленных ассоциативных связей, обнаружение аналогов, концептуальное комбинирование и т. п. (см. об этом в: [Gridina, Ustinova 2016: 93–96; Устинова 2018: 213–228]).

Объектом исследования в данной статье является учебный текст как инструмент обучения, что предполагает его рассмотрение, с одной стороны, с точки зрения реципиента, с другой – с точки зрения создателя, разработчика.

Цель исследования – анализ когнитивных механизмов восприятия учебного текста по русскому языку для общеобразовательных организаций и принципов его конструирования.

Попытки объяснить, почему одни тексты для читателей сложнее/легче, чем другие, что определяет их понимание/непонимание, предпринимались уже давно (см. об этом, например, в: [Gray, Leary 1935; Бине, Симон 1911; Гилфорд 1965; Лурия 2001]). Особенности вос-

приятия текста выявлялись в процессе экспериментальных психолингвистических исследований, что позволило выделить параметры, характеризующие стратегии усвоения информации и факторы, определяющие степень ее понимания. Их можно свести в следующие группы:

1. Особенности содержания излагаемого материала.

2. Особенности представления материала в тексте: структурированность текстовой информации, ее квантование, последовательность введения понятий и т. д.

3. «Техническое» оформление текста (абзацное членение, шрифты, соотношение теории с иллюстративным материалом, соотношение текста и таблиц, схем, формул и т. д.).

Нетрудно заметить, что все эти факторы характеризуют сам текст, но не учитывают индивидуально-психологические особенности реципиентов, уровень сформированности их когнитивных и метакогнитивных операций, в том числе – обработки информации в зависимости от формы ее предъявления (устной, письменной, комбинированной). В этой связи можно привести понимание восприятия речи как «процесса извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. Обработка речевых сигналов проходит последовательно. Восприятие формы речи требует знания закономерностей ее построения» [Белянин 2004: 220]. Заметим, что о последовательности восприятия и обработки (содержательного квантования) информации однозначно можно говорить лишь в случае ее устного предъявления и соответственно в процессе аудирования. Если же речь идет о письменном тексте, следует иметь в виду его комплексность, т. е. сочетание вербальной и визуальной составляющих, что характерно для современного текста вообще и учебного в частности. Механизмы внешней (иллюстративной) и внутренней (обращенной к личностному опыту) визуализации обуславливают не столько последовательное декодирование знаков, сколько гештальтное, целостное «схватывание» информации. В последнем случае субъективные факторы, связанные с наличием и характером развития перцептивных и когнитивных механизмов, обеспечивающих восприятие текста, выходят

на передний план. Известно, что слова, даже написанные неправильно, но знакомые реципиенту, относительно легко воспринимаются в процессе беглого чтения (при намеренном торможении речедвижений), потому что работает механизм вероятностного прогнозирования речевой деятельности, суть которого заключается в способности предвосхищать появление тех или иных единиц воспринимаемой речи. Действие этого механизма обнаруживается в разных ситуациях автоматизированного употребления языковых единиц.

Такое прогнозирование может иметь место на всех уровнях языка, оно определяется разными системно-языковыми и экстралингвистическими факторами: правилами орфографии и грамматики; структурным оформлением языковых единиц, практическими навыками, актуальными для реципиента типовыми контекстами употребления слова, культурными коннотациями и т. п. Это вполне соотносится с теоретическим постулатом, согласно которому слова закрепляются в сознании носителя языка с типовыми контекстами их употребления в речи.

Приведем несколько типичных примеров, иллюстрирующих вероятностный прогноз в речевой деятельности:

– глаголы направленного движения с приставкой *до-* (*дойти, доехать, доплыть, добежать* и т. д.) предвосхищают появление в словосочетании падежной формы существительного с предлогом *до* (*до дома, до угла, до берега, до финиша...*); глаголы с приставкой *с-/со-* соответственно «притягивают» существительное с предлогом *с* (*спрыгнуть с подножки, слезть с дерева, сойти с поезда* и т. п.);

– слова с фразеологически связанным типом лексического значения «требуют» ограничения лексической сочетаемости. Вспомним ставшие хрестоматийными примеры, типа: *скалить* можно только *зубы, трескучим* (т. е. очень сильным) может быть *мороз*, но не может быть *жара*; колоративы с семантикой «коричневый» также жёстко «привязаны» к своим денотативным партнёрам: *карие глаза*, но *каштановые волосы, а лошадь каурая*;

– слова с конструктивно обусловленным типом лексического значения (как правило, переносного) ограничивают круг возможностей использования грамматической формы,

например: *рукав реки, трубы; открытие века, столетия, эпохи* (сущ. в И. п. + сущ. в Р. п.);

– производные предлоги *благодаря, согласно, вопреки* употребляются с существительным в Д. п.: согласно приказу, распоряжению (акцентировать окончание У и Ю);

– сочетания числительных с существительными в «заданных» историческим развитием грамматических формах *два, три, четыре дома, стола, но пять, шесть... домов, столов* и т. д.

Когнитивные операции предугадывания поступающих в процессе аудирования (чтения) тех или иных элементов речевой цепи связаны с опорой говорящего на типовые пресуппозиции, в том числе социокультурного плана. Приведем в качестве иллюстрации пример основанного на подобных пресуппозициях игрового текста, содержание которого может декодировать только носитель русской ментальности: *Новый год! Ну всё... осталось нырнуть в прорубь, подарить носки, получить цветы, испечь кулич – и лето!* (предполагаемая последовательность событий: Крещение, 23-е Февраля, 8-е Марта, Пасха).

В качестве методологически значимого можно принять постулат относительно того, что «...цепочка семантических гипотез, которую выстраивает адресат в процессе восприятия текста, базируется на различной (и даже разнородной) информации. Здесь и стандартные фреймовые, когнитивные представления, и языковые модели ... подтвержденные речевым опытом, и элементарные законы логики, и данные оперативной сенсорики, и т. д. Если эти каналы информации объединяются в некое подобие кластера, то очевидно, что эффективность понимания будет зависеть от того, насколько разные виды информации согласуются между собой или дополняют друг друга» [Норман 2018: 207].

Этот же механизм определяет так называемый «эффект вживания», когда ученик не видит ошибки в собственном тексте (особенно при его беглом чтении), поскольку известно, что порядок букв в слове, их пропуск или неверное написание не влияют на глобальное понимание текста, определение его основной идеи. При этом можно отметить, что формулировки заданий школьных учебников по русскому языку сами представляют собой стереотипные формулы, которые дети часто

не дочитывают до конца именно из-за их стереотипности, что приводит к парадоксальным, на первый взгляд, когнитивным сбоям. В качестве примера приведем результаты пилотных экспериментов, в которых принимали участие ученики 5–6-х классов, которым было предложено задание по методике завершения предложения. В качестве стимульного материала использовалось задание, смоделированное по типу тех, которые даются перед упражнениями по орфографии (в это время школьниками изучался именно данный раздел): «*Спишите предложения, найдите примеры слов, содержащих изучаемую орфограмму, подчеркните...*». Полученные ответы: *...орфограмму, ...часть слова, ...вставленную букву, ...корень, ...приставку, ...суффикс, ...окончание* (можно предположить, что детьми называются морфемы, содержащие орфограмму).

Наряду с адекватными ответами, приведенными выше, 47% детей, участвующих в эксперименте, ответили *подлежащее и сказуемое*, что, возможно, в какой-то степени объясняется тем, что изучаемой теме предшествовала серия обобщающих занятий по синтаксису, в том числе – синтаксическому разбору предложения. В таком случае типовая формулировка задания *подчеркните подлежащее и сказуемое* в какой-то мере «провоцирует» появление полученной частотной реакции. С одной стороны, она демонстрирует дискретность мышления учащихся данной возрастной группы: при выполнении задания ими не учитывался предшествующий контекст: задание по орфографии; с другой, – можно говорить об «усвоенности» детьми принятой в школьной практике комплексной модели выполнения упражнений, включающих разные виды лингвистического разбора: морфологического, синтаксического, фонетического, орфографического и др.

Подобные экспериментальные данные обуславливают актуальность вопроса о типах притекстовых заданий, особенно предтекстовых, когда они даются в самом общем виде. Например: *прочитайте текст* (далее следует лингвистический текст по словообразованию без какой-либо предварительной установки), затем предлагается задание: «*Расскажите, о каком способе образования сложных имен существительных вы узнали*» [Разумовская 2020]. Отсут-

ствие установки делает невозможным или весьма затруднительным выполнение затекстовых заданий сразу после прочтения текста. В лучшем случае можно получить исключительно репродуктивные ответы, не позволяющие судить о степени осмысления материала. Заметим, что часто именно такие вопросы, допускающие в том числе вообще однословный ответ, и предлагаются авторами учебников.

Попытаемся определить, каким должен быть учебный текст и какого рода тексты представлены в сегодняшних учебниках по русскому языку. Материал ограничим несколькими произвольно выбранными пособиями (в том числе включенными в Федеральный перечень) для учащихся 5–6-х классов.

В лингводидактике существуют многочисленные определения понятия «учебный текст», существенно различающиеся как по объему, так и по содержательному наполнению. В узком смысле учебный текст рассматривается как источник дидактической информации, которая определяет содержание и характер самостоятельной деятельности учащегося. В широком смысле под учебным текстом понимается материал учебников, а также учебных пособий, словарей, справочных изданий; такой учебный текст включает, кроме вербальной составляющей, и иллюстрации, и способы организации текстового материала в книге (или электронном ресурсе). Такой подход представляется в большей мере соответствующим современным условиям, поскольку он отражает, в частности, и проблему визуализации информации, и учет доминирования разных модальностей восприятия и т. п. ФГОС определяет учебный текст как «дидактически и методически обработанный систематизированный материал, который является главным источником информации и обеспечивает наиболее полное усвоение нового знания» [ФГОС [http](http://)]. В документе определяются требования, предъявляемые к учебному тексту, включающие «...полноту отражения учебного материала, которая регламентируется рабочей программой; корректность использования понятийного аппарата дисциплины, что означает его соответствие тем определениям и трактовкам, которые общеприняты в данной области научных знаний;

научность и достоверность представленной информации. Кроме основного теоретического материала, в учебный текст должны быть включены пояснительные и дополнительные материалы» [Там же].

Учебный текст должен быть ориентирован не на заучивание понятий, а на развитие самостоятельности, творческого отношения к учению, что требует принципиально нового подхода к конструированию структуры учебника с учетом психологических закономерностей овладения информацией. Заметим в этой связи, что большая часть школьных учебников, по наблюдениям психолингвистов, ориентирована на левополушарных визуалов, использующих когнитивные стратегии анализа, членения, классификации, алгоритмизации, схематизации, в то время как задания для детей с другими латеральными профилями (лево- и правополушарных аудиалов, кинестетиков, правополушарных визуалов) практически отсутствуют.

В существующей сегодня лингвометодической традиции учебный текст иногда делят на два типа: теоретический и практический. Предполагается, что тексты первого типа включают в себя информацию, направленную на актуализацию известных знаний и введение нового материала, второй тип текста должен помочь ученикам соотнести теорию и практику, научить применять полученные (освоенные) теоретические знания в практических ситуациях разных типов. Известны учебные комплексы по русскому языку для 5–9-х классов, которые состоят из отдельных частей «Теория» и «Практика» [Бабайцева, Чеснокова 2002]. Насколько удачно такое разделение теории и практики? Вопрос решается весьма неоднозначно, право на существование имеют аргументы как «за», так и «против». Приведем лишь один пример из теоретической части этого учебника: спряжение глагола определяется по личным окончаниям (при этом не акцентируется внимание на том, что эти окончания ударные), приводится парадигма личных окончаний, которую ученик должен запомнить. Зачем? Для чего школьнику изучать спряжение глаголов? Предполагается, что знание спряжения (как минимум) поможет правильно писать личные окончания. Но ведь правописание ударных

гласных в окончаниях глаголов типа *несёшь, спишь* и без приведенного образца вопросов не вызывает. А как быть, если окончания безударные? Именно в этих случаях надо знать спряжение, иначе мы получаем типичные ошибки типа *дышиЕт, дышиУт, колышиИт, колышиАт, борЯтся* и т. п. Лишь через несколько страниц вводится полный алгоритм определения спряжения, где первый шаг – выявление ударного гласного в личных окончаниях, а второй (для безударных окончаний) – проверка инфинитивом. Таким образом, на данном этапе изучения темы такого рода неполные (или дробные) алгоритмы приводят к зазубриванию теории, которая остается невостребованной в более-менее спонтанной речевой практике / в разных видах учебной деятельности или существующей «параллельно» с практикой выбора правильного написания. Вспомним типичную школьную ситуацию: ученик рассказал заученное правило и, возможно (хотя вовсе не обязательно), даже диктант на это правило написал хорошо, а в сочинении эти же самые слова пишет с ошибками – не сложились в его сознании «пазлы» разъединенной теории и практики. Этому «способствует» и форма подачи материала – тяжеловесный неакцентированный образец, плохо поддающийся запоминанию.

Информация, представленная в учебном тексте как внешняя, отчужденная от личностной сферы ученика, только тогда может стать достоянием его сознания, когда она прошла через систему его индивидуальных когнитивных фильтров. Интериоризация учебного текста, ориентированного на формирование универсальных учебных действий, предполагает разного рода преобразования и трансформации: отработку нескольких вариантов решения учебной задачи, упражнения на применение теоретических знаний в новых (по сравнению с представленными в образце) ситуациях. Задания репродуктивного типа для этого не подходят, предлагаемый материал должен быть интересным, вызывать вопросы и желание найти на них ответы, возможно, неоднозначные, развивающие дивергентное мышление. Однако при конструировании материалов не стоит забывать о лингвистической корректности классификаций, а также о соответствии уровня слож-

ности учебного текста возрастным особенностям и интеллектуальному развитию обучающихся. Например, в одном из учебников приводится задание по теме «Парные звонкие и глухие согласные»: «Объясните, почему слова объединены в такие группы. Что нужно сделать, чтобы ответить на этот вопрос? 1) топот, писать, попусту; 2) абазур, якорь, забрал; 3) ветхий, парашют, тетрадь» [Рыбченкова 2019: 19]. Студенты-филологи и психолингвисты нашли более двух десятков (!) оснований для классификации, пытаясь «привязать» предложенные варианты к теме урока (см. выше), выявить единые основания для классификации, найти креативные ходы в предложенном объединении слов. Каково же было их изумление, когда в Интернет-ресурсе «ГДЗ» (готовые домашние задания) они нашли следующий ответ от авторов учебника: «1) все согласные глухие; 2) в каждом слове два звука [а], 3) в каждом слове 4 согласных» (!). На наш взгляд, такого рода лингвистические «экзерсисы» неадекватны учебной цели.

Возвращаясь к одному из методологически значимых принципов конструирования учебного текста – учету индивидуально-психологических особенностей адресата – особо выделим игровые тексты, которые помогают «снять» психологический зажим, связанный с боязнью ответить неправильно или не запомнить так, как требует (предписывает) формулировка задания. Сравните, например, два варианта изучения темы «Несклоняемые существительные»: а) требование выучить материал параграфа из учебника о том, что несклоняемые существительные во всех падежах имеют одинаковую форму и просклонять существительное типа *кашне* [Шмелев 2020] и б) анализ контекстного окружения несклоняемых существительных в каламбурном игровом предложении, где «синтаксическая функция „подсказывает“ их падеж: *Человек человеку волк, а зомби зомби зомби*» [Норман 2015].

Покажем также для сравнения два типа упражнений по словообразованию: 1. «Приведите по два примера, иллюстрирующие данные **словообразовательные** модели» [Разумовская 2020], а ниже нарисованы схемы: корень, суффикс -еньк- и окончание -а; корень, суффикс -ок- и нулевое окончание; корень, суффикс -ушк- и окончание -а). Выпол-

нение подобных заданий (по образцу, аналогу) представляется удачным для активизации правополушарных стратегий обработки информации в процессе автоматизации навыка. Для левополушарных детей это упражнение представляет относительно простую алгоритмизированную процедуру выделения корня и решения вопроса о статусе комплекса -онк: *собачонка* – *собака* (-онк- суффикс), *картонка* – *картон* (-он- – часть корня, -к- – суффикс), *болонка* – нечленимое слово (-онк- – часть корня) и т. д. Однако на схеме, как видим, нет заявленной в задании словообразовательной модели, есть **морфемная** структура слов, что подтверждается, в частности, заданием к следующему упражнению: «Выпишите слова, **строение** которых соответствует модели», и снова представлена схема: корень, суффикс -онк-, окончание -а. То есть одна и та же модель в первом случае квалифицируется как словообразовательная, во втором – как морфемная. Само по себе второе задание интересно в плане разграничения функций омонимичных звукокомплексов (-онк- выступает в качестве одного суффикса, части корня и двух суффиксов), но каким образом ребенок должен понять разницу между морфемным и словообразовательным разбором слова, которыми завершается раздел? Подобного рода «нестыковки», к сожалению, отмечаются и в других учебниках, см., например, итоговую таблицу по теме «Словообразовательный и морфемный разбор» в: [Русский язык 2018].

2. Более интересным и операциональным представляется другой вариант задания по той же теме, где омонимичные звукокомплексы представлены в словах с одинаковой морфемной структурой и разной словообразовательной «судьбой»: «Какое из следующих слов по своей словообразовательной истории выпадает из общего ряда? *Книжка, коврижка, бумажка, бражка, фляжка, дужка, лачужка, штажка*» [Норман 2010: 64]. Здесь же приводятся задания, актуализирующие метаязыковую рефлексию ребенка, которому предлагается поразмышлять над потенциальными производными: «Есть в русском языке слова *чайник, кофейник, молочник...* А почему нет слов *кефирник* или *компотник*»? [Норман 2010: 66].

Разнообразные серии игровых заданий по морфемике и словообразованию, а также

анализ типов детских инноваций представлены в: [Гридина 2016, 2018; Гридина, Коновалова 2017]. Например: а) создание потенциальных словообразовательных гнезд от имен известных персонажей *Винни-Пух* и *Штопяк* (по заданной модели, по мотивационному перифразу, по образцу словообразовательного гнезда и т. п.); б) «узнавание» и сборка слова из отдельных «пазлов»; трансформация словообразовательных моделей в зависимости от словообразовательного значения производного слова; в) обыгрывание многозначности словообразующего аффикса и др.

Совершенно очевидно, что невозможно заменить все традиционные классические задания игровыми, да в этом и нет необходимости, но их «комфортная комплементарность» (взаимодополнительность) сделает процесс обучения более живым, естественным и неформальным.

Выводы

Анализ экспериментальных данных позволил выявить причины неуспешности работы с учебным текстом, которые можно свести в две группы: индивидуально-личностные, обусловленные особенностями воспринимающего, и «внешние», объективные, вызванные «дефектами» конструирования материала его разработчиком. К первой группе относятся а) недостаточность языкового, эмпирического, логического, когнитивного опыта, который позволил бы воспринимающему определить смысл текста; б) непонимание лексического материала (агномимы) и грамматических структур текста; в) психологический дискомфорт, неблагоприятные эмоциональные состояния, цейтнот, отсутствие мотивации и/или интереса. Вторую группу составляют: а) неоднозначность формулировок; б) формальная сложность структуры текста и составляющих его частей; в) информативная «плотность» текста (семантическая емкость); г) чрезмерная иллюстративность или некорректность иллюстраций по отношению к вербальной составляющей; д) абстрактность изложения, отсутствие или невыразительность примеров; е) слабая соотнесенность текста и притекстовых заданий.

При конструировании учебных текстов следует учитывать, что они должны быть

ориентированы не на заучивание материала, а на развитие метаязыковой и метакогнитивной компетенций обучающихся. Это определяет необходимость учета их индивидуально-психологических особенностей восприятия информации, представленной вербальным и/или невербальным кодами. Предъявлять информацию следует различными способами: алгоритмизированно, схематично или целостно, с опорой на аналогии, образцы, что соответствует лево- и правополушарным стратегиям восприятия и обработки текста, а также делает возможным использование приобретенного метакогнитивного и метаязыкового опыта в спонтанной речевой деятельности. Для этого учебный текст должен содержать максимально полное определение каждого кванта информации; большое число контекстов употребления вводимых новых терминов; перифразы; примеры, способствующие раскрытию основного содержания текста и отдельных деталей, существенных для его целостного понимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева, В. В. Русский язык. Теория 5–9 / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – Москва: Дрофа, 2002. – 416 с.
- Белянин, В. П. Психоллингвистика / В. П. Белянин. – Москва: Флинта, 2004. – 232 с.
- Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – Санкт-Петербург: Наукова думка, 1998. – 528 с.
- Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления: сборник переводов / под ред. А. М. Матюшкина. – Москва: Прогресс, 1965. – 533 с.
- Гридина, Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: монография / Т. А. Гридина. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2018. – 272 с.
- Гридина, Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива: коллективная монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 5–33.
- Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2016. – 177 с.
- Гридина, Т. А., Конавалова Н. И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе / Т. А. Гридина, Н. И. Конавалова // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 8. – С. 79–84.
- Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва: МГУ, 2001. – 320 с.
- Норман, Б. Ю. Жизнь словоформы / Б. Ю. Норман. – Москва: Флинта; Наука, 2015. – 216 с.
- Норман, Б. Ю. «Креатив» говорящего vs. «креатива» слушающего: компромисс взаимопонимания / Б. Ю. Норман // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 174–212.
- Норман, Б. Ю. Русский язык в задачах и ответах / Б. Ю. Норман. – Москва: Флинта; Наука, 2010. – 384 с.
- Разумовская, М. М. Русский язык: 5 класс: в 2 частях / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос [и др.]. – Москва: Дрофа, 2020. – 288 с.
- Русский язык. 6 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций: в 2 ч. / Д. Н. Чердаков [и др.]; под общ. ред. Л. А. Вербицкой. – Москва: Просвещение, 2018. – Ч. 1. – 174 с.
- Рыбченкова, Л. М. Русский язык. 5 класс: учебник: в 2-х частях / Л. М. Рыбченкова [и др.]. – Москва: Просвещение, 2019. – Ч. 2. – 159 с.
- Устинова, Т. В. Лингвокреативность смыслового восприятия окказионализмов в поэтическом тексте / Т. В. Устинова // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 213–228.
- ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – URL: <https://mosmethod.ru> (дата обращения: 20.05.2019). – Текст: электронный.
- Шмелев, А. Д. Русский язык: 5 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций: в 2 ч. / А. Д. Шмелев, Э. А. Флоренская, Ф. Е. Габович [и др.]. – Москва: Вентана-Граф, 2020. – 304 с.
- Gray, W. What Makes a Book Readable / W. Gray, B. Leary. – Chicago: The University of Chicago Press, 1935. – P. 21–57.
- Gridina, T. A. The Poetic Linguistic Non-standardness and Meaning Construction: Semantic Aspects of the Associative Theory of Linguistic Creativity / T. A. Gridina, T. V. Ustinova // Russian Linguistic Bulletin. – 2016. – № 2 (6). – P. 93–96.

REFERENCES

- Babaitseva, V. V., Chesnokova, L. D. (2002). *Russkii yazyk. Teoriya 5–9* [Russian Language. Theory 5–9]. Moscow, Drofa. 416 p.
- Belyanin, V. P. (2004). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta. 232 p.

- Burlachuk, L. F., Morozov, S. M. (1998). *Slovar' – spravochnik po psikhodiagnostike* [Dictionary-reference Book on Psychological Diagnostics]. Saint Petersburg, Naukova dumka. 528 p.
- Cherdaikov, D. N., et al. (2018). *Russkii yazyk. 6 klass: uchebnoe posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii: v 2 ch.* [Russian Language 6 Year of Study, in 2 parts] ed. by L. A. Verbitskay. Moscow, Prosveshchenie. 174 p.
- FGOS – *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of Basic General Education]. URL: <https://mosmetod.ru> (mode of access: 20.05.2019).
- Gilford, Dzh. (1965). Tri storony intellekta [Three Sides of Intelligence]. In Matyushkin, A. M. (Ed.). *Psikhologiya myshleniya: sbornik perevodov.* – Moscow, Progress. 533 p.
- Gray, W, Leary, B. (1935). *What Makes a Book Readable.* Chicago, The University of Chicago Press, pp. 21–57.
- Gridina, T. A. (2012). Logika yazykovogo paradoksa v detskoj rechi [Logic of the Language Paradox in Children's Speech]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa: kollektivnaya monografiya.* Ekaterinburg, pp. 5–33.
- Gridina, T. A. (2016). «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka [“Your own Game”: a Child in the World of Language]. Ekaterinburg. 177 p.
- Gridina, T. A. (2018). *Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovoj igre* [Verbal Creativity of a Child: from the Origins of Word Creation to Language Play]. 2nd edition. – Ekaterinburg. 272 p.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2017). Tekhniki yazykovoj igry v protsesse obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze [Techniques of Language Play in the Process of Learning Word Formation in School and in High School]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii.* No. 8, pp. 79–84.
- Gridina, T. A., Ustinova, T. V. (2016). The Poetic Linguistic Non-standardness and Meaning Construction: Semantic Aspects of the Associative Theory of Linguistic Creativity. In *Russian Linguistic Bulletin.* No. 2 (6), pp. 93–96.
- Luriya, A. R. (2001). *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow, Moscow State University. 320 p.
- Norman, B. Yu. (2010). *Russkii yazyk v zadachakh i otvetakh* [Russian Language: Problems and Answers]. Moscow, Flinta, Nauka. 384 p.
- Norman, B. Yu. (2015). *Zhizn'slovoformy* [Life of the word form]. Moscow, Flinta, Nauka. 216 p.
- Norman, B. Yu. (2018). «Kreativ» govoryashchego vs. «kreativa» slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya [“Creative” of the Speaker vs. “Creativity” of the Listener: a Compromise of Mutual Understanding]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya.* Ekaterinburg, pp. 174–212.
- Razumovskaya, M. M., Lvova, S. I., Kapinos, V. I., et al. (2020). *Russkii yazyk: 5 klass: v 2 chastyakh* [Russian Language 5 Year of Study, in 2 parts]. Moscow, Drofa. 288 p.
- Rybchenkova, L. M., et al. (2019). *Russkii yazyk. 5 klass: uchebnik: v 2-kh chastyakh* [Russian Language 5 Year of Study, in 2 parts]. Moscow, Prosveshchenie. 159 p.
- Shmelev, A. D., Florenskaya, E. A., Gabovich, F. E., et al. (2020). *Russkii yazyk: 5 klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii: v 2 ch.* [Russian Language: 5 Year of Study: Textbook for Students of General Education Organizations, in 2 parts]. Moscow, Ventana-Graf. 304 p.
- Ustinova, T. V. (2018). Lingvokreativnost' smysloвого vospriyatiya okkazionalizmov v poeticheskom tekste [Linguo-creativity of Semantic Perception of Occasionalisms in a Poetic Text]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya.* Ekaterinburg, pp. 213–228.

Данные об авторе

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Author's information

Konovalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

ИНТЕРАКТИВНЫЙ УРОК КАК МАКРОЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСАХ

УДК 37.016:811.161.1. DOI 10.26170/FK20-01-17. ББК Ш141.12-9-99. ГРНТИ 14.25.09.
Код ВАК 13.00.02

Баграмова Н. В.

Российский государственный университет
им. А. И. Герцена
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6599-0285>

Nina V. Bagramova

Herzen State Pedagogical
University of Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6599-0285>

Васильева А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5071-6846>

Anastasia V. Vasilieva

Saint Petersburg State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5071-6846>

INTERACTIVE LESSON AS A MACRO-UNIT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN SHORT-TERM COURSES

Abstract. The relevance of the topic of this article is due to the need to strengthen the interactive side of the process of teaching a foreign language in short-term courses in the language environment. The purpose of the study is to establish the ratio of interactive forms and methods that determine the specifics of an interactive lesson of foreign language. In contrast to the existing points of view, we attempted to prove that the effectiveness of interactive learning depends on the systematization of interactive forms and methods of teaching and the sequence of their use. To study the patterns of interactive learning of a foreign language, we applied the following methods: observation, experiment, and analysis method. An analysis of the interactive forms and methods of teaching foreigners the Russian language in short-term courses in Russia shows that the use of the learning potential of the language environment makes the content of learning natural, topical and interesting. Avoiding traditional teaching methods allows organizing the exchange of thoughts and feelings in terms of speech interaction when creating a joint product (both verbal and non-verbal). The interactive lesson, which acts as a macro unit for selecting and organizing the content of Russian as a foreign language (RFL) training in short-term courses, consists of three blocks (motivational-introductory, activity-oriented and resultant). Specially selected for each communication situation and arranged in a certain order interactive forms and methods are presented in the system of interactive exercises and tasks, classified according to the stages of mastering speech actions in different communicative situations. The article presents the forms and methods of interactive teaching of Russian as a foreign language, which teachers can use in short-term courses. The authors have shown that interactive methods and forms of teaching stimulate foreign students to speak and communicate in the target language. This contributes to the development of skills of social and academic interaction of students to solve pressing communication problems in real situations of communication. We see the perspective of research in the development of interactive methods of teaching a foreign language for different age groups of students and different levels of proficiency in a foreign language.

Keywords: interactive teaching; forms of teaching; teaching techniques; interactive lessons; speaking skills; verbal communication; short-term education; Russian as a foreign language; methods of teaching Russian.

Аннотация. Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью усиления интерактивной стороны процесса обучения иностранному языку на краткосрочных курсах в языковой среде. Цель исследования – установить соотношение интерактивных форм и приемов, которые определяют специфику интерактивного урока иностранного языка. В противоположность существующим точкам зрения мы предприняли попытку доказать, что эффективность интерактивного обучения зависит от систематизации интерактивных форм и приемов обучения и последовательности их использования. Для исследования закономерностей интерактивного обучения иностранному языку мы применили следующие методы: наблюдение, эксперимент и аналитический метод. Анализ интерактивных форм и приемов обучения иностранцев русскому языку на краткосрочных курсах в России показывает, что использование обучающего потенциала языковой среды делает содержание обучения естественным, актуальным и интересным.

Отход от традиционных приемов обучения позволяет организовать обмен мыслями и чувствами в условиях речевого взаимодействия при создании совместного продукта (как речевого, так и неречевого). Интерактивный урок, выступающий как макроединица отбора и содержания обучения русскому языку как иностранному (РКИ) на краткосрочных курсах, состоит из трех блоков (мотивационно-ознакомительный, деятельностно-ориентированный и результативный). Специально отобранные для каждой ситуации общения и расположенные в определенном порядке интерактивные формы и приемы представлены в системе интерактивных упражнений и заданий, классифицированных в зависимости от стадий усвоения речевых действий в разных коммуникативных ситуациях. В статье представлены формы и приемы интерактивного обучения русскому языку как иностранному, которые преподаватели могут применять на краткосрочных курсах. Авторы показали, что интерактивные приемы и формы обучения стимулируют иностранных учащихся к устно-речевому общению на изучаемом языке. Это способствует развитию умений социального и учебного взаимодействия учащихся для решения актуальных коммуникативных задач в реальных ситуациях общения. Перспектива исследования видится в том, чтобы разработать интерактивные приемы обучения иностранному языку для разных возрастных групп учащихся и разных уровней владения иностранным языком.

Ключевые слова: интерактивное обучение; формы обучения; приемы обучения; интерактивные уроки; речевые умения; речевое общение; краткосрочное обучение; русский язык как иностранный; методики преподавания русского языка.

Для цитирования: Баграмова, Н. В. Interactive Lesson as a Macro-Unit of Teaching Russian as a Foreign Language in Short-Term Courses / Н. В. Баграмова, А. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 173–183. – DOI: 10.26170/FK20-01-17.

For citation: Bagramova, N. V., Vasilieva, A. V. (2020). Interactive Lesson as a Macro-Unit of Teaching Russian as a Foreign Language in Short-Term Courses. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 173–183. DOI: 10.26170/FK20-01-17.

Introduction. Foreign students who come for short-term courses in a target language country generally want to learn how to communicate with the native language speakers in different contexts and situations.

According to many researchers, successful formation of communicative competence while teaching a foreign language can result from creating certain conditions in class for strengthening the interactive aspect of the learning process. Interactivity, understood not only as verbal, but also as practical interaction, is the basis of communication and can become the mechanism and the cornerstone of foreign language education [Fedorova 2008]. H. Douglas Brown highlights that “interaction is the collaborative exchange of thoughts, feeling or ideas between two or more people, resulting in a reciprocal effect on each other. Theories of communicative competence emphasize the importance of interaction as human beings use language in various contexts to ‘negotiate’ meaning or simply stated, to get an idea out of one person’s head and into the head of another person and vice-versa” [Brown 2007: 165].

Methods of Research. In order to form most complete understanding of specific features of the organization process for interactive teaching

Russian as a foreign language (RFL) in short-term courses, we used the following research methods: observation, experiment and analysis. Observation of foreign language teaching practices in the supplementary short-term courses was used for revealing the main challenges in the development of oral-speech communication (OSC) skills in a non-native language. The experiment was carried out in order to test effectiveness of the system of exercises and tasks based on the suggested interactive techniques. The analysis of interactive methods and forms allowed us to establish their optimal balance in teaching the Russian language to foreigners in the short-term courses.

Literature Review. Researchers acknowledge achieving good results of the learning process while organizing classroom management in an interactive mode through a number of interactive teaching techniques. The most popular and effective methods of interactive teaching are based on taking into consideration, firstly, the contingent of learners [Abramova 2015], and secondly, conditions of the learning process [Yakimovich 2016]. The authors usually state at what stage of the lesson the use of interactive forms (warm-ups, fixing, homework, summarizing of learned material) will be most effective [Markova 2006].

While emphasizing the advantages of interactive teaching educationalists at the same time pay but little attention to such issues as systematic organization of interactive mode and the ways of its provision. As a rule, the authors focus on the use of some interactive technique, for example web-quest, role-play, case study, project work, etc. More often, the argumentation is limited to mere enumeration of interactive techniques with short commentaries which can be used in certain circumstances as well as possible topics recommended for the discussion. As a whole, researchers are more inclined to generalize the data and prefer reasoning on the anticipated theoretical results of the interactive teaching in general. As rightly pointed out, “interactive teaching has become an important tool in classroom teaching, but to make it a successful teaching process, there are a lot of restrain that we need to surmount” [Md. Mahroof 2014: 14].

At higher education institutions, where traditional forms of teaching foreign languages are still prevailing, normally the use of interactive techniques is entirely the initiative of a teacher. As a result, interactive teaching there is spontaneous and fragmentary. Perhaps, it is quite reasonable to take into consideration the standpoint of P. Seedhouse, who argues, “that it would be more satisfactory to take an institutional discourse approach where classroom discourse is regarded as an institutional variety of discourse, in which interactional elements correspond neatly to institutional goals” [Seedhouse 1996:16].

However, in case of short-term course training, where the educational process is not regulated by any state documents, the systematic implementation of interactive techniques, and, consequently, the issue of structuring the categories of interactive teaching, becomes highly relevant. Especially if the objective is advancement in learners’ previously acquired language proficiency and speech skills rather than mere development of speech skills.

Scientific literature assessment has shown that the issue of creative solutions to the development and mastering of oral language abilities at short-term language lessons remains open. The solution of the problems mentioned above becomes especially relevant in the context of teaching a foreign language at short-term courses in the country of the target language, for example,

teaching Russian as a foreign language (RFL) at the short-term courses in Russia.

The primary benefit of learning a foreign language at short-term courses in the country of the target language is the opportunity “to dive” into the authentic language environment. Such favorable circumstances increase learning effectiveness, contribute to acquiring linguistic and socio-cultural knowledge, foster language proficiency and development of speech skills. Despite the widespread network of the language courses for foreigners learning Russian, the traditional forms of teaching do not always respond to the challenges of the intensification of the educational process and do not take into account the favorable learning opportunities of the language environment [Leontiev 1983; Orekhova 2003; Burina 2015].

The goal-oriented use of the language environment should be facilitated by the introduction of interactive teaching as a system, which, according to ten principles of interactive teaching proposed by Wilga M. Rivers [Rivers 1997], can join theoretical provisions and real communication.

As our observations show, all personality-oriented technologies are endowed in any way with the features of interactivity as well as interactive teaching technology includes elements of other innovative technologies.

Due to the development of learning information technologies, the number of interactive forms of teaching a foreign language will dramatically increase, as “the use of the interactive learning tools on the digitally-native students can facilitate and enhance teaching and learning” [Pradono et al. 2013: 46].

Taking all of the above into consideration, we think that the short-term RFL classes in Russia should be based on interactive mode, which enables the psychological barrier to be minimized or eliminated, facilitating further growth of the communicative abilities needed for effective interpersonal communication in the target language.

In order to ensure effective communication for the students in real life situations, the interactive learning technology should function as a well-structured system consisting of a wide range of interactive techniques promoting the independence and activity of the students, to

foster the development of their communication skills in the target language.

Results and discussion. The main functional load of interactive technology while teaching Russian as a foreign language is to develop the students' "authentic type of behavior" [Kolosnitsyna 1997]. In this case, the interactive mode in class is designed through certain interactive actions and sequential movement on the part of the learners through interaction stages. At the same time, the active interaction of learners is aimed at solving a specific communicative task, as a result of which certain speech actions are acquired that are necessary for fluent communication with native speakers of the Russian language.

From our perspective, the framework of preparation for interaction in real situations of communication is *an interactive lesson* as a macro-unit of content selection and organization of RFL training in short-term courses. This implies that interactive forms and methods are presented in a scheme of interactive exercises and assignments, specially chosen for each communication scenario and arranged in a certain order, categorized according to the phases of speech behavior in distinct communicative circumstances.

The concept of the organization of pedagogical interaction of E. V. Korotayeva [Korotayeva 2016] became a methodological basis for the creation of the system of interactive exercises for effective development of oral speech skills in Russian as a foreign language in the conditions of the target language environment.

Students are taught in interpersonal communication at each level, performing interactive duties that indicate certain particular speech activities. In an interactive task of this or that sort a certain communicative task is established that is important for students in short-term courses is set, due to which oral speech communication skills evolve. Consequently, the process of interpersonal interaction, during which foreign language communication takes place, requires the formation and consolidation of not only the specified interactive skills, but also the skills of the OSC in general.

If the interactive lesson is a macro unit of learning RFL, then the interactive task can be considered as a minimal, specially organized unit of the educational process that is micro-unit interactive teaching.

The interactive lesson has a three-part structure: *motivational-introductory, activity-oriented and resultant blocks*, within which certain communicative goals and objectives are set. There are sets of interactive exercises in each block to organize interaction and communication simultaneously in the classroom. Sets of interactive exercises are compiled with interactive techniques and forms that contribute to the formation and improvement of the relevant skills of OSC.

For each block of the interactive lesson, the list of interactive forms and techniques is open, because they can be used in different modifications and variations; the main thing being the correspondence to the stages of interaction and gradual increasing complication.

We emphasize once again that for mastering of OSC in foreign language the verbal interaction of students is of paramount importance; and that is a consequence of productive creative activity in a group. Such interaction is organized in various interactive forms assuming work in pairs, mini-groups and groups, thus creating the atmosphere of increased interest and providing the authenticity of the speech.

Interactive tasks are carried out using interactive techniques to stimulate speech activities needed for adequate speech behavior in a speech scenario, which is one of the stages of ultimate outcome achievement (solving the issue). Knowledge obtained as a result of interactive tasks and exercises will form a motivational basis, and their application in the subsequent activities will keep students interested in collective activities, give them confidence in their abilities, which will lead to an awareness of the significance of their participation in the overall result [Fedotova, Vasilieva 2018]. One can judge the efficiency of interactive techniques and forms on the result obtained in real communication with a native speaker.

Thus, interactive techniques as units of speech impact [Passov 2009: 38] are implemented in various forms of interaction between subjects of the educational process. E. I. Passov classified these techniques according to the conformity of the formed skills of the OSC with a certain stage of interaction. Interactive forms, in turn, are one of the possible ways to organize the interaction of students in the classroom in order to achieve some practical result through dialogue communication in active performances, that can be cre-

ative, game or search based. The choice of form is primarily prompted by the planned result, as well as taking into account the content of a specific communication situation, the selection of which in short-term education is better to conduct considering the degree of discomfort for students [Vasilieva 2017].

Let us consider in more detail which skills of OSC are formed and how verbal and non-verbal interaction is carried out in interactive forms and techniques of each of the three blocks of the interactive lesson.

Given the fact that speech interaction is primarily an active communication performance in the target language, the blocks were named in accordance with the regulations of the activity-oriented approach (I. A. Zimnyaya, A. A. Leontiev, S. L. Rubinstein).

The purposes of **motivational-introductory block**:

- to form motives of intellectual and cognitive plan (to interest and cause positive emotions);
- to encourage speech-thinking activity by creating particular conditions (to remove the psychological barrier);
- to cause communicative and learning-cognitive need (thanks to the use of experience and background knowledge in the target language and taking into account the national and cultural specifics of students).

Introductory-discussional, evaluation-introductory and motivational sets of interactive exercises, embodied in interactive forms and techniques will facilitate the formation and growth of this block's OSC abilities.

A *heuristic conversation* "What if?" is aimed at removing the psychological barrier and creating motivating conditions for communication. The orientation phrase, for example, "What if...?" ("What do You think if we have dinner tonight?" or "What if we go cycling this weekend?" etc.) clearly indicates the topic of a lesson and starts the mechanism of speech interaction. Previously shaped dialogical skills are activated in such a discussion.

Cluster and "Brainstorming" interactive techniques boost task efficiency in such an interactive way as "Auction of thoughts" for instance. These techniques and forms contain questions and tasks for discussion, and recommend that students turn to their own life experience and background under-

standing. So one can develop the skills necessary to enter into real communication – to join and maintain communication, to present one's own point of view.

The subsequent development of dialogical skills occurs in such an interactive form as *Debates based on authentic audio and video materials*. Staying in the natural environment of the language being studied requires foreign students to quickly and correctly perceive oral information and to respond adequately. The use of various kinds of videos related to the topic of a lesson helps to develop listening and pronunciation skills. The main requirement is the presentation of the text without any written support.

Audio and video text for an interactive lesson should not only be authentic, but also difficult, in which case students will be able to immerse themselves in the socio-cultural setting. Tasks built up on the material of sounding texts, that perform informative and communicative functions, draw attention to the subject of speech activity, which is acquired during the dialogues carried out.

An interactive technique "Complete the dialogue", suggests working in pairs and is used to develop linguistic flair and anticipation. By means of the dialogues typical communication situations of people are reproduced whereas they perform certain social roles: *a restaurant visitor versus a waiter, a patient versus a doctor, a tourist versus a tour operator*, etc.). In these dialogues, samples of real communication with a native Russian speaker are presented. The use of a mobile phone Dictaphone records is proposed as an interactive learning tool.

Activity-oriented block is directed on:

- the formation of generalized methods of action (work "on the pattern" with a discussion of ways how to solve communicative tasks of a certain type);
- the intensification of speech acts "on the pattern" and the accumulation of experience in the knowledge application (comprehension, mastering, consolidating, and applying the pattern in speech practice);
- meeting the need for acquiring new knowledge (expanding the horizon), increasing the motivation to master the skills for solution of certain communicative tasks in new types of practical activities.

Interiorized and activity-thinking sets of interactive exercises assist keep the necessary activity of the learners, boost their communication productivity, and develop socialization and cognitive activity abilities skills.

An interactive technique *Use of a problem situation (where you can have a rest at the weekend, which fitness club to go to, etc.)* is embodied in the interactive tasks built up on the material of the second type of dialogues – a telephone conversation between friends discussing a particular problem. In the process of working in pairs and mini-groups with Internet resources (for example, addresses and phone numbers of travel agencies, restaurant menus, etc.) it is possible to realize an inclusion in the social environment and the assimilation of the sociocultural elements of communication, and to develop the ability to achieve consensus when performing various types of practical activities.

Work with Internet resources entails the usage of *method of synectics*, which allows forming an ability to develop their ideas and support the other ones in the discussion of a particular issue. Because of interactive forms: *mosaic*, *“Take a position”*, *“Conflict of opinions”*, an authentic speech situation is created in class that contributes to the formation of naturally motivated communication skills.

Students are introduced to the dialogues that demonstrate the scenarios of Russian communicative behavior and stereotypes of speech interaction. Dialogues are modeled in such a way that subsequently foreign students can use language means and speech-speaking norms of foreign language communication in a telephone conversation with a real Russian friend / Russian girlfriend. By means of the interactive form *“Call a Friend”*, speech skills of oral communication are developed and the ability to change tactics during the dialogue is formed.

Despite the fact that this kind of tasks in their wording resemble speech exercises, where dialogue-models material is either way used by both parties, the didactic value of *“Call to a Russian friend”*, is that in the phone conversation we only know the general direction of the course of the dialogue: the speech of the interlocutor moves on the “other side” of the phone and is impossible to predict, therefore, the formation of anticipation mechanism represents particular importance.

Aims of Resultant block:

- semantic processing, information storage and application of learnt knowledge and acquired skills in new situations of solving theoretical and practical problems;
- solving the certain task in different ways and in different situations;
- awareness of the personal importance of the output for a student.

Exteriorized, activity-oriented and co-creative interactive exercises facilitate this.

Socio-cultural knowledge and formed skills of OSC in the framework of an interactive lesson are exteriorized in such an interactive form as *“Call to organization”*, which allows solving a certain communicative task in a genuine communication situation and contributes to the formation of the ability to independently model speech behavior in real unprepared communication with a native speaker. When working in such forms, foreign students learn to exercise self-control and self-correction of speech actions and select appropriate language means according to the situation and in order to build subsequent speech passages. Out of the results of a telephone conversation (completion of communicative tasks), students can assess the effectiveness of their speech behavior by themselves and the formal accuracy of the language means used. Tasks based on the interactive form *“The call to the organization”* can be regarded as genuinely communicative, since communication takes place in real situations with Russian-speaking interlocutors who perform their social role (*boyfriend / girlfriend, restaurant manager, hotel administrator, tourist complex manager, etc.*).

Interactive techniques *“mini-projects”*, *“technique of collective search for original ideas”* or *“cases”* help to create genuine situations of communication in class, where a speaker is involved in the discussion on his/her own initiative. As a result, when discussing certain issues in the process of group communication in a foreign language, the capacity to integrate thoughts and express their own views is created.

The results of using these techniques are documented in such an interactive form of the resultant block as *Presentations*, in the process of creating these techniques the usage of the foreign language becomes not a goal, but a means to achieve

a specific result in the implementation of practical activities.

The climax stage of the lesson turns out to be co-creative tasks based on such an interactive technique as, for example, “*The Expert Group*”. This technique stimulates the intense speech activity of students and their fluent usage of the material studied in class, and contributes to the development of spontaneous speech, which is important for solving communicative problems in real-life dialogues. In interactive forms of tasks *role-playing game, quest, round table, talk show* all students take part in creating a common result that is meaningful for all, they are trained in activities that do not have an educational orientation, but form the ability to work together in cognitive activity. For example, “a web quest allows you to model real multilateral communication, involves

working with a real practical situation or a problem that requires exploration either in individual or in group form” [Vavulin, Nikolenko 2017: 54].

We present the structure of an interactive lesson on the example of the topic “*Let’s go for dinner*” (Table 1).

The material of each interactive lesson is presented in three aspects: *linguistic, sociocultural* and *pragmatic*.

The linguistic aspect provides command of the necessary knowledge of multi-level units of the Russian language system (phonetic, lexical and phraseological, morphological and syntactic). As it was mentioned above, in the process of interactive learning, students gain new knowledge based on their experience (including life experience) or on the knowledge acquired earlier. It is that knowledge and experience that become the

Table 1

The structure of an interactive lesson of Russian as a foreign language

BLOCKS	SETS OF EXERCISES	INTERACTIVE TECHNIQUES AND FORMS	EXAMPLES OF INTERACTIVE TASKS
1 Motivational-introductory block	Introductory-disscussional	A heuristic conversation	What do you think if we have dinner tonight?
		Cluster	Where can you eat in your city?
		Brainstorming	What is good food?
		Auction of ideas	What kind of cuisine do you know?
2 Activity-oriented	Evaluative-introductory	Debates based on authentic audio and video materials	Watch the video “10 strange Russian dishes, unknown to foreigners”. Tell me, what dishes have surprised you? Why?
	Motivational	“Complete the dialogue”	Look at the cards, arrange the numbers of the phrases. Make the dialogue in the restaurant. Record the dialogue on your mobile phone recorder
3 Resultant	Interiorized	Use of a problem situation “Call a Friend”	Listen to the dialogue, fill in the gaps Choose a restaurant from the list, call a Russian friend / girlfriend, arrange a time and place for a meeting
	Activity-thinking	Collaboration in pairs, mini-groups with the use of internet resources	What dishes does a traditional Russian dinner consist of?
		Playing forms	“Guess the dish of Russian cuisine.” Choose one Russian dish from the list above. Find on the Internet what it consists of. Discuss this dish with other groups
3 Resultant	Exteriorized	A call to an organization	Find on the Internet the phone of the café or restaurant you like. Call the manager and book a table for two
	Activity-oriented	Mini-project work	Make a menu of a Russian restaurant and illustrate it
		Presentation	Think of a name for the restaurant. Tell about your restaurant
3 Resultant	Co-creative	Role-playing game	“Cooking specialties of the restaurant”

basis for new knowledge. With interactive teaching of a foreign language, such experience is comprised of lingual knowledge, formed speech skills and abilities that provide the command of new knowledge.

Sociocultural aspect reflects social and cultural features of verbal communication, including among representatives of different cultures, and stipulates the ability to comply with social norms of communication accepted in a foreign society. Verbal interaction of students, carried out in the process of performing interactive tasks, should lead to the activation of existing oral communication skills and the formation of personal skills of interactive speech, thanks to which students acquire new sociocultural knowledge. This knowledge also constitutes a motivational basis, and their application in further activities will help to keep students interested in collective activities and make them be more confident in their abilities, which will lead to the students' awareness of the significance for their contribution to the ultimate result. Clips from films, TV and radio programs, news, video blogs, etc., used as text material, on the one hand, are presented as scenarios of real communication, because they contain socio-cultural stereotypes, and on the other hand, contribute to the formation of the skill of attentive listening to live speech [Dobren'kova 1982: 30].

The pragmatic aspect is associated with the implementation of communicative functions according to the schemes of interaction in a particular situation of communication (acquisition of discourse structures, irony recognition, parody, command of speech behavioral tactics, etc.), that it demonstrates variants for interaction in specific situations of communication. Considering that most of interactive forms are "imitation of activities used in real society" [Panina, Vavilova 2007: 34], the interactive tasks developed on their basis correlate with possible ways of solving a particular problem that foreign students may face in the country of the language being studied. The teamwork is carried out in a group that acts as a micro social group and allows students to combine their experience and knowledge and, owing to this, to solve the communicative task jointly by means of a non-native language. Thus, the educational activity envisaged in the interactive lesson is a prototype of communication in real society in

the conditions of the real language environment: the forms of work in a group are adapted to the forms of social communication.

Apart from above-mentioned aspects, the effective functioning of the system of interactive tasks aimed at the development and mastering of OSC skills is influenced by the psychological component as an integral feature of the whole process of interactive teaching, which creates the prerequisites for readiness both for natural communication in RFL and for overcoming communicative and psychological barriers during the lesson and to eliminate stress-forming factors. In addition, interactive tasks contribute to the creation of a favorable psychological climate and a system of consistent motives for communication, inducing a communicative need. The relentless interest in active work in target language constantly supports it.

The interactive lesson "works" and the interactive technology becomes a system, rather than separately used forms and techniques, if the exercises included in each of the three blocks and tasks in which interactive forms and techniques are used are interconnected and represent a coherent whole. The content of the system can vary, because within each group of interactive exercises different interactive forms and techniques can be used. However, the sequence of interactive exercises must always be the same, ensuring both constant training of certain interactive skills and abilities of OSC acquired during the performance of certain speech actions, and constant change of activity modes that is obligatory for the IT. If this condition is met, then the system will function, and, therefore, the objectives and tasks of the training will be achieved.

Conclusion. The developed system, being a private system of exercises for mastering speaking skills, allows classifying interactive exercises and tasks taking into account the stages of speech acts acquisition in situations of active interaction of communicants.

Interactive lesson as a macro-unit of teaching RFL in short-term courses is a hierarchically structured system of interactive exercises and tasks, where the sequence of introduction, working out and consolidation of the material is observed. As a result, each new portion of linguistic and cultural information, as well as new language knowledge, skills and abilities interact organical-

ly with the accumulated speech experience of foreign students, complementing and enlarging it. According to the above-mentioned, it can be concluded that the content of teaching oral speech communication in a non-native language in a short-term training, organized through a series of interactive lessons, will be personality-oriented and communicative-interactive.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. В. Интерактивность учебного текста в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся / М. В. Абрамова. – Текст: электронный // Образовательные технологии и общество. – 2015. – Т. 18, вып. 4. – С. 529–539. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnost-uchebnogo-teksta-v-kontekste-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii-inostrannyh-uchaschihsya> (дата обращения: 13.03.2019).

Алхазидзе, А. А. Основы овладения устной иностранной речью / А. А. Алхазидзе. – Москва: Высшая школа, 2004. – 205 с.

Бурина, Е. В. Современные принципы обучения второму иностранному языку / Е. В. Бурина // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – № 4. – С. 103–109.

Вавулина, А. В. Использование технологии веб-квест при обучении РКИ на разных этапах обучения / А. В. Вавулина, Е. Ю. Николенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2017. – Том 3 (69), № 4. – С. 52–66.

Васильева, А. В. Дискомфортные ситуации общения для студентов-иностранцев, обучающихся в русской языковой среде / А. В. Васильева // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: сборник научных статей участников международной XVI научно-практической конференции 19–21 апреля 2017 г. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – С. 255–259.

Добренкова, Н. Н. Роль русской речевой среды в обучении иностранных студентов-филологов / Н. Н. Добренкова // Сборник научно-методических материалов к лекциям для слушателей ФПК. – Москва: Русский язык, 1982. – С. 26–30.

Колосницына, Г. В. Взаимодействие видов речевой деятельности при использовании интенсивных методов обучения (на материале русского языка как иностранного) / Г. В. Колосницына. – Москва: Изд. отдел УНЦ ДО МГУ, 1997. – 136 с.

Коротаева, Е. В. Организация взаимодействий в образовательном процессе школы / Е. В. Коротаева. – Москва: Национальный книжный центр ИФ «Сентябрь», 2016. – 192 с.

Леонтьев, А. А. Обучающие функции языковой среды и проблема интенсификации включенного обучения / А. А. Леонтьев // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 4. – С. 60–63.

Маркова, И. Н. Интерактивные методы обучения русскому языку иностранных студентов / И. Н. Маркова // Новые технологии. – 2006. – № 1. – С. 18–21.

Орехова, И. А. Языковая среда. Попытка типологии / И. А. Орехова. – Москва: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2003. – 194 с.

Панина, Т. С. Интерактивное обучение / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова // Образование и наука. – 2007. – № 6 (48). – С. 32–41.

Пассов, Е. И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем / Е. И. Пассов. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2009. – 124 с.

Федорова, Д. В. Образовательный потенциал интерактивного процесса учения на примере начальной ступени овладения иноязычной культурой / Д. В. Федорова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Специальный выпуск. – 2008. – С. 303–307.

Федотова, Н. Л. Особенности организации интерактивного обучения иностранным языкам / Н. Л. Федотова, А. В. Васильева // Вестник педагогических инноваций. – 2018. – № 3 (51). – С. 98–105.

Якимович, И. Г. Возможности использования игровых интерактивных технологий на практических занятиях в вузе / И. Г. Якимович // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 381–383.

Brown, H. Douglas. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy / H. Brown. – 3rd ed. – Pearson ESL, 2007. – 569 p.

Md. Mahroof, H. Interactive Teaching and Problems in Perspective of Bangladesh / H. Md. Mahroof // IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME). – Jul-Aug. 2014. – Vol. 4, Issue 4. – Ver. III. – P. 14–17.

Pradono, S. A Method for Interactive Learning / S. Pradono, M. S. Astriani, Ju. Moniaga // International Journal of Communication & Information Technology (CommIT). – 2013 (October). – Vol. 7, № 2. – P. 46–48.

Rivers, Wilga M. Principles of Interactive Language Teaching / Wilga M. Rivers. – 1997. – URL: http://edevaluator.org/rivers/10Principles_o.html (дата обращения: 29.03.2019). – Text: electronic.

Seedhouse, P. Classroom Interaction: Possibilities and Impossibilities / P. Seedhouse. – Text: electronic // ELT Journal. – 1996. – № 50/1. – P. 16–24.

REFERENCES

- Abramova, M. V. (2015). Interaktivnost' uchebnogo teksta v kontekste formirovaniya kommunikativnoi kompetentsii inostrannykh uchashchikhsya [Interactivity of the Educational Text in the Context of Formation of Communicative Competence of Foreign Students]. In *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. No. 18. Issue 4, pp. 529–539. URL: cyberleninka.ru/article/n/interaktivnost-uchebnogo-teksta-v-kontekste-formirovaniya-kommunikativnoy-kompetentsii-inostrannykh-uchaschihsya (mode of access: 13.03.2019).
- Alkhazhishvili, A. A. (2004). *Osnovy ovladeniya ustnoi inostrannoï rech'yu* [Basics of Mastering Oral Foreign Speech]. Moscow, Vysshaya shkola. 205 p.
- Brown, H. Douglas. (2007). *Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy*. Pearson ESL. 569 p.
- Burina, E. V. (2015). Sovremennye printsipy obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku [Modern Principles of Teaching a Second Foreign Language]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. No. 4, pp. 103–109.
- Dobrenkova, N. N. (1982). Rol' russkoi rechevoi sredy v obuchenii inostrannykh studentov-filologov [The Role of Russian Speech Environment in Teaching Foreign Students-Philologists]. In *Sbornik nauchno-metodicheskikh materialov k lekt-siyam dlya slushatelei FPK*. Moscow, Russkii yazyk, pp. 26–30.
- Fedorova, D. V. (2008). Obrazovatel'nyi potentsial interaktivnogo protsessa ucheniya na primere nachal'noi stupeni ovladeniya inoyazychnoi kul'turoi [Educational Potential of the Interactive Process of Teaching on the Example of the Initial Stage of Mastering Foreign Language Culture]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Spetsial'nyi vypusk*, pp. 303–307.
- Fedotova, N. L., Vasileva, A. V. (2018). Osobennosti organizatsii interaktivnogo obucheniya inostrannym yazykam [Features of the Organization of Interactive Teaching of Foreign Languages]. In *Vestnik pedagogicheskikh innovatsii*. No. 3 (51), pp. 98–105.
- Kolosnitsyna, G. V. (1997). *Vzaimodeistvie vidov rechevoi deyatel'nosti pri ispol'zovanii intensivnykh metodov obucheniya (na materiale russkogo yazyka kak inostrannogo)* [Interaction of Types of Speech Activity Using Intensive Teaching Methods (by the Material of Russian as a Foreign Language)]. Moscow, Izdatel'skii otdel UNTS DO MGU. 136 p.
- Korotaeva, E. V. (2016). *Organizatsiya vzaimodeistvii v obrazovatel'nom protsesse shkoly* [Organization of Interactions in the Educational Process of the School]. Moscow, Natsional'nyi knizhnyi tsentr IF «Sentyabr». 192p.
- Leont'ev, A. A. (1983). Obuchayushchie funktsii yazykovoï sredy i problema intensivifikatsii vkluchennogo obucheniya [Learning Functions of the Language Environment and the Problem of Intensification of Included Learning]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 4, pp. 60–63.
- Markova, I. N. (2006). Interaktivnye metody obucheniya russkomu yazyku inostrannykh studentov [Interactive Methods of Teaching Russian to Foreign Students]. In *Novye tekhnologii*. No. 1, pp. 18–21.
- Md. Mahroof, H. (2014). Interactive teaching and problems in perspective of Bangladesh. In *IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME)*. No. 4. Issue 4, pp 14–17.
- Orehkova, I. A. (2003). *Yazykovaya sreda. Popytka tipologii* [Language Environment. An Attempt of Typology]. Moscow, Gosudarstvennyi institut Russkogo yazyka im. A. S. Pushkina. 194 p.
- Panina, T. S., Vavilova, L. N. (2007). Interaktivnoe obuchenie [Interactive Learning]. In *Obrazovanie i nauka*. No. 6 (48), pp. 32–41.
- Passov, E. I. (2009). *Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem* [Terminosystem of Methodology, or How We Speak and Write]. Saint Petersburg, Zlatoust. 124 p.
- Pradono, S., Astriani, M. S., Moniaga, Ju. (2013). A method for interactive learning. In *International Journal of Communication & Information Technology (CommIT)*. No. 7. Issue 2, pp. 46–48.
- Rivers, Wilga M. (1997). *Principles of interactive language teaching*. URL: edevaluator.org/rivers/10Principles_o.html (mode of access: 29.03.2019).
- Seedhouse, P. (1996). Classroom interaction: Possibilities and impossibilities. In *ELT Journal*. No. 50 (1), pp. 16–24.
- Vasil'eva, A. V. (2017). Diskomfortnye situatsii obshcheniya dlya studentov-inostrantsev, obuchayushchikhsya v russkoi yazykovoï srede [Uncomfortable Situations of Communication for Foreign Students Studying in the Russian Language Environment]. In *Yazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoï auditorii: sbornik nauchnykh statei uchastnikov mezhdunarodnoi XVI nauchno-prakticheskoi konferentsii 19–21 aprelya 2017 g.* Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, pp. 255–259.
- Vavulina, A. V., Nikolenko, E. Yu. (2017). Ispol'zovanie tekhnologii veb-kvest pri obuchenii RKI na raznykh etapakh obucheniya [The Use of Web Quest Technology in Teaching RaFL at Different Stages of Training]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. No. 3 (69). Issue 4, pp. 52–66.
- Yakimovich, I. G. (2016). Vozmozhnosti ispol'zovaniya igrovnykh interaktivnykh tekhnologii na prakticheskikh zanyatiyakh v vuze [The Possibility of Using Interactive Gaming Technologies in Practical Classes at the University]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 381–383.

Данные об авторах

Баграмова Нина Витальевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры второго иностранного языка, Российский государственный университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48.

E-mail: nvbagramova@mail.ru.

Васильева Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: littlegenius@yandex.ru.

Author's information

Bagramova Nina Vitalievna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Second Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Vasil'eva Anastasia Vladimirovna – Post-graduate Student of the Department of Russian as a Foreign Language and Teaching of Russian as a Foreign Language, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК СМЫСЛОВОЙ АКЦЕНТ ПРИ АНАЛИЗЕ В 11 КЛАССЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА «Я ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР, Я ВЕЧНО ВЕЮ...»

УДК 372.882.161.1. DOI 10.26170/FK20-01-18. ББК Ч426.839(=411.1)-270. ГРНТИ 14.25.09.
Код ВАК 13.00.02

Ананьев С. М.

Московский педагогический государственный
университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6822-7250>

Sergey M. Ananyev

Moscow State Pedagogical University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6822-7250>

MUSICAL INTERPRETATION AS SEMANTIC EMPHASIS IN THE ANALYSIS OF THE POEM “I AM A WILD WIND, I BLOW ETERNALLY...” BY K. D. BALMONT IN THE 11TH GRADE

Abstract. The modern development of literary education involves the search for innovative methods of work with texts of fiction – this, in turn, determines the urgency of this study, as well as the need for humanization of education, spiritual and moral improvement of the senior secondary school student with the aim of upbringing a socially responsible and practically oriented person. The problem of using interpretation tools in analyzing a literary work is especially urgent, and this includes various ways of introducing musical interpretations into the structure of literature lessons, so a detailed consideration of musical interpretation as a means of lyric text analysis is necessary. In particular, this is due to the vision of the poetry of Russian symbolism as a separate category that uses the principle of “musicality” as a basis and requires clarification in the framework of school curriculum. The experimentally obtained data have confirmed the relevance of the topic chosen and have allowed outlining prospects for further research in this area. This article describes the use of musical interpretation, integrated into a comprehensive system of comparative and intertextual analysis, with reference to certain works of Russian symbolism and its philosophical concept, explicated by the activating means (symbols) designed to carry out the systematic inclusion of “conceptual content”. In the 11th grade, each particular student or the whole group of students have an individual understanding of the text through musical interpretations. This is combined with the developmental and psychological characteristics of secondary school students, who tend to improve in the choice of various musical interpretations of the poem. Taking personal characteristics of senior secondary school students into consideration, it is necessary to pay special attention to what own musical interpretations a student can offer or create in the learning process. On a theoretical level, the article presents a variant of realization of a musical interpretation while working with K. D. Balmont’s poem “I am a wild wind, I blow eternally...” (1897) within an optional course designed for secondary school students with a humanitarian bias. The practical part presupposes testing the materials available and evaluating the empirical data.

Keywords: symbol; Russian symbolism; innovative pedagogy; pedagogical innovations; poetic texts; Russian poetry; poetic creative activity; Russian poets; poems; poem analysis; senior secondary schoolchildren; methods of teaching literature; methods of teaching literature at school; literature lessons; 11th form pupils.

Аннотация. Современное развитие литературного образования предполагает поиск инновационных методов работы с текстами художественных произведений – этим в свою очередь определена актуальность научного исследования, а также потребностью в гуманизации образования, духовно-нравственном совершенствовании старшего школьника с целью воспитания социально-ответственной и практически-ориентированной личности. Особо остро ставится проблема использования интерпретационного инструментария при анализе литературного произведения, в том числе соотносятся различные способы введения музыкальных интерпретаций в структуру занятий по литературе, поэтому необходимо детальное рассмотрение музыкальной интерпретации как средства анализа лирического текста. В частности, это связано с представлением поэзии русского символизма в качестве самостоятельной категории, использующей в основе принцип «музыкальности» и требующей уточнения в рамках школьной программы. Экспериментально полученные данные подтвердили актуальность избранной темы и позволили наметить дальнейшие пути решения поставленных задач. В данной статье описывается применение музыкальной интерпретации, интегрированной в комплексную систему сопоставительного и интертекстуального анализа, при точечном обращении к произведениям русского символизма и его философской концепции, эксплицированной средствами-активизаторами (символами), призванными осуществить планомерность включения «концепт-содержания». В 11 классе у конкретного школьника или коллектива обучающегося развито индивидуальное понимание текста посредством музыкальных интерпретаций. Это сочетается с возрастными и психологическими особенностями старшеклассников. Учащиеся склонны к импровизации в выборе тех или иных музыкальных интерпретаций к стихотворению. Учитывая личностные характеристики старших школьников, необходимо уделять особое внимание тому, какие собственные музыкальные интерпретации может предложить или создать ученик в процессе обучения. На теоретическом уровне приводится вариант реализации музыкальной интерпретации при работе со стихотворением К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...» (1897) внутри факультативного курса, разработанного для учащихся старших классов с гуманитарным уклоном. Практическая часть представлена апробацией имеющихся материалов и оценкой эмпирических данных.

Ключевые слова: символ; русский символизм; инновационная педагогика; педагогические инновации; поэтические тексты; русская поэзия; поэтическое творчество; русские поэты; стихотворения; анализ стихотворений; старшеклассники; методика преподавания литературы; методика литературы в школе; уроки литературы; одиннадцатиклассники.

Для цитирования: Ананьев, С. М. Музыкальная интерпретация как смысловой акцент при анализе в 11 классе стихотворения К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...» / С. М. Ананьев. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 184–194. – DOI: 10.26170/FK20-01-18.

For citation: Ananyev, S. M. (2020). Musical Interpretation as Semantic Emphasis in the Analysis of the Poem “I am a Wild Wind, I Blow Eternally...” by K. D. Balmont in the 11th Grade. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 184–194. DOI: 10.26170/FK20-01-18.

Новейшие технологии анализа текста, где ведущую роль занимает проблема интерпретации художественного произведения, всё больше привлекают исследователей. Как отмечается в работе А. Г. Горнфельда: «Небезразличными к проблеме оказались и некоторые школьные методисты, утверждающие, что интерпретация художественных текстов – основа основ литературного образования и что интерпретацией нужно заниматься на каждом уроке» [Горнфельд 1912: 8]. Это иной раз подтверждает неизученность исходной проблемы в сфере школьного образования.

В методике преподавания литературы использование музыкальных интерпретаций применительно к литературным произведе-

ниям успешно зарекомендовало себя в качестве высокоэффективного инструмента для совершенствования навыков восприятия художественного текста, однако, с точки зрения современных концепций литературного образования, изучение лирики в данном ключе требует дополнительного обоснования.

Музыкальные интерпретации передают настроение автора, поддерживают созданную на уроке атмосферу и помогают вырабатывать у школьников духовно-нравственную оценку событий, происходивших в жизни и творчестве поэта. Не стоит забывать и о том, что методическая деятельность предполагает субъект-субъектные отношения, в ходе которых осуществляется передача знаний, поэтому

музыкальная интерпретация должна пониматься гораздо шире, нежели инструмент для достижения поставленной задачи, но и как инструмент духовной сферы человека, раскрывающей его нравственный и сотворческий потенциал.

Стирание грани между литературой, «самым отвлеченным из искусств, если думать о пластике, вещественности, ткани произведения» [Маранцман 1998: 91] и жизнью с помощью музыкальной интерпретации усиливает познавательный эффект, не создавая в умах наивно-реалистического восприятия художественного текста. Многогранная структура самого понятия «интерпретация», которое «в педагогической науке связано с учебным процессом и рассматривается как творческое взаимодействие личностей автора и интерпретатора» [Доманский 2016: 74] позволяет нам это сделать. Г. И. Беленький подчеркивал: «Что касается школы, то можно говорить об интерпретации учительской и ученической. Готовясь к изучению произведения в классе, учитель продумывает его идейно-художественную концепцию, вырабатывает либо свое толкование творения писателя, либо присоединяется к тому, в чем убедила его научная критическая литература...» [Беленький 2012: 56].

Педагог-словесник в своей практической деятельности может использовать различные способы реализации музыкальных интерпретаций:

- «подбор музыкального образа», «сочинение по музыкальным впечатлениям», «музыкальные загадки» [Брякова 2008: 73–74];
- «продумывание музыкального сопровождения» [Ляпина 2014: 38];;
- «опережающее прослушивание музыкальных произведений» [Борщевская 2015: 73] и др.

Нередко, посещая дома-музеи, посвященные творчеству определенного автора, мы видим применение музыкальных интерпретаций в целях актуализации литературного текста.

Непосредственное применение музыкальной интерпретации в школе может осуществляться как в рамках самого урока, так и в более удобной для этого форме:

- «литературные беседы»;
- «литературные вечера»;
- «литературные салоны» и др.

Не менее важно учитывать такие приемы, как выявление особенностей претворения литературного сюжета в музыке или музыкальной темы в художественном произведении; наблюдение за средствами выразительности словесного и музыкального искусства. Безусловно, сама лирика настраивает ученика на творческий лад, создает благоприятную эмоциональную атмосферу, заставляет задуматься о чем-то возвышенном, одухотворенном.

В прямом смысле «музыкальная интерпретация» – это один из путей анализа художественного произведения, что напрямую соотносится с мыслью Р. В. Якименко о том, что «любая интерпретация неизбежно ведет к акцентированию одних и игнорированию других элементов художественного целого» [Якименко 2012: 286].

При всем удобстве использования музыкальных интерпретаций на уроках литературы мы не можем считать их универсальной величиной, так как их реализация возможна только при взаимодействии с другими элементами системы педагогической деятельности.

Проблема использования музыкальных интерпретаций рассматривается представителями разных научных специальностей, где важное место занимают исследования о содружестве искусств на уроках литературы, работы о художественном мире, поэтике и музыкальных образах в лирике К. Д. Бальмонта.

Поэзию русского символизма отличает особая «музыкальность», которая позволяет нам выйти на наиболее приемлемую в хронологическом плане сферу для истолкования лирических произведений, что входит в «универсальную эстетическую категорию художественной рецепции» [Groeben 1972: 79]. В этой связи примечательно рассуждение В. А. Доманского о том, что «Константин Бальмонт пытался синтезировать поэзию и музыку» [Доманский 2012: 20].

Музыкальная интерпретация способна показать индивидуально-авторскую и эмоциональную оценку событий, оставивших свой след в проекции времени: «Нужно научить

школьников соотносить то, что они читают, с большими конфликтами эпохи» [Беленький 1962: 16]. К. Д. Бальмонт относится к группе «писателей, подсознательно или открыто противопоставлявших своё творчество современным социально-историческим реалиям, близких идее „чистого искусства“: „Я – для всех и ничей...“» [Зинин 2015: 16].

Любопытно отношение к изучению поэзии символизма в школе начала XX века: при сравнении с опытом прошлого «Проблемы преподавания словесности в частном педагогическом журнале „Вестник воспитания“ (1890–1917)» мы наблюдаем, что на тот период «изменение круга читательских интересов» было связано с «изменившейся социокультурной ситуацией в России», и наоборот «всё большую популярность у юного читателя приобретали А. А. Блок, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский и др.» [Лазарев 2015: 154].

Вызовы современности продиктованы необходимостью актуализации творчества русских символистов, возвращением модернистской поэзии прежнего статуса: актуальное – тогда, может быть востребовано и сейчас, если у современных школьников, изучающих русскую литературу, появится ощущение той эпохи через духовно-нравственное созерцание не менее «революционной» действительности. Требуется утверждение символизма в качестве вневременной концепции и для этого есть веское основание: «Каждое произведение искусства может быть испытываемо с точки зрения символизма» [Иванов 1974, т. 2: 610]. Концепция русского символизма парадигмальна; произведениям присваивается особая метафизическая функция постижения действительности, уходящая корнями в космогоническое строение бытия, чему К. Д. Бальмонт отводил особое место, выделяя «художественную впечатлительность и восприимчивость поэтов-символистов» [Vorova 2015: 152].

Осмысление поэзии символистов русской критикой и литературоведением способствует пониманию сложных художественных явлений, авторской мысли, объективной оценке творчества художника и особенностей эпохи. Важную роль при этом занимают также философские и психолого-педагогические источники.

Поскольку музыкальная интерпретация в первую очередь влияет на такие психические процессы, как мышление, восприятие, память, то при любой работе с учениками важна роль мотивации. Принцип сознательности и творческой активности учащихся в обучении – один из главных принципов современной дидактической системы, согласно которой обучение эффективно тогда, когда ученики проявляют познавательную активность, являются субъектами деятельности. Это выражается в том, что учащиеся осознают цели учения, планируют и организуют свою работу, умеют себя проверить, проявляют интерес к знаниям, ставят проблемы и умеют искать их решения.

Вводя музыкальную интерпретацию при анализе текста, мы не только находим адекватный способ общения с современными школьниками, но и постепенно приобщаем их к основам науки, поэтому важно учитывать и логику осуществления «герменевтической деятельности», парадигма которой представлена следующим образом: «понимание – интерпретация – применение» [Сосновская 2015: 224].

Необходимо отметить, что «предпочтительным возрастом для работы, связанной с концепт-анализом слова», который влияет на вариативность музыкальных интерпретаций, «является средний и старший подростковый возраст, так как на данном этапе психологического развития школьника происходит смена типов мышления с конкретного на образный и абстрактный» [Юшкевич 2019: 32].

Мы отмечаем также важность работы и в связи с выбранной возрастной группой. В этом смысле музыкальная интерпретация лирики вносит огромный вклад в творческое развитие школьника и может «в значительной степени выступать как средство для самоидентификации» [Farin 2011: 11].

Результаты, полученные в ходе проведения факультативных занятий в старшей школе, показывают, что обращение к музыкальным интерпретациям способствует более эффективному овладению новой информацией и новыми видами деятельности, формированию личностной оценки и интереса к процессу анализа поэтического текста. Подача лекционного материала сопровождается фикса-

цией учащимися старшего звена важных для понимания параллелей.

Рассмотрим анализ произведения К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...» (1897) с помощью музыкальной интерпретации.

*«Учитель – предшествующий элемент,
ученик – последующий элемент,
знание – соединение,
наставление – средство соединения»*

«Тайттирия-упанишада» (3 гл.)
[Сыркин 1992, кн. 2: 78]

Стихотворение К. Д. Бальмонта «Я вольный ветер, я вечно вею...», написанное в 1897 г., входит в состав сборника «Тишина. Лирические поэмы» (1898) и заключено в подцикл «Снежные цветы» цикла «Воздушно-белые». Отметим, что склонность к циклизации и композиционной завершенности, – важная деталь для усвоения концепции русского символизма, так как подобной практики придерживались многие модернисты. В качестве примера мы могли бы привести «Снежную маску» (1907) А. А. Блока, секционноразделенную на «Снега» и «Маски». По мнению «Рыцаря без укоризны» (М. И. Цветаева «Стихи к Блоку»: «Нежный призрак...» (1916)): «„Тишина“ (третий сборник) – самое нежное и самое детское создание Бальмонта. В нем сразу намечаются „приятные“ стихи, как будто гремучий, досадный тормоз перестал верещать и колеса плавно идут по рельсам. Ряд глубоких образов появился у Бальмонта только в „Тисине“. Это был как бы подход (осторожный еще) к большой горе, первая проба, после которой с небольшим промежутком колебаний („Горящие здания“) обозначилась и самая вершина» (А. А. Блок «К. Д. Бальмонт. Собрание стихов») [Блок 2003: 151].

Из наиболее часто употребляемых К. Д. Бальмонтом символюк компонентных образов сборника в лексемном представлении, опуская словоизменительную парадигму, выделим: «Земля» (≈ 20), «Волна» (≈ 20), «Цветок» (≈ 19), «Свет» (≈ 18), «Ветер» (≈ 17), «Сердце» (≈ 16), «Звезда» (≈ 16), «Тень» (≈ 14), «Печаль» (≈ 13), «Ночь» (≈ 12), «Море» (≈ 12), «Мечта» (≈ 11), «Небеса» (≈ 10), «Любовь» (≈ 10), «Красота» (≈ 10), «Пустыня» (≈ 9), «Мир» (≈ 9), «Смерть» (≈ 8), «Луна» (≈ 8), «Жизнь» (≈ 8), «Душа» (≈ 8), «Гора» (≈ 8), «Царство» (≈ 7), «Тишина» (≈ 7),

«Солнце» (≈ 7), «Небо» (≈ 7), «Мгла» (≈ 7), «Лёд» (≈ 7), «Вода» (≈ 7), «Туча» (≈ 6), «Правда» (≈ 6), «Лебедь» (≈ 6), «Корабль» (≈ 6), «Вечер» (≈ 6).

В рамках концептуального анализа обратимся к произведению «Я вольный ветер, я вечно вею...» (1897) (справедливость выбора может быть аргументирована оценкой лидирующих позиций статистики).

На первый взгляд, символика стихотворения представляется не явно выраженной, из-за чего в заблуждении можно отнести его к пейзажной лирике, однако, зная о стремлении символистов к проникновению в тайны бытия, мы будем обращаться к фактам и заключениям, которые приоткроют завесу – демаркируют образ и символ.

Когда весной 1897 г. К. Д. Бальмонт со своей женой, Екатериной Алексеевной, прибывает в Англию для чтения лекций по литературе в Оксфордском университете, он знакомится с ученым-индологом М. Мюллером, под влиянием которого поэт начинает осваивать культурно-мифологический и религиозный пласт древнейшего народа. Помимо этого, его увлекают англоязычные издания Е. П. Блаватской, в которых содержалась информация об Упанишадах и Ведах. Немного позже после выхода «Тисины» в упомянутом ранее сборнике «Горящие здания» (1899), в девятом по счету цикле – «Индийские травы», мы обнаруживаем поэтическое осмысление воспринятого «Из Упанишад», где звучат сакральные строки:

«И кто проникновенным взором взглянет
На существа как дышащие в нём,
И на него как Гения Вселенной,
Тогда, поняв, что слитна эта ткань,
Ни на кого не взглянет он с презреньем»

[Бальмонт 2010: 299]

Обращение к «Упанишадам» – стремление поэта к познанию природы вещей, попытка – понять концепцию вселенной, поиск – себя и души мира в «нераздельном». Несмотря на расставленные приоритеты, в процессе анализа мы будем обращаться и к другим «мифологемам», чтобы, возможно, когда-то, подобно К. Д. Бальмонту, произнести: «Я понял мир. На многие годы, быть может, навсегда» [Куприяновский 2014: 50].

В этой традиции ветер отождествляется с божеством: «Огонь решил: „Я буду гореть“.

Солнце: „Я буду греть“. Луна: „Я буду сиять“. И так же [решили] другие божества, [каждое] согласно [своему] божественному [делу]. И каково срединное дыхание между жизненными силами, таков ветер между этими божествами. Ибо другие божества идут на покой, но не ветер. Ветер – это божество, которое никогда не садится» (Брихадараньяка-упанишада, пятая брахмана) [Сыркин 1991, кн. 1: 82].

Ветер – связующий элемент мироздания, поэтому, читываясь в бальмонтские строки, мы наблюдаем постоянное перемещение от одного объекта к другому, прикосновение к разного рода стихиям в имманентном парении. Если «воздушное пространство – соединение» («Лазурь»), то «ветер – средство соединения», подобно этому, ветер, для которого неведомы какие-либо границы, проникает в сущность «ив», «лаская» их материальную оболочку, «ветви», нежится в «травках» и «нивах», «целует ландыш». Его настроение, равно как и предназначение, меняется в зависимости от приходящего – так, если центральным божеством согласно мифологии индуизма, олицетворяющим ветер и воздушное пространство, является Ваю, или Анила, то часто синонимичный ему Вата отвечает за устроение штормов, грозных бурь, что проявляется в «росте циклона», волнении «моря», «громе в немом просторе». С другой стороны, существуют два образа абсолюта («космическое начало»), которые позволяют нам увидеть лирического героя произведения. Описанное выше – *невоплощенный*, то есть «это ветер и воздушное пространство; это бессмертный, этодвигающийся, это истинный. Сущность этого невоплощенного, этого бессмертного, этогодвигающегося, этого истинного – *пуруша*» [Сыркин 1992, кн. 1: 87]. Пуруша – прообраз создателя вселенной, из дыхания («*праны*») которого по легенде возник Ваю.

Связь с божественным здесь подчеркивается такими символами «бессмертия» (восточная символика) и «чистоты» (славянская мифология), как ива и ландыш, однако вскоре мы увидим, что они в данном случае амбивалентны.

Воплощенный – «тот, который отличен от ветра и воздушного пространства; это смертный, это неподвижный, это существующий. Сущность этого воплощенного, этого смерт-

ного, этого неподвижного, этого существующего – [солнце], которое греет, ибо оно – сущность существующего» [Сыркин 1992, кн. 1: 87]. Иными словами, в воплощенном образе «Брахмана» мы склонны различать автора, терзаемого потугами любви, лицемерить обжигающий огонь сердца: «в любви неверный», «забвением вею», «протяжный стон»; невластность над искушением: «нежней, чем фея ласкает фею». Как было замечено П. В. Куприяновским, Н. А. Молчановой: «Екатерина Алексеевна знала за мужем» некоторые «слабости, поэтому редко оставляла его одного» [Куприяновский 2014: 60]. Из личных воспоминаний жены поэта: «в Бальмонте жило два человека. Один – настоящий, благородный, возвышенный, с детской и нежной душой, доверчивый и правдивый, а другой – полная его противоположность» [Куприяновский 2014: 61]. В результате, в жизни поэта появилась Е. К. Цветковская.

Отношение к «земному» повлияет на значение символического ряда – «ива» станет выражением «горя и смерти», «ландыш» – «слёз» (христианские сказания); «кровавых слёз» (языческая легенда о Ландыше).

На этом этапе учителю следует выдержать небольшую паузу.

Вариант введения музыкальной интерпретации.

В древнегреческой мифологии повелителем ветров считается Эол, в честь которого была названа воздушная арфа.

Обычно, говоря о музыкальном воплощении, мы связываем свои представления с конкретным произведением искусства, которое имеет заданную форму. Наличие формальных признаков позволяет произвести классификацию, определить жанровую специфику, увидеть автора «за» его творением. Возможность многократного повторения «созданного» или же самостоятельное воспроизведение – привносит новые смыслы, расширяет поле интерпретационной деятельности. Яркий пример, демонстрирующий то, насколько это актуально сейчас, мы наблюдаем в творчестве Джованни Мария Пала, который смог найти музыку в «Тайной вечере» Леонардо да Винчи. Но в случае с «Эоловой арфой» нужно говорить о феномене относительной невоспроизводимости. Несмотря на то, что существуют

альбомы (Х. Би, Ч. Ханкок «The Wind Harp – Song From The Hill» и др.), на которых записано звучание инструмента, и при посещении определённых точек мира (Неграр Вальполличелла «Arpa eolica di Mazzano», Пятигорск «Беседка „Эолова арфа“» и др.) можно зафиксировать услышанное с помощью различных устройств, – происходит транспонирование «символа», появляется «принадлежность», утрачивается связь антитетических начал: «Колебания струн под действием ветра ассоциируются с движениями человеческой души, а сама арфа выступает посредником между земным и потусторонним» [Яницкая 2009:147]. Здесь нам не столько важен «принцип действия», или «наглядность», которая может быть достигнута привлечением медиа-контента («вторичный элемент анализа»), сколько осознание символа-образной природы. Мелодия ветра хаотична, нестабильна, детранспарентна – его «порывы» непредсказуемы, «молчание» арфы семантически сингулярно: «Пересечение мотивов „ветра“, „вольности“ и „волны“ отсылает к первобытной силе ветра (бури), независимой от человеческой воли, чья анархическая аллегорика интегрируется в символику хаоса и природы» [Ханзен-Лёве 2003: 161]. Такая символ содержащая музыкальная интерпретация способна вызвать целый ряд музыкальных ассоциаций по степени эмоционального напряжения (для одних учеников это выход на классическую музыку: «П. И. Чайковский „Времена года“, Л. ван Бетховен „Лунная соната“; в некоторых случаях на „классику“ старшеклассники ссылаются через аниме-сериалы (К. Исигуро „Твоя апрельская ложь“ – Ф. Крейслер „Муки любви“), а также компьютерные игры („Eternal Sonata“ – Ф. Шопен „Étude Op. 10, No. 3“ и проч.); для других – отсылка к известным рок-композициям: «Мусорный ветер» («Крематорий»), «Смелчак и ветер» («Король и Шут»), «Ураган» («Агата Кристи») и др.; кто-то, имея навык владения музыкальными инструментами, предлагает самостоятельно созданные композиции или импровизации; то же самое применимо и к личности преподавателя, благодаря чему появляется созвучность между изучаемым произведением и, например, стихотворением «Я мечтою ловил уходящие тени...» (1895) в исполнении

С. А. Зинина, что особо важно в масштабах современности, так как в XXI веке доминирует плюрализм стилей, всё большую популярность набирает «замена» человека на виртуальную анимированную или клон-проекцию с применением технологий искусственного интеллекта («Мику Хацунэ» и др.), в киберпространстве распространено саморежиссирование художественных постановок («The Play's the Thing»). Иными словами, общая цель, которая объединяет бальмонтовскую метафизику и действительность, – поиск истины.

Считаем целесообразным воспроизвести на уроке фрагмент звучания Эоловой арфы, работающей без участия человека.

Музыкальность произведения прослеживается и на уровне ритмико-стилистически-организационной структуры – оно написано четырехстопным «гиперкаталектическим» ямбом с использованием женской, простой, открытой и точной рифм при двусложной клаузуле; вид рифмовки – перекрестный (abab); система – устойчивая десятисложная (число 10 может быть истолковано с позиции Лингама, «священного символа Шивы» [Рошаль 2003: 42]) с гиперйотированностью («-ю», «-я» – 15 и 7 повт.), полифоническая (в звуковой форме доминирует «а» – 42 повт. – «мистическая традиция отождествляет Вишну с этим звуком» [Алиханова 1974: 235]), с амплификацией – «вею, млею, лелею», с тавтологическими эпитетами – «немой», «воздушный» [ветер], «лёгкий» [ветер], «метафорическими-субстантивными» – «Лазурь» [«пространство»], цветовыми – «светлый» [по отношению ко времени года], изобразительными – «сонный» [недвижный, в знач. штиль – «вздыхнув, немею» – колыхание ивовых ветвей прекращается], оценочными – «вольный» и эмоциональными – «влюбленный», «неверный», «протяжный», «счастливый» с «адвербиализационными» усилителями – «вечно», «всегда», «индивидуально-авторскими компаратив-компликационными» – «нежней, чем фея ласкает фею». Сравнение – «как вестник мая» – единично, однако оно может служить аллюзией к «ветру с Малайи („горы Малабарского побережья (Западные Гхаты)“)», который «обессиливает путников весной потому, что пробуждает в душе их томление любви» [Али-

ханова 1974: 109] – к месту указать на омофоны «немая» и «не моя»: «юная свежесть и беззаботность („весна“) сливается с пассивным желанием смерти и заката („морская глубина“)» [Ханзен-Лёве 2003: 161]; май, как пятый месяц в году, активизирует символику числа 5, которая в индуизме соответствует «пяти ликам Шивы» [Рошаль 2003: 35] и проч. Стихотворение деноминировано, изначально «Вольный ветер» (1898, «Южное обозрение» (?)). Использование прописной буквы «Лазурь», «Море», очевидно, продиктовано интерпретацией *трех* из пяти [великих] элементов (вода «Море», огонь «гром», земля «трава», *ветер*, пространство «Лазурь») в рамках «аллегории мира как колеса, близкой к представлениям санхьи» – скрытая ссылка на троимирие: «согласно пояснению Шанкары, упоминаемые огонь и земля образуют первый мир; ветер и воздушное пространство – второй; солнце и небо – третий». Например, «относительно миров: земля – предшествующий элемент, небо – последующий элемент» [Сыркин 1992, кн. 1: 194] (*выделение по степени иерархии*). Помимо этого, индийский философ Гарги Вачакнави замечает: «Всё выткано „вдоль и поперек“ на воде, вода – на ветре, ветер – на воздушном пространстве» [Сыркин 1992, кн. 1: 56–57]. Также речь может идти о троице – «Ишвара, вселенная, живые существа» – как о совокупности бытия.

Чтобы избежать затруднений при определении стихотворного размера, требуется цезурирование:

«Я вёю, млёю, // воздушный, сонный...» –
 [_ _ | _ _ | _ // _ _ | _ _ | _] .

Звукопись проявляется и аллитерационно, и ассонансно, что создает, по мнению А. А. Преображенской, «звуковой образ ветра», а сменяющаяся смысло-образная интонация позволяет отнести его к разряду «экспрессем»: «Из лёгкой, воздушной стихии ветер превращается в разрушительную, мощную и страшную, сметающую всё на своём пути» [Преображенская [http](http://)].

Список примерных вопросов учителя:

1. Как музыкальная интерпретация влияет на уровень восприятия поэтического текста?
2. Помогает ли она взглянуть во всё многообразие внутреннего мира поэта, почувствовать некий «духовный мистицизм»?

3. Автор отождествляет себя с ветром или указывает на нечто «непознанное», «неподвластное» – то, что находится «над» человеческой природой?

4. Какая особенность Эоловой арфы усиливает представление о символическом содержании произведения? Какие собственные музыкальные интерпретации вы могли бы предложить?

5. Как музыкальная интерпретация сочетается с анализом стихотворения «Я вольный ветер, я вечно вею...» (1897)?

В качестве домашнего задания учитель предлагает старшеклассникам ознакомиться с полной версией сочинения («Тишина. Лирические поэмы» (1898)) и с использованием словаря символов, при помощи Интернет-ресурсов подготовить индивидуальные доклады, в которых прозвучал бы вывод-рассуждение о том, почему для поэта бессознательно приоритетны те или иные «символические описания»? (Символика чисел также должна быть учтена и сопоставлена с «символами»).

Старшеклассники так характеризуют уроки с использованием музыкальной интерпретации:

«Да, я хотела бы, чтобы уроков с использованием музыкальной интерпретации было больше, поскольку считаю это не только эффективным, но и очень интересным. На мой взгляд, музыкальная интерпретация может показать чувства, заложенные в художественном произведении, которые невозможно выразить словами. На уроке были развенчаны мои нынешние представления, показана сложная символика произведения и его смысловая ценность»;

«Мне кажется, что музыкальная интерпретация акцентирует внимание на тех вещах, которые бы мы могли усвоить на обычном уроке – только с другой стороны. Она как бы насыщает лирику новыми красками. После того как я прочувствовал текст изнутри, я смог увидеть новые грани в творчестве поэта» и т. д.

Ученики 11 класса отмечают, что увеличение числа уроков с использованием музыкальной интерпретации «позволит более широко подойти к изучению художественных текстов на занятиях по литературе». Кроме того, по мнению учащихся старших классов,

в качестве символ содержащей музыкальной интерпретации могут восприниматься такие инструменты, как «шарманка», «серинет», «музыкальная шкатулка» и др.

Предлагаемые вопросы направлены на выявление основ философской концепции русского символизма, постижение лирического текста и его смысло-образных компонентов, влияют на духовно-нравственный потенциал личности, мотивируют на культуросообразное мышление, помогают сконцентрировать внимание учащихся старшей школы на музыкальной интерпретации как средстве анализа литературного произведения.

Рассмотрение проблемы интерпретации художественного текста музыкальными средствами позволило сделать выводы и подвести некоторые итоги данного исследования:

1. Важно учитывать специфику художественного текста при выборе музыкальных интерпретаций для урока литературы.

2. Одной из важных задач урока является создание условий для индивидуального роста личности. Это напрямую связано и с эмоциональным комплексом, и с особенностями восприятия лирики как особого рода литературы.

3. В сознании современных школьников произведения малых форм вызывают больший эмоциональный отклик, нежели объемные произведения.

4. Музыка, взаимодействуя с текстом, сосредотачивает внимание учащихся на постижении авторского замысла.

5. При реализации музыкальных интерпретаций важную функцию выполняет сотворчество педагога и ученика.

Использование музыкальной интерпретации на уроках литературы не противоречит задачам логического анализа произведения и развитию эстетического чувства. Обостряется способность к переживанию и сопереживанию, чему в системе непрерывного литературного образования отводится значительное место, ведь «именно педагог-словесник должен со своей позиции соотносить ценностно-смысловые и деятельностные пласты содержания литературного развития человека на разных ступенях литературного образования» [Миронова 2011: 80].

Всё это положительно сказывается на мотивации к чтению, формировании интереса к лирике К. Д. Бальмонта, а также пониманию эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальмонт / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Москва: Молодая гвардия, 2014. – 345 с.
- Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. / К. Д. Бальмонт; вступ. ст. В. Макарова. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2010. – Т. 1: Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 1–3. – 504 с.
- Беленький, Г. И. Литература в школе вчера и сегодня: книга для учителя / Г. И. Беленький. – Москва: Мнемозина, 2012. – 159 с.
- Беленький, Г. И. О преподавании литературы в старших классах одиннадцатилетней школы / Г. И. Беленький, Н. В. Колокольцев, Б. К. Лондон. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 152 с.
- Блок, А. А. Полное (академическое) собрание сочинений и писем: в 20-ти томах / А. А. Блок. – Москва: Наука, 2003. – Т. 7. – 503 с.
- Борщевская, М. Ю. Слово и музыка: обучение интерпретации на уроке литературы / М. Ю. Борщевская // Проблемы изучения литературы в современном информационно-образовательном пространстве. XXII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 марта 2014 г. – Москва, 2015. – 160 с.
- Брякова, И. Е. Готовность студентов к развитию творческих способностей учеников как аспект формирования креативной компетентности будущих учителей-словесников / И. Е. Брякова; Мин-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 188 с.
- Горнфельд, А. Г. О толковании художественного произведения / А. Г. Горнфельд. – Санкт-Петербург, 1912. – 34 с.
- Доманский, В. А. Внутритекстовая связь литературы и живописи в процессе изучения русской классики / В. А. Доманский // Изучение русской литературной классики в школе: вчера, сегодня, завтра. XIX Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 24–25 марта 2011 г. – Москва, 2012. – 178 с.
- Доманский, В. А. Научно-методическое наследие и современное литературное образование / В. А. Доманский // XXIII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 19–20 марта 2015 г. / отв. ред. В. Ф. Чертов. – Москва: Экон-Информ, 2016. – 168 с.

Дхваньялока («Свет дхвани») / пер. с санскрита, введ. и коммент. Ю. М. Алихановой. – Москва: Наука, 1974. – 304 с.

Зинин, С. А. Вопросы методологии школьного изучения литературы в контексте современной образовательной ситуации / С. А. Зинин // Проблемы изучения литературы в современном информационно-образовательном пространстве. XXII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 марта 2014 г. – Москва, 2015. – 160 с.

Иванов, В. Собрание сочинений: в 4-х томах / В. Иванов. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – Т. 2. – 852 с.

Лазарев, Ю. В. Проблемы преподавания словесности в частном педагогическом журнале «Вестник воспитания» (1890-1917) / Ю. В. Лазарев // Проблемы изучения литературы в современном информационно-образовательном пространстве. XXII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 марта 2014 г. – Москва, 2015. – 160 с.

Ляпина, А. В. Методика преподавания литературы / А. В. Ляпина. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 204 с.

Маранцман, В. Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством / В. Г. Маранцман // Литература в школе. – 1998. – № 8 – С. 91–98.

Миронова, Н. А. Учитель-словесник и современный образовательный процесс / Н. А. Миронова // XVIII Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, 17–18 марта 2010 г. / отв. ред. В. Ф. Чертов. – Москва: МПГУ, 2011. – 150 с.

Полная энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Сова, 2003. – 528 с.

Преображенская, А. А. Звукопись как способ актуализации экспрессы ветер в творчестве К. Д. Бальмонта / А. А. Преображенская. – URL: <http://balmontoved.ru/knigi/211-a-a-preobrazhenskaja-g-shuja-zvukopis-kak-sposob-aktualizatsii-ekspressey-veter-v-tvorchestve-k-d-balmonta.html> (дата обращения: 05.02.2020). – Текст: электронный.

Сосновская, И. В. Методологический аспект современного урока литературы / И. В. Сосновская // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 10–1. – С. 220–225.

Упанишады: в 3-х кн. / пер. с санскрита, исслед., коммент. и прилож. А. Я. Сыркина. – Москва: Наука; Ладомир, 1992. – Кн. 2. – 338 с.

Упанишады: в 3-х кн. / пер. с санскрита, исслед., коммент. и прилож. А. Я. Сыркина. – Москва: Наука; Ладомир, 1992. – Кн. 1. – 242 с.

Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве; пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. – С. 816. – (Серия «Современная западная русистика», т. 48).

Юшкевич, М. А. Работа с концептами на уроках литературы (на примере изучения романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») / М. А. Юшкевич // Магистр – науке и образованию: Актуальные проблемы современного литературного образования: материалы V всероссийской научной видеоконференции с международным участием, г. Москва, 18 апреля 2019 г. / отв. ред. А. М. Антипова. – Москва: МПГУ, 2019. – 98 с.

Якименко, Р. В. К проблеме отбора отечественной поэзии XX века для изучения в профильных гуманитарных классах / Р. В. Якименко // Казанская наука. – 2012. – № 9. – С. 282–287.

Яницкая, Н. И. Образ-символ эоловой арфы и синестезия в английской и русской поэзии романтизма / Н. И. Яницкая // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 39 (177). – С. 147–150.

Farin, K. Jugendkulturen heute: ein Essay / K. Farin // Psychologie und Gesellschaftskritik. – 2011. – № 35 (2). – P. 9–26.

Groeben, N. Literaturpsychologie: Literaturwissenschaft zwischen Hermeneutik und Empirie / N. Groeben. – Stuttgart: Kohlhammer, 1972. – 269 p.

Vorova, T. P. (2015). Short Excursus into the History of the Russian Symbolism Origin / T. P. Vorova. – 2015. – 217 p.

REFERENCES

Alikhanova, Yu. M. (Ed.). (1974). *Dkhvan'yaloka («Svet dkhvani»)* [Dkhvanyaloka (“Dkhvana Light”)]. Moscow, Nauka. 304 p.

Bal'mont, K. D. (2010). *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collection of Works, in 7 vols.]. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek. Vol. 1: *Polnoe sobranie stikhov 1909–1914*: Kn. 1–3. 504 p.

Belen'kii, G. I. (2012). *Literatura v shkole vchera i segodnya* [Literature at School Yesterday and Today]. Moscow, Mne-mozina. 159 p.

Belen'kii, G. I., Kolokol'tsev, N. V., London, B. K. (1962). *O prepodavanii literatury v starshikh klassakh odinadtsatiletnei shkoly* [On Teaching Literature in High School of 11-year-old School]. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR. 152 p.

Blok, A. A. (2003). *Polnoe (akademicheskoe) sobranie sochinenii i pisem: v 20-ti tomakh* [Full (Academic) Collection of Works and Letters, in 20 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 7. 503 p.

Borshchevskaya, M. Yu. (2015). Slovo i muzyka: obuchenie interpretatsii na uroke literatury [Word and Music: Teaching Interpretation in Literature Lesson]. In *Problemy izucheniya literatury v sovremenном informatsionno-obrazovatel'nom prostranstve. XXII Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–22 marta 2014 g.* Moscow. 160 p.

Bryakova, I. E. (2008). *Gotovnost' studentov k razvitiyu tvorcheskikh sposobnostei uchениkov kak aspekt formirovaniya kreativnoi kompetentnosti budushchikh uchitelei-slovesnikov* [Readiness of Students to Develop Creative Abilities of Pupils as an Aspect of Formation of Creative Competence of Future Verbal Teacher]. Orenburg, Izdatel'stvo OGPU. 188 p.

- Domanskii, V. A. (2012). Vnutritekstovaya svyaz' literatury i zhivopisi v protsesse izucheniya russkoi klassiki [Intra-text Connection of Literature and Painting in the Process of Studying Russian Classics]. In *Izuchenie russkoi literaturnoi klassiki v shkole: vchera, segodnya, zavtra. XIX Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 24–25 marta 2011 g.* Moscow. 178 p.
- Domanskii, V. A. (2016). Nauchno-metodicheskoe nasledie i sovremennoe literaturnoe obrazovanie [Scientific and Methodological Heritage and Modern Literary Education]. In Chertov, V. F. (Ed.). *XXIII Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19–20 marta 2015 g.* Moscow, Ekon-Inform. 168 p.
- Farin, K. (2011). Jugendkulturen heute: ein Essay. In *Psychologie und Gesellschaftskritik*. No. 35 (2), pp. 9–26.
- Gornfel'd, A. G. (1912). *O tolkovanii khudozhestvennogo proizvedeniya* [On the Interpretation of Artistic Works]. Saint Petersburg. 34 p.
- Groeben, N. (1972). *Literaturpsychologie: Literaturwissenschaft zwischen Hermeneutik und Empirie*. Stuttgart, Kohlhammer. 269 p.
- Ivanov, V. (1974). *Sobranie sochinenii: v 4-kh tomakh* [Collection of Works, in 4 vols.]. Bryussel', Foyer Oriental Chrétien. Vol. 2. 852 p.
- Khanzen-Leve, A. (2003). *Russkii simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simbolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism. Space Symbols]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 816 p.
- Kupriyanovskii, P. V., Molchanova, N. A. (2014). *Balmont* [Balmont]. Moscow, Molodaya gvardiya. 345 p.
- Lazarev, Yu. V. (2015). Problemy prepodavaniya slovesnosti v chastnom pedagogicheskom zhurnale «Vestnik vospitaniya» (1890–1917) [Problems of Teaching Speech in the Private Pedagogical Journal “Journal of Education” (1890–1917)]. In *Problemy izucheniya literatury v sovremennom informatsionno-obrazovatel'nom prostranstve. XXII Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–22 marta 2014 g.* Moscow. 160 p.
- Lyapina, A. V. (2014). *Metodika prepodavaniya literatury* [Methods of Teaching of Literature]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 204 p.
- Marantsman, V. G. (1998). Interpretatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya kak tekhnologiya obshcheniya s iskusstvom [Interpreting an Artistic Work as a Technology for Communicating with Art]. In *Literatura v shkole*. No. 8, pp. 91–98.
- Mironova, N. A. (2011). Uchitel' – slovesnik i sovremennyy obrazovatel'nyi protsess [Teacher-verbal and Modern Educational Process]. In Chertov, V. F. (Ed.). *XVIII Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17–18 marta 2010 g.* Moscow, MPGU. 150 p.
- Preobrazhenskaya, A. A. *Zvukopis' kak sposob aktualizatsii ekspressemu veter v tvorchestve K. D. Balmonta* [Sound as a Way to Update the Expressible Wind in the Work of K. D. Balmont]. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/211-a-a-preobrazhenskaja-g-shuja-zvukopis-kak-sposob-aktualizatsii-ekspressemu-veter-v-tvorchestve-k-d-balmonta.html> (mode of access: 05.02.2020).
- Roshal, V. M. (Ed.). (2003). *Polnaya entsiklopediya simbolov* [Full Encyclopedia of Symbols]. Moscow, Eksmo, Sainr Petersburg, Sov. 528 p.
- Sosnovskaya, I. V. (2015). Metodologicheskii aspekt sovremennogo uroka literatury [Methodological Aspect of Modern Literature Lesson]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 10–1, pp. 220–225.
- Syrkin, A. Ya. (Ed.). (1992). *Upanishady: v 3-kh kn.* [Upanishads, in 3 books]. Moscow, Nauka, Ladimir. Book 2. 338 p.
- Syrkin, A. Ya. (Ed.). (1992). *Upanishady: v 3-kh kn.* [Upanishads, in 3 books]. Moscow, Nauka, Ladimir. Book 1. 242 p.
- Vorova, T. P. (2015). *Short Excursus into the History of the Russian Symbolism Origin*. 217 p.
- Yakimenko, R. V. (2012). K probleme otbora otechestvennoi poezii XX veka dlya izucheniya v profil'nykh humanitarnykh klassakh [To a Problem of National Poetry of the XX Century Selection for Studying in Profile Humanitarian Classes]. In *Kazanskaya nauka*. No. 9, pp. 282–287.
- Yanitskaya, N. I. (2009). Obraz-simvol eolovoi arfy i sinesteziya v angliiskoi i russkoi poezii romantizma [Image-symbol of the Eol Harp and Synesthesia in English and Russian Poetry Romanticism]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 39 (177), pp. 147–150.
- Yushkevich, M. A. (2019). Rabota s kontseptami na urokakh literatury (na primere izucheniya romana I. S. Turgeneva «Ottsy i deti») [Working with Concepts in Literature Lessons (on Example of Study of Roman I. S. Turgenev's “Fathers and Children”)]. In Antipova, A. M. (Ed.). *Magistr – nauke i obrazovaniyu: Aktual'nye problemy sovremennogo literaturnogo obrazovaniya: materialy v srossiiskoi nauchnoi videokonferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Moskva, 18 aprelya 2019 g.* Moscow, MPGU. 98 p.
- Zinin, S. A. (2015). Voprosy metodologii shkol'nogo izucheniya literatury v kontekste sovremennoi obrazovatel'noi situatsii [Issues of School Literature Methodology in the Context of the Modern Educational Situation]. In *Problemy izucheniya literatury v sovremennom informatsionno-obrazovatel'nom prostranstve. XXII Golubkovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21–22 marta 2014 g.* Moscow. 160 p.

Данные об авторе

Ананьев Сергей Михайлович – аспирант, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1.

E-mail: mysterienfeuer@gmail.com.

Author's information

Ananyev Sergey Mikhaylovich – Post-graduate Student, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И В САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ЧТЕНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

УДК 372.8821.161.1:371.321. DOI 10.26170/ФК20-01-19. ББК Ч426.839(=411.2)-270. ГРНТИ 14.25.07.
Код ВАК 13.00.02

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

MODERN PROSE AT LITERATURE LESSONS AND IN INDEPENDENT READING OF SENIOR SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Abstract. The article deals with an actively debated issue of the role and place of modern literature in the reading activity of a senior secondary school student. Should we include it in the school curriculum, or should it be an extracurricular activity performed by students in their free time? If we choose to study it in classroom, how can we include works of modern authors in the real school curriculum? The analysis of research works devoted to the formation of the reading scope of senior schoolchildren shows that, on the one hand, modern teenagers display inadequate knowledge of contemporary literature and poor ability to orient in this realm, and, on the other hand, they express a desire to go beyond the school course of literature (Russian classics) and to read books written by contemporary authors. The need for high quality contemporary literature comes from intelligent and creatively thinking schoolchildren, and the teacher is to meet these demands. Short prose by contemporary authors suitable for senior secondary school students can be suggested for home reading and classroom study. The article outlines possible scenarios of discussion of short stories by D. Novikov ("A Fly in Amber" and "The Truth of the Water"), E. Vodolazkin ("A Completely Different Time"), and M. Shishkin ("The Rumbling Ceased..."). These short stories are accessible to teenagers as the narration focuses on the characters' (or author's) childhood or youth. The works of these authors are written in the traditions of the Russian classics (the article gives a detailed description of Bunin's themes and motives in the prose by Novikov and Vodolazkin and Pasternak's pretexts in the short story by Shishkin) – and this makes it possible to discuss the syllabus literary material to demonstrate various multilevel relations between texts of different epochs and to bridge the gap between "classics" and "contemporaries" in the minds of senior secondary school students.

Keywords: modern literature; methods of teaching literature at school; methods of teaching literature; scope of reading; senior schoolchildren; USE; unified state examination; preparation for exams; Russian literature; Russian writers.

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению активно обсуждающихся в профессиональном учительском сообществе вопросов: какое место в круге чтения современного школьника занимает современная литература? Нужно ли ее изучать на уроках или она должна оставаться досуговым чтением? Если нужно, то как включить произведения современных авторов в реальный учебный процесс? Анализ исследований, посвященных формированию круга чтения старшеклассников, показывает, с одной стороны, недостаточно хорошее знание школьниками современной литературы, не очень уверенную ориентацию в сегодняшнем литературном пространстве, а с другой стороны, их активное стремление выходить за пределы программного изучения литературы и не ограничиваться только хрестоматийными текстами. Запрос от умных, хорошо подготовленных и творчески мыслящих старшеклассников на качественную современную литературу есть, и учителю необходимо на этот запрос ответить. Для рассмотрения на уроках или для домашнего чтения можно предложить короткую прозу современных авторов, которая доступна для восприятия старшеклассников. В статье показаны возможные пути обсуждения рассказов Дмитрия Новикова («Муха в янтаре» и «Правда воды»), Евгения Водолазкина («Совсем другое время») и Михаила Шишкина («Гул затих...»). Произведения этих авторов наследуют классике (подробно рассматриваются бунинские мотивы и элементы поэтики в прозе Д. Новикова и Е. Водолазкина, пастернаковские претексты в рассказе М. Шишкина) – и это позволяет актуализировать в обсуждении программный литератур-

ный материал, показать разнообразие и многоплановые связи текстов разных эпох и снять противоположенность в сознании старшеклассников «классиков» и «современников».

Ключевые слова: современная литература; методика литературы в школе; методика преподавания литературы; круг чтения; старшеклассники; ЕГЭ; единый государственный экзамен; подготовка к экзаменам; русская литература; русские писатели.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Современная проза на уроках литературы и в самостоятельном чтении старшеклассников / Т. Г. Кучина. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 195–202. – DOI: 10.26170/FK20-01-19.

For citation: Kuchina, T. G. (2020). Modern Prose at Literature Lessons and in Independent Reading of Senior Secondary School Students. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 195–202. DOI: 10.26170/FK20-01-19.

Как и какую современную литературу изучать в школе? Как встроить уроки по произведениям современных авторов в перегруженную школьную программу? В конечном итоге, нужна ли современная литература в программном изучении – или школьное образование должно базироваться на классических образцах, а книги писателей-современников могут составлять самостоятельное (досуговое) чтение?

Диапазон ответов на эти вопросы оказывается весьма широк. Один полюс вполне отчетливо вырисовывается в аналитических отчетах, подготовленных в ФИПИ на основе результатов ЕГЭ по литературе. Позиция разработчиков заданий, отслеживающих показатели их выполнения, формулируется следующим образом: «Анализ результатов позволяет сделать однозначный вывод о том, что современная литература не входит в круг чтения школьников (курсив наш. – Т. К.), о чем красноречиво говорят такие цифры: средний процент выполнения по критерию „Обоснованность привлечения текста произведения“ составляет 34,9 (только 9,4% участников экзамена получили по этому критерию 3 балла, тогда как 0 баллов были оценены 37,4%). Нужно отметить, что собственно к произведениям современной литературы выпускники обращались очень редко» [Зинин 2017: 10]. Мы бы, пожалуй, указали на одну проблемную зону в этом заключении: означает ли прагматический экзаменационный выбор надежной, проверенной классики с устоявшимися интерпретациями вместо «рискованной» современной литературы, где личное мнение

может быть «не засчитано» и, соответственно, не конвертировано в необходимые выпускнику баллы, что старшеклассники совсем не интересуются книгами писателей-современников? ЕГЭ по литературе сдают около 5% выпускников, и если они редко выбирали (в стрессовой и крайне ответственной ситуации) современную литературу, указывает ли это на то, что остальные 95% ее вообще не читают?

Подчеркнем, однако, что с 2018 года в кодификаторе ЕГЭ по литературе появился новый раздел – «Из литературы второй половины XX в. – начала XXI в.», и это – показатель того, что произведения последних лет «легитимизированы» в экзаменационных материалах, а опасения в их художественной несостоятельности преодолены. На наш взгляд, это очень значимый и позитивный шаг в совершенствовании модели единого экзамена по литературе.

На научно-практической конференции «Педагогика текста» (она прошла в Санкт-Петербурге в рамках VI Международного культурного форума в ноябре 2017 года) к рассмотрению вопроса о месте современной литературы в читательском опыте школьников были предложены иные подходы. Во-первых, на основе различных технологий анкетирования и опросов, проведения публичных дискуссий определялись читательские приоритеты подростков. Мы обратимся лишь к выводам, к которым пришли исследователи – Т. Г. Галактионова и Ю. Л. Мокшина: «Подросткам был задан вопрос: „Нужно ли изучать современную литературу в школе, или школьное литератур-

ное образование должно ограничиться классическими образцами?» 48% респондентов считают, что современную литературу нужно изучать в школе; 45% полагают, что современную литературу, вероятно, нужно изучать в школе; 7% думают, что школьное литературное образование, вероятнее всего, должно ограничиться изучением только классической литературы» [Галактионова, Мокшина 2017: 21].

Во-вторых, слово – как докладчики и как авторы небольших статей – получили на конференции и сами школьники. Это были не рядовые старшеклассники, а участники программы «Литературное творчество» образовательного центра «Сириус» (творческие и талантливые школьники съезжаются в Сочи со всей России, предварительно пройдя очень серьезный конкурсный отбор). Но свои микроисследования они проводили среди обычных учащихся школ, свое мнение формулировали как обычные читатели и старались учесть те суждения о современной литературе, которые бытуют среди подростков. И вот какая картина складывается из высказываний 11-классников: «Когда заходит речь о школьных уроках литературы, представляются толстые тома русских классиков, покрытые пылью веков. Никто не спорит, классику изучать необходимо, но жизнь не стоит на месте, и людям, живущим сегодня, гораздо интереснее читать о своих современниках, нежели о героях двухсотлетней давности» [Сорокин 2017: 86–87]. И еще одно показательное суждение другого выпускника: «Будут ли уроки современной литературы мешать изучению классики в школьной программе? Ответ для меня очевиден – нет <...> мы нуждаемся в том, чтобы современная литература изучалась в школе. Это, несомненно, принесёт значительную пользу» [Ковалев 2017: 71].

Опросы, проведенные самими школьниками, показывают, что около 70% участвовавших в них старшеклассников самостоятельно, вне уроков, читают современную литературу. И эти данные отчасти коррелируют с теми исследованиями, которые выполнены в рамках подготовки «Концепции возрождения отечественной традиции детского чтения» (2017). Вот лишь одна из позиций, получивших отражение в этом документе: «Складывавшийся

на протяжении XIX–XX вв. канон детской литературы, включавшей в себя произведения как русских писателей (например, С. Аксакова, А. Толстого, В. Каверина, К. Паустовского, Л. Кассиля, К. Булычева, А. Волкова и др.), так и зарубежных авторов (Г. Х. Андерсена, Л. Ф. Баума, Ч. Диккенса, Р. Киплинга, Дж. Ф. Купера, Р. Л. Стивенсона, С. Лагерлёф, А. Линдгрена, Дж. Родари и др.), сегодня разрушается: дети предпочитают другие произведения, созданные уже в иную эпоху. В значительной мере это трансформация жанровая: неоднократно отмечался интерес современных детей к фантастике и особенно фэнтези» [Арзамасцева 2017: 17]. Очевидно, что выбор жанров говорит сам за себя: фэнтези, да и основной массив фантастики – это прежде всего произведения нескольких последних десятилетий.

Интенсивное (и вполне доверительное) общение со школьниками на лекционных занятиях и в литературных мастерских в образовательном центре «Сириус», проведение разборов заданий и мастер-классов для участников заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе, открытые лекции для учащихся старших классов и студентов в разных городах России (Ярославль, Москва, Челябинск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Томск, Санкт-Петербург) убеждают нас в том, что с их стороны запрос на качественную современную литературу определенно есть – равно как и умение достаточно глубоко ее понимать и интерпретировать. Однако есть и дефицит источников информации о такой литературе. Или, точнее, так: самих источников достаточно (и профессионалам они хорошо известны) – а вот школьники знают о них мало, пользоваться регулярно не привыкли. При этом вопрос «что бы почитать?» не теряет своей остроты – особенно когда дело касается небольших по объему произведений, на внеурочное чтение которых старшеклассник может найти свободное время.

Сложность выбора небольших текстов определяется целым рядом обстоятельств. Практически все современные премиальные списки («Большой книги», «Нацбеста», «НОСа», раньше – «Русского Букера») включают в себя романы (и лишь иногда – сборники

рассказов без выделения каких-то конкретных произведений). Кроме того, в разнообразных сетевых литературных обзорах попадают, как правило, тоже романы или книги нон-фикшн – а отдельные рассказы или иные короткие тексты обычно остаются вне поля зрения рецензентов. Журнальная критика давно не предназначена для широкого читателя и все больше становится «файлообменником» для узких специалистов.

При этом в любую эпоху чтение произведений современников неизбежно требует способности самостоятельно отличать настоящую литературу от конъюнктурных текстов, хорошую беллетристику от литературных суррогатов, а главное – умения самому задать себе те вопросы, которые обозначают ориентиры для интерпретации произведения. На каком литературном материале можно учить этому школьников? Мы предлагаем несколько коротких произведений современных авторов, которые, не перегружая выпускников освоением большого объема текста, позволяют составить представление о некоторых именах и тенденциях новейшей русской прозы.

Рассказы современного карельского прозаика Дмитрия Новикова мы бы рекомендовали брать после изучения творчества Бунина: интенсивность сенсорных реакций, поиск «сочетанья прекрасного и вечного», экзистенциальные «точки экстремума», удерживаемые памятью и вносящие осмысленность в рутинное существование, – отчетливые приметы следования бунинской традиции в прозе Д. Новикова. Как верно указывает Евгений Ермолин, «Новиков отбрасывает прочь мусор повседневного существования и ценит в жизни только звездные миги, кульминации бытия: моменты, когда человек ощущает ни с чем не сравнимую его полноту» [Ермолин 2004].

Рассказ «Муха в янтаре» – о неподдельном и продленном в вечность переживании счастья. Эмблемой его становится муха, увязшая в терпкой смоле: сладкое замирание чревато смертью – но для мухи смерти нет, она впадает в неподвижность под воздействием анестезии счастья. Янтарная смола – это такой «консервант» времени, который переводит «сейчас» в «навсегда»: отсюда – «...выражение неосознанного счастья на мушином лице, по-

тому что в последний момент всегда появляется знание – смерти нет, а есть лишь окружающий тебя, невыразимо прекрасный мир, и ты в нем пребудешь вовеки» [Новиков 2003: 8]. Д. Новиков умеет увидеть в счастье – печаль и хрупкость, а в восторге – гибельность.

Сюжетная же канва рассказа предельно проста и нарочито оставлена без финальной опорной точки: пять матросов и лейтенант по кличке Мерин высаживаются на берег, чтобы получить на складе «имущество для медицинской службы»; в финале склад еще не открылся с обеда, матросы идут по степи – и где-то вдалеке видна маленькая фигурка Мерина, которая комично подпрыгивает, размахивает руками и кричит что-то злобное. Все главное случается вне этой событийной схемы. Сначала матросы купят копченой тюльки с портвейном – и с этого момента вкус маслянистой рыбешки, черняшки и крымского белого на всю жизнь станет вкусом необъяснимого счастья; потом отправятся к морю – и ощущение проходящего сквозь тело солнца и ветра впервые в их опыте соединится с подлинным переживанием Времени, которое несет в себе «частички бытия» всех тех, кто когда-то проходил по этой степи – скифских всадников, римских воинов, солдат Второй мировой – и вот теперь их самих. И сознание вдруг уловит токи бесконечной жизни, которые пронизывают все сущее. «„Нет смерти, нет“, – стрекотали кузнечики. „Нет времени, ничто никуда не несется“, – вторили им раскаленные, струящие жар камни» [Новиков 2003: 9].

Абсолютное и иррациональное переживание счастья, обрушившегося на героев, не поддается повторению. Спустя годы один в непонятной задумчивости на семейных выездах вместо шашлыков будет поедать тюльку в томатном соусе, другой школьными акварельными красками рисовать степные пейзажи, третий, превратившись в бомжа, среди соратников будет осуждаться за барскую привычку пить белый крымский портвейн, едва появляются деньги. Но вернуть раз возникшее ощущение бессмертия и бесконечности бытия не получается – все чего-то недостает. И лишь одному из пятерых удастся достичь для остальных невозможного: в памяти Пеки в момент самоубийства «вдруг всплыл яркий

солнечный отпечаток обычного летнего дня, похожий на доисторическую муху, застывшую в куске янтаря с блестящими от счастья последнего знания глазами – смерти нет» [Новиков 2003: 14]. Он единственный из героев, кто в точке соприкосновения жизни и смерти полностью сумел повторить то, что пережил в юности, – и вернулся в совершенное, беспримесное счастье.

Старшеклассники, с которыми мы разбирали рассказ, глубоко прочитывали и его символику (образ мухи в янтаре), и авторскую концепцию времени, и характеры персонажей – словом, можно утверждать, что он вполне посилен для 11-классников и может быть рекомендован как для самостоятельного чтения, так и для изучения на уроке внеклассного чтения.

Другой рассказ Дмитрия Новикова – «Правда воды» (1997) – это история о подобном же озарении, о возможности словом прикоснуться к себе настоящему – но еще и о том, как такие счастливые открытия становятся путем к гибели. Заранее заготовленная героем «Правды воды» фраза для начала то ли повести, то ли рассказа («Меня убил немецкий автоматчик. Его глупая пуля глухо тукнула в мою грудь, и я упал на спину без боли, лишь неприятен был парной язык его овчарки, когда она жарко слизнула кровь, плеснувшую у меня изо рта...» [Новиков [http](http://)]), кажется подлинной писательской находкой (по формальным параметрам она действительно неплоха – аллитерационно-ассонансный ряд с повторами «Г», «л/р», «п», «у» во втором предложении, парадоксальность завязки, сюрреалистичность атмосферы при правдоподобию частных деталей, тактильная проработанность описания). Но при этом оборачивается началом конца. Повествование у героя – начинающего писателя, впервые решившегося засесть за печатную машинку, – никак не идет, но зато наплывают воспоминания о детстве, о бабушке и о том, как она отливала кипятком примерзший к железным перилам язык. С детализированного воспоминания и начинается подлинная литература – но заканчивается жизнь Виктора: его убивают в короткой стычке у прилавка деревенского магазина.

Бунинская плотность деталей, пластичность и рельефность воспоминания, осязаемость движения времени и его прозрачная многослойность, сосредоточенность автора на соотношении персональной, частной истории и истории всеобщей – это и черты прозы Евгения Водолазкина, а показать их можно на примере рассказа «Совсем другое время». «Детское время – совершенно особое, оно не похоже на взрослое. Это совсем другое время. Оно... почти не время еще, в нем нет главного свойства времени – необратимости» [Водолазкин 2017: 467–468]. В этом детском Раю нет часов: когда конечность отпущенного человеку срока еще не осознается, в них просто нет необходимости. Зато символична в рассказе связь первого воспоминания с часами в перевязочной ожогового отделения, куда автобиографический герой попадает в полтора года: память (начальная фраза рассказа – «Мое первое воспоминание...») и время (продолжение фразы – «настенные часы в перевязочной») в своей вечной «дружбе-вражде» оказываются нераздельны.

Детская память отличается тем, что в ней события не привязаны к конкретным датам, их легко переставить местами и даже иногда поменять в них участников. Линейность хронологии – это особенность того времени, которое, говоря словами И. Бродского, создано смертью. В прозе же Е. Водолазкина будущее может просвечивать сквозь настоящее или являться «водяными знаками» в уже прошедшем – нужно лишь уметь их опознавать и правильно прочитывать. Те же мотивы являются определяющими в поэтике «Лавра»: его героям дано, например, увидеть смерть еще продолжающего жить человека. Так будущее входит на территорию настоящего и стирает все условные засечки времени. Вот лишь один пример: Арсений с другом Амброджо отправляются в Иерусалим, однако итальянцу не суждено будет дойти до цели – он погибнет от меча мамлюка. Но смерть его Арсений увидит тогда, когда меч еще и не занесен, а Амброджо еще находится рядом: его отрубленную голову Арсений видит на земле, пока мамлюки обыскивают даже не сопротивляющегося итальянца. Он же в момент гибели видит, как в Петербурге на колокольню Петропавловского собора опускается ан-

гел с крестом – и видение это преодолевает толщу еще не прошедших столетий. Будущее невидимыми нитями пронизывает ткань настоящего, оно существует всегда; «проявленные» же узоры времени человек склонен называть судьбой или историей.

Другой сюжетный ход, найденный в рассказе «Совсем другое время», Е. Водозакин использует затем и в финале романа «Авиатор»: время, как киноплёнка, отмотано назад – и в рассказе вот-вот возвратятся к жизни прежние знакомые, утонувший в море совок медленно втянется в ведро с песком, а в «Авиаторе» к статуэтке Фемиды вернутся отломанные весы, а бабушка будет вновь читать маленькому Иннокентию «Робинзона Крузо».

Из совсем недавних произведений интересно было бы обратиться к рассказу Михаила Шишкина «Гул затих...», написанному в 2016 году (он был предложен для рассмотрения 11-классникам на творческом туре заключительного этапа олимпиады по литературе в 2017 году, и справились с ним школьники весьма успешно; подробный разбор рассказа дается нами в статье [Кучина 2018]). Ключевые слова в нем – жизнь, смерть, поэзия, бессмертие. В рассказе реализован характерный для прозы М. Шишкина фабульный ход смерти-воскрешения-повторной смерти: герой-повествователь вызван с военных сборов на похороны деда – а дед на самом деле умер задолго до того и теперь ненадолго «воскрес», чтобы немедленно уйти из жизни снова. Побочными побегами этого же сюжета являются две взаимосвязанные мотивные схемы: первая отсылает к Пастернаку – и через его стихотворения «Гефсиманский сад» и «Гамлет» («Гамлет» упоминается в связи с ролью Владимира Высоцкого в театре на Таганке) к Иисусу Христу, вторая – к первой жене деда. Тематически они, разумеется, не имеют между собой ничего общего – зато в их «рифме» отчетливее проступают важнейшие авторские коннотации жизни и смерти, бытия и небытия. Настоящее открытие поэзии приходит к герою-повествователю с пониманием того, что Пастернак написал в «Гефсиманском саде» о себе самом (размышляет герой-повествователь о следующих строках стихотворения: «Я в гроб сойду и в третий день восстану. / И,

как сплавляют по реке плоты, / Ко Мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты» [Пастернак 2015: 1252]): «Это он сошел в гроб, а потом восстал. Мы же ездили к нему в Переделкино на кладбище, и я знал, что там, под камнем, его не было. Вот рядом кладбище старых большевиков – там все шеренгами лежали на месте, где положили» [Шишкин 2017: 257]. Пастернак же – везде: в морозном московском воздухе, в съеденном беляше, от которого началась резь в животе, в промозглых пятиэтажках и висящих над ними звездах. Эхом это освобождение из-под могильного камня откликнется в эпизоде похорон деда: его положили в могилу жены – но ее самой там не оказалось (из объясняющих обстоятельств – возможное смещение памятника и ограды в связи с новыми захоронениями на старом кладбище). Смерть в художественной реальности Михаила Шишкина во все необязательно означает завершение, достижение конечной точки пути – она дарует особую свободу: быть везде, всегда, всем – и со всеми сразу. И перед этой свободой оказываются равны все – и Пастернак, и бабушка героя: формула «смертью смерть поправ» со времен воскресения Иисуса относится ко всем.

А вот времени, созданному смертью, оставлены у Михаила Шишкина лишь те три дня, что прошли между распятием и воскресением – когда не было Христа с человеком. Впрочем, в композиционной структуре рассказа «Гул затих...» и этим во тьме пребывающим трем дням находится сюжетная рифма – опрокидывающая и отменяющая их безнадежный смысл: именно три дня любви дарит герою-повествователю вторая смерть деда. Телеграмма прислана любимой девушкой, и вся самая важная информация передана в ней окказиональным шифром: текст «Миша дедушка умер похороны срочно приезжай мама» следует читать так: ты прощен, любим, я жду тебя. И вот эти три дня любви «будут длиться и никогда не кончатся, и пальцы, укрощая дрожь электрички, выводят: я есмь» [Шишкин 2017: 279]. Связь и соотнесенность жизни и смерти в метафорических аналогиях Михаила Шишкина – это и есть движение пера по бумаге: друг без друга они не смогут выполнить свое назначение – но для каждой новой фразы нужно оторвать перо от листа.

На основе даже краткого обзора малой прозы отчетливо видны общие значимые тенденции, характеризующие творчество современных авторов: приоритетность частного существования, личной истории перед историей всеобщей; интерес к тем приемам поэтической техники, которые позволяют создать эффект просвечивания разных слоев времени друг сквозь друга; интерес к работе механизмов памяти и воображения, определяющих

структуру человеческой личности. И важно, что все эти черты не противопоставляют современную литературу классике, а наоборот, позволяют соотносить с ней, видеть, как ее важнейшие темы и мотивы осмысляются современной культурой, как встраиваются в новые контексты. Понимание этого взаимодействия обогатит и восприятие школьниками хрестоматийных программных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Арзамасцева, И. Н. Концепция возрождения отечественной традиции детского чтения / И. Н. Арзамасцева, И. В. Баданина, Г. Ю. Богданович [и др.]; науч. ред.: проф., член-корр. РАО Т. В. Кортава. – Москва: Издательство Московского университета, 2017. – 143 с.

Водолазкин, Е. Г. Совсем другое время / Е. Г. Водолазкин. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. – 477 с.

Галактионова, Т. Г. Размышления старшеклассников о современной литературе / Т. Г. Галактионова, Ю. Л. Мокшина // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 20–21.

Зинин, С. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по литературе / С. А. Зинин, Л. В. Новикова, Л. Н. Гороховская. – URL: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1513063790/literatura_2017_red._12.12.2017.pdf (дата обращения: 17.06.2019). – Текст: электронный.

Книжная полка Евгения Ермолина. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2004_4/Content/Publication6_2927/Default.aspx (дата обращения: 17.12.2019). – Текст: электронный.

Ковалев, Б. К вопросу о необходимости массового изучения современной литературы / Б. Ковалев // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 71–73.

Кучина, Т. Г. «Город мертвых, где все живы»: о контекстной синонимии «жизни» и «смерти» в прозе Михаила Шишкина / Т. Г. Кучина // *Slavica Wratislavinica*, 167. Wielkie tematy kultury w literaturach slawiańskich 13. Tanatos 1. – Wrocław 2018. – С. 555–564.

Новиков, Д. Г. Муха в янтаре / Д. Г. Новиков. – Санкт-Петербург: Геликон + Амфора, 2003. – 211 с.

Новиков, Д. Г. Правда воды / Д. Г. Новиков. – URL: <http://bonread.ru/dmitriy-novikov-kompleks-polnocennosti.html> (дата обращения: 17.12.2019). – Текст: электронный.

Пастернак, Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / Б. Л. Пастернак. – Москва: АЛЬФА-КНИГА, 2015. – 1279 с.

Сорокин, Н. Где более уместен современный литературный контент: в программе, учебнике, на уроках или же в рамках факультатива, во время внешкольных или самостоятельных занятий? / Н. Сорокин // Современный литературный поток в школьном образовательном процессе: сборник научных статей по итогам IX Международной научно-практической конференции, 17 ноября 2017 года, Россия, Санкт-Петербург / под ред. Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2018. – С. 86–88.

Шишкин, М. П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе / М. П. Шишкин. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. – 318 с.

REFERENCES

Galaktionova, T. G., Mokshina, Yu. L. (2018). Razmyshleniya starsheklassnikov o sovremennoi literature [Teens' Reflections on Contemporary Literature]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyy literaturnyy potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 20–21.

Knizhnaya polka Evgeniya Ermolina [The Bookshelf of Eugene Ermolin]. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2004_4/Content/Publication6_2927/Default.aspx (mode of access: 17.12.2019).

Kortava, T. V. (Ed.). (2017). *Kontseptsiya vrozhdeniya otechestvennoi traditsii detskogo chteniya* [The Concept of the Revival of the Domestic Tradition of Children's Reading]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 143 p.

Kovalev, B. (2018). K voprosu o neobkhodimosti massovogo izucheniya sovremennoi literatury [On the Issue of Necessity of Mass Study of Modern Literature]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyyi literaturnyi potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 71–73.

Kuchina, T. G. (2018). «Gorod mertvykh, gde vse zhivy»: o kontekstnoi sinonimii «zhizni» i «smerti» v proze Mikhaila Shishkina [“The City of the Dead Where Everyone is Alive”: Contextual Synonymy of *Life* and *Death* in the Prose of Mikhail Shishkin]. In *Slavica Wratislavinica, 167. Wielkie tematy kultury w literaturach slowiańskich 13. Tanatos 1*, pp. 555–564.

Novikov, D. G. (2003). *Mukha v yantare* [Amber Fly]. Saint Petersburg, Gelikon + Amfora. 211 p.

Novikov, D. G. *Pravda vođy* [The Truth of the Water]. URL: <http://bonread.ru/dmitriy-novikov-kompleks-polnocnosti.html> (mode of access: 17.12.2019).

Pasternak, B. L. (2015). *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume]. Moscow, ALFA-KNIGA. 1279 p.

Shishkin, M. P. (2017). *Pal'to s khlyastikom: korotkaya proza, esse* [Coat with a Whip: Short Prose, Essay]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 318 p.

Sorokin, N. (2018). Gde bolee umesten sovremennyyi literaturnyi kontent: v programme, uchebnike, na urokakh ili zhe v ramkakh fakul'tativa, vo vremya vneshkol'nykh ili samostoyatel'nykh zanyatii? [Where is Modern Literary Content in More Appropriate: in the Program, in the Textbook, in the Classroom or as a Part of an Elective, During after School Hours or Individual Study?]. In Galaktionova, T. G., Kazakova, E. I. (Eds.). *Sovremennyyi literaturnyi potok v shkol'nom obrazovatel'nom protsesse: sbornik nauchnykh statei po itogam IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17 noyabrya 2017 goda, Rossiya, Sankt-Peterburg*. Saint Petersburg, LEMA, pp. 86–88.

Vodolazkin, E. G. (2017). *Sovsem drugoe vremya* [A Completely Different Time]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 477 p.

Zinin, S. A., Novikova, L. V., Gorokhovskaya, L. N. *Metodicheskie rekomendatsii dlya uchitelei, podgotovlennye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGE 2017 goda po literature* [Guidelines for Teachers, Prepared on the Basis of the Analysis of Typical Errors of Participants in the Exam in 2017 in Literature]. URL: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1513063790/literatura_2017_red._12.12.2017.pdf (mode of access: 17.06.2019).

Данные об авторе

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennadevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

ОБЗОР СИСТЕМЫ СЛУЖБ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ В США¹

УДК 37.015:378.14. DOI 10.26170/FK20-01-20. ББК Ю962.3. ГРНТИ 14.15.01.
Код ВАК 13.00.02; 13.00.01

Минюрова С. А.

Уральский государственный педагогический университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3852-0434>

Svetlana A. Minyurova

Ural State Pedagogical University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3852-0434>

Бабич Г. Н.

Уральский государственный педагогический университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6918-2306>

Galina N. Babich

Ural State Pedagogical University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6918-2306>

Бакстер Дж.

Северовосточный Иллинойский университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4370-5097>

Jeanne Baxter

Northeastern Illinois University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4370-5097>

A REVIEW OF STUDENT SUPPORT SERVICES IN USA

Abstract. The review deals with the issues of organization of a socio-psychological support service for students. The realization of priority projects aimed to attract foreign students to Russian higher education institutions sets the task to design socio-psychological support models for these students. In view of this, it is important to study the experience of organization of such student support abroad. This review describes the approaches to the organization of student support services in the USA. The article provides a detailed description of the TRIO programs which presuppose discretionary and competitive grants for higher education institutions. Funds are awarded to institutions of higher education to provide opportunities for academic development, assist students with basic college requirements, and to motivate students toward the successful completion of their post-secondary education. TRIO projects include: academic tutoring, services in the field of education and counseling to improve the financial and economic literacy of participants, individual counseling for young people who are officially registered as homeless during vacation or live in a foster family.

The review emphasizes the importance of development of the student support system in Russian education institutions. The authors define the notion of “social student support” in the following way: in a broad context, as a unity of positive interventions of the closest social environment, and in a narrow context, as direct assistance in stressful situations. The following kinds of social student support have been analyzed: information support, status support, instrumental support, emotional support and diffuse support. Social support should meet the following demands: to be protected, to be recognized, to belong to a community, and to achieve self-realization. The review explores the mediating effect of support on various levels: on the physiological level (lessening of anxiety); on the level of motivation sphere (perception of other people’s attention; it increases students’ inner motivation);

¹Dr. Diane Ehrlich, Northeastern Illinois University, Chicago, USA, took part in the preparation of this article.

on the level of affective sphere (creation of the feeling of security and safety); on the level of cognitive sphere (acquisition of new points of view, alternative context while perceiving stressful situation); on the level of behavior (new ways of problem solving, alternative behavior models, etc.); on the level of personality (encouraging self-respect, provision of emotional support, enhancing the feelings of inner control and competence, critical for inner resources mobilization in stressful situations).

Key words: socio-psychological support; students; psychological counseling; American universities; support services.

Аннотация. Обзор посвящен рассмотрению вопросов организации службы социально-психологической поддержки студентов. Реализация приоритетных проектов по привлечению иностранных студентов в российские вузы ставит задачу разработки моделей социально-психологического сопровождения этих обучающихся. В этой связи важно изучить опыт организации такого сопровождения студентов в других странах. В обзоре представлены подходы к организации служб поддержки студентов в США. Подробно раскрывается программа TRIO, которая предоставляет дискреционные и конкурентные гранты высшим учебным заведениям для достижения студентами академических успехов, оказания им помощи в выполнении основных требований колледжа, поддержку мотивации и психического здоровья студентов для успешного завершения обучения. Проекты программы TRIO включают: академическое наставничество, услуги в области образования и консультирования для улучшения финансовой и экономической грамотности, индивидуальное консультирование для зарегистрированной молодежи, которая во время каникул имеет бездомный статус или проживает в приемной семье.

Подчеркивается важность развития системы поддержки в российских образовательных учреждениях. Раскрывается понятие «социальная поддержка студентов»: в широком контексте, как совокупность положительных влияний ближайшей социальной среды, помогающей успешной интеграции человека в систему социальных взаимоотношений, а также в узком контексте, как прямая помощь в стрессовых ситуациях. Проанализированы виды социальной поддержки студентам: информационная, статусная, инструментальная, эмоциональная, диффузная. Раскрыты потребности, которые удовлетворяет социальная поддержка: быть защищенным, признанным, принадлежать общности, иметь возможности самореализации. Проанализировано опосредующее влияние поддержки на различных уровнях: на физиологическом уровне (уменьшение тревожности); на уровне мотивационной сферы (восприятие внешнего внимания, повышает внутреннюю мотивацию студентов); на уровне аффективной сферы (создание чувства защищенности, безопасности); на уровне когнитивной сферы (усвоение новых точек зрения, альтернативный контекст при восприятии стрессовой ситуации); на уровне поведения (новые способы решения проблем, предоставление альтернативных моделей поведения и т. д.); на личностном уровне (поддержка самоуважения, предоставление эмоциональной опоры, поддержка чувств внутреннего контроля, компетентности, имеющие большое значение для мобилизации внутренних ресурсов в стрессовых ситуациях).

Ключевые слова: социально-психологическая поддержка; студенты; психологическое консультирование; американские университеты; службы поддержки.

Для цитирования: Минюрова, С. А. A Review of Student Support Services in USA / С. А. Минюрова, Г. Н. Бабич, Дж. Бакстер. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 203–208. – DOI: 10.26170/FK20-01-20.

For citation: Minyurova, S. A., Babich, G. N., Baxter, J. (2020). Review of Student Support Services in USA. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 203–208. DOI: 10.26170/FK20-01-20.

Introduction

The implementation of priority projects to attract foreign students to Russian universities sets the task of developing models of social and psychological support for these students. In this regard, it is important to study the experience of organization of such support for students in other countries. This article provides an overview of student support services in the United States.

Materials and Methods

Background of Student Support Services in Higher Education: Although news headlines in the United States have most recently focused on support systems in place for students who experience trauma from the political divide or campus violence, the statistics show that across the USA, the sharpest focus remains on retention and student success. Depending upon the size, available resources, and the backgrounds of enrolling stu-

dents, there are varied approaches across the nation. What may be shifting is additional emphases on mental health and wellness.

Today, accrediting agencies are requiring higher levels of accountability around outcomes, as are policy makers and citizens who want to understand and demand greater transparency over the value that education delivers. One major change in an institution's response is the historically former attitude of 'weeding out students'. An example of this attitude for readers of a certain age is the memory in one's first year of college when a professor said, "Look to your right. Now look to your left. Next year one of you will not be sitting here." Thanks to the research and influence of Gardner [Gardner, Jewler 1995], Kuh and others [Kuh 2006; 2001], universities in the early nineties began the shift to supporting student success. This is often measured in time-line of graduation, persistence, improved learning outcomes, and even transfer success.

Changing Emphases: As a result of this change, there is now some form of student support services provided by every college and university. The shift, of course, prompts new challenges for collaboration, measurement and sharing results of innovative research. Retention issues have spurred the development of public and private movements like the VSA, (Voluntary System of Accountability) and U-CAN (University and College Accountability Network). States are also moving to develop funding formulas (for their state funded colleges and universities) that are performance based. According to the National Conference of State Legislatures, 25 states currently have such a formula in place. Other states are watching the results. In addition, student success initiatives are being supported by companies like Ellucian [Ellucian [http](http://www.ellucian.com)], an international provider of software services, located in Fairfax, Virginia, and marketing globally.

Underpinning higher education's focus on student success, of course, are the changing high school graduation rates and population demographics across the United States. Southeast and Western states are seeing significant growth in the number of high school graduates that represent first-generation and under represented college students. This group requires additional academic, financial and social supports in order to graduate. Demographic changes are requir-

ing colleges and universities to make necessary changes to retain both their traditionally enrolled students and the new groups.

What are the core components of most student success and support programs? It depends on size and resources available to a college or university. The US Department of Education's Student Support Services program is known as TRIO [United States Department of Education [http](http://www.ed.gov)]. This program provides discretionary and competitive grants to institutions of higher education. From these grants, institutions can provide opportunities for academic development, assistance with basic college requirements, motivational and mental health support for successful completion.

Historically, TRIO programs evolved from the Upward Bound programs of President Lyndon B. Johnson's 1964 'War on Poverty'. Today, over 790,000 low-income, first generation and students with disabilities are served by over 2,000 programs nationally.

US Department of Education (TRIO) projects include:

- Academic mentoring.
- Education and counseling services to improve financial and economic literacy.
- Individualized counseling for enrolled youth who, on college breaks, return to homeless status or foster care.

A specific institution being served by such grants is Northeastern Illinois University (NEIU), Chicago [Northeastern Illinois University [http](http://www.neiu.edu)]. NEIU received in 2010 three TRIO awards. 'Access' for support beginning in high school to prepare for college; 'Achieve' for support to first generation, low-income students; and 'Teach' for those planning a teaching career. NEIU's Student Success Office collaborates with off-campus initiatives such as El Centro, serving the Hispanic population.

Although not heavily endowed as some of the nation's larger, private universities, NEIU is representative of many state universities. The focus is on retention and degree completion with a growing concentration on wellness and mental health. Many of these universities have developed Centers for Student Success to provide additional support for families, help train university faculty to work with adult students on learning strategies, develop peer mentoring and student leadership programs.

The importance of these initiatives is demonstrated through an increase in the number of positions available in Student Affairs departments. This is observable, even with a decrease in higher education funding. There is a need for more support for students who are working adults, balancing work, family and school. Adding to this mix of first generation students are the numbers of 'unprepared' and the not for credit courses they must take that, in turn, lengthens the time to graduation. This has a negative impact on funding that is of major concern for state supported colleges and universities as well as many of the smaller private institutions.

Larger, prestigious, and heavily endowed universities have extensive programs as well. Harvard University, Cambridge, Massachusetts [Harvard University [http](http://www.harvard.edu)] provides extensive student support services that include:

- Support for students experiencing difficulties.
- Ensuring well-being of student body, e. g., disabilities, learning challenges, health and wellness.

These services are further divided and available in Business, Law and Medical areas of the campus. Harvard also provides global support services by providing operational guidance and resources to students, faculty and staff traveling or managing projects abroad.

Northwestern University, Evanston (NU), Illinois [Northwestern University [http](http://www.northwestern.edu)], is another university, well-endowed financially. NU has an umbrella service, SASS (Student Assistance & Support Services). It is considered a starting place in helping students and families navigate the many available resources. The SASS team assists students by coordinating campus and community resources to promote student well-being when dealing with complex issues.

SASS does not provide direct counseling and information shared is not confidential and not protected by HIPPA laws (Health Insurance Portability and Accounting Act) that protect confidentiality. It does, however, direct students to those services where confidentiality is protected by HIPPA laws.

1. Predictors of Success: The ACT (American College Test) [ACT [http](http://www.act.org)] and SAT (Student Aptitude Test) [SAT [http](http://www.collegeboard.org)] are the two most common measures used for college admission in the USA. In many universities, these two measures are used

to identify 'at risk' students and to make families and college counseling programs aware of the opportunities available to help students navigate difficulties through mentoring, confidential psychological counseling, and other resources.

Why do some colleges and universities do better in defining and supporting student success? This is a current challenge for the United States that is prompting further study as 1. Gardner, J. N. and Jewler, A. J. (1995) *Your College Experience: Strategies of Success*, (2nd ed.) Boston: Wadsworth-Thompson Publishing Company.

2. Kuh, George D. (2006) *What Matters to Student Success: A Review of the Literature*; Commissioned Report of the National Symposium on Postsecondary Student Success. Indiana University, Bloomington, Indiana, July, 2006.

3. Kuh, George D. (2001) *Assessing What Really Matters to Student Learning: Inside the National Survey of Student Engagement*. *Change*, 35 (2): 24–32.

4. Ellucian – Contact www.ellucian.com Fairfax, Virginia 22033, USA.

5. United States Department of Education – Student Support Services. Contact: www.ed.gov/category/program/student-support-services.

6. Northeastern Illinois University, Chicago, Illinois. Contact: NEIU University Life Website.

7. Harvard University, Cambridge, Massachusetts. Contact: Office of Student Life Website.

8. Northwestern University, Evanston, Illinois. Contact: Accessible NU website.

9. ACT (American College Testing) National Program. *The Condition of College and Career Readiness*. 2016. Website.

10. SAT (Student Aptitude Test). Contact: sat@info.collegeboard.org or +1-212-713-7789 (International).

11. Raudsepp, M. Subject and supporting environment [Text] / M. Raudsepp // *Environmental conditions for the development of social communities*. Tallinn 1989. p. 67–89.

We work to bridge the gap between theory and execution. According to the US Bureau of Labor Statistics, students who complete a degree can expect to earn up to 70 per cent more than those who have only a high school diploma. Economic recovery depends in large part on how well universities succeed at delivering education, and finally, the need to build human capital to drive innovation is critical to any nation's global standing.

Summary. Collaboration, pilot programs, and well-defined avenues of communication among departments must be created in all colleges and universities. There must be constant attention to measuring results, building bridges on campus and within the community, and a willingness to change when certain approaches are not working effectively.

An initial review of the most successful approaches current in many USA colleges and universities, both state supported and private, incorporate some version of the following components:

- In order to succeed, resources must be available to support students both academically and socially. Early academic achievement is a predictor of future success. A campus-wide student success initiative that involves inter-department collaboration is an essential component for success.
- Students who engage fully in the life of the college and are more likely to take advantage of advising, peer, and faculty mentoring. Bridge programs that help identify these and community resources are of critical importance in a student's first year. Mental health and wellness services require additional support.
- More research is needed to evaluate current practice and as a foundation to developing a strategic approach to student support services.

Discussion and Conclusions

Considering the above experience of organization of student support services, we believe it possible to be guided by the concept of "social support" when developing a model for accompanying foreign students in Russian universities.

In a broad sense, this concept is considered as a set of positive influences of the nearest social environment that helps the successful integration of a person into the system of social relationships [Raudsepp 1989]. The needs that social support satisfies are as follows: to be protected, recognized, belong to the community, to have opportunities for self-realization. In a narrower sense, social support is called direct assistance in stressful situations. Since in real life stressful and not stressful situations are intertwined with each other, both support models are taken into account. There are various types of social support

based on different classifications of interpersonal needs and social resources. We believe that in the case of support for foreign students the following types are most effective:

- information support – providing information to help solve problems; assistance in analyzing the situation, feedback;
- status support – an expression of approval, acceptance, support for self-esteem; providing information necessary for self-assessment;
- instrumental support – providing practical assistance in achieving the goal or solving problems, overcoming the crisis;
- emotional support – an expression of intimacy, empathy, caring, understanding, confidential style of personal communication;
- immersion support – friendly communication, joint creative activities, as well as creating a sense of solidarity with others; in a stressful situation – distraction from the stressor, etc.

Support is said to be aimed at meeting various needs of students, for example, to be protected, to be recognized, to be part of a community, to have opportunities for self-realization. The mediating influence of support operates at various levels:

- at the physiological level (reduction of anxiety);
- at the level of the motivational sphere (the perception of external attention, care increases the internal motivation of students);
- at the level of the affective sphere (creating a sense of protection, security);
- at the level of the cognitive sphere (the assimilation of new points of view, an alternative context in the perception of a stressful situation);
- at the level of behavior (new ways of solving problems, providing alternative behaviors, etc.);
- on a personal level (supporting self-esteem, providing emotional support, supporting feelings of internal control, competence, which are of great importance for mobilizing domestic resources in stressful situations).

REFERENCES

- ACT (American College Testing) National Program. *The Condition of College and Career Readiness*. URL: <http://www.act.org/content/act/en/research/reports/act-publications/condition-of-college-and-career-readiness-2016.html>.
Ellucian. URL: www.ellucian.com.
- Gardner, J. N., Jewler, A. J. (1995). *Your College Experience: Strategies of Success*. 2nd ed. Boston, Wadsworth-Thompson Publishing Company.
- Harvard University, Cambridge, Massachusetts. URL: https://dso.college.harvard.edu/?utm_source=os&utm_campaign=redirect_analysis.
- Kuh, G. D. (2001). Accessing What Really Matters to Student Learning: Inside the National Survey of Student Engagement. In *Change*. No. 35 (2), pp. 24–32.
- Kuh, G. D. (2006). *What Matters to Student Success: A Review of the Literature; Commissioned Report of the National Symposium on Postsecondary Student Success*. Indiana University, Bloomington, Indiana.
Northeastern Illinois University, Chicago, Illinois. URL: <https://www.neiu.edu/university-life>.
Northwestern University, Evanston, Illinois. URL: <https://www.northwestern.edu/accessiblenu>.
- Raudsepp, M. (1989). *Subject and supporting environment. Environmental conditions for the development of social communities*. Tallinn, pp. 67–89.
- SAT (Student Aptitude Test). URL: <https://collegereadiness.collegeboard.org/sat>.
- United States Department of Education – Student Support Services. URL: www.ed.gov/category/program/student-support-services.

Данные об авторах

Минюрова Светлана Алигарьевна – доктор психологических наук, профессор, ректор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: minyurova@uspu.me

Бабич Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: gnb@uspu.me.

Бакстер Джин – профессор, Северовосточный Иллинойский университет; доктор философии, директор компании «Качество образования» (Чикаго, США).

Адрес: 60625, США, Иллинойс, Чикаго, Северная улица Луи Авеню, 5500.

E-mail: drcolead@gmail.com.

Author's information

Minyurova Svetlana Aligar'evna – Doctor of Psychology, Professor, Rector, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Babich Galina Nikolaevna – Candidate of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Baxter Jeanne – Professor, Northeastern Illinois University; Doctor of Philosophy, Head of the Education Quality Company (Chicago, USA).

СЮЖЕТЫ БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА В «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА С. А. ЕСЕНИНА»

(Рецензия на книгу: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Том пятый. 1925 – середина 1926. В двух книгах. Книга 2. 24 декабря 1925 – середина 1926. Справочные материалы. Составление Н. И. Шубниковой-Гусевой. Авторы: Т. К. Савченко, С. А. Серегина, М. В. Скороходов, Н. М. Солобай, С. И. Субботин, Н. И. Шубникова-Гусева: ИМЛИ РАН. 2018. 1160 с. ISBN 5-9208-0574-4; ISBN 978-5-9208-0430-3)

УДК 821.161.1-1(Есенин С. А.). DOI 10.26170/FK20-01-21. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4. ГРНТИ 17.81.21. Код ВАК 10.01.08

Малыгина Н. М.
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН

Nina M. Malygina
Institute of World Literature Russian Academy
of Science (IWL RAS)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3670-4398>

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3670-4398>

PLOTS OF THE FUTURE HISTORY OF 20TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE IN “THE CHRONICLE OF THE LIFE AND WORK OF S. A. ESEININ”

(Book review: *The chronicle of the life and work of S. A. Esenin*. V.5. 1925 – mid-1926. In two books. Book 2. Resource materials. Compilation By N. I. Shubnikova-Guseva. Authors: T. K. Savchenko, S. A. Seregina, M. V. Skorokhodov, N. M. Solobay, S. I. Subbotin, N. I. Shubnikova-Guseva: IWL RAS. 2018. 1160 s.)

Abstract. The article is a review of the book *The chronicle of the life and work of S.A. Esenin*. V.5. 1925 – mid-1926. In two books. Book 2. It analyzes Esenin's chronicle of the last days of his life, his creative connections with his contemporaries (Mayakovsky, Klyuyev, Kazin, Budantsev, Voronsky, etc.) and Esenin's participation in the literary group of imaginalists in the early 1920s. It should be noted that many valuable materials about the life and creative work of the poet, as well as about the literary process of the mid-1920s, are published for the first time. The chronicle contains references to foreign publications about Esenin, confirming the extent of the poet's fame and recognition throughout the world. The reviewer concludes that *The chronicle...* provides an opportunity to determine the main plots of the history of the Russian literature of the 20th century. The story about the relationships between A. K. Voronsky and Esenin is one of the recurrent plots of Book 2 of Volume 5 of *The chronicle...* It is noted that the previously unknown diary of I. V. Evdokimov revealed his contribution to the publication of the collected works of Esenin. *The chronicle...* reports the participation of the almost forgotten writer S. F. Budantsev in the events aimed to immortalize the memory of the poet. The review of the final book of *The chronicle...* makes it possible to conclude that the study of the literary biography and creative activity of the poet does not close the topic, but, on the contrary, convincingly demonstrates the prospects for its further development and opens up new vistas for reconstructing a reliable history of the Russian literature of the first half of the 1920s.

Keywords: biographical materials; Russian poetry; Russian poets; literary creative activity; literary criticism; imaginalists.

Аннотация. В рецензии на: «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина». Т.5. Книга 2...» анализируется хроника последних дней Есенина, его творческие связи с современниками: Маяковским, Клюевым, Казиным, Буданцевым, Воронским и др.; участие Есенина в литературной группе имажинистов в начале 1920-х гг. Устанавливается, что многие ценные материалы о жизни и творчестве поэта, а также о литературном процессе середины 1920-х годов, опубликованы впервые. Приведены зарубежные публикации о Есенине, подтверждающие признание поэта во всем мире. Летопись дает возможность определить основные сюжеты истории русской литературы XX в. Одним из сквозных сюжетов 2-й книги 5 тома «Летописи...» является история отношений А. К. Воронского и С. А. Есенина. Обнаружение неизвестного дневника И. В. Евдокимова позволило раскрыть его роль в издании собрания сочинений С. А. Есенина. «Летопись...» показала присутствие забытого писателя С. Ф. Буданцева в мероприятиях по увековечиванию памяти поэта. Обзор завершающей книги «Летописи...» дает основание для вывода, что исследование литературной биографии и творчества поэта не покрывает тему, а, напротив, убедительно демонстрирует

перспективы для ее дальнейшей разработки; открывает новые возможности для реконструкции достоверной истории русской литературы первой половины 1920-х гг.

Ключевые слова: биографические материалы; русская поэзия; русские поэты; литературное творчество; литературная критика; имажинисты.

Для цитирования: Малыгина, Н. М. Сюжеты будущей истории русской литературы XX века в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» / Н. М. Малыгина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 209–213. – DOI: 10.26170/FK20-01-21.

For citation: Malygina, N. M. (2020). Plots of the Future History of 20th Century Russian Literature in "The Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin". In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 209–213. DOI: 10.26170/FK20-01-21.

Вышла вторая книга завершающего пятого тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина», посвященная последним дням жизни поэта. Книга содержит дополнения и уточнения к первым пяти томам, многочисленные отклики на смерть Есенина, сведения о материалах, посвященных памяти поэта. Кроме того, более трехсот страниц посвящено справочным материалам, среди которых указатели произведений Есенина, его прижизненных книг, сборников с участием Есенина, топонимический указатель, большой указатель имен, хроника подготовки к изданию Собрания стихотворений Есенина, приложение.

Во второй книге завершающего пятого тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» собран уникальный материал, позволяющий проследить, почти по минутам, хронику последних дней жизни поэта. Трагический финал жизни поэта, несмотря на приведенные документы о расследовании обстоятельств его смерти, оставляет ощущение недосказанности, создается впечатление, что результаты расследования недостаточно убедительны.

Воспоминания о том, как прошли дни поэта накануне самоубийства, позволяют заметить, что людям, которые оказались рядом с Есениным, трудно давалось общение с ним. Поэт решил покинуть Москву, родственников и близких, которые пытались его лечить, но ему не удалось убежать от своей болезни. У Есенина были преданные ему люди, но именно их помощь он отказывался принять.

Современники высказывали несколько точек зрения на причины гибели тридцатилетнего поэта. Г. Бениславская и ее единомыш-

ленники считали, что в трагическом финале жизни Есенина виновато его окружение, те приятели, которые пользовались его славой и деньгами, и оказывали на него губительное влияние [Шубникова-Гусева 2008: 163]. Г. Бениславская была убеждена, что если бы удалось оградить и уберечь поэта от дурного влияния корыстных псевдо друзей, его можно было спасти [Шубникова-Гусева 2008: 193].

Анна Ахматова считала, что к гибели привели поэта причины внутреннего характера. Проблему она видела в том, что он сам хотел умереть.

Свидетели его последних дней меняли свои показания на противоположные. То утверждали, что он приехал в Ленинград, чтобы умереть, то говорили, что он приехал в Ленинград, т. к. хотел работать.

Летопись позволит внимательному читателю самому принять то мнение, которое ему покажется более убедительным.

Удивительная особенность летописи в целом и ее последнего тома в частности состоит в том, что, несмотря на огромный материал, который содержится в этих больших книгах, они не создают впечатления, что о Есенине все собрано и все сказано, а напротив, открывают перспективы для дальнейших более детальных исследований его биографии и творчества.

«Летопись жизни и творчества С. А. Есенина» раскрывает богатый материал для углубления существующих представлений о литературном процессе середины 1920-х годов и его участников.

Дополнения и уточнения к первым пяти томам летописи, которые в новой книге зани-

мают более ста страниц, представляют собою фактически открытия, сделанные авторами этого многотомного издания за последние годы.

Тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» издаются с 2003 г., в них публикуются неизвестные документы из Отдела рукописей ИМЛИ РАН и целого ряда других архивов. Сегодня трудно поверить, что только в начале XXI века исследователям впервые открылись многие события отечественной истории и истории русской литературы.

Судьба Есенина, его отношения с современниками продолжают вызывать множество вопросов. Многие аспекты взаимоотношений и творческих связей поэта с его литературным окружением были обстоятельно исследованы в монографии Т. К. Савченко [Савченко 2014].

Среди людей, входивших в ближайшее окружение Есенина, многие были репрессированы (в том числе сын поэта и А. Изрядновой, В. Мейерхольд, убиита З. Райх), а их имена на десятилетия вычеркнуты из жизни и из истории культуры.

Современники расходились во мнениях, пытаясь определить, было ли оправдано решение Есенина войти в группу имажинистов, пошло ли на пользу поэту участие в этом литературном объединении?

Одним из сквозных сюжетов истории русской литературы XX в. является судьба выдающегося критика 1920-х гг., создателя журнала «Красная новь», артели писателей и издательства «Круг», организатора литературной группы «Перевал» А. К. Воронского.

Творческие связи С. А. Есенина с А. К. Воронским рассматривались в исследовании Т. К. Савченко [Савченко 2014: 264–265]. В «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» приведены новые, неизвестные прежде факты, свидетельствующие о характере участия Воронского в судьбе Есенина. «Летопись...» открывает возможность продолжить разработку этого сюжета, содержит сведения о материалах, позволяющих расширить и уточнить историю отношений Воронского и Есенина.

Воспоминания давней знакомой Воронского революционерки-подпольщицы Поповой, отбывавшей одновременно с ним в 1909 г. ссылку в Яренске, сохранившиеся в личном

архиве семьи Воронского, опровергают мнение Г. Бениславского об отрицательном отношении Воронского к поэту. Редактор «Красной нови», по ее свидетельству, говорил о Есенине: «...ты, прежде всего, запомни, что он необыкновенно красив. Я по секрету признаюсь, что он мой любимец». Мемуаристка вспоминала встречу в «Национале», где Воронский жил в то время с семьей: «А. К. и Есенин сидели, обнявшись, на диванчике. Он сказал Есенину: „Это моя приятельница по ссылке“, а мне сказал: „Ты помнишь, что тебе говорил. Теперь поверишь?“ Достал книжку Есенина, заставил его прочесть „Письмо к матери“. „Кто еще так писал, как Сережа?“ Я молчу. „Никто“. И обнял его» [Попова. Наш университет // Из архива семьи Воронских. л. 10].

Во второй книге завершающего пятого тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» большое место занимают уникальные иллюстрации. Среди них привлекает внимание копия автографа записки А. Воронского об организации похорон поэта за государственный счет. В «Летописи» можно найти подтверждение того, что именно Воронский был инициатором решения об организации похорон поэта за государственный счет. Записка от 30 декабря 1925 года написана рукой Воронского и в ней можно заметить поправку: первоначально автор записки писал ее от себя: «Считаю необходимым и целесообразным похороны поэта Есенина взять на государственный счет...» и первым подписал, затем изменил единственное число слова «считаю» на множественное: «считаем» и сбоку были поставлены подписи А. Я. Аросева и Я. Н. Дробниса. Под этими тремя подписями решение было официально утверждено [Летопись 2018: 565].

А. К. Воронский контролировал подготовку собрания сочинений С. А. Есенина, начатого еще при жизни поэта, сумел настоять на публикации «Страны негодяев» в этом издании. Есенин хотел, чтобы именно статьи Воронского были вступительными к томам его собрания сочинений.

«Летопись жизни и творчества С. А. Есенина» дает понять, как повезло собранию сочинений С. А. Есенина, и оно успело выйти в свет при поддержке Воронского, до того, как он был отстранен от ведущей роли в ли-

тературном процессе. Слухи об отстранении Воронского от должности редактора «Красной нови» начали распространяться в феврале-марте 1927 г., а в конце года он был официально уволен из редакции журнала.

Обнаружение нового архивного источника – ранее не публиковавшегося и неизвестного исследователям дневника прозаика И. В. Евдокимова, тоже косвенно подтверждает влияние Воронского на судьбу издания собрания сочинений С. А. Есенина. И. В. Евдокимов был не только участником группы «Перевал», но, по свидетельству В. В. Полонского, человеком из близкого окружения Воронского. Содержание дневника И. В. Евдокимова позволило установить, какую роль он сыграл в работе над завершением издания собрания сочинений поэта, взявшись за его редактирование, отбор и подготовку текстов.

Указатель имен «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» позволяет заметить, что в издании (во всех пяти томах) более тридцати раз упоминается С. Ф. Буданцев. В иллюстрациях к летописи помещены фотографии, на которых С. Ф. Буданцев запечатлен рядом с родственниками Есенина во время поездки писателей в Константиново после смерти поэта. Сегодня С. Ф. Буданцев почти забыт, мало кто вспоминает, что он был земляком С. А. Есенина, а в начале его творческого пути стихи Буданцева печатались в журнале «Млечный путь» почти одновременно с публикациями Есенина.

Представленный в «Летописи...» материал о С. Ф. Буданцеве даст возможность дополнить сведения о биографии и творчестве писателя с трагической судьбой [Малыгина 2018: 428–478]. Интерес Буданцева к Есенину был отмечен в монографии Т. К. Савченко [Савченко 2014: 385–386]. В завершающей книге

«Летописи...» сообщается об отклике С. Ф. Буданцева на женитьбу Есенина на С. Толстой; упоминается, что в январе 1926 года Буданцев с Есениным фигурируют в «Агентурно-осведомительной сводке...», свидетельствующей о том, что писатели общались; известно, что С. Ф. Буданцев в составе делегации ВСП совершал поездку в Константиново [Летопись 2018: 211, 249, 479].

В «Летописи...» сказано о событиях, в которых участвовал Есенин во время своего заграничного путешествия, и об их широком резонансе. Переведены со многих языков публикации из иностранной печати.

Пристального внимания заслуживает тщательно составленный «Путеводитель по местам пребывания и поездок Есенина» (Итинерарий) [Летопись 2018: 1131–1143]. Этот документ содержит богатый материал для размышлений о трагической судьбе поэта, позволяет понять, что Есенин всю свою жизнь был странником, у него никогда не было собственного угла, он постоянно переезжал с места на место и чувствовал себя неприкаянным.

Летопись завершена, коллектив есенинской группы ИМЛИ РАН, в последние годы возглавляемый известным есениноведом Н. И. Шубниковой-Гусевой, проделал работу огромного масштаба: издано семь книг «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» [Летопись 1: 2003; Летопись 2: 2005; Летопись 3 (1): 2005; Летопись 3 (2): 2008; Летопись 4: 2010; Летопись 5 (1): 2013; Летопись 5 (2): 2018]. Тысячи страниц хроники жизни и творчества Есенина не испугают его почитателей, т. к. они знают, что их ждет увлекательное чтение. Время подтвердило правоту Есенина: он был и остается одним из самых лучших и любимых поэтов России. И это понимают не только на Родине, но во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. – Москва: ИМЛИ РАН, 2003. – Том 1: 1895–1916. – 736 с.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. А. Н. Захаров. – Москва: ИМЛИ РАН, 2005. – Том 2: 1917–1920. – 760 с.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. А. Н. Захаров. – Москва: ИМЛИ РАН, 2005. – Том 3: 1921–1923. Книга 1: 1921–10 мая 1922. – 476 с.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. А. Н. Захаров. – Москва: ИМЛИ РАН, 2008. – Том 3: 1921–1923. Книга 2: 10 мая 1922–2 авг. 1923. – 575 с.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. – Москва: ИМЛИ РАН, 2010. – Том 4: 3 авг. 1923–1924. – 736 с.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 т. / гл. ред. Н. И. Шубникова-Гусева. – Москва: ИМЛИ РАН, 2013. – Том 5. Книга 1. Январь – 23 декабря 1925.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина / составление Н. И. Шубниковой-Гусевой; авторы: Т. К. Савченко, С. А. Серегина, М. В. Скороходов [и др.]. – Москва: ИМЛИ РАН, 2018. – Том 5: 24 декабря 1925 – середина 1926. Книга 2. Справочные материалы. – 1160 с.

Малыгина, Н. Сергей Буданцев – друг Андрея Платонова / Н. Малыгина // Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 2018. – С. 428–478.

Савченко, Т. К. Есенин и русская литература XX века. Влияния, взаимовлияния, литературные связи / Т. К. Савченко. – Москва: Русский Мир, 2014. – 560 с.

Шубникова-Гусева, Н. Сергей Есенин и Галина Бениславская / Н. Шубникова-Гусева. – Санкт-Петербург: Росток, 2008. – 480 с.

REFERENCES

Malygina, N. (2018). Sergey Budantsev – drug Andreya Platonova [Sergey Budantsev – a Friend of Andrei Platonov]. In *Andrei Platonov i literaturnaya Moskva: A. K. Voronskii, A. M. Gor'kii, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman*. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History, pp. 428–478.

Prokushev, Yu. L. (Ed.). (2003). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 1: 1895–1916. 736 p.

Savchenko, T. K. (2014). *Esenin i russkaya literatura XX veka. Vliyaniya, vzaimovliyaniya, literaturnye svyazi* [Esenin and Russian Literature of the XX Century. Influences, Mutual Influences, Literary Relations]. Moscow, Russkii Mir. 560 p.

Savchenko, T. K., SerEGINA, S. A., Skorokhodov, M. V., et al. (2018). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.] / ed. by N. I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IMLI RAN. Vol. 5: 1925 – mid-1926. B. 2: December 24, 1925 – mid-1926. Reference materials. 1160 p.

Shubnikova-Guseva, N. (2008). *Sergey Esenin i Galina Benislavskaya* [Sergey Esenin and Galina Benislavskaya]. Saint Petersburg, Rostok. 480 p.

Shubnikova-Guseva, N. I. (Ed.). (2010). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 4: Aug. 3, 1923–1924. 736 p.

Shubnikova-Guseva, N. I. (Ed.). (2013). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 5: 1925 – mid-1926. B. 1: January – December 23, 1925. 832 p.

Zakharov, A. N. (Ed.). (2005). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 2: 1917–1920. 760 p.

Zakharov, A. N. (Ed.). (2005). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 3: 1921–1923. B. 1: 1921 – May 10, 1922. 476 p.

Zakharov, A. N. (Ed.). (2008). *Letopis'zhizni i tvorchestva S. A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of the Life and Work of S. A. Esenin, in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 3: 1921–1923. B. 2: May 10, 1922 – Aug. 2, 1923. 575 p.

Данные об авторе

Малыгина Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: ninmal@yandex.ru.

Author's information

Malygina Nina Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Leading Researcher, Institute of World Literature Russian Academy of Science (IWL RAS) (Moscow, Russia).

«ВАСИЛИЙ ШУКШИН – АКТУАЛЬНЫЙ КЛАССИК?»

(Итоги круглого стола

в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума)

УДК 821.161.1-32(Шукшин В. М.). DOI 10.26170/FK20-01-22. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44.
ГРНТИ 17.82.09. Код ВАК 10.01.08

Цветова Н. С.

Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>

Natalia S. Tsvetova

Saint-Petersburg State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>

“IS VASILY SHUKSHIN A MODERN CLASSIC?”

(Review of the Round Table Discussion at St. Petersburg International Cultural Forum)

Abstract. The article contains a review which lays out the main concepts of reports and speeches by leading experts in the history of Russian literature of the second half of the twentieth century from Russia, Belarus, Bulgaria, and Germany. The reports and speeches under revision were made at the round table discussion dedicated to the 90th anniversary of V. M. Shukshin, held on November 15, 2019 within the framework of the St. Petersburg international cultural forum (section “Education”). The key issue for discussion is included in the title of the round table “Is Vasily Shukshin a modern classic?” The author argues that the scholars spoke mainly about the issues of literary anthropology, and most actively used a variety of analytical methods developed in line with the mythopoeic approach to the literary text. Especially significant were the attempts to find a modern language to characterize the universally gifted person and the modern literary situation.

Key words: interpretation codes; Russian writers; literary creative activity; international cultural forums.

Аннотация. В статье-обзоре изложены концепции докладов и выступлений ведущих специалистов по истории русской литературы второй половины XX века из России, Беларуси, Болгарии, Германии. Реферлируемые доклады и выступления прозвучали на круглом столе, посвященном 90-летию В. М. Шукшина, состоявшемся 15 ноября 2019 года в рамках Петербургского международного культурного форума (секция «Образование»). Ключевая для обсуждения проблема вынесена в название круглого стола «Василий Шукшин – актуальный классик?» Автор утверждает, что исследователи говорили преимущественно о проблемах литературной антропологии, активнее всего использовали разнообразные аналитические методики, разработанные в русле мифопоэтического подхода к литературному тексту. Особенно значительными видятся попытки поиска современного языка для характеристики универсально одаренной личности и современной литературной ситуации.

Ключевые слова: коды прочтения; русские писатели; литературное творчество; международные культурные форумы.

Для цитирования: Цветова, Н. С. «Василий Шукшин – актуальный классик?» (итоги круглого стола в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума) / Н. С. Цветова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 214–219. – DOI: 10.26170/FK20-01-22.

For citation: Tsvetova, N. S. (2020). “Is Vasily Shukshin a Modern Classic?” (Review of the Round Table Discussion at St. Petersburg International Cultural Forum). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 214–219. DOI: 10.26170/FK20-01-22.

15 ноября 2019 года в Санкт-Петербургском государственном университете состоялся круглый стол, посвященный 90-летию со дня рождения В. М. Шукшина. Научная дискуссия

«Василий Шукшин – актуальный классик?» прошла в рамках Международного Санкт-Петербургского форума (общая тема – «Культурные коды в условиях глобализации»), собрала

огромную и разнообразную по составу аудиторию.

Это событие стало в определенном смысле юбилейным для СПбГУ. Ноябрь 1984 года вошел в историю науки о русской литературе первой международной конференцией, посвященной прозе В. М. Шукшина, под председательством профессора Леонида Федоровича Ершова. О феноменальности творчества Шукшина в контексте «сибирской литературы» размышляли В. В. Кожин, Н. А. Грознова, В. А. Ковалев, А. И. Хватов и др.

Спустя 35 лет, когда предельно актуализировались проблемы сохранения самобытности народов, проблемы аксиологические, чрезвычайно актуальным оказался разговор о месте выдающегося художника в истории русской культуры XX века. Важными и значительными видятся попытки наметить новые подходы для анализа его творчества в антропологическом и художественном аспектах, попытки поиска современного языка для характеристики универсально одаренной личности и современной литературной ситуации. Для обсуждения организаторами был предложен целый ряд вопросов, которые могут повлиять на исследовательские перспективы не только шукшиноведения: актуальность Шукшина – ностальгическая или проективная? Открытия художника и их востребованность: психология? поэтика? суггестия? Свобода творчества: чего не боялся Шукшин? Почва художника – что осталось? Русский гений без наследников: что с нами происходит?

Открывали диалог, модераторами которого стали профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ Н. С. Цветова, старший научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ О. В. Богданова, европейские слависты. Профессор Шуменского университета Ивайло Петров (Болгария) – автор диссертации о творчестве В. М. Шукшина, размышлял о возможных вариантах актуализации литературных текстов, включенных в школьную программу, через использование театральных опытов, документальных рассказов писателя, через возвращение к разинской теме, которая, по убеждению исследователя, и определяет феноменальность Шукшина-художника.

Уте Маргграф – доктор филологии, выпускница Ленинградского государственного университета (1982), аспирантуры ИРЛИ РАН (1984), автор более 100 научных исследований, посвященных поэтике русской прозы XX века, научный сотрудник Института славистики Университета Эрнста-Моритца-Арндта (Германия, Грайфсвальд), остановилась на влиянии Шукшина на самоидентификацию россиян. С ее точки зрения, Шукшин сегодня актуален потому, что в поиске ответа на вопрос «Что с нами происходит?» он призывал своих читателей не к поиску внешнего врага, а к самоанализу, к глубочайшей рефлексии.

Заведующая кафедрой литературы Витебского государственного университета имени Машерова Елена Владимировна Крикливец говорила о необходимости выявления современного кода прочтения литературных текстов Шукшина, который пока приходит к читателю, в школу только через кино и театр. Е. В. Крикливец, отметив предельное внимание Шукшина-прозаика к мифопоэтическим архетипам, к их взаимодействию с отдельными элементами романтической, модернистской и постмодернистской эстетики, попыталась описать основные способы обращения к мифологическим структурам. Отметила, например, что сюжетно-композиционная организация повести «Калина красная» соотносится с евангельской притчей о блудном сыне, что позволило художнику раскрыть ряд экзистенциальных вопросов.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Москва) Алла Юрьевна Большакова сосредоточилась на развитии одного из ключевых аспектов темы, предложенной белорусской коллегой. Основная часть доклада была посвящена поэтике В. Шукшина: его опытам по обновлению реалистических принципов через модернистское мироощущение – в частности, через темпоральную полифонию, свидетельствующую о торжестве субъектных форм мировидения (автора, героя, читателя) и сближающую стиль шукшинского письма с опытами модернистского толка. Кроме того, известный литературный критик многие положения рассматривала в контексте ревизии все чаще звучащих в массмедиа суждений, направленных на снижение значения Шукшина в ли-

тературном процессе. Были обозначены два вектора такого снижения: подмена творчества биографической личностью, в частности, текста – стилем одежды (фарсовая интерпретация клише «герой в кирзовых сапогах»); снижение через неоправданное возвышение (фарсовая интерпретация средневековой традиции в прозе Шукшина).

Общий пафос выступления А. Ю. Большаковой – особая актуальность творческого наследия ведущих представителей «деревенской прозы».

Принципиально новые аналитические подходы к творчеству В. Шукшина предложили ученые из Иркутского, Ульяновского технического и Воронежского университетов. Выступление профессора И. И. Плехановой (Иркутск) о провокации как легализованном в XX веке принципе художественной деятельности («Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов»). По мнению одного из самых авторитетных исследователей русской литературы XX-XXI веков, Шукшин-провокатор побуждал к переоценке смыслов, к перевороту в сознании, к ответственным поступкам. Самое радикальное выражение этой позиции – уподобление Степана Разина Христу. Жестокий вождь поднял людей на восстание за идеал: «Я пришёл дать вам волю» – и, заплатив жизнью, превратил массу в народ. Особенность «высокой провокации» – в апологии природного разума. Обаятельные чудики – не юродивые, они глубоко размышляют, равно как и злобные манипуляторы. Парадоксы сознания требуют разгадки. Авторские мотивы вызова – несогласие художника с нормой и догмой, вынужденное положение «подпольного человека» («нерасшифрованного бойца»), верность жестокой правде. Провокации-побуждения к открытию совершаются мыслью («Забуксовал»), поступком («Миль пардон, мадам!»), осмеянием («Пьедестал»), сочувствием-осуждением («До третьих петухов»). Профессор И. И. Плеханова настаивала: мышление Шукшина – образец интеллектуальной честности сознания, живущего страстями. Его провокации эвристические, поскольку захватывают глубиной видения проблем и побуждают к пониманию через сопереживание.

Взгляд профессора Ульяновского технического университета А. А. Дырдина определяется традициями ленинградской-петербургской литературоведческой школы. Его выступление «Национальная топика в поздней прозе В. М. Шукшина» было посвящено «эстетическому коду, обусловившему целостность художественной мысли Шукшина». Отмечалось, что вместе с тяготением к простоте стиля и реалиям деревенской жизни Шукшина отличает глубинная эстетико-философская рефлексия. Наряду с выдвиганием правды в качестве жизнестроительного идеала, умением проникать в глубь человеческой души ему присуще постоянное обращение к устойчивым формам русского самосознания, народно-поэтическим константам, литературным архетипам. Общие места отечественной культуры и литературной классики (Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Шолохов), трансформированные в образах-понятиях и образах-характерах, направляют движение сюжета шукшинских произведений, определяют его смысловое наполнение. Выявляя у Шукшина феномен юродства, исследователь возвращался к этнопоэтическим комплексам, сквозным мотивам русской культуры. С его точки зрения, это – своеобразный внутренний вектор формирования авторского текста. Антиномии и парадоксальность национального характера, постановка «проклятых» вопросов («Забуксовал»), прием аллюзивной иронии в рассказе «Беспальный» (отсечение героем пальцев на руке), отсылающий к истязаниям плоти в религиозных преданиях, у Аввакума, в «Отце Сергии» Толстого, метафизический подтекст событий («Осенью»), фольклорная прототипизация в повести-сказке «До третьих петухов» связали телеологию писателя с нравственными и творческими аксиомами отечественной словесности. Национальная топика является объяснительным планом образно-символического пространства его произведений. Целостность художественной мысли Шукшина обуславливает именно этот эстетический код.

Чуть позже к «антропологии жизни и смерти в прозе В. М. Шукшина» предложит возвратиться А. И. Смирнова, зав. кафедрой русской литературы Московского городского педагогического университета. На материале

рассказов «Светлые души», «Далекие зимние вечера», «Воскресная тоска», «Охота жить», «Как помирал старик», «Земляки», «Дядя Ермолай», «Осенью» и др. будут проанализированы концепты жизнь и смерть в свете художественной антропологии автора, определены функции мотивов судьбы, радости бытия, смерти в сюжетно-композиционной организации текста, установлены ценностные доминанты прозы писателя, ее связь с современной литературой.

Как развитие исследовательской программы, предложенной А. А. Дырдиным, было воспринято и выступление профессора А. С. Собенникова (Санкт-Петербург), посвященное «аксиологической доминанте прозы В. М. Шукшина» – правде как одной из высших ценностей в русском национальном сознании. В художественном мире В. М. Шукшина Правда определяет этику и эстетику писателя: правда жизни, правда характера, правда слова и поступка. Все они связаны с социальным и временным, но для писателя за частными «правдами» открывалась иная Правда – основа национального бытия.

Ответной репликой профессору А. А. Собенникову прозвучало выступление доцента РГПУ им. Герцена В. В. Артамоновой (Санкт-Петербург), считающей ключевым «нравственно-аксиологическим ориентиром» Шукшина жалость. С ее точки зрения, тема жалости в творчестве художника имеет самый сложный генезис. Не случайно именно эта тема была, в первую очередь, принята новейшей «рубежной» литературой (З. Прилепиным, А. Варламовым, С. Шаргуновым).

Заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков, доктор филологических наук, профессор Т. А. Никонова, оппонируя в какой-то степени коллегам, выявила основания для разговора о принципиальном новаторстве художника. Автор многочисленных статей о традиционной литературе утверждала: «деревенская» проза, к которой по привычке относят В. Шукшина, не предложила нового решения проблемы личностного самоутверждения, которая особенно остро встала после Великой Отечественной войны. Одно из возможных решений поставленной проблемы – только в прозе В. Шукшина, отразившей размышления писателя о человеческой

природе в изменившейся социальной реальности.

Т. А. Никонова обратила внимание на то, что сюжеты рассказов писателя в своем большинстве сосредоточены вокруг проблемы личностной самоидентификации героев. Например, сюжетобразующим началом в рассказе «Срезал» становится потребность самоутверждения героя, претендующего на особую роль в глазах окружающих. Глеб Капустин, проигрывает перед мужиками-зрителями привычный спектакль унижения городского гостя, в котором «противнику» отводится заведомо слабая позиция. Жестко реализуя свой сюжет, Капустин манипулирует чувствами собеседника, навязывает ему роль статиста. Подобные манипулятивные сюжеты нередки в рассказах В. Шукшина, воспринимаются как часть той агрессии, которую писатель наблюдал в своих современниках, независимо от их местожительства. Для писателя такие ситуации таят в себе большую опасность, так как ведут к деформациям не только отдельной личности, но человеческой природы в целом. Естественная тревога писателя продиктовала ему вопрос, адресованный своим современникам: «Что с нами происходит?», остающийся до сих пор открытым и заставляющий обратиться к изучению шукшинской антропологии. Профессор Т. А. Никонова заключила: постановка вопросов такого масштаба и такой непреходящей актуальности свидетельствует о том, что перед нами – классик, художественный опыт которого востребован отечественной и мировой литературой.

Идеи Т. А. Никоновой получили отклик в выступлении доцента Воронежского государственного университета А. В. Фроловой («Родовое и индивидуальное в сюжете героя Василия Шукшина»), говорившей о тех героях прозы В. М. Шукшина, которые живут между городом и селом, между нормой и антинормой, любовью и ненавистью, и заведующей кафедрой русской литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры М. К. Лопачевой, посвятившей свое выступление, наоборот, «ясноглазым» сибирякам В. Шукшина. М. К. Лопачева поддержала идею Т. А. Никоновой о классической форме сугубо «антропологического» литературного текста, напомнив известную форму-

лу Н. С. Гумилева: «классиками принято считать прежде всего тех авторов, в чьих текстах проверенные временем глубина и значительность мысли нашли „достойные одежды безупречных форм“. Это художники, которые „привели“ в литературу не только незабываемых героев, но открыли новые литературные типы». Подходит ли по данным параметрам творчество В. Шукшина под определение «классика»? Чтобы ответить на этот вопрос, считает исследователь, необходимо выявление генезиса и своеобразия шукшинских характеров в широком культурно-историческом контексте, внимательное всматривание в его ресентиментных демагогов и «ясноглазых сибирячков», в чьем мироощущении порой оксюморонно совмещены «ноющее сердце» и ассертивность, тоска по гармонии и склонность к трансгрессии, взволнованность толстовскими «злыми» вопросами и «достоевщина». Иными словами, сегодня актуально рассмотрение шукшинских типов в соотношении с обширными дискурсами русской классики двух последних веков.

Представители московской литературоведческой школы были сосредоточены на разных формах художественной презентации исторического дискурса в творчестве В. М. Шукшина. Самое неожиданное для большинства историко-литературное сближение было представлено профессором МГПУ В. К. Сиговым в выступлении «Горький: опыт Василия Шукшина». В. К. Сигов утверждал, что сюжетно-образные «схемы» романтических произведений Горького интертекстуально актуализируются Шукшиным в жизнеподобных рассказах, создавая дополнительные планы непрямого художественного высказывания. Прежде всего потаенный художественно-философский диалог Шукшина с Горьким касается идеи пролетарского писателя о творческой несостоятельности русского крестьянства. Позиция Шукшина диаметрально противоположна, выражена при создании фарсово-аллегорического образа Деда-«Ленина» в повести-сказке «Точка зрения», в размышлениях о ключевом событии советской истории, трагическом для его семьи – периоде коллективизации.

В выступлении доктора филологических наук, профессора кафедры XX века Московского государственного областного универ-

ситета Н. М. Щедриной рассматривался тип сознания исторического и вымышленного героя в произведениях В. Шукшина. Н. М. Щедрина подчеркнула, что для писателя является важным в том и другом типе: проблема крайностей и середины, духовного брожения, неуспокоенности, противоречивости, ненависти и сострадания, несоответствия масштаба личности и ее жизненного пути. Шукшин постигает своих героев через призму своего авторского «я», наделяя их своими сокровенными мыслями, собственной жизненной философией, вступая в прямой диалог с читателем.

Аудитория с особым вниманием отнеслась к ученым, представляющим алтайское литературоведение, к специалистам, которые работали над подготовкой девяти томного собрания сочинений В. М. Шукшина. А. И. Куляпин, выступление которого вызвало самую оживленную реакцию зала, предложил поразмышлять о семиотическом потенциале универсальных архетипических мотивов подсматривания и подслушивания, обратил внимание на то, что неприметность, переходящая в «невидимость», шукшинских вуайеристов объясняется их низким социальным статусом. Все герои Шукшина хотели бы напомнить окружающим о своем существовании. Они стремятся стать актерами или даже режиссерами того спектакля, который разворачивается на огромной сцене реальной жизни.

Профессор Алтайского государственного университета Т. В. Чернышова предложила вспомнить о Шукшине-публицисте, задуматься о «содержательно-формальных средствах гармонизации взаимодействия автора и адресата». Популярность Шукшина-публициста, с точки зрения известного специалиста по медиакommunikации, обусловлена конструктивной авторской позицией (социальной направленностью, диалогичностью, отсутствием однозначности в выводах; богатством композиционно-стилистической структуры; долгим жизненным циклом текстов и др.), согласованностью параметров коммуникантов (совпадением или близостью ментальных, концептуальных, когнитивных систем автора и адресата; приоритетностью точки зрения адресата при интерпретации события); ориентацией автора на определенную

модель мира, являющуюся основой концептосферы «своего» читателя.

Значительная часть слушателей дискуссии – студенты Санкт-Петербургского государственного университета, которые эмоционально реагировали на выступления известных писателей и публицистов: главного редактора газеты «Культурный Петербург», профессора СПбГУ С. Н. Ильченко, заместителя главного редактора журнала «Отечественные записки», поэта А. А. Шорохова, устанавливающего «цивилизационную преемственность творчества Шукшина с новокрестьянскими поэтами».

Юбилейное мероприятие включало и праздничные моменты, такие как выступление заместителя главного редактора журнала «Родная Ладога», поэтессы В. В. Ефимовской,

вручившей шукшиноведам-авторам монографических исследований памятные медали Союза писателей России; юбилейную выставку, созданную А. В. Пантелеевым; выступление фольклорного ансамбля СПбГУ под руководством Екатерины Владимировны Головкиной, подготовившей специальную программу «Песни Родины Шукшина».

Зал студенческого центра Санкт-Петербургского университета собрал более сотни поклонников Шукшина. Разговор о творчестве выдающегося художника длился более трех часов. Прозвучало около двух десятков выступлений. А расходились с ощущением недосказанности, незавершенности, неисчерпанности темы. Но было сделано главное – актуализирован ключевой призыв художника – читайте и думайте!

Данные об авторе

Цветова Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199 034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: cvetova@mail.ru.

Author's information

Tsvetova Natalia Sergeevna – Doctor of Philology, Professor of the Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 25. 2020. № 1

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата выхода в свет 31.03.2020. Формат 70×90/16. Бумага для множительных аппаратов.
Печать на ризографе. Гарнитура *Alegreya*. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 25,39.
Тираж 500 экз. Заказ 5127

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26